

±>B

Х 600.3

482

В. Т. НОР

ЗАЩИТА
ИМУЩЕСТВЕННЫХ
ПРАВ
В УГОЛОВНОМ
СУДО-
ПРОИЗВОДСТВЕ

ОУЛЦА ШКОЛАН

В. Т. НОР

ЗАЩИТА
ИМУЩЕСТВЕННЫХ
ПРАВ
В УГОЛОВНОМ
СУДО-
ПРОИЗВОДСТВЕ

Киев
Головное издательство
издательского объединения
„Вища школа”
1989

2629.3

ББК 67.99(2)93

Н82

Рецензенты:

д-р юрид. наук *А. Я. Светлов* (Ин-т государства и права АН УССР);
д-р юрид. наук *Ю. М. Грошевой* (Харьковский юрид. ин-т).

Редакция литературы по истории и праву

Редактор *Т. А. Ленская*

Нор В. Т.

Н82 Защита имущественных прав в уголовном судопроизводстве. — К.: Выща цк. Головное изд-во, 1989. — 275 с.

ISBN -5-11-000306-8.

В монографии исследуются уголовно-процессуальные способы (формы) защиты имущественных прав потерпевших от преступления лиц: уголовно-правовая реституция (возвращение имущества), возмещение причиненного ущерба посредством гражданского иска, а также по инициативе суда. Вносятся предложения по совершенствованию действующего законодательства, практические рекомендации, направленные на повышение эффективности уголовно-процессуальных способов защиты имущественных прав и интересов потерпевших лиц.

Для преподавателей, научных и практических работников.

Н 1203021300-123 90-89
M211(04)-89

ББК 67.99(2)93

ISBN 5-11-000306-8

© Издательское объединение
„Выща цикола”, 1989

Масштабность и сложность задач по достижению качественно нового состояния социалистического общества, выдвинутых XXVII съездом КПСС, предполагает решительное повышение эффективности всего общественного производства, всех государственных и правовых институтов. В этой связи правоохранительные органы должны, опираясь на поддержку трудящихся масс, общественности вести решительную борьбу со всем, что чуждо трудовой природе нашего общества — тунеядством, взяточничеством, нетрудовыми доходами [5, 46—47], „со всеми паразитирующими элементами, теми, кто пытается жить за счет других, за счет общества” [6, 44]. Решение этих задач предполагает перестройку работы судов, прокуратуры, милиции, других правоохранительных органов с тем, чтобы они надежно обеспечивали защиту интересов государства и прав граждан, еще эффективнее вели борьбу с правонарушениями и преступностью [7].

Однако эффективная борьба с преступностью, особенно с такими ее общественно опасными проявлениями, как хищения, уничтожение и порча государственного и общественного имущества, а также имущества граждан, бесхозяйственностью, с преступными деяниями, направленными против жизни и здоровья граждан, на извлечение нетрудовых доходов и прочими, немислима без восстановления нарушенного преступлением имущественного положения потерпевших (граждан и юридических лиц) за счет материальных средств виновных в совершении преступления. Именно поэтому возмещение причиненного преступлением материального ущерба, использование иных мер защиты нарушенных имущественных прав и интересов названных лиц — одна из важных задач ведущих уголовный процесс органов. От полноты и оперативности ее решения в значительной мере зависит и успех борьбы с преступностью.

Действующий уголовно-процессуальный закон предусматривает специальный процессуальный механизм правового регулирования, приведение в действие которого обеспечивает устранение вредных имущественных последствий преступления и тем самым защиту нарушенных имущественных прав и интересов потерпевших. Этот механизм включает несколько процессуальных средств (способов): а) возмещение причиненного преступлением имущественного ущерба посредством предъявления, рассмотрения

и разрешения гражданского иска в уголовном деле; б) возмещение ущерба по собственной инициативе суда; в) восстановление нарушенной имущественной сферы потерпевших от преступления лиц путем возвращения им объектов (предметов) преступного посягательства — вещественных доказательств в уголовном деле (уголовно-правовая реституция); г) возложение на осужденного уголовно-правовой обязанности устранить (загладить) вредные имущественные последствия преступления.

Реализация каждого из перечисленных способов защиты в уголовном процессе нарушенных прав рассчитана законодателем на определенную им правовую ситуацию и зависит от характера нарушения имущественных прав, от активности потерпевших лиц в их защите, от вида субъекта, которому причиняется материальный ущерб (гражданин или юридическое лицо), от его способности надлежащим образом защитить свои имущественные права и интересы и т. п. Нет сомнений в том, что среди всех перечисленных способов защиты наиболее распространенным в правоприменительной практике является предъявление и разрешение гражданского иска в уголовном деле. Этим и объясняется повышенный интерес со стороны теории уголовного процесса к данному уголовно-процессуальному средству защиты. Кроме того, гражданский иск в уголовном процессе,

во-первых, проблема многоаспектная с точки зрения его динамики: производство по нему может „проходить” через все стадии уголовного процесса;

во-вторых, будучи по своей процессуальной природе уголовно-процессуальным институтом, он тем не менее имеет комплексный характер: в нем реализуются нормы гражданского процессуального и многих отраслей материального права;

в-третьих, данное уголовно-процессуальное средство защиты нарушенных преступлением имущественных прав характеризуется высокой степенью эффективности;

в-четвертых, несмотря на детальную регламентацию производства по гражданскому иску уголовно-процессуальным законом, все же остается немало вопросов, не урегулированных им и, как результат, не находящих единообразного решения в правоприменительной практике. В свою очередь, это ведет к обострению дискуссии в уголовно-процессуальной доктрине по поводу законности и целесообразности такой практики.

Проблема гражданского иска в уголовном деле постоянно находится в поле зрения ученых-процессуалистов и практиков. Только за период действующего уголовно-процессуального законодательства институт гражданского иска в целом или отдельные его аспекты были предметом исследования в монографиях П. П. Гуреева (1961), А. Г. Мазалова (1967, 1977), Л. Д. Кокорева (1964), В. Г. Даева (1972), А. Д. Лавлетова (1969), З. З. Зинатуллина (1974),

С. А. Александрова (1976), В. Я. Понарина (1978), Е. С. Никулина (1983); в кандидатских диссертациях Ю. Д. Адояна, В. Г. Власенко, В. Н. Чичко, В. М. Ускова, Н. И. Хандурина; в брошюрах Э. Ф. Куцовой (1961), С. А. Альперта (1984); в многочисленных научных статьях В. П. Божьева, А. Я. Груна, Е. Г. Мартыничка, В. М. Савицкого, И. Л. Петрухина, П. Ф. Пашкевича и других авторов.

В то же время другие способы (средства) защиты нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших (например, уголовно-правовая реституция) исследованы крайне недостаточно либо вообще выпали из поля зрения исследователей. Последнее, в частности, имеет место в отношении таких способов защиты, как возмещение ущерба по инициативе суда, возложение на осужденного уголовно-правовой обязанности устранить (загладить, возместить) причиненный преступлением имущественный вред.

Такое положение, естественно, не может удовлетворить теорию уголовного процесса, а тем более правоприменительную практику. Дефицит научного исследования этих „нетрадиционных” способов защиты имущественных прав, нарушенных преступлением, отрицательно сказывается на их реализации. При наличии к тому оснований в правоприменительной практике они используются крайне недостаточно, и, следовательно, предоставленные законом возможности для быстрого и эффективного (с точки зрения превентивно-воспитательного воздействия) устранения вредных имущественных последствий преступления в полной мере ею не используются. Это не согласуется с задачами, поставленными перед уголовным судопроизводством, в частности с задачей возмещения причиненного преступлением материального ущерба, а также использования других мер защиты нарушенного этим опасным деликтом имущественного права.

В предлагаемой читателю книге исследуются все имеющиеся уголовно-процессуальные средства защиты нарушенных преступлением имущественных прав потерпевших лиц. Автор стремился достичь гармонического единства теоретического и эмпирического уровней исследования. На основе анализа действующего законодательства, материалов опубликованной и неопубликованной судебной практики, обобщения ее данных, использования в плане сравнительного правоведения нормативных источников и доступной специальной научной литературы зарубежных социалистических стран в настоящей монографии предпринимается попытка творческого обобщения накопившегося научного материала, законодательного и правоприменительного опыта защиты нарушенных преступлением имущественных прав и интересов граждан и юридических лиц в уголовно-процессуальной форме.

Осмысливая имеющиеся в этой связи проблемы, автор моделирует возможные и наиболее целесообразные пути их решения,

формирует рекомендации, направленные на совершенствование действующего законодательства и практики его применения с целью усиления процессуальных гарантий защиты имущественных прав в свете требований Конституции СССР в условиях перестройки и создания социалистического правового государства.

Разумеется, данная книга, будучи первой попыткой исследования всего комплекса уголовно-процессуальных средств защиты нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших лиц, не претендует на исчерпывающее освещение всех аспектов рассматриваемой проблемы, а равно на окончательность и бесспорность высказанных суждений и рекомендаций. Отдельные положения и предложенные решения могут разделяться не всеми и вызвать дискуссию. Однако „истину обретают не в декларациях и предписаниях, она рождается в научных дискуссиях и спорах, проверяется в действии” [5, 85]. Важно не только решение, но и постановка проблемных вопросов.

Автор выражает искреннюю признательность всем, кто в разных формах помог ему в работе над книгой, и с благодарностью воспримет конструктивные предложения и замечания по существу исследуемых вопросов.

Глава I. СУЩНОСТЬ И СРЕДСТВА ЗАЩИТЫ
НАРУШЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ
ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ
В СОВЕТСКОМ УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

ИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРЕСТУПЛЕНИЯ
И СПОСОБЫ ИХ УСТРАНЕНИЯ
В УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФОРМЕ

Любое преступное деяние как юридический факт посягает на сложившиеся общественные отношения и влечет негативные изменения в них. В силу объективно существующей причинно-следственной зависимости оно порождает определенные для каждого его отдельного вида вредные последствия, конкретно выражающиеся в ущербе, который причиняется объектам преступления, охраняемым как уголовным, так и другими отраслями права. Именно последствия преступления являются основным элементом его общественной опасности, а их характер определяется содержанием общественных отношений, которым данное преступление наносит ущерб. В этой связи В. Н. Кудрявцев отмечает, что основными показателями опасности преступного действия являются: „а) тяжесть возможных последствий; б) вероятность их наступления; в) распространенность действий подобного рода” [115, 100]. Как видим, тяжесть реальных или возможных последствий является основным показателем опасности преступного деяния, хотя понятно, что степень общественной опасности реально наступивших вредных последствий несравнимо большая, чем вероятность их наступления. Законодатель лишь в немногих случаях считает преступное деяние оконченным с момента создания опасности наступления вредных последствий.

1. В юридической литературе под последствиями преступления принято понимать вредные изменения в охраняемых законом общественных отношениях (объектах), которые явились его результатом [116, 78; 143, 16]. В одних случаях преступление наносит ущерб государственной или общественной собственности, в других — причиняет вред жизни, здоровью граждан, их имуществу, в третьих — нарушает установленный в государстве правопорядок и т. д. Следовательно, по своему характеру вредные последствия преступления весьма разнообразны и их можно классифицировать по различным признакам. Избрав в качестве классификационного признака наличие или отсутствие в результате совершенного преступления материального ущерба, его последствия можно разделить прежде всего на материальные и нематериальные. Если нематериальные последствия (политические, моральные, физические страдания и т. п.), несмотря на всю их тяжесть и общественную опасность, определить количественно, измерить и загладить денежным эквивалентом не представляется возможным, то

материальные выражаются прежде всего в имущественном ущербе, причиняемом в первую очередь материальным объектам (предметам) преступного посягательства, обладающим количественной характеристикой. Следовательно, его можно выразить денежным эквивалентом и устранить (загладить).

Нормы уголовного права охраняют государственную, общественную и личную граждан собственность, имущественные права и интересы государственных и общественных организаций (юридических лиц), а также граждан, устанавливая уголовную ответственность за посягательство на них путем хищений, присвоений, умышленного или неосторожного повреждения имущества. В некоторых случаях законодатель предусматривает специальные уголовно-правовые нормы, имеющие своей целью охрану от преступных посягательств отдельных видов государственного или общественного имущества (путей сообщения и транспортных средств, сельхозтехники, посевов, насаждений и лесов, зверей и рыб, морского, телефонного кабеля и линий связи, памятников истории и культуры и т. д.). В названных и многих других случаях непосредственным объектом преступления является государственное, общественное или личное граждан имущество, которое в результате преступного на него посягательства (воздействия) терпит урон: похищается, уничтожается, повреждается и т. п., а его собственники (законные владельцы) несут материальный ущерб.

Причинение материального ущерба преступлением выступает в различных его составах по-разному. В одних из них материальный ущерб составляет цель преступника. Так, при посягательстве на государственную, общественную или личную граждан собственность волеизъявлением, целью преступника является причинение материального ущерба посредством изъятия имущества из государственного или общественного фонда либо у граждан. Этим изъятием материальных ценностей преступление полностью исчерпывается.

В других случаях причинение материального ущерба составляет средство, с помощью которого достигается преступная цель (диверсия, вредительство и т. п.). При совершении таких преступлений материальный ущерб не составляет обязательного признака объективной стороны их составов, как это имеет место при совершении посягательства на государственное, общественное или личное имущество граждан. Тем не менее отношениям собственности причиняется вред, в результате чего возникает материальный ущерб.

Нередко отношениям собственности причиняется вред по ходу посягательства на основной объект. Так, объектом хулиганства является общественный порядок, основанный на соблюдении правил социалистического общежития. Однако в зависимости от спо-

соба совершения хулиганских действий последними может быть причинен вред личным благам граждан (здоровью) либо отношениям собственности, результатом чего явится имущественный вред. Последний может быть также результатом использования преступником определенного способа сокрытия преступления.

Материальный ущерб как одно из вредных последствий совершения преступления возникает не только в результате посягательства на отношения собственности в форме определенных материальных объектов. Он возникает и при посягательстве на личность гражданина и его права (например, трудовые — ст. ст. 133 УК УССР, 138 УК РСФСР). Направленные против жизни и здоровья граждан преступления (убийство, телесные повреждения, побои и т. п.) влекут за собой вред, именуемый физическим, который прямым путем (непосредственно) возместить невозможно. Но вред физический, как правило, сопряжен с вредом материальным, т. е. материальными утратами и расходами, которые были понесены потерпевшими в связи с потерей кормильца, утратой заработка, восстановлением здоровья и т. п. Анализ содержащихся в уголовном материальном законе составов преступлений дает основание сделать вывод о том, что материальный ущерб может явиться результатом их подавляющего большинства.

2. Вредные имущественные последствия преступления — это результат противоправного деяния, которое одновременно является уголовным и гражданским (в широком его понимании) правонарушением. Однако при его совершении возникает два вида охранительных правоотношений — уголовное и гражданское (трудовое, колхозное) [13, 268; 183, 66–67]. Если в уголовном правоотношении правонарушителю (преступнику) противопоставит государство, то гражданско-правовое отношение возникает между правонарушителем и юридическим лицом или гражданином, которому преступлением причинен материальный ущерб. Содержание последнего составляет право потерпевших требовать от правонарушителя восстановления нарушенной преступлением имущественной сферы, с одной стороны, и корреспондирующая этому праву обязанность правонарушителя возместить ущерб — с другой. В первом из названных правоотношений реализуется уголовная ответственность, во втором — гражданско-правовая (имущественная). В силу общего правила, установленного ст. 88 Основ гражданского законодательства (ст. ст. 440 ГК УССР, 444 КГ РСФСР), вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также юридическому лицу, подлежит возмещению в полном объеме лицом, его причинившим, кроме случаев, специально установленных законом. Эта гражданско-правовая норма дает общее (генеральное) понятие деликтного обязательства. Закрепленные в ней общие положения получают специфическую интерпретацию в специальных деликтах, отражающих особенности как самого правонаруше-

ния, так и характер материально-правового отношения, возникшего в результате деликта и причинения им материального ущерба. Поэтому приведенное общее правило о гражданско-правовой деликтной ответственности находит свое применение лишь в тех случаях, если возникшее в результате совершения преступления и причинения им имущественного вреда спорное материально-правовое отношение не регулируется специальной нормой, определяющей порядок и размер подлежащего возмещению ущерба.

Таким образом, в случае совершения преступления и причинения им материального ущерба возникшие при этом правовые отношения подлежат урегулированию на основании как норм уголовного права, так и норм отраслей материального права, регулирующих имущественную ответственность за причинение вреда (гражданского, трудового, колхозного). Собственно, возмещение причиненного преступлением материального ущерба, защита нарушенных им имущественных прав, по общему правилу, осуществляется в порядке и пределах, предусмотренных этими нормами. Именно реализация последних дает возможность устранить отрицательные имущественные последствия преступления, восстановить имущественную сферу потерпевших лиц в прежнем состоянии на компенсационной основе, т. е. путем полного возмещения причиненного материального ущерба.

Однако устранение любых последствий преступления, в том числе и имущественных, не является индифферентным и для уголовного материального права, которое в немалой степени также „нацелено“ на устранение вредных имущественных последствий преступления, а в ряде случаев его нормы составляют непосредственное правовое основание защиты имущественных прав и интересов потерпевших от преступления физических или юридических лиц. Поэтому, полагая, фактически общепринятое в цивилистической доктрине положение о том, что уголовно-правовые средства, преследуя цель наказания и воспитания правонарушителя, не обеспечивают защиты интересов потерпевших от преступления лиц, поскольку они устремлены не на ликвидацию имущественных последствий правонарушения [196, 10], требует соответствующей коррекции.

В свою очередь, правоприменительная деятельность ведущих уголовный процесс органов не сводится лишь к привлечению виновных в совершении преступления лиц к уголовной ответственности, установлению ее оснований и принятию об этом решения. В их задачу входит также принятие всех необходимых мер для быстрого и полного устранения имущественных последствий преступления. Именно для этой цели и предусмотрен уголовно-процессуальный механизм правового регулирования, приведение в действие которого способно устранить эти последствия и, следовательно, над-

лежащим образом защитить нарушенные преступлением имущественные права и интересы потерпевших лиц.

3. Развитие прав и свобод советских граждан с необходимостью предполагает совершенствование правоохранительной деятельности государства. Как отмечается в новой редакции Программы Коммунистической партии Советского Союза, „опираясь на поддержку трудовых коллективов, общественных организаций, всех трудящихся, государственные органы обязаны делать все необходимое для обеспечения сохранности социалистической собственности, охраны личного имущества, чести и достоинства граждан... предупреждать любые правонарушения и устранять порождающие их причины” [5, 160].

Таким образом, на Советское государство, его органы возлагается обязанность осуществлять защиту нарушенных субъективных прав граждан и юридических лиц, ибо „любая свобода, любое право, провозглашенное в Конституции, могут считаться с юридической точки зрения гарантированными и фактически осуществимыми лишь при условии, если в текущем законодательстве закреплены правовые средства их реализации и если их нарушение дает гражданину право на судебный иск или на иные предусмотренные законом пути восстановления нарушенного права” [154, 238]. Исходя из гармонического сочетания интересов общества, государства и личности, учитывая характер вредоносного деяния, законодатель предоставляет возможность лицам, понесшим материальный ущерб от преступления, обратиться за защитой нарушенного права не только в форме гражданского судопроизводства, но и в уголовном процессе, совместно с рассмотрением уголовного дела. Причем, как будет показано ниже, уголовно-процессуальная форма располагает большим разнообразием правовых средств для осуществления такой защиты.

Исследование отдельных уголовно-процессуальных средств защиты нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших предполагает прежде всего уяснение сущности самой защиты и содержания уголовно-процессуального механизма ее осуществления.

Правовая защита, как одна из специальных юридических гарантий осуществления субъективных прав и их восстановления в случае нарушения, представляет собой сложное многоплановое правовое явление. В качестве научной проблемы она составляет предмет исследования многих юридических отраслевых наук, а также общей теории права. И вполне естественно, что по поводу сущности правовой защиты нарушенных субъективных прав, а следовательно, и ее понятия ведется оживленная дискуссия. Если одни из авторов под правовой защитой понимают предусмотренную для борьбы с правонарушениями систему мер, опирающихся на государственное принуждение и направленных на обеспечение непри-

косновенности права и ликвидацию последствий его нарушения [21, 34], то другие полагают, что правовая защита - это система правовых норм, направленных на предупреждение правонарушений и устранение их последствий [129, 192].

Несколько иначе определял сущность защиты гражданских прав П. П. Гуреев. По его мнению, она представляет собой „совокупность предусмотренных законом способов рассмотрения и разрешения гражданско-правовых споров в целях восстановления нарушенных или подтверждения оспоренных гражданских прав“ [67, 6].

Анализ приведенных соображений о сущности правовой защиты нарушенных субъективных прав показывает, что их авторы в качестве определяющего признака берут либо какую-либо отдельную сторону или свойство названного правового явления. Так, если Ю. Г. Басин сущность правовой защиты усматривает в системе мер, т. е. материально-правовых способах, с помощью которых осуществляется защита нарушенного права, то Н. С. Малеин характеризует ее как правовой институт. Наконец, П. П. Гуреев в своем видении сущности гражданско-правовой защиты акцентирует внимание на ее процессуальной стороне, не выясняя внутреннего содержания деятельности, именуемой защитой права. Поэтому, оттеняя ту или иную сторону, приведенные соображения о сущности правовой защиты нарушенного субъективного права, будучи верными по существу, не охватывают всех сторон, а следовательно, и не в полной мере выявляют сущность исследуемого правового феномена.

Подавляющее большинство авторов, исследовавших или касавшихся проблемы защиты нарушенных субъективных прав, с большими или меньшими редакционными различиями усматривают сущность последней в деятельности управомоченных государством органов, направленной на восстановление с помощью специальных мер (способов защиты) нарушенного субъективного права [49, 92; 89, 44; 90, 40; 222, 11; 102, 25/177, 6-9]. Именно как деятельность юрисдикционных органов, направленную на применение предусмотренных законом мер для восстановления нарушенных прав, трактуется защита субъективного права и общей теорией права. По мнению С. С. Алексеева, „защита права - это государственно-принудительная деятельность, направленная на осуществление „восстановительных“ задач - на восстановление нарушенного права, обеспечение исполнения юридической обязанности“ [14, 180].

При таком видении сущности защиты нарушенного субъективного права, независимо от характера последнего, ею органически соединяются материально-правовая сторона (меры, способы защиты, установленные, по общему правилу, материальным законом) и процессуальная (деятельность управомоченных органов по реали-

защиты этих мер), что и дает основание характеризовать защиту нарушенных имущественных прав как материально-процессуальный институт [89, 41].

Изложенное, таким образом, дает основание заключить, что сущность правовой защиты нарушенного субъективного права состоит в реализации правоприменительными органами предусмотренных законом мер государственного принуждения с целью устранения нарушения и его последствий. С этих позиций, очевидно, следует исходить и при определении сущности защиты имущественных прав потерпевших от преступления лиц в советском уголовном судопроизводстве. Несмотря на определенную специфику в способах, формах, субъектах и порядке реализации этой защиты, сущность ее при этом не меняется. Следовательно, защита имущественных прав потерпевших от преступления лиц в советском уголовном процессе представляет собой урегулированную процессуальным законом деятельность ведущих уголовный процесс органов, направленную на применение предусмотренных законом мер с целью восстановления их нарушенного имущественного положения.

При таком понимании защиты имущественных прав, нарушенных преступлением, она представляется не только как конечный результат деятельности ведущих уголовный процесс органов, но и как сама уголовно-процессуальная деятельность.

В защите нарушенных преступлением имущественных прав потерпевших, осуществляемой при производстве по уголовному делу, представляется необходимым выделить следующие структурные элементы защиты: а) объект; б) способ; в) субъект; г) порядок и процессуальные средства. Будучи взаимосвязанными и взаимообусловленными, проявляясь лишь в единстве, они тем не менее относительно самостоятельны, что позволяет вычленить их из общего понятия защиты и подвергнуть анализу с целью выявления сущности.

Объектом защиты нарушенного преступлением имущественного права потерпевших является само их субъективное право, вытекающее из гражданских, трудовых, колхозных правоотношений. Для его защиты предусмотрены законом определенные способы.

Способ защиты — конкретная мера государственного принуждения, с помощью которой ведущие уголовный процесс органы восстанавливают нарушенное субъективное имущественное право. Основы гражданского судопроизводства — ст. 6 (ст. ст. 6 ГК УССР и ГК РСФСР) дают перечень этих мер (способов). Из числа предусмотренных этой гражданско-правовой нормой способов защиты в уголовном судопроизводстве применению подлежат лишь: а) восстановление положения, существовавшего до нарушения права; б) взыскание с обвиняемого или лиц, несущих в силу закона имущественную ответственность за его действия, причиненных убытков.

Сущность первой из названных мер защиты состоит в восстановлении нарушенного имущественного положения потерпевших в натуральном виде. Восстановление в прежнем положении достигается, например, путем возвращения собственнику (законному владельцу) имущества, бывшего объектом (предметом) преступного посягательства, но обнаруженного в процессе производства по уголовному делу. Равным образом, возмещение причиненного преступлением материального ущерба путем предоставления потерпевшим взамен уничтоженных или использованных вещей того же рода и качества либо исправление (ремонт) поврежденной вещи также является способом восстановления прежнего имущественного положения.

Если же восстановить нарушенную преступлением имущественную сферу потерпевших лиц в натуральном виде не представляется возможным, то применению подлежит универсальный способ защиты нарушенного имущественного права — возмещение убытков. Сущность его состоит в выплате денежной компенсации имущественного ущерба, вызванного совершением преступного деяния. Возмещение убытков в таком случае заменит реальное исполнение, т. е. восстановление имущественного положения потерпевших лиц, существовавшего до нарушения права.)

Одной из характерных особенностей способов защиты имущественных прав в уголовном процессе является то, что правовым (юридическим) основанием ее есть не только нормы гражданского (в широком понимании) права, но в ряде случаев и уголовного материального, а также процессуального права. Эти случаи будут подвергнуты в работе обстоятельному анализу.

Субъектом защиты имущественных прав потерпевших от преступления лиц, осуществляемой в уголовно-процессуальной форме, является ведущий уголовный процесс орган. Прежде всего, конечно, суд. Разрешая уголовное дело по существу, он принимает и решение о защите нарушенных имущественных прав. Особенностью рассматриваемой защиты является также то, что в предусмотренных уголовно-процессуальным законом случаях ее, кроме суда, вправе реализовать также лицо, производящее дознание, следователь и прокурор. Так, прекращая уголовное дело по указанным в законе основаниям, они обязаны принять решение и о судьбе имущества, бывшего объектом (предметом) преступного посягательства, но затем обнаруженного и приобщенного к делу в качестве вещественного доказательства. При отсутствии о нем спора, оно, по общему правилу, подлежит возвращению законному владельцу, т. е. потерпевшему от преступления лицу.

Защита имущественных прав потерпевших лиц осуществляется в установленном уголовно-процессуальным законом порядке путем реализации предусмотренных уголовно-процессуальных средств. При этом если порядок защиты представляет собой си-

стему процессуальных действий и отношений, возникающих между участниками уголовного судопроизводства по поводу такой защиты, а сами эти действия и отношения являются результатом использования ими предоставленных законом процессуальных прав и исполнения процессуальных обязанностей, то уголовно-процессуальные средства защиты — это не что иное, как процессуальные способы (формы) ее реализации. Именно как „способы защиты имущественных прав” [66, 5–8], „способы восстановления нарушенного материального состояния” [11, 23], „способы правового воздействия в целях урегулирования... имущественных последствий преступления” [15, 4], „формы возмещения причиненного преступлением материального ущерба” [87, 27; 169, 21] именуется они в уголовно-процессуальной литературе. Полагаем, что употребление всех этих терминов, выражающих уголовно-процессуальное (а не материальное) понятие, вполне допустимо в научном обороте*.

Уголовно-процессуальными средствами (способами) защиты имущественных прав, нарушенных преступлением, являются: а) рассмотрение и разрешение гражданского иска в уголовном деле; б) возмещение причиненного преступлением материального ущерба по собственной инициативе суда; в) возвращение потерпевшим лицам объектов (предметов) преступного посягательства — вещественных доказательств (уголовно-правовая реституция); г) возложение на осужденного уголовно-правовой обязанности загладить (устранить, возместить) причиненный материальный ущерб, используемое по законодательству некоторых союзных республик в качестве меры уголовного наказания или принудительной меры воспитательного характера к несовершеннолетнему правонарушителю; д) возложение на осужденного уголовно-правовой обязанности возместить причиненный материальный ущерб, применяемое в качестве пробационного (испытательного) условия при отсрочке исполнения наказания в виде лишения свободы.

Обязанность устранить (загладить, возместить) причиненный материальный ущерб как уголовно-правовая мера воздействия на виновное в совершении преступления лицо предусмотрена не уголовно-процессуальным, а материальным законом. Но так как ее применение (возложение) возможно лишь в уголовно-процессуальной форме и в установленном уголовно-процессуальным законом порядке, то есть все основания отнести ее к уголовно-процес-

* Семантический анализ терминов „средство”, „способ”, „форма” обнаруживает, что по своему смысловому значению они очень близки и могут употребляться как синонимы. „Форма — способ осуществления, проявления какого-либо действия; способ организации чего-либо”. „Способ — прием, метод для осуществления, достижения чего-либо; возможность, средство осуществления чего-либо”. „Средство — прием, способ действия для осуществления, достижения чего-либо” [195, т. 14, 571, 646; т. 16, 1485–1486].

суальным средствам защиты имущественных прав потерпевших от преступления лиц.

4. Восстановление нарушенного преступлением имущественного положения потерпевших достигается в уголовном процессе перечисленными ранее процессуальными способами, реализация которых осуществляется как мерами ответственности, так и другими мерами защиты права [13, 380; 21, 34; 254, 52]. Их следует прежде всего разделить на две группы: исковые и неисковые. При этом если исковой способ всегда реализует гражданско-правовую ответственность, то неисковой — не только гражданско-правовую, но и уголовно-правовую, а также иные меры защиты нарушенного имущественного права.

Исковым способом защиты является предъявление и разрешение гражданского иска в уголовном процессе (ст. ст. 28 УПК УССР; 29 УПК РСФСР). Неисковые способы охватывают: а) возмещение материального ущерба по собственной инициативе суда (ч. 3 ст. 29 УПК УССР; ч. 4 ст. 29 УПК РСФСР); возвращение ведущими уголовный процесс органами лицам, потерпевшим от преступления, незаконно отчужденного у них обвиняемым имущества — предметов преступного посягательства (реституция) (п. 5 ст. 81 УПК УССР; п. 4 ст. 86 УПК РСФСР); в) исполнение уголовного наказания в виде возложения обязанности загладить причиненный ущерб, а также аналогичной принудительной меры воспитательного характера к несовершеннолетнему (в союзных республиках, уголовное законодательство которых предусматривает этот вид наказания и названную меру воспитательного характера); г) исполнение осужденным обязанности устранить причиненный ущерб, возложенной на него судом в качестве испытательного (пробационного) условия при отсрочке исполнения наказания (ст. ст. 46¹ УК УССР, 46¹ УК РСФСР).

Из всех перечисленных уголовно-процессуальных способов защиты нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших только для реализации гражданского иска необходима инициатива понесшего материальный ущерб лица (гражданского истца). Все иные способы реализуются судом *ex officio*, т. е. независимо от притязания названных лиц. Такое разнообразие способов защиты не является случайным. Это — своеобразная реакция законодателя на характер деяния, которым причиняется материальный ущерб, а установление характера и размера последнего и, по общему правилу, его возмещение составляет неотъемлемый элемент уголовного процесса. При этом законодатель не только исходит из возможности совместного исследования и разрешения вопросов уголовной ответственности лица, совершившего преступление, и защиты нарушенных имущественных прав потерпевших лиц, но и находит такую коммуляцию целесообразной.

Возможность их совместного рассмотрения заключается в факте совершения преступления, являющегося основанием как уголовной, так и имущественной ответственности. Одни и те же доказательства выявляются и используются для установления вины или невиновности лица в совершении преступления и гражданского правонарушения. Один и тот же субъект (обвиняемый), как правило, является участником и уголовного, и гражданского правоотношений. Преимущественно одни и те же принципы лежат в основе правосудия по уголовным и гражданским делам [182, 110].

Целесообразность совместного разрешения вопросов уголовной и имущественной ответственности диктуется в первую очередь соображениями *политико-юридического* свойства. Для государства не может быть безразличным факт нарушения имущественных прав своих граждан и коллективных формирований, тем более таким опасным деликтом, каковым является криминальный. Оно не может не оказать *повышенного* содействия в их защите. Это объясняется не только тем, что во многих случаях причиненный материальный ущерб входит в состав преступления и, таким образом, затрагивает не только интересы отдельных лиц, но и публичные (общественные). Если даже ущерб, как *последствие* преступного деяния, не оказывает влияния на правовую квалификацию последнего, он тем не менее затрагивает не только интересы отдельных физических или юридических лиц, но и интересы публичные, ибо является *результатом преступления*, борьба с которым составляет важнейшую и непосредственную задачу государства и его органов, решаемую, по общему правилу, на публичных началах. Восстановление же нарушенной таким общественно опасным деянием имущественной сферы потерпевших лиц преимущественно за счет имущества, материальных и физических возможностей виновных — одно из наиболее действенных средств борьбы с *этим общественным злом*, средств, органически соединяющих индивидуальные и публичные интересы.

Кроме того, защита нарушенных имущественных прав совместна с рассмотрением и разрешением уголовного дела целесообразна с точки зрения *юридико-технических* удобств, *экономической* выгоды для государства и участников судопроизводства, а также характеризуется более высокой *эффективностью*. Ее осуществление таким способом значительно ускоряет восстановление имущественной сферы потерпевших, экономит время и средства как суда, так и субъектов спорных правоотношений, а также иных лиц, вовлеченных в сферу уголовного процесса. Им не приходится повторно отвлекаться на установление одних и тех же обстоятельств. Наконец, одновременное применение уголовной и имущественной ответственности, а равно иных мер защиты имущественных прав *повышает* и *укрепляет* воспитательное воздей-

ствии, поскольку более эффективно внедряет в сознание людей неотвратимость не только уголовного наказания за совершенное преступление, но и неизбежность устранения его вредных имущественных последствий, а следовательно, делает преступление экономически невыгодным „занятием“.

Каждый из перечисленных уголовно-процессуальных способов восстановления нарушенной преступлением имущественной сферы потерпевших лиц рассчитан на определенную ситуацию, и их реализация зависит прежде всего от характера самого ущерба или нарушения имущественных прав, от активности потерпевших в заявлении требований о возмещении ущерба, от вида субъекта, которому причинен ущерб (гражданин или юридическое лицо) и его способности надлежащим образом защищать свои имущественные права, интересы и пр. Однако каждый из них полностью обеспечивает восстановление существовавшего до нарушения имущественного положения потерпевших лиц, так как в рамках каждого из них предусмотрена система процессуальных действий, направленных на выяснение (установление) характера и размера причиненного ущерба, обеспечение его возмещения, признание к возмещению (восстановлению) и исполнение.

Таким образом, уголовно-процессуальное право предусматривает специальный механизм правового регулирования, приведение в действие которого способно успешно решить одну из задач уголовного судопроизводства — защиту нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших лиц.

ВОПРОС О ЗАЩИТЕ НАРУШЕННЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЕМ ИМУЩЕСТВЕННЫХ ПРАВ КАК УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОЙ ФУНКЦИИ

Возмещение причиненного преступлением материального ущерба, а равно применение иных мер защиты права и тем самым восстановление нарушенных имущественных прав и интересов юридических лиц и граждан является одной из задач уголовного судопроизводства, вытекающей из ст. 2 Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик (ст. ст. 2 УПК УССР и УПК РСФСР). Решение этой задачи посредством уголовно-процессуальной деятельности выдвигает перед уголовно-процессуальной наукой вопрос: является ли деятельность по защите имущественных прав, нарушенных преступлением, самостоятельной уголовно-процессуальной функцией?

Постановка и решение данного вопроса имеет не только доктринальное, но и, что особенно важно, прикладное значение. Ответ на него не менее актуален и в плане совершенствования правовых гарантий восстановления нарушенных преступлением имущественных прав и интересов лиц, а также усиления превентивно-

воспитательного воздействия уголовно-процессуальной деятельности.

1. В юридической литературе в решении поставленного вопроса наметились разные подходы. Сторонники концепции трех уголовно-процессуальных функций (обвинение, защита, разрешение дела), как правило, включают деятельность по возмещению причиненного преступлением имущественного вреда в функции обвинения и защиты [242, 12; 158, 179; 146, 74].

Противоположная точка зрения состоит в том, что ни обвинение, ни защита, ни разрешение уголовного дела, равно как и другие уголовно-процессуальные функции, не могут полностью включить в себя всех элементов деятельности по возмещению причиненного преступлением материального ущерба. Исходя из наличия в уголовном процессе задачи восстановления существовавшего до совершения преступления материального положения потерпевшего лица, а также системы процессуальных действий, которые необходимо совершить для успешного ее выполнения, Ф. Н. Фаткуллин и З. З. Зинатуллин пришли к выводу, что возмещение причиненного преступлением материального ущерба является одной из самостоятельных уголовно-процессуальных функций [234, 62; 87, 24].

По мнению большинства процессуалистов, затрагивающих или специально изучавших вопросы, связанные с возмещением причиненного преступлением материального ущерба, к трем основным уголовно-процессуальным функциям (обвинение, защита, разрешение дела) необходимо присовокупить наряду с другими и функции: а) предъявления и поддержания гражданского иска, б) защиты от него [175, 47; 264, 54; 265, 50; 255, 63-64; 127, 53; 61, 86; 226, 45-46; 182, 124; 15, 18; 170, 118]. При этом, признавая указанные функции самостоятельными*, некоторые авторы характеризуют их как побочные [265, 50] или дополнительные [255, 64].

Наконец, в уголовно-процессуальной литературе высказана точка зрения, согласно которой в рамках единой по своей сути функции защиты существует „функция защиты личных процессуальных интересов” [72, 72], или „функция защиты личных материальных благ и ценностей”. По мнению Е. Г. Мартыничика, функция защиты в широком плане „означает не только защиту от обвинения, осуждения и наказания, осуществляемую обвиняемым, его законными представителями и защитником, но также и защиту духовных, материальных и личных интересов всех участников уголовного процесса” (курсив мой. — В. Н.) [133, 17]. Под-

* Не признает самостоятельного характера функции поддержания гражданского иска В. М. Савицкий. По его мнению, эта функция полностью зависима от обвинения и имеет производный, субсидиарный от него характер [182, 124-125].

держание же гражданского иска или возражения против него является не основным направлением деятельности участников процесса, а лишь средством реализации функции защиты материальных ценностей и благ [133, 16–17].

Таковы разноплановые, во многом противоречивые научные подходы в решении рассматриваемого вопроса.

2. Как известно, вопрос об уголовно-процессуальных функциях является одним из наиболее дискуссионных в науке уголовного процесса. Мы не входим специально в его обсуждение. Отметим лишь, что из всех существующих концепций уголовно-процессуальной функции („отдельное (основное) направление процессуальной деятельности” [212, 188; 145, 5; 61, 84–85; 180, 41; 105, 52; 146, 73; 258, 85]; „специальное назначение и роль участников процесса, определяемые нормами права и выраженные в соответствующих направлениях уголовно-процессуальной деятельности” [264, 54; 72, 72]; „результат взаимодействия социальной позиции субъекта с его процессуальной деятельностью, в которой эта позиция находит свое выражение” [86, 20]), и их различных модификаций, нам представляется более предпочтительным традиционное понятие уголовно-процессуальной функции, как определенного направления уголовно-процессуальной деятельности, осуществляемой ее субъектами. Именно из этой концепции мы исходим, обосновывая свое отношение к вопросу о том, является ли защита нарушенных преступлением имущественных прав потерпевших лиц одной из уголовно-процессуальных функций. Представляется, что эта концепция наиболее соответствует и смыслу ст. 2 Основ уголовного судопроизводства (ст. ст. 2 УПК УССР и УПК РСФСР), которая, формулируя задачи уголовного процесса, определяет назначение и характер отдельных направлений деятельности субъектов уголовного процесса.

Вместе с тем считаем необходимым отметить следующее обстоятельство: независимо от того, что понимается под уголовно-процессуальной функцией (направление ли уголовно-процессуальной деятельности или вид деятельности органа, ведущего уголовный процесс, и каждого его участника, определяемой целями его участия в процессе), сколько их существует в уголовном судопроизводстве и кто их осуществляет, содержанием любой функции, несомненно, является процессуальная деятельность. В этой связи нельзя не согласиться с В. М. Савицким, отметившим, что „функция реализуется не иначе как путем определенной *целенаправленной деятельности*, участники которой используют свои процессуальные права и выполняют возложенные на них процессуальные обязанности” (курсив мой. — В. Н.) [180, 42]. Осуществляемая в рамках уголовного процесса деятельность будет целенаправленной лишь в том случае, если она сопряжена с решением стоящих перед ним задач. Именно последние определяют вид деятельности

и ее направление, субъектов, ее реализующих, процессуальные формы (способы) и средства осуществления.

Возмещение материального ущерба, причиненного преступлением, реализация иных мер защиты нарушенного имущественного права потерпевших лиц — одна из наиболее важных задач, стоящих перед уголовным процессом и нашедших свое закрепление в процессуальном законе [162, 61; 79, 48; 80, 9]. Она решается во всех без исключения стадиях уголовного процесса посредством совершения процессуальных действий. Если всю уголовно-процессуальную деятельность, осуществляемую в первую очередь ведущими уголовный процесс органами и направленную на решение названной задачи, представить в обобщенном виде, она найдет свое воплощение в следующем: определении характера материального ущерба, причиненного преступлением, и его размера; определении круга лиц, которые понесли ущерб, с одной стороны, и которые должны нести материальную ответственность за причиненный вред — с другой; выявлении противоправно отчужденного у потерпевшего лица имущества и его изъятии; установлении материальных источников, за счет которых возможно возмещение ущерба и принятие мер к их сохранности для обеспечения возмещения; принятии гражданского иска, признании потерпевшего лица гражданским истцом, привлечении к делу гражданского ответчика; разрешении судом гражданского иска; возмещении ущерба по его собственной инициативе, определении судьбы вещественных доказательств — имущества, потерпевшего от преступления; исполнении приговора в части присуждения к возмещению ущерба; проверке правильности решения судом первой инстанции о возмещении ущерба кассационным и надзорным судами.

Каждая из перечисленных групп мероприятий реализуется в рамках предусмотренных уголовно-процессуальным законом способов (форм) защиты имущественных прав посредством осуществления процессуальных действий и возникающих при этом уголовно-процессуальных отношений*. При этом органы, ведущие уголовный процесс, осуществляют процессуальную деятельность, направленную на восстановление имущественных прав и интересов потерпевших от преступления лиц, в силу действующего здесь принципа публичности. Для реализации же такой формы (способа) защиты, как предъявление и разрешение гражданского иска в уголовном деле, законодатель вводит в процесс еще и специальных

* Для решения задачи защиты имущественных прав, нарушенных преступлением, помимо процессуальных, используются и различного рода организационные средства, связанные с обнаружением противоправно изъятых обвиняемым имущества; установлением имущества, на которое может быть наложен арест с целью обеспечения возмещения ущерба; побуждением причинителей вреда (обвиняемых) или лиц, несущих имущественную ответственность за их действия, к добровольному возмещению ущерба и т. п.

его субъектов, процессуальный интерес которых носит исключительно имущественный характер, — гражданского истца и гражданского ответчика.

Таким образом, защита нарушенных преступлением имущественных прав потерпевших лиц в советском уголовном процессе — отдельное направление деятельности, обладающее всеми свойствами уголовно-процессуальной функции: она имеет свою специфическую задачу*, процессуальные формы (способы) решения, субъекты и процессуальные средства, с помощью которых она разрешается. Все это говорит о том, что советскому уголовному процессу наряду с другими свойственна и функция защиты имущественных прав потерпевших от преступления лиц.

Приведенные соображения дают основание не согласиться с авторами, полагающими, что задача возмещения материального ущерба охватывается функцией обвинения. Трудно согласиться также и с теми, по мнению которых данная задача полностью решается в рамках функций поддержания гражданского иска и возражений против него. При таком подходе станет непонятным и труднообъяснимым, куда же следует отнести деятельность ведущих уголовный процесс органов и некоторых участников процесса (обвиняемого, его защитника, потерпевшего), направленную на возмещение ущерба в случаях, когда гражданский иск не был предъявлен. В частности, возмещение ущерба по инициативе суда, восстановление нарушенной преступлением имущественной сферы потерпевших лиц путем возвращения им объектов (предметов) преступного посягательства, которые были обнаружены и приобщены к делу в качестве вещественных доказательств. Очевидно, последняя точка зрения не учитывает, что кроме предъявления и разрешения в уголовном деле гражданского иска существуют другие уголовно-процессуальные способы (формы) защиты нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших лиц, а следовательно, и не отражает в полной мере реально существующего положения.

3. Функция защиты нарушенных преступлением имущественных прав потерпевших лиц в сравнении с другими уголовно-процессуальными функциями имеет свои особенности, обусловленные не только содержанием. Ее прежде всего следует охарактеризовать как *факультативную*. Об этой ее особенности свидетельствует в первую очередь то обстоятельство, что она находит свою реализацию не во всех уголовных делах, но только в тех из них, объектом которых являются преступления, нарушившие имущественные

* Следует особо подчеркнуть недопустимость отрыва задач уголовного судопроизводства от процессуальных функций — вольные или невольные к тому попытки встречаются в литературе [15, 18]. На недопустимость такого отрыва указывают также И. Л. Петрухин [162, 72] и М. Л. Якуб [258, 85].

права и интересы потерпевших лиц. Кроме того, хотя уголовно-процессуальный механизм установления самого факта причинения материального ущерба, характера и размера последнего реализуется во всех случаях его причинения, само возмещение может не наступить, так как потерпевшие лица вправе использовать не уголовно-процессуальную, а гражданско-процессуальную форму возмещения ущерба, а равно в силу других причин (например, при невозможности произвести подробный расчет размера иска без отложения судебного разбирательства, категорического отказа потерпевшего от возмещения и др.).

Вторая особенность рассматриваемой функции состоит в ее значительной зависимости от функции обвинения. Обе они тесно взаимосвязаны. Однако с точки зрения их обусловленности функции обвинения необходимо отвести определяющую роль, так как недоказанность обвинения в совершении преступления, установление отсутствия события или состава преступления влекут за собой невозможность реализации функции защиты имущественных прав посредством возмещения материального ущерба: в возмещении суд отказывает либо оставляет требование о нем (иск) без рассмотрения.

Единственное средство (способ) восстановления нарушенного имущественного права субъекта, которое можно в такой ситуации реализовать в уголовно-процессуальной форме, — возвращение принадлежащего ему имущества, бывшего вещественным доказательством, — не может поколебать характера этой обусловленности. Если нарушение имущественной сферы субъектов права все же имело место и им возвращается выбывшее из владения помимо их воли имущество, то такое нарушение не является следствием преступления, вмененного в вину правонарушителю. Поэтому и восстановление имущественного положения лиц, субъективное имущественное право которых, возможно, было нарушено, не является защитой его от преступления.

4. Наконец еще одно соображение по поводу уголовно-процессуальной функции защиты нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших лиц. Как было отмечено выше, защита названных прав может быть осуществлена в уголовном процессе различными средствами (способами), одни из которых реализуют меры гражданско-правовой (имущественной) ответственности, другие — иные меры защиты нарушенного права. Если рассматривать защиту имущественных прав и интересов через призму гражданско-правовой (имущественной) ответственности, то, поскольку в уголовном процессе реализуются два вида юридической ответственности — уголовная и имущественная, не лишено смысла, а в некоторой степени было бы даже конструктивным выделять в нем не одну, а две системы процессуальных функций. При таком подходе в плоскости уголовной ответственности сле-

довало бы выделить основные функции: обвинения,¹⁾ защиты,²⁾ разрешения уголовного дела. В плоскости гражданской (материальной) — функции: предъявления имущественных требований (притязаний), защиты от них, рассмотрения и разрешения имущественных последствий преступления. Понятно, что в уголовном процессе вопрос об уголовной ответственности является главным и в значительной мере определяющим ответственность гражданскую. Это не может не отразиться на характере взаимоотношений названных двух систем уголовно-процессуальных функций — функции материальной ответственности находят свою реализацию в зависимости от реализации функций первого ряда. Данное обстоятельство не умаляет их значения и не лишает относительной самостоятельности.

ПОНЯТИЕ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ
И ЕГО ПРАВОВАЯ ПРИРОДА

Среди предусмотренных уголовно-процессуальным законом способов защиты нарушенных преступлением имущественных прав и интересов юридических лиц и граждан основным является гражданский иск в уголовном деле (процессе).

Этот способ защиты в сравнении с иными, неисковыми, способами имеет то бесспорное преимущество, что его реализация в уголовном процессе осуществляется при активном участии сторон по гражданскому иску, а это, в свою очередь, способствует более глубокому исследованию всех обстоятельств дела, касающихся характера и размера причиненного материального ущерба, и правильному разрешению вопроса о его возмещении. Поэтому именно ему законодатель отводит главную роль в устранении вредных имущественных последствий преступления, детально, в отличие от других способов, регламентируя процессуальную деятельность, связанную с его предъявлением, производством и разрешением. Данный факт подтверждается и правоприменительной практикой — в большинстве случаев устранение имущественных последствий преступления в уголовном процессе осуществляется посредством предъявления и разрешения гражданского иска.

Как свидетельствует проведенное нами изучение и обобщение практики применения судами законодательства, направленного на защиту нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших лиц (изучено 1890 уголовных дел), удельный вес защиты посредством предъявления и разрешения гражданского иска среди всех имеющихся уголовно-процессуальных способов составил 70,4 %.

По всей видимости, этим объясняется и повышенный интерес уголовно-процессуальной доктрины к данному способу защиты имущественных прав и интересов потерпевших от преступления лиц. В отличие от иных способов защиты институт гражданского иска в уголовном процессе только за время действующего уголовно-процессуального законодательства был предметом самостоятельного научного исследования в целом ряде работ монографического характера [66; 125; 127; 70; 87; 169]. Однако и в настоящее время осталось немало вопросов, по которым не достигнута полная ясность, в том числе и некоторых узловых. Не утратили они злободневности и с принятием Пленумом Верховного Суда СССР постановления от 23 марта 1979 г. „О практике применения

судами законодательства о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением" (с последующими изменениями) [186, 812], а также соответствующих постановлений пленумов верховных судов союзных республик, в которых даны руководящие разъяснения по применению законодательства о возмещении причиненного преступлением материального ущерба в уголовном процессе (в Украинской ССР, например, постановление Пленума Верховного Суда УССР „О практике судов по разрешению в уголовном деле гражданского иска и взысканию неосновательно приобретенного имущества“) [84, 327]. К тому же жизнь на месте не стоит. Она постоянно ставит новые проблемы, с которыми приходится сталкиваться правоприменительной практике и для решения которых необходимы научный анализ, теория, на основе которой должно осуществляться нормативное регулирование.

Институт гражданского иска в уголовном процессе — проблема многоаспектная, и проанализировать все многообразие процессуальных отношений, возникающих в связи с его производством — задача непростая, а в рамках настоящей работы — просто и нереальная. Поэтому в исследовании данного способа устранения вредных имущественных последствий преступления автор решил сосредоточить внимание лишь на наиболее актуальных вопросах, имеющих первостепенное значение для теории и практики или наименее изученных, сознательно уйдя от рассмотрения таких, по которым достигнута достаточная ясность в теории и решение которых не вызывает трудностей в правоприменительной практике. Одним из них прежде всего является вопрос о понятии гражданского иска в уголовном процессе.

1. Действующий уголовно-процессуальный закон не содержит определения понятия гражданского иска в уголовном деле. Дать такое понятие — одна из задач теории уголовного процесса. Его научная ценность и практический смысл состоят прежде всего в уяснении пределов использования исковой формы защиты нарушенных преступлением субъективных имущественных прав потерпевших лиц, в отличии этой формы (способа) защиты от иных, неисковых способов, предусмотренных уголовно-процессуальным правом. Правильное определение понятия гражданского иска не менее важно и для подготовки научно обоснованных рекомендаций законодателю с целью совершенствования правового регулирования данного уголовно-процессуального средства защиты нарушенных имущественных прав, равно как и научно-практических рекомендаций для правоприменительной практики для наиболее эффективной его реализации.

В уголовно-процессуальной литературе пока нет единства во взглядах авторов, исследовавших или затрагивавших проблему гражданского иска в уголовном процессе, по поводу этого понятия. Подавляющее большинство процессуалистов с незначительны-

ми редакционными изменениями определяют гражданский иск как требование лица, понесшего материальный ущерб от преступления (а также прокурора в его интересах), к обвиняемому или к лицам, несущим имущественную ответственность за его действия, о возмещении этого ущерба, рассматриваемое и разрешаемое судом совместно с уголовным делом [242, 5; 251, 8; 122, 3; 66, 6; 11, 28-29; 127, 6; 169, 6; 15, 6; 32, 72].

Нетрудно заметить, что приведенное понятие определяется именно как *требование истца к ответчику*, которое в своей сущности имеет материально-правовой характер. Собственно, следуя мысли авторов приведенного определения, гражданский иск в уголовном процессе (деле) является не чем иным, как материально-правовым требованием истца к ответчику, заявленным в ходе производства по уголовному делу и разрешаемым совместно с ним.

По-иному определяет гражданский иск В. Г. Даев. По его мнению, „гражданский иск в уголовном процессе есть подлежащее рассмотрению в порядке уголовного судопроизводства обращение юридически заинтересованного или иного управомоченного лица к суду с заявлением о возмещении обвиняемым или лицами, несущими материальную ответственность за действия обвиняемого, имущественного ущерба, причиненного преступлением” [70, 22].

Как видно из приведенного определения, его автор, не отрицая материально-правового содержания иска, сущность последнего усматривает в *обращении к суду с просьбой о рассмотрении гражданского спора и защите права*. Он, в частности, отмечает: „Иск — это проявление деятельности, направленной на возникновение процессуальных отношений и облеченной всегда в процессуальную форму”. И далее: „Определяющим для исковой формы защиты права является не характер требования, а именно само обращение к суду в определенной процессуальной форме” (курсив мой. — В. Н.) [70, 6-7].

Наряду с приведенными двумя точками зрения на сущность и понятие гражданского иска в уголовном процессе, в которых определяющее значение поочередно придается либо материально-правовому требованию *гражданского истца к обвиняемому или гражданскому ответчику*, либо деятельности истца, обращенной к суду в определенной процессуальной форме, в уголовно-процессуальной литературе была высказана еще одна точка зрения. Исходя из того, что гражданский иск — это не одноактное действие истца, смысл и содержание которого сводится к требованию о возмещении ущерба, а постоянно действующий фактор в процессе производства по уголовному делу, З. З. Зинатуллин определяет гражданский иск как „*всю совокупность процессуальных действий и отношений уполномоченных законом субъектов, которые (действия и отношения) возникают при предъявлении, обеспечении*

и поддержании материально-правовых притязаний лица или органа, понесшего от преступления материальный ущерб, на его возмещение" [87, 52].

Нет сомнения в том, что гражданский иск в качестве основного способа защиты субъективных гражданских прав является единым правовым понятием как для гражданского, так и для уголовного процесса. По мнению А. Г. Мазалова, юридическая природа иска в уголовном процессе не меняется: „Он и в этом случае остается обычным иском о присуждении" [127, 4]. Эту же мысль подчеркивает и В. М. Савицкий: „Сущность иска и в том и в другом виде процесса в принципе едина" [182, 120]. Но поскольку иск — одно из стержневых понятий и один из центральных институтов гражданского процессуального права и, естественно, учение о нем наиболее полно разработано в гражданско-процессуальной науке, то обращение к последней с целью выявления сущности этого правового явления и определения его понятия вполне закономерно и оправданно.

В теории иска в советском гражданском процессуальном праве по вопросу о понятии иска имеются весьма существенные расхождения. Длительное время в гражданско-процессуальной доктрине господствовало мнение, что иск — это обращение субъекта, считающего свое право нарушенным или оспоренным, в суд за защитой этого права. Логически закономерным результатом такого подхода к понятию иска явилось и соответствующее его определение, которое сводилось к обращению в суд с требованием о защите спорного гражданского субъективного права или охраняемого законом интереса [203, 157; 57, 145; 58, 144; 201, 101; 65, 57–58].

Наряду с этим была выдвинута теория двух понятий иска — в процессуальном и материально-правовом смысле. По мнению ее сторонников, иск в процессуальном смысле — это обращение к суду заинтересованного лица с требованием о защите права, а иск в материально-правовом смысле — это обращенное суду материально-правовое требование истца к ответчику, само защищаемое судом гражданское право [59, 159; 64, 146; 8, 153–154; 201, 104]. С позиций М. А. Гурвича в советском гражданском процессе можно говорить лишь об иске в процессуальном смысле, т. е. как о процессуальном действии по возбуждению процесса. Об иске же в материально-правовом смысле можно говорить только в гражданском праве [138, 119]. Разделяя эту конструкцию понятия гражданского иска, П. Ф. Елисейкин также полагал, что единого понятия иска и права на него нет, а есть самостоятельный иск и право на иск в материальном и процессуальном смысле [81, 2]. Поэтому „материально-правовое требование истца к ответчику и процессуальное требование истца к суду хотя и неразрывно связаны друг с другом, но все же не образуют единого требования, а остаются относительно самостоятельными по отношению друг к другу" [82, 86].

Наконец, существует еще одна концепция — теория единого понятия иска, имеющего две стороны — материально-правовую и процессуальную. В соответствии с данной конструкцией гражданский иск — единое понятие, в котором органически соединены требование истца к ответчику (материально-правовая сторона) и требование истца к суду о защите права (процессуальная сторона) [199, 114—115; 74, 12; 247, 69—70; 57, 144].

Нет сомнения в том, что все приведенные теории иска в советском гражданском процессе имели влияние на определение понятия гражданского иска в советском уголовном процессе. В этом нетрудно убедиться, если сравнить эти определения с изложенными выше концепциями и предложенными в их рамках определениями понятия гражданского иска.

Представляется, что концепция единого понятия иска с его материально-правовой и процессуальной сторонами является наиболее правильной и научно обоснованной. По любому гражданскому делу, независимо от того, в какой процессуальной форме ведется в нем производство, требование (обращение) истца к суду о рассмотрении возникшего между ним и ответчиком спора сопровождается указанием на требование истца к ответчику. Последнее составляет предмет иска, без которого иска не может быть. Поэтому есть все основания согласиться с А. А. Добровольским в том, что обращение в суд без указания спорного требования истца к ответчику было бы беспредметным [74, 13]. Если подвергнуть анализу любой заявленный в уголовном процессе гражданский иск (равно как и в процессе гражданском), то нетрудно обнаружить, что в обращенном суду исковом заявлении истец обязательно указывает конкретное материальное требование к ответчику, сущность которого состоит в возмещении причиненного преступным деянием материального ущерба. Данное требование составляет содержание гражданского иска, без которого иска, естественно, быть не может.

Вместе с тем обладание лицом, субъективное имущественное право которого было нарушено, одним лишь правом требовать у обязанного лица возмещения материального ущерба (материально-правовым требованием) еще не означает, что гражданский иск уже наличествует. Не будет его и в том случае, если требование будет предъявлено непосредственно обязанному лицу. Он появится лишь тогда, когда понесшее материальный ущерб лицо даст ход своему материально-правовому требованию в установленных законом процессуальной форме и порядке. Следовательно, требование лица, понесшего материальный ущерб от преступления, о его возмещении становится гражданским иском лишь в том случае, когда оно будет обращено (заявлено) суду в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке.

Таким образом, лишь две стороны иска в их неразрывном единстве могут дать полное о нем представление, выразить его сущность, а поэтому, полагаем, обе они и должны найти свое отражение в определении его понятия.

Единство материально-правового содержания иска и его процессуальной формы реализации определяется тем, что возможности материально-правового характера, предоставленные управомоченному лицу нормой материального права, предполагают и возможность их осуществления в определенной, установленной законом процессуальной форме, в предусмотренном порядке. Широко известно высказывание К. Маркса о соотношении материального права и его процессуальной формы реализации. В своей ранней статье „Дебаты по поводу закона о краже леса” он писал, что „материальное право, однако, имеет свои необходимые, присущие ему процессуальные формы... Судебный процесс и право так же тесно связаны друг с другом, как, например, формы растений связаны с растениями, а формы животных — с мясом и кровью животных. Один и тот же дух должен одушевлять судебный процесс и законы, ибо процесс есть только форма жизни закона...” [1, 158].

Этим соотношением материального права и процессуальной формы его реализации безусловно определяется и диалектическая взаимосвязь материально-правового содержания и процессуальной формы иска, как одного из процессуальных средств защиты права.

Однако единство материального содержания гражданского иска и его процессуальной формы реализации нельзя понимать упрощенно. Прав К. С. Юдельсон, отметивший по этому поводу, что „нельзя понимать указание Маркса в том смысле, что содержанием процесса является само материальное право, подлежащее защите” [204, 16; 35, 23]. Процессуальная форма, процессуальный порядок реализации материально-правового требования, будучи формой его жизни, имеет и определенное самостоятельное значение. Ее относительная самостоятельность проявляется в том, что она представляет собой особый вид деятельности публично-правового характера по реализации материально-правовых норм, имеющих своей целью защиту имущественных прав потерпевших лиц, нарушенных в результате совершения преступления. Эта деятельность регулируется уголовно-процессуальным законодательством, предоставляющим органам, ведущим процесс, спорящим сторонам, иным его участникам процессуальные права и обязанности, обеспеченные необходимыми процессуальными гарантиями их осуществления, которые в своей совокупности определяют содержание и особенности исковой формы защиты права. Именно эта самостоятельность процессуальной формы реализации материально-правового требования обуславливает существование института гражданского иска в уголовном процессе, т. е. системы норм уго-

ловно-процессуального права, регулирующих процессуальные отношения, возникающие в связи с предъявлением в суд требования истца к ответчику о возмещении причиненного преступлением ущерба, производством по нему и его разрешением.

В то же время, обладая определенной самостоятельностью, процессуальная форма реализации материально-правовых требований истца к ответчику представляет собой лишь *форму* принудительной реализации материально-правовых требований, составляющих ее *содержание*. Будучи лишенной реального содержания, она, естественно, лишается всякой ценности. В этой связи К. Маркс писал: „Если судебный процесс сводится к одной только бессодержательной форме, то такая пустая формальность не имеет никакой самостоятельной ценности”. И далее: „Форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания” [1, 158, 159].

Все изложенное убеждает нас в необходимости признать правильным вывод о том, что в определении сущности и понятия гражданского иска необходимо исходить из единства его материально-правового содержания и процессуально-правовой формы. Без спорного материального требования нет иска, равно как его нет и без обращения с этим требованием в суд для рассмотрения и разрешения в установленных законом процессуальной форме и порядке. Поэтому отождествление иска с одной из его сторон (элементов) не раскрывает сущности, и попытка дать на этой основе научное определение его понятия не может увенчаться успехом, поскольку такое определение не отражает действительного положения вещей.

Вместе с тем, признавая и отстаивая положение о едином понятии иска, некоторые процессуалисты считают, что на первое место в определении понятия гражданского иска необходимо все же поставить его процессуально-правовую сторону. Так, А. Ф. Клейнман полагает, что „на первое место в определении надо было поставить процессуальную сторону (требование к суду о защите права), а только на второе место материально-правовую сторону (материально-правовое требование истца к ответчику как предмет судебной защиты)” [100, 31]. Исходя из того, что иск вовне выступает прежде всего в виде обращения в суд, А. А. Добровольский и С. А. Иванова также считают „целесообразным в определении иска на первое место поставить его процессуальную сторону, а затем уже говорить о его материально-правовой стороне” [76, 421; 75, 17].

Однако вряд ли можно по этому чисто внешнему признаку определять соотношение материального и процессуального в иске. Предъявление иска (обращение к суду за защитой) предполагаемым обладателем нарушенного гражданского права следует после того, как это право было нарушено. Следовательно, если рассматривать этот вопрос диалектически, как развитие

процесса осуществления субъективного гражданского права, то предъявление иска, как правильно замечает В. П. Грибанов, вовсе не есть начальный момент этого процесса, а один лишь из этапов осуществления материального права — этап принудительного осуществления или защиты нарушенного материального права [60, 167]. Предъявлению иска предшествует возникновение у истца самого субъективного права, затем последует нарушение этого права со стороны ответчика и возникновение у первого права на иск, и лишь затем — само предъявление иска, если обязанное лицо добровольно не выполнит лежащей на нем обязанности.

Соотношение материального и процессуального в иске и праве на него есть не что иное, как соотношение между его материальным содержанием (требованием истца к ответчику) и процессуальной формой ее осуществления (обращением к суду за защитой). Поэтому, исходя из определяющего значения содержания в его взаимосвязи с формой как философскими категориями, памятуя положение о том, что „форма лишена всякой ценности, если она не есть форма содержания” [1, 159], гражданский иск, независимо от процессуальной формы предъявления, следует рассматривать как требование истца к ответчику, предъявленное в суд для рассмотрения и разрешения в установленном законом процессуальном порядке. Производный характер процессуальных отношений, возникающих в связи с предъявлением гражданского иска, от имущественных материально-правовых отношений должен найти свое отражение и в рассматриваемом правовом понятии. С этой точки зрения определение гражданского иска в уголовном процессе именно как требования истца к ответчику, рассматриваемого и разрешаемого судом совместно с уголовным делом, правильно отражает соотношение материального и процессуального в иске и праве на него, и это соотношение должно быть отражено также в самом понятии иска и его определении.

Таким образом, гражданский иск — явление сложное. Его правовая природа далеко не однозначна, как это полагает В. Г. Даев, по мнению которого иск имеет исключительно процессуальную природу [70, 7]. Правы Н. А. Чечина и Д. М. Чечот, отметившие, что правовую природу иска можно раскрыть лишь путем комплексного анализа материальной и процессуальной его стороны [246, 198]. Гражданский иск в уголовном процессе имеет, по нашему мнению, двойственную правовую природу — материальную и процессуальную. По материальной природе он является гражданским в широком понимании этого термина, а по процессуальной — уголовно-процессуальным. Его материальная природа определяется отраслью материального права, нормы которой регулируют спорное материально-правовое отношение, возникшее между истцом и ответчиком, из которого первый из них выводит свое требование ко

второму; процессуальная — процессуальной формой, посредством которой „приводится в действие” материально-правовое требование истца. Поскольку же иск о возмещении причиненного преступлением материального ущерба предъявляется и разрешается в уголовном процессе, то, естественно, и процессуальная его природа может быть только уголовно-процессуальной.

Анализ норм действующего уголовно-процессуального закона, регулирующих производство по гражданскому иску в уголовном деле, дает основание для утверждения, что законодатель при формулировании этих норм также исходит из концепции единого понятия иска в неразрывном единстве двух его сторон — материально- и процессуально-правовой, и отражает в них (нормах) все необходимые его признаки. Так, в ч. 1 ст. 28 и ч. 1 ст. 50 УПК УССР (ч. 1 ст. 29, ч. 1 ст. 54 УПК РСФСР) он указывает как на материально-правовую сторону иска (требование о возмещении причиненного преступлением материального ущерба), так и на процессуальную (обращение за защитой нарушенного имущественного права). В нормах, содержащихся в ст. ст. 28, 50, 51, 52, 123, 124 УПК УССР (ст. ст. 29, 54, 55, 56, 137, 138 УПК РСФСР), отражены другие признаки иска, в частности: кто вправе предъявить иск (лицо, понесшее материальный ущерб от преступления, его полномочный представитель, в установленных законом случаях прокурор); кто несет ответственность за причиненный вред (обвиняемый или лица, несущие в силу закона имущественную ответственность за его действия); кому может быть заявлено требование о возмещении ущерба (органам, ведущим производство по уголовному делу); кем и в каком порядке рассматривается и разрешается иск (судом совместно с уголовным делом, т. е. в порядке уголовного судопроизводства). С учетом этих признаков и следует дать определение понятия гражданского иска в уголовном процессе.

Таким образом, *гражданский иск в советском уголовном процессе — это требование лица, понесшего материальный ущерб от преступления, его полномочного представителя или в его интересах прокурора к обвиняемому или лицам, несущим имущественную ответственность за его действия, о возмещении этого ущерба, заявленное ведущим уголовный процесс органам и разрешаемое судом совместно с уголовным делом.*

Не претендуя на законченность, предложенное определение, надо полагать, содержит все основные признаки и черты рассматриваемого понятия. Попытка же определить гражданский иск в уголовном процессе как исключительно процессуальное явление, как это имеет место у В. Г. Даева, не раскрывает его сути, поскольку характеризует лишь одну из его сторон. Поэтому не удивительно, что и автору, по нашему мнению, не удалось сконструировать определение гражданского иска только как „обращения юридически заинтересованного или уполномоченного лица к суду” за

защитой нарушенного права, т. е. как явления исключительно процессуальной природы. На вопрос о том, с чем обращается понесшее материальный ущерб лицо в суд, автор отвечает: „С заявлением о возмещении... имущественного ущерба, причиненного преступлением” [70, 22]. Но так как содержанием этого заявления является не что иное, как притязание (требование) истца к ответчику о возмещении ущерба, то тем самым материально-правовая сторона иска также включается в понятие. В сущности предложенное В. Г. Даевым определение гражданского иска отличается от общепринятого лишь тем, что на первый план в нем поставлена процессуальная сторона. Однако это уже не имеет принципиального значения. При всей важности научного определения понятия само определение (дефиниция) не имеет столь существенного значения, если оно правильно, адекватно объективной реальности, отражает главные характерные признаки и особенности рассматриваемого явления.

Явным отходом от общепринятого определения гражданского иска является ранее приведенное определение его как „действий и отношений”, предложенное З. З. Зинатуллиним. Оно отражает динамику гражданского иска в уголовном процессе и с этой точки зрения возражений вызвать не может. Однако дефиниция любого явления — синтез свойственных ему признаков, характерных черт, выражающих его сущность, позволяющих сформулировать критерии отличия данного явления от других. С этой стороны определение З. З. Зинатуллиним гражданского иска в уголовном процессе вызывает серьезные возражения. При такой трактовке иска, как правильно было отмечено в литературе [11, 29], его предъявление становится не чем иным, как обращением к компетентным органам с „деятельностью” о возмещении ущерба. А в конечном итоге выходит, что суд при постановлении приговора удовлетворяет или отказывает либо оставляет без рассмотрения не требование истца к ответчику возместить причиненный вред, а „деятельность”. Не согласуется оно и с законодательным пониманием гражданского иска именно как материально-правового требования истца к ответчику, реализуемого в уголовно-процессуальной форме и установленном законом порядке.

2. Несмотря на то что заявленный в уголовном процессе гражданский иск своим содержанием имеет материально-правовое требование истца к ответчику, он является уголовно-процессуальным средством защиты нарушенного преступлением имущественного права. Это требование подлежит рассмотрению и разрешению судом в предусмотренном уголовно-процессуальным законом порядке, обеспечивающем сторонам спорного материально-правового отношения широкие и равные процессуальные возможности по выяснению всех обстоятельств, связанных с причинением материального ущерба и его возмещением. Уголовно-процессуальные

нормы, регулирующие производство по гражданскому иску, в своей совокупности образуют институт гражданского иска. Они регулируют не материально-правовые отношения, возникшие между истцом и ответчиком в связи с причинением ущерба, но лишь поведение участников уголовного процесса по поводу этих отношений. (Как уголовно-процессуальный институт, гражданский иск представляет собой систему уголовно-процессуальных норм, регулирующих поведение участников уголовного судопроизводства и возникающих при этом процессуальных отношений в связи с заявленным требованием понесших материальный ущерб лиц о его возмещении. Поэтому институт гражданского иска в уголовном процессе следует признать сугубо уголовно-процессуальным, а не гражданским материальным [173, 287], межотраслевым (гражданско-материальным и процессуальным) [199, 129] или гражданско-процессуальным, применяемым, однако, при определенных условиях для регулирования некоторых общественных отношений в уголовном судопроизводстве [238, 4].

Поскольку гражданский иск в уголовном деле является уголовно-процессуальным средством защиты нарушенных преступлением имущественных прав и охраняемых законом интересов потерпевших лиц, он, естественно, подчиняется той процессуальной форме правового регулирования, в рамках которой находит свою реализацию. Поэтому уголовно-процессуальная деятельность и возникающие в этой связи процессуальные отношения, связанные с производством по гражданскому иску, регулируются нормами уголовно-процессуального закона. Однако, как известно, последний немало вопросов, возникающих в связи с производством по гражданскому иску, не урегулировал. К ним, в частности, можно отнести замену в ходе производства ненадлежащих гражданского истца и гражданского ответчика, отказ истца от иска, подведомственность гражданских исков и др. Вне сферы уголовно-процессуального регулирования осталось также исполнительное производство приговора в части имущественных взысканий. Однако, если в отношении исполнения приговора в части гражданского иска имеется непосредственное указание закона о том, что он исполняется по правилам исполнительного производства, установленного гражданским процессуальным законом (п. 2 ст. 348 ГПК УССР; п. 2 ст. 338 ГПК РСФСР), то относительно других фактических процессуальных отношений, возникающих в связи с производством по гражданскому иску в уголовном деле и уголовно-процессуальным законом не урегулированных, таких указаний не имеется. Какой же выход из сложившейся ситуации? Судебная практика находит его в том, что применяет к связанным с производством по гражданскому иску фактическим отношениям, которые остались неурегулированными уголовно-процессуальным законом, соответствующие нормы гражданско-процессуального законодательства.

В этом отношении принципиальное значение имеет определение Военной коллегии Верховного Суда СССР от 22 сентября 1970 г. в уголовном деле по обвинению Недашковского: „Решая вопрос о принятии отказа истца от иска, заявленного в уголовном деле, суд должен вынести по этому вопросу определение, руководствуясь нормами гражданского процессуального кодекса”.

Указывая на неправильное решение судом (военным трибуналом) вопроса, связанного с отказом истца от заявленного им в уголовном процессе иска о возмещении причиненного преступлением ущерба, судебная коллегия в своем определении отметила, что при его решении суд должен был руководствоваться ст. ст. 165 и 219 ГПК РСФСР (ст. ст. 179, 227 ГПК УССР), которые регулируют возникшую правовую ситуацию [36, 1971, № 1, 43—45].

Об ориентации судебной практики на применение норм гражданского процессуального закона в случаях, когда при производстве по гражданскому иску в уголовном деле возникают отношения, не урегулированные уголовно-процессуальным законом, говорят и другие опубликованные решения высших судебных органов страны по конкретным делам [36, 1964, № 1, 30; 1985, № 3, 22; 37, 1970, № 11, 11; 1971, № 3, 8]. Такое решение рассматриваемого вопроса находит поддержку также в теории гражданского иска в уголовном процессе [66, 6; 10, 12; 70, 13; 169, 19—20; 32, 72].

Полагаем, что в правильности и целесообразности именно такого подхода к решению рассматриваемого вопроса сомнений быть не может. В обоснование можно привести следующие соображения. Процессуальные формы реализации уголовного и гражданского (в широком его понимании) права существенно отличаются одна от другой, так как при их создании законодатель учитывает природу, характер и свойства этих отраслей материального права.

Однако уголовный процесс является не только формой применения уголовного материального права. В нем могут быть реализованы и нормы материального права гражданского цикла, направленные на защиту нарушенного материального субъективного права потерпевших от преступления. Правовая природа и характер этих норм не могут не наложить отпечатка на порядок их реализации не только в гражданском, но и в уголовном процессе. Следовательно, предметное единство процессуальных отношений, возникающих при производстве по гражданскому иску как в гражданском, так и в уголовном процессах, их производный характер от имущественных материально-правовых отношений предопределяет наличие общих основных черт искового способа защиты права независимо от того, в какой процессуальной форме он реализуется. Основные черты исковой формы защиты права, реализуемой путем гражданского производства (порядок разбирательства и разрешения гражданских дел точно установлен законом; право сторон лично или через своих представителей принимать участие в разбирательстве гражданского дела; предоставление участвующим в деле лицам равных процессуальных прав;

решение по делу должно быть основано на законе и фактах, установленных судом в судебном заседании определенным в законе способом [74, 49; 75, 20]), в равной мере свойственны и гражданскому иску в уголовном процессе.

Сказанное, разумеется, не означает, что исковая форма защиты права, реализуемая в порядке уголовного судопроизводства, не имеет своих особенностей. Они есть и обусловлены прежде всего связью исковых требований гражданского истца с совершенным преступлением, что, в свою очередь, влечет подчинение этой формы основным целям уголовного процесса и более широкое применение в ней публичного начала. Однако за пределами этих особенностей производство по гражданскому иску в уголовном процессе испытывает на себе сильное влияние общих начал гражданского судопроизводства. Как правильно отметил В. Г. Даев, „предметная зависимость процессуальных отношений, порождающая наличие определенной (исковой) формы как процессуального средства разрешения спора о гражданском праве, определяет известную зависимость процедуры разрешения такого спора в уголовном процессе от общих начал гражданско-процессуального судопроизводства” [70, 12].

Изложенное, таким образом, дает основание для вывода, что применение гражданско-процессуальных норм к возникающим в связи с производством по гражданскому иску в уголовном деле фактическим процессуальным отношениям, не урегулированным уголовно-процессуальным законом, не является чем-то противоестественным. Более того, полагаем, что нет и необходимости в уголовно-процессуальном регулировании всех без исключения процессуальных отношений, возникающих при производстве по гражданскому иску. Это привело бы к значительному увеличению количества норм уголовно-процессуального законодательства, которые в своей основной массе дублировали бы гражданско-процессуальное законодательство, что не согласуется с требованиями законодательной техники. Однако регулирование отношений, возникающих между участниками уголовного судопроизводства в связи с заявленным гражданским иском, на основании норм гражданского процессуального права может быть осуществлено лишь при наличии определенных условий. Ими, по нашему мнению, являются: а) возникшие фактические отношения между участниками процесса в связи с гражданским иском уголовно-процессуальным законом не урегулированы; б) эти отношения урегулированы гражданско-процессуальным законом; в) применение норм гражданско-процессуального права для урегулирования возникших отношений не войдет в противоречие с нормами уголовно-процессуального права и принципами уголовного судопроизводства.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство не содержит общей нормы, закрепляющей правило о допустимости применения гражданско-процессуальных норм при производстве

по гражданскому иску в уголовном деле. Поэтому охарактеризованная выше судебная практика по рассматриваемому вопросу, будучи правильной по существу, фактически лишена легального основания, что необходимо рассматривать как пробел в уголовно-процессуальном регулировании производства по гражданскому иску, подлежащий устранению. В этой связи заслуживает поддержки высказанное в литературе мнение о необходимости дополнить действующее уголовно-процессуальное законодательство нормой, закрепляющей общее правило о допустимости в уголовном процессе соответствующих норм гражданско-процессуального закона при определенных ею условиях [32, 79; 128, 80-81].

Законодательный опыт именно такого решения рассматриваемого вопроса имеется в ряде европейских социалистических стран. Так, согласно § 56 действующего УПК БНР, „там, где настоящий закон не регулирует процессуальных вопросов, связанных с осуществлением гражданско-правовых претензий, следует руководствоваться положениями гражданского процесса при условии, что они не противоречат настоящему закону, задачам и характеру уголовного производства”. УПК ПНР (ст. 60) гласит: „По вопросам, касающимся гражданского иска и не урегулированным положениями настоящего Кодекса, соответственно применяются положения Гражданского процессуального кодекса”. Аналогичное правило содержит также ст. 64 УПК НРБ.

В связи с изложенным полагаем, что действующее уголовно-процессуальное законодательство, в частности ст. 28 УПК УССР и соответствующие статьи уголовно-процессуальных кодексов других союзных республик, следовало бы дополнить нормой следующего содержания:

„Производство по гражданскому иску, предъявленному в уголовном деле, производится по правилам, установленным настоящим Кодексом. Соответствующие нормы Гражданского процессуального кодекса по вопросам, касающимся гражданского иска, подлежат применению в той мере, в какой они остались неурегулированными настоящим Кодексом и при условии, что они не противоречат его нормам”.

Принятие такого правила, надо полагать, устранил немало неясностей, связанных с производством по гражданскому иску в уголовном процессе, и будет способствовать защите нарушенных преступлением имущественных прав потерпевших лиц.

ПРЕДМЕТ И ОСНОВАНИЕ ГРАЖДАНСКОГО ИСКА В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ

В гражданском иске, предъявляемом и разрешаемом совместно с уголовным делом, равно как и во всяком ином иске, принято различать составные части или элементы: предмет и основание. Именно эти два элемента и составляют содержание гражданского иска в уголовном процессе. Любой гражданский иск отличается от другого прежде всего своим предметом, т. е. конкретным мате-

риально-правовым требованием истца к ответчику по гражданскому иску, предъявляемому в уголовном процессе на рассмотрение и разрешение суда. В свою очередь, это требование вытекает из определенных законом юридических фактов, составляющих в совокупности второй элемент иска — его основание. Названные два элемента и определяют объем (пределы) и направления производства по гражданскому иску в уголовном процессе.

1. Анализ уголовно-процессуальных норм, регулирующих производство по гражданскому иску, и прежде всего ст. 25 Основ уголовного судопроизводства и ст. 28 УПК УССР (ст. 29 УПК РСФСР), не оставляет сомнений в том, что предметом последнего может быть только требование о возмещении материального ущерба, основанного на факте его причинения преступлением. Это дает основание квалифицировать гражданский иск в уголовном процессе исключительно как иск о присуждении [127, 4].

Предмет гражданского иска в уголовном процессе как для уголовно-процессуальной доктрины, так и правоприменительной деятельности в целом затруднений не вызывает. Однако в нем также имеется ряд вопросов, по которым не достигнуто единства во мнениях ученых-процессуалистов, а также нет стабильности в правоприменительной практике. К их числу относится прежде всего вопрос о том, охватывается ли предметом гражданского иска материальный ущерб, состоящий из неполученных потерпевшими лицами хозяйственных доходов, которые они бы могли получить, если бы преступление не было совершено. То есть речь идет о той части убытков, которые принято именовать „неполученные доходы” или „упущенная выгода” (*lucrum cessans*). С точки зрения материального гражданского права это вопрос об объеме возмещаемого имущественного вреда и его пределах.

В уголовно-процессуальной литературе довольно распространенным является мнение, согласно которому лица, понесшие материальный ущерб от преступления, вследствие причинения вреда их имуществу, имеют право на взыскание только положительного ущерба в имуществе (*damnum emergens*) и не имеют права на взыскание упущенной выгоды (*lucrum cessans*). Так, по мнению П. П. Гуреева, „в обязательствах из причинения вреда возмещение убытков заменяет восстановление прежнего состояния. Под убытками при причинении вреда следует понимать только положительный ущерб в имуществе, т. е. уменьшение наличного имущества потерпевшего... Поэтому потерпевший, понесший материальный ущерб от преступления, имеет право на взыскание с обвиняемого или лиц, несущих ответственность за действия обвиняемого, только положительного ущерба в имуществе и не имеет права на взыскание упущенной выгоды” (курсив мой. — В. Н.) [66, 15–16]. Данную точку зрения разделяют также А. Г. Мазалов, З. З. Зинатуллин, Л. Д. Кокорев [127, 27; 87, 12; 104, 87].

Полагаем, что это мнение не имеет под собой достаточных оснований и не согласуется ни с самой сущностью гражданско-правовой ответственности (основная цель и функция которой — восстановить то материальное положение понесших имущественный вред лиц, в котором они находились бы, не будь совершенного преступления либо иного деликта), ни с действующим гражданским законодательством, на основании которого суд должен разрешить заявленное требование (иск) о возмещении причиненного преступлением материального ущерба. Анализ последнего подтверждает, что ведущий правоохранный гражданско-правовой принцип полной стоимостной компенсации (в натуре или денежном эквиваленте), который реализуется в случаях незаконного завладения чужим имуществом и предъявления и разрешения vindикационных исков (ст. ст. 148 ГК УССР, 155 ГК РСФСР), при причинении убытков неисполнением либо ненадлежащим исполнением принятых на себя обязательств в различного рода сделках и предъявлении и разрешении исков об их возмещении (ст. ст. 203 ГК УССР, 219 ГК РСФСР), при неосновательном приобретении либо сбережении чужого имущества и предъявлении и разрешении кондиционных исков (ст. ст. 469 ГК УССР, 473 ГК РСФСР), сохраняет свою силу и для случаев причинения материального ущерба различного характера деликтами и его возмещения. Именно такой вывод следует из содержания ч. 1 ст. 88 Основ гражданского законодательства (ст. ст. 440 ГК УССР, 444 ГК РСФСР) в новой редакции, согласно которой причиненный имущественный вред подлежит возмещению в *полном объеме* лицом, его причинившим, кроме случаев, специально указанных законом. Следовательно, законодатель специально подчеркнул, что, за исключением установленных им случаев, причиненный деликтом, в том числе и криминальным, имущественный вред подлежит возмещению в полном объеме.

✓ Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 23 марта 1979 г. „О практике применения судами законодательства о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением“ также обратил внимание судов на необходимость возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, в полном размере (п. 11) [186, 817-818]. Полный же объем (размер) имущественного вреда, как известно, включает в себя как положительный ущерб в имуществе, так и неполученные доходы (ст. ст. 453 ГК УССР, 457 ГК РСФСР). В цивилистической науке это положение является, по существу, общепринятым [151, 370; 237, 151; 134, 51; 28, 69; 77, 108; 196, 63]. При этом возмещение вреда в натуре (предоставление взамен уничтоженной или испорченной вещи того же рода и качества, исправление ее и т. п.) не является препятствием к возмещению, кроме того, и причиненных убытков в виде неполученных доходов, которые потерпевшее лицо получило бы, если бы не было совершено преступление.

Последние не включаются в объем возмещения, а следовательно, и не охватываются предметом иска лишь в специально предусмотренных законом случаях. Устанавливая такие случаи, законодатель исходит не только из характера вредоносных действий, но и наличия или отсутствия трудовых (служебных) отношений между причинителем вреда и потерпевшей социалистической организацией. Так, если имущественный вред причинен социалистической организации преступным деянием рабочего, служащего (военнослужащего) либо колхозника, состоящих с нею соответственно в трудовых (служебных) или колхозно-правовых отношениях, то возмещение ущерба должно осуществляться на основании норм трудового или колхозного законодательства, а не гражданского. Согласно же трудовому (ст. ст. 49 Основ законодательства о труде; 130 КЗоТ УССР; 118, 121 КЗоТ РСФСР) и колхозному законодательству имущественная ответственность названных лиц за ущерб, причиненный предприятию, учреждению, организации или колхозу в результате нарушения своих трудовых обязанностей, включает только реальный материальный ущерб, состоящий в утрате, повреждении либо уничтожении имущества. Неполученные в таких случаях доходы в виде стоимости простоя транспорта, механизмов, оборудования; стоимости продукции, которую можно было бы изготовить из испорченного или уничтоженного материала и сырья; стоимости запланированного урожая, прироста веса скота, надоев молока и т. п. возмещению не подлежат, а поэтому их и не следует включать в предмет гражданского иска в уголовном деле.

Таким образом, вопрос о том, включаются ли неполученные доходы в объем возмещения причиненного преступлением материального ущерба и, следовательно, охватываются ли они предметом гражданского иска в уголовном деле, должен решаться в зависимости от характера совершенного преступления, а также материального закона, которым должен руководствоваться суд при вынесении решения о возмещении ущерба. При этом, если материальный ущерб причинен преступными действиями обвиняемого юридическому лицу, с которым он состоит в трудовых (служебных) отношениях, возмещение ущерба должно осуществляться в соответствии со ст. 2 и п. 3 ст. 10 Положения о материальной ответственности рабочих и служащих за ущерб, причиненный предприятию, учреждению, организации, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 июля 1976 г. [40, 1976, № 29, ст. 427]. Как разъяснил Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 23 сентября 1977 г. „О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность рабочих и служащих за ущерб, причиненный предприятию, учреждению, организации“, материальный ущерб в виде неполученных доходов в таких случаях возмещению не подлежит. Возме-

щается лишь прямой действительный ущерб, выражающийся в утрате, ухудшении или понижении ценности имущества, затратах, произведенных на восстановление либо приобретение имущества или иных ценностей, а также излишних выплатах [186, 281].

Вместе с тем в соответствии с указаниями Пленума Верховного Суда СССР от 23 сентября 1987 г. „О применении судами законодательства, регулирующего материальную ответственность рабочих и служащих за ущерб, причиненный предприятию, учреждению, организации”, внесенного в названное выше постановление изменения и дополнения, при определении материального ущерба, причиненного самовольным использованием в личных целях автомобилей, тракторов, автокранов и т. п., принадлежащих предприятию, учреждению, организации, с которыми виновный состоял в трудовых отношениях, суды должны исходить из того, что в этих случаях ущерб причиняется не при исполнении трудовых (служебных) обязанностей и, следовательно, подлежит возмещению весь убыток, причиненный предприятию, учреждению, организации, включая и неполученный в результате действий виновного доход (п. 17¹) [36, 1987, № 6, 4].

Если материальный ущерб причинен преступными действиями колхозу его членом, то имущественная ответственность последнего осуществляется на основании колхозного законодательства, которое также не допускает взыскания неполученных плановых доходов [186, 333; 221, 87–90].

Аналогичным образом решается этот вопрос и при возмещении материального ущерба, причиненного государству военнослужащими при исполнении ими своих служебных обязанностей. В соответствии со ст. 2 Положения о материальной ответственности военнослужащих за ущерб, причиненный государству, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета СССР от 13 января 1984 г. [40, 1984, № 3, ст. 61], возмещению подлежит лишь прямой действительный ущерб. Взыскание доходов, которые могли бы быть получены воинской частью, но из-за преступных действий военнослужащего не получены, не допускается*.

И лишь в том случае, когда материальный ущерб причинен преступлением, совершенным лицом, не состоящим с предприятием, учреждением, организацией в трудовых (служебных) отношениях и не являющимся членом колхоза, а также не в связи с исполнением трудовых (служебных) обязанностей, возмещение ущерба осуществляется на основании норм гражданского законодательства, регулирующих обязательства из причинения вреда. Последние же предусматривают возмещение причиненного ущерба в полном

* Согласно ст. 7 действие этого Положения распространяется также на военнослужащих органов и войск КГБ СССР, начальствующий и рядовой состав МВД СССР.

объеме, включая и неполученные доходы. При этом, разумеется, не исключается снижение подлежащего возмещению ущерба с учетом конкретных обстоятельств дела, степени вины самого потерпевшего в его возникновении и материального положения осужденного (ст. ст. 454 ГК УССР, 458 ГК РСФСР), кроме случаев причинения ущерба преступлением, совершенным с корыстной целью. Однако для такого снижения возмещения ущерба суд должен указать в приговоре мотивы принятого решения.

Как уже ранее было отмечено, многие ученые-процессуалисты не разделяют мнения о необходимости взыскания и неполученных доходов, полагая, что употребляемые в ст. 219 ГК РСФСР (ст. 203 ГК УССР) слова „не полученные кредитором доходы, которые он получил бы, если бы обязательство было исполнено должником”, не имеют отношения к обязательствам из причинения вреда [127, 38]. Кроме того, некоторые из них целью возмещения причиненного преступлением материального ущерба считают восстановление существовавшего до преступления объема материальных благ потерпевшего. Если же взыскивать не только положительный ущерб в имуществе, но и упущенную выгоду, то это привело бы практически не к восстановлению прежнего материального состояния потерпевшего, а к его увеличению [87, 39].

В обоснование точки зрения по рассматриваемому вопросу ссылаются и на судебную практику, которая, по мнению некоторых исследователей, отрицательно относится к возможности взыскания неполученного дохода.

В качестве иллюстрации обычно приводится постановление президиума Верховного Суда РСФСР, принятое в деле по обвинению Илькова в преступлении, предусмотренном ст. 86 УК РСФСР, опубликованное в „Бюллетене Верховного Суда РСФСР” [37, 1965, № 10, 12]. Обстоятельства дела состояли в следующем. Некто Ильков, находясь в нетрезвом состоянии, зашел на территорию железнодорожной станции и умышленно разъединил в трех местах автосцепку вагонов рефрижераторного поезда, что при его движении привело к разрыву вагонов и, как следствие этого, к повреждению имущества на сумму 292 руб.

При производстве по уголовному делу Восточно-Сибирская железная дорога предъявила к обвиняемому гражданский иск на сумму 685 руб., в которую включила стоимость испорченного имущества — 292 руб., простоя грузового поезда в течение 22 ч. 13 мин в сумме 284 руб. и стоимость простоя локомотива в течение четырех часов в сумме 29 руб. Приговором Верховного Суда Бурятской АССР иск был удовлетворен. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда РСФСР при кассационном рассмотрении этого дела приговор суда оставила без изменения. Однако, рассматривая его в порядке судебного надзора по протесту заместителя председателя Верховного Суда РСФСР, президиум этого суда стоимость простоя поезда и локомотива из возмещения ущерба исключил, мотивируя это тем, что в обязательствах, возникающих из причинения вреда, взысканию подлежит только реальный ущерб, причиненный имуществу потерпевшего. Упущенная выгода подлежит взысканию лишь по обязательствам, вытекающим из договорных отношений.

С таким выводом президиума Верховного Суда РСФСР, равно как и мнением означенных авторов, согласиться нельзя, так как они находятся в противоречии с действующим гражданским законодательством, регулирующим обязательства из причинения вреда, в частности со ст. 457 ГК РСФСР (ст. 453 ГК УССР), устанавливающей способы и пределы возмещения ущерба, причиненного деликтом. Делая в этой статье прямую отсылку к ст. 219 ГК РСФСР, которая определяет, какие виды имущественных потерь охватываются понятием убытка, называя в их числе и неполученные доходы (упущенную выгоду), законодатель тем самым исходит из единого понятия убытка как для обязательств, возникающих из договоров, так и возникающих из внедоговорного причинения вреда. Эту же мысль подтверждает и систематическое толкование означенных гражданско-правовых норм. Статья 219 ГК РСФСР (ст. 203 ГК УССР), как известно, находится в подразделе обязательственного права „Общие положения об обязательствах”, а ст. 457 ГК РСФСР (ст. 453 ГК УССР) — в подразделе „Отдельные виды обязательств”. Следовательно, в качестве общей нормы обязательственного права правило ст. 219 ГК РСФСР распространяет свое действие на все отдельные виды обязательств, в том числе и возникающие вследствие причинения вреда, поскольку иное не оговорено специальными нормами, регулирующими эти отдельные виды. Но так как правила, регулирующие гражданско-правовую деликтную ответственность, не только не делают никаких оговорок в отношении действия этой нормы, а, наоборот, содержат к ней отсылку*, то вывод о том, что сфера действия этой нормы не распространяется на обязательства из причинения вреда, следует признать алогичным и ошибочным.

Наконец, трудно было бы понять логику законодателя, если бы он при установлении имущественной ответственности за вред, причиненный деликтом, в том числе и крайним его проявлением — преступлением, ставил правонарушителя в более выгодное положение, обязывал его возместить только ту часть причиненного ущерба, которую составляет положительный ущерб в имуществе, по сравнению с такой же ответственностью в договорных обязательствах, где неисполнение либо ненадлежащее исполнение влечет возмещение как положительного ущерба, так и неполученных доходов. Если же стать на точку зрения названных авторов и Президиума Верховного Суда РСФСР, выраженную в приведенном постановлении, то так и получается: совершил преступление (гражданско-правовой либо административный деликт), причинившее материальный ущерб — возмещай убытки частично, только

* Статья 453 ГК УССР, в отличие от ст. 457 ГК РСФСР, прямой отсылки к ч. 2 ст. 203 ГК, содержащей понятие убытков, не дает. Это, однако, не означает, что последняя не распространяет сферу своего действия на обязательства, возникающие вследствие причинения вреда.

положительный ущерб в имуществе; не выполнил или ненадлежащим образом выполнил условия договора — возмести убытки в полном объеме. Разумеется, законодатель не может пойти на это. Там, где в силу определенных обстоятельств, например при наличии трудовых (служебных) отношений между причинителем вреда и понесшим материальный ущерб юридическим лицом, он считает необходимым ограничить пределы имущественной ответственности положительным ущербом в имуществе, об этом специально делается оговорка в законе. Где же такой оговорки нет, как это имеет место в обязательствах, возникающих вследствие причинения вреда, регулируемых нормами гражданского права, причиненный ущерб должен возмещаться в полном объеме, включая и неполученные доходы.

Следовательно, точка зрения о недопустимости предъявления и удовлетворения гражданских исков в части требования возмещения неполученных доходов (упущенной выгоды) несостоятельна. Она ведет к отрицанию возможности реализации в уголовном процессе гражданско-правового принципа возмещения причиненного материального ущерба в полном объеме. А это, в свою очередь, ставит под сомнение вообще целесообразность существования института гражданского иска в уголовном деле (соединенного процесса), так как в таком случае вместо удобств и выгод, связанных с экономией времени, средств и оперативностью в полном устранении вредных имущественных последствий преступления, он мог бы только осложнить эту задачу. Поскольку соединенный процесс не в состоянии был бы обеспечить возмещение причиненного преступлением ущерба в полном объеме, то понесшие имущественный вред лица либо вообще игнорировали бы этот процесс, отдавая предпочтение процессу гражданскому, либо вместо одного процесса (соединенного) вынуждены были бы возбуждать для возмещения неполученных доходов еще и гражданский процесс.

В связи с изложенным представляется вполне обоснованной и правильной позиция Верховного Суда Украинской ССР, который в одном из своих информационных бюллетеней (1978, № 25) дал положительный ответ на вопрос: подлежат ли возмещению при повреждении телефонного кабеля, кроме затрат на его ремонт, потери тарифных доходов от телефонных переговоров в связи с простоем? При этом высший судебный орган республики отметил, что, согласно ст. 440 ГК УССР (ст. 444 ГК РСФСР), вред, причиненный личности или имуществу, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред. Статья 453 ГК УССР (ст. 457 ГК РСФСР) обязывает ответственного за вред лицо возместить его в натуре или полностью возместить причиненные убытки. Под убытками, согласно ст. 203 ГК УССР (ст. 219 ГК РСФСР), понимаются расходы, произведенные кредитором, утрата или повреждение его имущества,

а также не полученные кредитором доходы, которые он получил бы, если бы обязательство было выполнено должником. Обязательство по возмещению таких убытков возникает и вследствие внедоговорного причинения вреда.

Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 9 июля 1982 г. „О задачах судов в свете решений майского (1982 г.) Пленума ЦК КПСС о Продовольственной программе СССР” также указал (п. 10), что при решении имущественных споров, связанных с нарушением права землепользования колхозов, судам следует иметь в виду, что, согласно ч. 1 ст. 88 Основ гражданского законодательства, размер подлежащего возмещению вреда, причиненного землепользователю, определяется в полном объеме, включая неполученные доходы [36, 1982, № 4, 8]. Следовательно, высший судебный орган государства также исходит из того, что возмещение ущерба в деликтных обязательствах охватывает как положительный ущерб в имуществе, так и неполученные доходы. Такая позиция, по нашему мнению, является позицией законодателя.

То обстоятельство, что истцы не предъявляют требований о возмещении, наряду с положительным ущербом в имуществе, и неполученных хозяйственных доходов, равно как и то, что суды иногда отказывают в удовлетворении таких требований, свидетельствует о том, что судебная практика по этому вопросу нуждается в правильной ориентации со стороны Пленума Верховного Суда СССР. К сожалению, принимая 23 марта 1979 г. известное постановление о практике применения законодательства о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением, он обошел этот вопрос молчанием. Между тем его актуальность не только не потеряна, но и существенно возрастает. В нынешних, новых условиях социалистического хозяйствования, самофинансирования и самоокупаемости, укрепления режима экономии, бережливого и рационального использования материальных и денежных ресурсов судебная практика должна быть ориентирована на то, чтобы во всех случаях преступного причинения материального ущерба лицами, не состоящими с потерпевшей организацией в трудовых (служебных) и колхозно-правовых отношениях либо причинившими материальный ущерб вне связи с этими отношениями, было обеспечено его возмещение в полном объеме, включая как положительный (реальный) ущерб в имуществе, так и неполученные доходы. Полагаем, что соответствующее разъяснение по рассматриваемому вопросу Пленума Верховного Суда СССР дало бы правильный ориентир для судебной практики, стабилизировало ее и оказало существенное влияние на эффективность борьбы с преступлениями.

2. С предметом гражданского иска в уголовном процессе связан еще один вопрос, имеющий важное доктринальное и прикладное значение, а именно: могут ли составить его предмет регрессные

требования, предъявленные к обвиняемому лицами, которые полностью или частично возместили материальный ущерб потерпевшим от преступления лицам до рассмотрения уголовного дела в суде? Этот вопрос обсуждался в юридической литературе, однако единства мнений по нему достигнуто не было. Если одни из авторов предъявление в уголовном процессе регрессных исков считают невозможным по принципиальным соображениям, полагая, что эти иски и лежащие в их основе регрессные обязательства имеют свое собственное фактическое основание — платеж по обязательству из причинения вреда [66, 23; 9, 72; 87, 54; 28, 77; 127, 73; 15, 19; 32, 76], то другие, исходя из юридико-технических удобств и экономических выгод соединенного процесса, находят предъявление и разрешение регрессных исков совместно с уголовным делом не только целесообразным, но и допустимым [210, 19; 71, 13; 106, 36; 93, 8, 12, 11; 239, 55]. При этом как сторонники, так и противники регрессных исков в уголовном процессе в обоснование своих выводов ссылаются на судебную практику высших судебных инстанций страны. Между тем эта практика не является последовательной. В начале 70-х годов Верховный Суд РСФСР в ряде постановлений по конкретным делам занял однозначную позицию — предъявление и разрешение совместно с уголовным делом регрессных исков к обвиняемым недопустимо. При этом он исходил из того, что, согласно ст. ст. 29 и 54 УПК РСФСР (ст. ст. 28 и 50 УПК УССР), гражданским истцом по уголовному делу может быть признано лицо, понесшее материальный ущерб непосредственно от преступления. Поскольку же профсоюзные органы, выплатившие пособие по временной нетрудоспособности потерпевшим, материальный ущерб понесли не непосредственно от преступления (а через выплату пособия), они свои имущественные требования вправе предъявить к непосредственному причинителю вреда лишь в порядке гражданского судопроизводства [37, 1970, № 9, 11; 1971, № 12, 8; 1973, № 4, 12].

Эта позиция высшего судебного органа республики сначала нашла поддержку и Верховного Суда СССР. Свидетельством тому является хотя бы тот факт, что Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 16 октября 1972 г. „О судебной практике по делам о хулиганстве” рекомендовал судам „разъяснять профсоюзным организациям и органам социального страхования, что они вправе предъявлять иски к лицам, осужденным (курсив мой. — В. Н.) за хулиганство, о возмещении денежных средств, израсходованных на выплату потерпевшим от хулиганских действий пособий по временной нетрудоспособности” [186, 709]. Употребляя термин „осужденным”, он, следовательно, исходил из того, что регрессный иск о взыскании с непосредственного причинителя вреда денежных сумм, составляющих пособие по временной нетрудоспособности, можно предъявлять лишь в порядке гражданского судопроизводства.

Однако несколько позже в деле по обвинению Марфутина, который был осужден народным судом по ч. 2 ст. 206 УК РСФСР (хулиганство) и с него взыскано при разрешении уголовного дела по иску прокурора в пользу профсоюзной организации завода 127 руб. 24 коп. — сумму, составляющую пособие по временной нетрудоспособности, выплаченное потерпевшему, Пленум Верховного Суда в принятом по этому делу постановлении указал, что уголовно-процессуальный закон (ст. 25 Основ уголовного судопроизводства, ст. ст. 29, 54 УПК РСФСР) „не содержит никаких указаний на то, что... иск в уголовном деле может быть предъявлен лишь в целях возмещения вреда, наступившего непосредственно от преступных действий“, а поэтому „не противоречит закону и рассмотрение в уголовном процессе регрессного иска о возмещении средств, затраченных профсоюзной организацией на выплату пособия по социальному страхованию лицу, потерпевшему от преступных действий“ [36, 1975, № 2, 26].

Равным образом и Генеральный прокурор СССР в своем протесте на определение судебной коллегии Московского городского суда и последующие судебные постановления в части, касающейся гражданского иска, высказал мнение, что „в уголовном процессе рассматриваются... регрессные требования в отношении сумм, выплаченных потерпевшему по закону (стационарное лечение, пособие по временной нетрудоспособности, пенсия), договору (перевозки, хранения и др.) или на основании решения органа, разрешившего спор (суд, арбитраж). В частности, гражданскими истцами в уголовном деле могут быть транспортные организации, органы вневедомственной охраны, социального страхования, финансовые органы и другие, если они до рассмотрения уголовного дела возместили в установленном законом порядке ущерб от преступления“ [211, 1975, № 3, 90].

В процессуальной литературе иногда данное мнение Генерального прокурора СССР по поводу регрессных исков в уголовном деле приписывается Верховному Суду СССР, высказанному как будто бы им по делу Марфутина [169, 18]. Между тем в этом деле Верховный Суд касался только регрессного иска о возмещении средств, затраченных профсоюзными организациями на выплату пособий по социальному страхованию потерпевшим от преступных действий, и возможности предъявления иных регрессных исков не касался. Хотя вполне вероятно, что приведенное мнение Генерального прокурора СССР он разделяет, так как не связывает предмет гражданского иска в уголовном деле лишь с тем имущественным вредом, который *непосредственно* наступил от преступных действий. Об этом говорит также и тот факт, что впоследствии в обзоре судебной практики о применении судами законодательства об ответственности за автотранспортные предприятия он одобрил практику судов, принимавших к рассмотрению и удовлетворявших совместно с разрешением уголовного дела иски владельцев транспортных средств и других лиц, возместивших в силу закона материальный ущерб потерпевшим до рассмотрения уголовного дела [36, 1984, № 5, 43].

Таким образом, высшая судебная инстанция страны — Пленум Верховного Суда СССР — высказалась за то, что предмет гражданского иска в уголовном процессе может составить и регрессное

требование. Единственное предварительное условие для его реализации – реальное возмещение потерпевшему от преступления лицу причиненного ему материального ущерба до рассмотрения уголовного дела. По этому пути идет и последующая практика Верховного Суда РСФСР [37, 1986, № 7, 7; № 11, 10].

Однако согласиться с тем, что такая позиция основывается на действующем уголовно-процессуальном законодательстве, вряд ли возможно, а утверждение Пленума Верховного Суда СССР и сторонников его позиции, что закон не содержит никаких указаний на то, что гражданский иск в уголовном деле может быть предъявлен лишь в целях возмещения вреда, наступившего непосредственно от преступных действий, представляется не совсем убедительным.

Действительно, в нормах уголовно-процессуального закона, регулирующих производство по гражданскому иску, в частности в ст. 25 Основ уголовного судопроизводства (ст. ст. 29 и 54 УПК РСФСР, ст. ст. 28 и 50 УПК УССР), слово „непосредственно” отсутствует*. Тем не менее их анализ не оставляет сомнений в том, что, предоставляя право предъявить гражданский иск в уголовном процессе, законодатель имел в виду именно тех лиц, которым материальный ущерб был непосредственно причинен преступлением, т. е. потерпевших от преступления. Прав В. П. Божьев, что в названных нормах речь идет не о рассмотрении требований, возникших в результате причинения преступлением материального ущерба, но о том, что иск вправе предъявить согласно закону „лицо, понесшее материальный ущерб от преступления” [32, 76]. Это лицо – непосредственно потерпевшее от преступления. Поэтому и прокурор вправе предъявить или поддержать „предъявленный потерпевшим гражданский иск” (ч. 3 ст. 29 УПК РСФСР; ч. 2 ст. 29 УПК УССР) (курсив мой. – В. Н.). Следовательно, в самом уголовно-процессуальном законе довольно четко оговорено, что в уголовном деле гражданский иск может быть предъявлен лишь потерпевшими от преступления лицами, которым имущественный вред причинен непосредственно преступными действиями.

Общепризнанным является положение, что возможность одновременного рассмотрения и разрешения обвинения в совершении преступления и возмещения материального ущерба, им причиненного, основывается на единстве фактического основания как уголовной, так и имущественной ответственности. Таким основанием является факт совершения преступления. Между тем непосредственным фактическим основанием регрессного требования

* В уголовно-процессуальном законе некоторых европейских социалистических стран содержится указание на то, что имущественные требования, составляющие предмет гражданского иска в уголовном процессе, должны вытекать непосредственно из совершения преступления (например, ст. 52 УПК ПНР).

является не преступление, а полная или частичная компенсация имущественных потерь от него, произведенная третьими лицами в силу закона или имевшегося между ними и потерпевшими договора. Юридическим основанием этой компенсации выступает не обязательство из причинения вреда, а обязательство, вытекающее из норм материального закона, предусматривающего выплату денежных сумм при наступлении указанных в нем фактов, или соответствующего договора (страхования, перевозки, хранения и т. п.). Поэтому следует полностью согласиться с А. Г. Мазаловым, отметившим, что регрессный иск „не является „чистым“ иском из причинения вреда... ибо право на него возникает хотя и в связи с преступлением, но в результате причинения вреда не непосредственно регредиенту, а „через“ причинение его третьему лицу — потерпевшему от преступления (гражданину или организации)” [127, 73]. При рассмотрении и разрешении регрессных требований (исков) суду необходимо устанавливать не одну, а две системы фактических и правовых оснований по возмещению материального ущерба: непосредственную и опосредствованную (регрессную); исследовать правовые отношения, возникшие не только между причинителем вреда (подсудимым) и потерпевшими лицами, но и между потерпевшими и третьими лицами, компенсировавшими полностью или частично нанесенный преступлением материальный ущерб. Все это, безусловно, усложняет и в определенной степени отвлекает суд от решения основного вопроса уголовного процесса — виновности или невиновности обвиняемого в совершении преступления.

Изложенное позволяет усомниться в обоснованности рассмотренной позиции Верховного Суда СССР и ее сторонников в отношении возможности по действующему уголовно-процессуальному законодательству предъявления и разрешения гражданских исков в уголовном деле, предметом которых являются регрессные имущественные требования. Сказанное, разумеется, не означает, что законодатель не может допустить в уголовный процесс и регрессных исков, руководствуясь при этом мотивами усиленной защиты государственной и общественной социалистической собственности, повышения эффективности предупредительно-воспитательного воздействия юридической ответственности путем коммуляции нескольких ее видов (уголовной и имущественной) и т. п. Такие случаи известны нашему законодательству. К ним, в частности, относится гражданский иск о возмещении в доход государства средств, затраченных на лечение граждан, потерпевших от умышленных преступных действий, предъявленный в уголовном процессе прокурором или финансовым органом в соответствии с Указом Президиума Верховного Совета СССР от 25 июня 1973 г. „О возмещении средств, затраченных на лечение граждан, потерпевших от преступных действий” [40, 1973, № 27, ст. 348]. Эти иски

по своей сущности являются регрессными. И несмотря на то что непосредственным фактическим основанием их является не преступление, а понесенные государством расходы на лечение потерпевших, законодатель нашел возможным допустить взыскание этих расходов одновременно с разрешением уголовного дела. При этом важно отметить следующую деталь: если бы действующее уголовно-процессуальное законодательство предоставляло возможность предъявлять в уголовном процессе любые регрессные иски, связанные с совершенным преступлением, то в таком случае законодателю не было бы необходимости отражать это в специальном законе.

Полагаем, было бы целесообразным предусмотреть в уголовно-процессуальном законе правило о допуске в уголовный процесс и регрессных исков органов социального страхования, предметом которых было бы выплаченное потерпевшему от преступления пособие по временной нетрудоспособности, а также исков органов государственного страхования, выплативших потерпевшим страховое возмещение по договору об имущественном страховании. Законодательный опыт именно такого регулирования вопроса о допуске в уголовный процесс регрессных исков имеется в уголовно-процессуальном законе некоторых европейских социалистических стран.

Так, согласно § 2 ст. 41 и ст. 52 УПК ПНР потерпевшим и соответственно гражданским истцом в уголовном процессе признается также страховая организация в пределах, в каких ею возмещен ущерб, нанесенный потерпевшему преступлением.

Предъявление и удовлетворение таких исков в уголовном деле даст возможность усилить защиту имущественных интересов государства, равно как и предупредительно-воспитательное воздействие уголовного судопроизводства.

С этой целью ч. 1 ст. 54 УПК РСФСР (ч. 1 ст. 50 УПК УССР) предлагаем изложить в следующей редакции:

„Гражданским истцом признаются гражданин, предприятие, учреждение или организация, понесшие материальный ущерб от преступления и предъявившие требование о его возмещении в соответствии со статьей 29 (в УПК УССР — ст. 28) настоящего Кодекса. Им признается также страховая организация в пределах выплаченного ею возмещения ущерба потерпевшему. О признании гражданским истцом или об отказе в этом лицу, производящее дознание, следователь и судья выносят постановление, а суд — определение“.

Принятие такого дополнения предоставило бы правоприменительной практике легальное основание для допуска в уголовный процесс названных регрессных исков и устранило бы сомнения и неясности в рассматриваемом вопросе. Вместе с тем мы не разделяем мнения В. Я. Понарина о необходимости допуска в уголовный процесс всех без исключения регрессных исков, в том числе

и по делам о преступлениях, совершенных неосторожно [169, 19]. Такое решение рассматриваемого вопроса способно без особой к тому нужды усложнить уголовное судопроизводство — суду придется исследовать правовые отношения, возникшие (а нередко и существовавшие до совершения преступления) между потерпевшими от преступления лицами и компенсировавшим им материальный ущерб регредентом, хотя это непосредственного отношения к предмету уголовного процесса не имеет. В таком случае определенные юридико-технические удобства и экономические выгоды, связанные с гражданским иском в уголовном процессе, будут нейтрализованы. Если же в уголовном судопроизводстве возникают какие-либо существенные осложнения с гражданским иском, способные затормозить рассмотрение уголовного дела, то, по общему правилу, законодатель принимает решение не в его пользу. Об этом свидетельствует прежде всего правило ст. 291 УПК УССР (ст. 252 УПК РСФСР), согласно которому при неявке гражданского истца (гражданина или его представителя) в судебное заседание суд оставляет гражданский иск без рассмотрения. Говорит об этом и правило ч. 2 ст. 310 УПК РСФСР, в соответствии с которым при невозможности произвести подробный расчет по гражданскому иску без отложения разбирательства дела суд может признать за гражданским истцом право на удовлетворение иска и передать вопрос о его размерах на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства.

Поэтому предложение о допуске в уголовный процесс всех без исключения регрессных исков трудно признать обоснованным и оно вряд ли найдет поддержку законодателя.

Нельзя также согласиться и с предложением дополнить уголовно-процессуальный закон положением, по которому в одном и том же процессе взыскивать ущерб в пользу потерпевших с гражданских ответчиков, которые по закону несут ответственность за действия подсудимых, а также с подсудимых в пользу этих ответчиков [240, 21; 141, 49]. Такое предложение находится в явном противоречии с гражданским материальным законом. Последний (ст. ст. 452 ГК УССР, 456 ГК РСФСР), как известно, предоставляет регреденту право обратного требования к непосредственному причинителю вреда лишь после полного или частичного его возмещения потерпевшим лицам и в этих пределах. Но так как на момент разрешения иска гражданский ответчик (регредент) такой вред потерпевшим еще не возместил, то нет ни фактических, ни правовых оснований взыскивать его с непосредственного причинителя вреда (подсудимого) в пользу гражданского ответчика.

3. Правовые последствия преступных деяний, как известно, причинением материального ущерба далеко не исчерпываются. В зависимости от своего характера преступление может повлечь за собой нарушение различных субъективных прав и охраняемых

законом интересов потерпевших лиц, что приводит к возникновению соответствующих правовых отношений, регулируемых нормами разных отраслей права. В этой связи в юридической, преимущественно уголовно-процессуальной, литературе выдвигались предложения, направленные на расширение пределов использования в уголовном процессе исковой формы защиты нарушенных преступлением и других, кроме имущественных, прав и интересов. Свое концентрированное выражение и теоретическое обоснование они получили прежде всего в работах Л. Д. Кокорева [104, 94–98] и В. Г. Даева [70, 55–69].

По мнению авторов, одновременно с рассмотрением уголовного дела следовало бы рассматривать и разрешать гражданские иски, предметом которых были бы требования: о лишении родительских прав и отобрании детей при установлении в ходе уголовного процесса фактов неправильного отношения обвиняемого к воспитанию детей, а тем более совершение в отношении них преступления; о признании недействительными сделок, совершенных посредством преступных действий и поэтому противных интересам государства и общества; о признании недействительными ордеров на квартиру при установлении факта, что они получены за взятку (В. Г. Даев); о признании брака недействительным при рассмотрении дела по обвинению в сокрытии обстоятельств, препятствующих вступлению в брак, или сообщении ложных сведений органам загса; об опровержении сведений, порочащих честь и достоинство граждан при совершении преступлений, псягающих на эти ценности; о выселении ввиду невозможности совместного проживания с лицом, обвиняемым в хулиганстве, нанесении телесных повреждений и совершении других преступлений, нарушающих правила социалистического общежития (Л. Д. Кокорев, В. Г. Даев); о возвращении ребенка при совершении преступного его похищения или подмены; о взыскании алиментов на ребенка, родившегося в результате совершенного изнасилования или вступления в половую связь с лицом, не достигшим половой зрелости (Л. Д. Кокорев).

Обосновывая целесообразность допуска в уголовный процесс перечисленных гражданских исков, Л. Д. Кокорев и В. Г. Даев ссылаются на достигаемые при этом технико-юридические удобства, процессуальную экономию, более эффективную защиту нарушенных прав и усиление превентивно-воспитательного воздействия уголовного судопроизводства, присущие соединенному процессу. Вместе с тем, несмотря на заманчивость этой идеи — более широкого использования исковой формы защиты в уголовном процессе нарушенных прав и интересов, — вряд ли она может быть воспринята законодателем и реализована в законодательной практике. И дело не только и не столько в исторической законодательной традиции, согласно которой предметом соединенного процесса всегда и везде признавались лишь имущественные требования,

находящиеся в непосредственной причинной связи с фактом совершения преступления, а в тех посылках, на которых эта традиция основывается. Одна из таких посылок — гражданский иск и связанное с ним производство не должны обременять уголовный процесс исследованием обстоятельств, не имеющих непосредственного отношения к уголовному делу и к решению его основного вопроса — обвинения лица в совершении преступления. Между тем широкое использование уголовно-процессуальной формы для защиты нарушенных преступлением самых разнообразных субъективных прав и охраняемых законом интересов, а не только лишь имущественных червато опасностью вовлечения в сферу уголовного процесса значительного количества лиц, установление в нем фактов, которые непосредственного отношения к обвинению не имеют. А это не может не повлечь за собой задержку уголовного процесса, что недопустимо по принципиальным соображениям.

Так, для разрешения гражданского иска о лишении родительских прав и отобрании детей необходимо привлекать к участию в уголовном процессе представителей органов опеки и попечительства (ст. ст. 71, 76 КЗоБС УССР). При предъявлении и рассмотрении гражданского иска о признании брака недействительным может возникнуть вопрос о взыскании средств на содержание рожденных в этом браке детей, а равно лица, состоящего в браке с обвиняемым, который, по логике вещей, суд должен будет рассматривать одновременно с этим иском (ч. 4 ст. 46 КЗоБС РСФСР, ст. ст. 49, 50 КЗоБС УССР). Далее, поскольку для выселения обвиняемого без предоставления иного жилого помещения единичного факта хулиганства, нанесения телесных повреждений и т. п. преступлений недостаточно, так как согласно закону (ст. ст. 116 ЖК УССР, 98 ЖК РСФСР) для выселения на этом основании требуется систематическое нарушение правил социалистического общежития, а кроме того, еще и предварительное принятие мер предупреждения и общественного воздействия, то ведущим уголовный процесс органам необходимо было бы установить и эти обстоятельства, что непосредственного отношения к обвинению не имеет.

Практически ничего не дает само по себе и предъявление в уголовном процессе иска о признании недействительным ордера на жилое помещение. Установление этого факта влечет за собой, как известно, выселение лиц из занимаемого жилого помещения (ст. ст. 117 ЖК УССР, 98 ЖК РСФСР). В таком случае был бы смысл решать в уголовном процессе и вопрос о выселении, а не только о признании недействительным ордера. Если же его решение оставить для гражданского суда, то утрачивается смысл и предъявления в уголовном процессе гражданского иска о признании ордера недействительным.

Следующая трудность, стоящая, по нашему мнению, перед практической реализацией обсуждаемой идеи, это — определение критериев, по которым одни из нарушенных прав, вытекающих из жилищных, семейных и других правоотношений, будут подлежать защите в уголовном процессе с помощью гражданского иска, а другие нет. В самом деле, почему, например, предъявить гражданский иск в уголовном процессе к обвиняемому о выселении его из квартиры за невозможностью совместного проживания было бы можно, а иск о восстановлении потерпевшего гражданина

на работе, незаконно уволенного из личных побуждений (ст. ст. 133 УК УССР, 138 УК РСФСР), нельзя. Очевидно, логичнее было бы ставить вопрос о возможности защиты посредством гражданского иска в уголовном процессе всех без исключения нарушенных преступлением субъективных прав и охраняемых законом интересов, т. е. устранять любые вредные последствия преступления, а не только имущественные и некоторые иные. Однако, как уже об этом было сказано ранее, вряд ли такое решение можно признать возможным.

Изложенное, таким образом, вызывает обоснованные сомнения в конструктивности рассмотренных предложений о расширении сферы применения исковой формы защиты права в уголовном процессе.

4. Второй элемент гражданского иска — его основание — представляет собой совокупность фактических юридически значимых обстоятельств (юридических фактов), с которыми материальный закон связывает возникновение правоотношения между понесшими имущественный вред лицами и лицами, обязанными его возместить (обвиняемым, гражданским ответчиком), и из которых истец выводит свое материально-правовое требование. По общему признанию, основанием гражданского иска в уголовно деле является сложный фактический состав, элементами которого являются следующие юридические факты: совершение преступления, наличие материального ущерба; наличие причинной связи между преступлением и вредом. Эти факты, как известно, входят в состав гражданского правонарушения как единого основания гражданско-правовой (в широком смысле) деликтной ответственности* и нашли детальное освещение как в гражданско-правовой, так и в уголовно-процессуальной литературе. В этой связи, очевидно, нет особой нужды анализировать материально-правовое основание гражданского иска, тем более что ряд соображений, касающихся этой проблемы (в частности, пределов возмещения материального ущерба, характера причинной связи между преступлением и наступившим имущественным ущербом), было высказано нами при анализе предмета гражданского иска.

Однако для осуществления в уголовном судопроизводстве защиты нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших лиц посредством гражданского иска, кроме фактического основания, необходимо еще и наличие процессуальных предпосылок — юридически значимых обстоятельств, с кото-

* В составе гражданского правонарушения, являющегося основанием имущественной ответственности, принято выделять: вред, противоправное поведение, причинную связь и вину причинителя. В уголовно-процессуальной доктрине гражданского иска вина, как его основание, специально не выделяется по той причине, что совершение преступления без вины невозможно. Поэтому преступное деяние предполагает и вину его совершителя.

рыми процессуальный закон связывает возникновение производства по гражданскому иску и его рассмотрение совместно с уголовным делом. Будучи вторичными и производными от материально-правового основания гражданского иска, они тем не менее относительно самостоятельны, и их наличие или отсутствие является фактором, определяющим возможность защиты имущественных прав потерпевших лиц посредством исковой формы ее реализации.

В правовой литературе наибольшее распространение получила точка зрения, согласно которой процессуальными предпосылками гражданского иска в уголовном деле являются: процессуальное право и дееспособность истца; подведомственность иска суду; отсутствие судебного решения, вступившего в законную силу, либо определения суда о принятии отказа истца от иска или об утверждении мирового соглашения, вынесенного по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям [127, 50; 66, 12; 11, 30; 15, 15].

Иное суждение по этому вопросу было высказано В. Я. Понариным. По его мнению, к числу процессуальных предпосылок гражданского иска в уголовном деле следует отнести следующие обстоятельства: а) наличие уголовного дела; б) предъявление в уголовном деле гражданского иска; в) отсутствие отказа в иске, постановленного в порядке гражданского судопроизводства; г) отсутствие вступившего в законную силу решения суда, вынесенного по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям, или определения суда о принятии отказа истца от иска, или об утверждении мирового соглашения сторон; д) предъявление гражданского иска лицом, обладающим процессуальной право- и дееспособностью [169, 9]. В. Я. Понарин, с одной стороны, расширяет количество процессуальных предпосылок в сравнении с вышеприведенной точкой зрения по этому вопросу, а с другой — исключает из их числа подведомственность иска суду.

Полагаем, что такая позиция не во всем заслуживает поддержки. Следует согласиться, что предъявить иск в уголовном деле можно после возбуждения уголовного дела, т. е. если оно уже наличествует. Без возбуждения уголовного дела предъявить иск невозможно, равно как и невозможно его предъявить к лицам, уголовное дело в отношении которых прекращено. Поэтому, по всей видимости, возбуждение уголовного дела (его наличие) следует признать процессуальной предпосылкой гражданского иска. Однако вряд ли можно согласиться с наличием такой предпосылки, как предъявление иска в уголовном деле, поскольку не может быть иск предпосылкой самого себя. Нет, по нашему мнению, оснований для признания в качестве самостоятельной процессуальной предпосылки и отсутствия отказа в иске, постановленного в порядке гражданского судопроизводства, так как она является

частным случаем отсутствия вступившего в законную силу решения суда, вынесенного по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям, которое, по общему, в том числе и указанного автора, признанию, является процессуальной предпосылкой гражданского иска. Нельзя также согласиться с ним в том, что такое обстоятельство, как подведомственность иска суду, не принадлежит к числу процессуальных предпосылок гражданского иска в уголовном деле. Вместе с Ю. Р. Адоян В. Я. Понарин считает, что в уголовном судопроизводстве могут быть предъявлены и разрешены любые иски материального характера, вытекающие из преступления, независимо от того, кто является их субъектами — физические или юридические лица [9, 67; 169, 13]. При этом они ссылаются на действующее уголовно-процессуальное законодательство (ст. ст. 25 Основ уголовного судопроизводства, 29 УПК РСФСР), которое, по их мнению, не содержит никаких ограничений на этот счет. Между тем с таким выводом вряд ли можно согласиться. Действительно, вопрос о подведомственности гражданских исков уголовному суду уголовно-процессуальным законом не урегулирован. Однако как уголовно-процессуальная доктрина, так и правоприменительная практика [37, 1971, № 1, 43; 136, 162], обоснованно придерживаются точки зрения, согласно которой нормы гражданского процессуального права применяются для регулирования уголовно-процессуальных отношений, возникающих при производстве по гражданскому иску, с той лишь оговоркой, что эти отношения остались неурегулированными уголовно-процессуальным законодательством. Это положение поддерживает и В. Я. Понарин [169, 20]. Вопрос же о подведомственности гражданских исков уголовному суду, как известно, уголовно-процессуальным законом не урегулирован. Поэтому есть все основания обращаться за разрешением этого вопроса к гражданско-процессуальному законодательству. Последнее же (ст. ст. 25 ГПК РСФСР, 24 ГПК УССР) рассмотрение гражданских дел по спорам, сторонами в которых являются государственные или общественные (кроме колхозов) организации, к подведомственности судов не относит. Такие дела согласно ст. 9 Закона о Государственном арбитраже в СССР подлежат разрешению в этих органах. Следовательно, сфера действия гражданско-процессуальной нормы о подведомственности гражданских дел судам в полной мере распространяется и на гражданские иски в уголовном судопроизводстве, а поэтому подведомственность гражданского иска суду, надо полагать, является одной из его процессуальных предпосылок.

Все предусмотренные процессуальным законом предпосылки (условия), составляющие в совокупности процессуальное основание гражданского иска, можно классифицировать на две группы: предпосылки, необходимые для возбуждения производства по гражданскому иску (для предъявления гражданского иска); пред-

посылки, необходимые для рассмотрения иска судом (совместно с уголовным делом.)

К первой группе предпосылок следует, по нашему мнению, отнести: а) возбуждение уголовного дела; б) подведомственность иска суду; в) наличие у гражданского истца процессуальной право- и дееспособности, а у его представителя — надлежащего оформления полномочий; г) отсутствие вступившего в законную силу, вынесенного по спору между теми же сторонами, о том же предмете и по тем же основаниям решения суда или определения о принятии отказа истца от иска или об утверждении мирового соглашения сторон; д) предъявление гражданского иска до начала судебного следствия по делу.

Перечисленные предпосылки, составляя процессуальное основание для возбуждения производства по гражданскому иску, являются одновременно и основанием для рассмотрения его судом по существу. Однако для рассмотрения иска совместно с уголовным делом необходимо наличие еще и других предпосылок: личной явки гражданского истца (гражданина или его представителя) в судебное заседание, если им не заявлено ходатайство о рассмотрении иска в его отсутствие или этот иск не поддерживает прокурор*; отсутствие не противоречащего закону, правам и интересам других лиц отказа истца от иска.

От фактических материальных оснований и процессуальных предпосылок гражданского иска в уголовном процессе необходимо отличать юридическое (правовое) его основание. Последнее составляют нормы материального права, которые регулируют спорное правовое отношение между истцом и ответчиком и на основании которых суд должен вынести решение по существу рассмотренного гражданского иска.

Таким образом, четкое разграничение материального, процессуального и юридического (правового) оснований гражданского иска в уголовном деле имеет как теоретическое, так и прикладное значение при его реализации в качестве одного из способов защиты нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших от преступления лиц. В свою очередь, предложенная классификация процессуальных предпосылок, необходимых для производства по гражданскому иску, также способна оказать ведущим уголовный процесс органам и его участникам помощь в правильном определении наличия или отсутствия у потерпевшего лица права на предъявление иска совместно с уголовным делом, в возбуждении производства по гражданскому иску, принять по нему впоследствии законные и обоснованные решения.

* По уголовно-процессуальному законодательству РСФСР и ряда других союзных республик неявка гражданского истца в судебное заседание составляет факультативное основание для оставления иска без рассмотрения. Если суд признает необходимым, то рассматривает иск и без его участия.

Основными субъектами производства по гражданскому иску в уголовном деле являются те его участники, процессуальный интерес которых носит имущественный характер. К ним следует отнести гражданского истца и ответчика по гражданскому иску. Реализуя в уголовном процессе предоставленные им законом права и исполняя возложенные на них процессуальные обязанности, они имеют полную и равную возможность отстаивать свой противоположный по своей сущности процессуальный интерес и тем самым способствовать всестороннему, полному и объективному установлению всех обстоятельств, относящихся к гражданскому иску, и правильному его разрешению по существу.

1. Гражданский истец — лицо, понесшее материальный ущерб от преступления. Так в самом общем виде определяет названного участника процесса ст. 25 Основ уголовного судопроизводства. Уголовно-процессуальные кодексы союзных республик (ст. ст. 50 УПК УССР, 54 УПК РСФСР) несколько конкретизируют это понятие, указывая, что „гражданским истцом признается гражданин, предприятие, учреждение или организация, понесшие материальный ущерб от преступления и предъявившие требования о его возмещении“. Однако и это законодательное очерчивание круга лиц, могущих быть признанными гражданскими истцами в уголовном процессе, по вполне понятным причинам не устранило его общей формы. Если же задаться вопросом: кто конкретно может быть признан гражданским истцом в уголовном деле, то ответ на него необходимо искать в нормах гражданского (в широком понимании) права, регулирующих спорное материальное правоотношение, возникшее в связи с преступным причинением имущественного вреда. Субъект этого правоотношения, имущественное право которого было нарушено непосредственно преступлением, может и должен быть признан гражданским истцом в случае предъявления им или его полномочным представителем требования о защите нарушенного права. Исходя из характера совершенного преступления и объекта (предмета) его преступного посягательства, основываясь на нормах материального (гражданского, трудового, брачно-семейного) и уголовно-процессуального права, гражданскими истцами в уголовном процессе могут и должны быть признаны следующие лица, понесшие материальный ущерб от преступления и предъявившие требование о его возмещении: а) признанные потерпевшими от преступления граждане, состоявшие на иждивении погибшего или имевшие ко дню его смерти право на получение от него содержания, а также ребенок погибшего, родившийся после его смерти, понесшие материальный ущерб от утраты содержания и произведенных на погребение умершего расходов, — при совершении преступления, повлекшего смерть их кормильца; б) признан-

ные потерпевшими от преступления граждане, понесшие имущественный ущерб от утраты заработка вследствие потери трудоспособности или уменьшения ее, а также расходов, вызванных повреждением здоровья (усиленное питание, протезирование, посторонний уход и т. п.) и иных расходов, — при совершении преступлений, причинивших вред здоровью личности или посягающих на ее свободу, честь и достоинство; в) признанные потерпевшими от преступления граждане, понесшие имущественный ущерб от утраты заработка вследствие увольнения их с работы, а также иных расходов, — при преступном нарушении законодательства о труде; г) признанные потерпевшими граждане, а также юридические лица, понесшие материальный ущерб в результате преступного посягательства на принадлежащее им на праве собственности (оперативного управления) или законного (титульного) владения имущество (хищение, уничтожение, повреждение, порча и т. п.); д) финансовые органы как владельцы государственного бюджета и представители казны при взыскании средств, затраченных на стационарное лечение граждан, потерпевших от умышленных преступных действий.)

Судебная практика, как было отмечено, признает гражданскими истцами также органы социального страхования, социального обеспечения и государственного страхования, которые выплатили потерпевшим от преступления лицам соответственно пособие по временной нетрудоспособности, пенсию или страховое возмещение и предъявили регрессные требования о взыскании выплаченных ими сумм с непосредственных причинителей вреда или лиц, несущих имущественную ответственность за их действия. Однако, будучи целесообразной, такая практика, как нам представляется, лишена в настоящее время легального основания. Для ее легализации, как уже ранее отмечалось, необходимо дополнить действующее уголовно-процессуальное законодательство специальной нормой.

Признание лица, понесшего материальный ущерб от преступления и предъявившего требование о его возмещении, гражданским истцом в уголовном деле каких-либо затруднений в следственной и судебной практике, как правило, не вызывает. Осложнения могут возникнуть лишь в случае, когда материальный ущерб был следствием хищения, уничтожения или повреждения имущества, находящегося в момент совершения преступления не у его собственника (обладателя права оперативного управления), а у законного (титульного) владельца. При этом возникает ряд вопросов, в частности: кто должен в такой ситуации признаваться гражданским истцом — собственник имущества или титульный владелец; кому необходимо отдать предпочтение, если гражданский иск будет предъявлен и собственником, и законным владельцем; могут ли они оба быть признаны гражданскими истцами в одном и том же уголовном деле?

Касаясь этого вопроса, Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 23 марта 1979 г. отметил, что „при хищении, повреждении или уничтожении материальных ценностей, находящихся на законном основании у владельца (перевозчик, нанятель, хранитель и др.), гражданский иск вправе предъявить как собственник, так и владелец этих ценностей” [186, 814]. Эта лаконичная констатация, однако, мало вносит ясности в рассматриваемую правовую ситуацию, так как из нее не следует, в каких же случаях субъектом требования о возмещении ущерба может быть (и его следует признать гражданским истцом) собственник имущества, а в каких — его титульный владелец. Нет единого мнения по этому вопросу и в правовой литературе. Так, М. А. Чельцов полагал, что нельзя признавать непосредственно потерпевшими от преступления, а следовательно, и гражданскими истцами владельцев, которые возмещают собственнику убытки на основании договора, так как они терпят вред не только потому, что совершилось преступление, а и потому, что обязались договором к возмещению” [243, 115]. Иными словами, по мнению М. А. Чельцова, право предъявить гражданский иск в уголовном процессе имеет только собственник имущества.

Противоположной точки зрения по этому вопросу придерживается С. А. Александров. Он склонен полагать, что в силу ст. 157 ГК РСФСР (защита прав владельца, не являющегося собственником) имущественные интересы как собственника, так и лица, владеющего имуществом в силу закона или договора, подлежат одинаковой охране. А так как непосредственно от преступления страдают интересы в первую очередь владельца, то именно ему и следует отдать предпочтение в праве выступить в уголовном деле с гражданским иском. Собственник же может быть признан гражданским истцом лишь в случае, если он не может получить от владельца возмещения ущерба либо получает его частично [11, 36].

Наконец, существует точка зрения, представленная П. П. Гуреевым, А. Г. Мазаловым, С. Е. Донцовым, согласно которой право на предъявление иска в случае хищения, уничтожения или повреждения имущества, находящегося у титульного владельца, имеет прежде всего собственник имущества. Титульный же владелец вправе требовать возмещения ущерба лишь в случае, когда собственник в силу определенных причин не потребовал возмещения ущерба либо он сам возместил его собственнику [66, 27; 127, 62; 71, 77].

Полагаем, что при решении рассматриваемого вопроса необходимо исходить из того, чьи (прежде всего имущественные) права и интересы защищает иск о возмещении причиненного деликтом имущественного вреда. Анализ норм, регулирующих обязательства, возникающие вследствие причинения вреда, не оставляет сомнений в том, что этим иском в первую очередь защищается

право субъекта, которому принадлежит это имущество на праве собственности (оперативного управления)*.

Именно интересы собственника должны быть учтены судом при выборе способа возмещения ущерба: возложить на ответчика обязанность возместить его в натуре или полностью возместить причиненные убытки (ст. ст. 453 ГК УССР, 457 ГК РСФСР). Кроме того, похищение или уничтожение имущества, находящегося в момент совершения преступления в законном владении иных лиц, прекращает действие титула (например, договора перевозки, хранения, найма и т. п.), а вместе с ним и права титульного владельца на это имущество. Следовательно, право на предъявление требования о возмещении ущерба в рассматриваемом случае имеет прежде всего собственник имущества и в случае предъявления им такого требования он должен быть признан гражданским истцом.

Однако не следует при этом упускать из внимания то обстоятельство, что имущественные права собственника, как правило, защищаются также договором, на основании которого состоялась передача имущества во владение других лиц. По общему правилу, владельцы, не исполнившие обязанности по сохранности и возврату имущества его собственнику, несут перед ним имущественную ответственность на общих основаниях, если законом или договором не предусмотрено иное. Поэтому нередко у собственника имеется не одна, а две возможности получить возмещение за ущерб, вызванный утратой имущества, в рассматриваемой ситуации: от законного владельца (контрагента по договору), если он не обеспечил сохранности имущества, и от непосредственного причинителя ущерба — обвиняемого или лиц, несущих в силу закона имущественную ответственность за его действия. Какую из них избрать для защиты нарушенного права — дело собственника. В одних случаях для него более выгодным будет предъявить требование о возмещении ущерба к владельцу (спор об этом, разумеется, разрешается в порядке гражданского судопроизводства), в частности, если имеются основания для возмещения им ущерба в полном объеме и реальное возмещение будет осуществлено оперативно; в других — к непосредственному причинителю вреда, заявив об этом гражданский иск в уголовном деле. Понятно, что предъявление собственником требования о возмещении ущерба к последнему лишает права владельца имущества также предъявить гражданский иск о том же предмете и по тем же основаниям. Однако,

* Гражданско-правовые нормы, регулирующие вещно-правовую защиту прав собственника или законного владельца имущества и дающие право им предъявить к нарушителю виндикационный или негаторный иск (гл. 14 ГК РСФСР, гл. 13 ГК УССР), которыми иногда обосновывают необходимость признания в рассматриваемом случае гражданским истцом именно законного владельца имущества, к обязательствам из причинения вреда отношения не имеют.

если титульный владелец возместил собственнику ущерб полностью или частично, он также несет имущественные потери и тем самым приобретает в пределах произведенного им возмещения право на предъявление требования к непосредственному причинителю вреда о возмещении причиненного ему ущерба и, следовательно, также должен быть признан гражданским истцом в уголовном деле.

Полагаем, что титульный владелец вправе предъявить гражданский иск и последний должен быть принят к производству в уголовном процессе и в том случае, когда собственник по различным причинам воздерживается от предъявления гражданского иска в уголовном деле, а законный владелец имущества обязан возместить ему ущерб в силу закона или договора. Такой иск владельца вряд ли есть основания квалифицировать как регрессный. Как справедливо отмечает А. Г. Мазалов, право на него „возникает не в связи с тем, что владелец должен будет возместить убытки своему контрагенту по договору, а потому, что преступлением было нарушено его право владения похищенным (уничтоженным, поврежденным) имуществом. Владелец требует возмещения не юридически возможного, а наличного и действительного вреда, который причинен ему фактически” [127, 62].

По всей видимости, титульный владелец имущества имеет право предъявить требование о возмещении причиненного ущерба и должен быть признан гражданским истцом в уголовном деле и в том случае, когда в пределах действия титула (договора) имело место повреждение находящегося в его владении имущества, после устранения за счет владельца которого осуществлялось дальнейшее его использование по хозяйственному назначению. Произведенные им расходы на устранение повреждений дают ему право предъявить требование об их возмещении к непосредственному причинителю вреда.

Наконец, не исключено предъявление требований о возмещении причиненного преступлением ущерба как собственником, так и законным владельцем имущества и ведущие уголовный процесс органы обязаны признать их гражданскими истцами в уголовном деле. Разумеется, предмет этих требований каждого из них должен быть различным. Такая ситуация имеет место, если собственник имущества в силу закона или договора не получил от законного владельца (контрагента по договору) полного возмещения причиненного ему ущерба. Естественно, он вправе предъявить требование к непосредственному причинителю вреда (ответчику по иску) о возмещении той части причиненного ущерба, которая осталась непокрытой произведенными законным владельцем выплатами. Последний, в свою очередь, вправе предъявить требование к обвиняемому (гражданскому ответчику) о возмещении произведенных им выплат собственнику имущества.

Кроме того, не следует упускать из внимания и то обстоятельство, что у законного владельца в результате причинения вреда имуществу могут возникнуть сугубо „свои“ убытки. Так, уничтожение или повреждение переданных в аренду механизмов, помещения и т. п. повлечет расходы нанимателя (арендатора) на повторный наем, на доставку этих механизмов к месту работы и пр. Титульный владелец, понятно, имеет право на возмещение этих убытков независимо от права собственника на возмещение ущерба в связи с хищением, уничтожением или повреждением его имущества. В таком случае он вправе предъявить требование о возмещении причиненного ему материального ущерба наряду с собственником имущества и ведущие уголовный процесс органы должны обоим признать гражданскими истцами в уголовном деле.

2. По смыслу ст. 28 УПК УССР (ст. 29 УПК РСФСР) предъявление иска о возмещении причиненного преступлением материального ущерба является субъективным правом понесшего его лица (гражданского истца), которым оно распоряжается по своему собственному усмотрению. Следовательно, такие вопросы, как предъявлять ли требование о возмещении ущерба, оставить его без внимания либо попытаться урегулировать непосредственно с причинителем вреда с целью склонить его к добровольному возмещению; какую конкретно процессуальную форму (гражданско-процессуальную или уголовно-процессуальную) избрать для заявления требования о возмещении и пр., решает, в конечном итоге, понесшее материальный ущерб лицо. Полагаем, однако, что окончательно решить перечисленные вопросы могут лишь потерпевшие от преступления граждане, но не юридические лица. В связи с тем что уголовно-процессуальный закон специально не содержит указания на обязанность юридических лиц предъявить иск во всех случаях причинения им материального ущерба*, в литературе была высказана мысль, что они также „могут заявлять, а могут и не заявлять гражданский иск в уголовном деле“, т. е. действовать по своему усмотрению [169, 45].

Представляется, однако, что к данной категории гражданских исков такой вывод вряд ли применим. Субъективное процессуальное право, принадлежащее гражданскому истцу — социалистической организации — разумеется, предполагает свободное (по своей воле) распоряжение. Однако эта свобода не безгранична. Ее граница проходит прежде всего там, где принадлежащее субъекту право не используется в то время, как не только его собственные интересы, но и интересы общества, государства требуют эффективной реализации данного права [131, 77]. Именно исходя из этих

* Исключение составляет УПК ТССР, ст. 83 которого вменяет в обязанность юридических лиц предъявить гражданский иск в уголовном деле, если преступлением причинен им материальный ущерб.

соображений, многие юристы склонны полагать, что потерпевшая от преступления социалистическая организация, в отличие от потерпевших граждан, не вправе отказаться от возмещения, а обязана во всех случаях добиваться его [87, 55; 149, 5; 70, 26; 77, 86]. Если же гражданские иски — социалистические организации заявляют в суде отказ от иска, суды не должны их принимать. На таких позициях находится и судебная практика [36, 1979, № 4, 38; 37, 1962, № 9, 8; 1975, № 7, 12].

Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 29 июня 1979 г. „О практике применения судами законодательства при разрешении споров, одной из сторон в которых является колхоз или межколхозная организация“ (с изменениями и дополнениями, внесенными постановлением Пленума Верховного Суда СССР от 26 марта 1981 г.), в частности, указал, что в случае причинения ущерба колхозу преступлением суд не вправе принять отказ колхоза от иска, если ущерб не был возмещен [36, 1981, № 3, 28].

Однако объяснение такого положения только сложившейся практикой [111, 54] вряд ли можно считать приемлемым. Рассматриваемая обязанность социалистических организаций основывается на действующем законодательстве, в частности на ст. 10 Конституции СССР (ст. 10 Конституции УССР); п. 5 ст. ст. 2, 22 Закона СССР о государственном предприятии (объединении) [40, 1987, № 26, ст. 385], обязывающих предприятие сохранять и приумножать социалистическую собственность, вести решительную борьбу с бесхозяйственностью и расточительством, сообщать о хищениях и других грубых нарушениях в правоохранительные органы; ч. 6 ст. 24 Основ гражданского судопроизводства (ч. 5 ст. 103 ГПК УССР, ч. 2 ст. 34 ГПК РСФСР), в соответствии с которой суд не вправе принимать отказ гражданского истца от иска, если эти действия противоречат закону или нарушают чьи-либо права и охраняемые законом интересы. Отказ органа социалистической организации (юридического лица) от предъявления иска о возмещении ущерба, причиненного ее имуществу, следует расценивать как распоряжение имуществом социалистической организации вопреки ее интересам, что противоречит смыслу также гражданско-правовых норм, устанавливающих содержание права собственности государства, колхозов, иных кооперативных и общественных организаций, а равно требованию гражданского закона (ст. ст. 5 ГК УССР и ГК РСФСР) соблюдать законы, уважать правила социалистического общежития и моральные принципы общества при осуществлении гражданских прав и исполнении обязанностей.

В отдельных случаях названная обязанность в отношении определенных категорий юридических лиц находит непосредственное закрепление в нормативном акте. Так, согласно п. 37 Положения о бухгалтерских отчетах и балансах, утвержденного постановлением Совета Министров СССР от 29 июня 1979 г. и распространяю-

цего свое действие на все предприятия и организации (кроме состоящих на бюджете), при установлении недостач и потерь, явившихся следствием злоупотреблений, соответствующие материалы в течение 5 дней после установления недостач и потерь подлежат передаче в следственные органы, а на их сумму предъявляется гражданский иск [197, № 19, ст. 121].

Однако все это вряд ли можно признать достаточным решением рассматриваемого вопроса. Полагаем, его можно было бы считать окончательно решенным лишь в том случае, если бы рассматриваемая обязанность была непосредственно закреплена в Законе о государственном предприятии (объединении), соответствующих положениях и условиях в следующей формулировке: „(организация) обязана предпринять все предусмотренные законом средства и способы к возмещению противоправно причиненного ей материального ущерба”.

Четкое закрепление данной обязанности в нормативном акте, определяющем деятельность юридического лица, и контроль за ее исполнением со стороны вышестоящих и других контрольных органов стало бы дополнительным стимулом деятельности потерпевших от преступления социалистических организаций по возмещению ущерба.

3. Предъявить гражданский иск в уголовном деле полномочны не только лицо, понесшее материальный ущерб непосредственно от преступления, но и прокурор, когда этого требует охрана государственных или общественных интересов или прав граждан (ч. 4 ст. 40 Основ уголовного судопроизводства). Уголовно-процессуальные кодексы некоторых союзных республик, в частности ч. 2 ст. 29 УПК УССР, несколько конкретизируют условия предъявления гражданского иска прокурором в интересах граждан, понесших имущественный ущерб: он предъявляет его в случаях, когда имущественный ущерб нанесен лицу, которое вследствие беспомощного состояния, зависимости от обвиняемого или по другим причинам не может защищать свои законные интересы. При этом важно подчеркнуть, что если ранее предъявление или поддержание в указанных случаях гражданского иска было правом прокурора, то Указом Президиума Верховного Совета УССР от 16 апреля 1984 г. „О внесении изменений и дополнений в Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР” [42, 1984, № 19, ст. 351] на него возложена такая обязанность*.

Предъявление гражданского иска прокурором в защиту нарушенных преступлением имущественных прав социалистических

* Предъявление гражданского иска о возмещении ущерба в указанных случаях является обязанностью прокурора лишь в уголовном процессе. В гражданском судопроизводстве ему предоставляется право обратиться в суд с заявлением в интересах других лиц (ст. ст. 29 Основ гражданского судопроизводства, 118 ГПК УССР, 41 ГПК РСФСР).

организаций и граждан ничуть не затрагивает их право распоряжения принадлежащими им материальными и процессуальными правами. Гражданскими истцами в этом случае являются физические и юридические лица, в интересах которых был заявлен иск, но не прокурор. Именно эти лица являются субъектами спорного материально-правового отношения, нуждаются в защите своего субъективного права, нарушенного преступлением, и только на субъектов этого отношения распространяются материально-правовые последствия принятого судом решения по предъявленному прокурором иску [181, 24]. Поэтому в случае предъявления прокурором в их интересах иска они должны быть поставлены об этом в известность органами, ведущими уголовный процесс, и им следует разъяснить предусмотренные законом процессуальные права и обязанности (ч. 2 ст. 25 Основ уголовного судопроизводства; ст. ст. 51 УПК УССР, 5 УПК РСФСР). Отказ прокурора от предъявленного им иска или изменение исковых требований не лишает гражданского истца права требовать у суда рассмотрения иска по существу (ч. 2 ст. 120 ГПК УССР; ч. 3 ст. 41 ГПК РСФСР). В свою очередь, граждане и юридические лица, в интересах которых был предъявлен прокурором гражданский иск, вправе отказаться от иска или изменить его размер. Однако если суд найдет, что такой отказ противоречит закону или нарушает чьи-то права и охраняемые законом интересы, он не принимает его и разрешает иск по существу. По этому пути идет и судебная практика. В своем постановлении от 29 июня 1979 г. „О практике применения судами законодательства при разрешении споров, одной из сторон в которых является колхоз или межколхозная организация“ (с изменениями и дополнениями от 26 марта 1981 г. и от 26 апреля 1984 г.) Пленум Верховного Суда СССР разъяснил, что, „если колхоз отказывается от поддержания исковых требований, заявленных прокурором, суд должен обсудить вопрос о законности такого отказа, руководствуясь ч. 6 ст. 24 Основ гражданского судопроизводства, и вынести соответствующее решение по существу спора“ [186, 333].

Уголовно-процессуальное законодательство предусматривает участие прокурора в производстве по гражданскому иску в уголовном процессе в двух формах. Прокурор а) предъявляет сам гражданский иск или б) поддерживает иск, предъявленный потерпевшим лицом. В обоих случаях закон оговаривает его процессуальную деятельность в этом направлении необходимостью охраны государственных или общественных интересов либо прав граждан.

Предоставление права прокурору, а в некоторых случаях и возложение на него обязанности включиться в защиту нарушенного преступлением государственного или общественного имущества посредством заявления гражданского иска в уго-

ловном деле не снимает с государственных и общественных организаций, имущественные права и интересы которых были нарушены, обязанности заботиться об их защите. Переложение этой обязанности на органы прокуратуры чревато нежелательными последствиями двоякого рода: с одной стороны, оно могло бы ослабить заботу органов названных организаций по защите своих имущественных прав и интересов, оказавшихся нарушенными противоправными деяниями иных лиц, а с другой — увеличило бы обязанности прокурора, что могло бы отрицательно сказаться на выполнении им своих первоочередных задач и непосредственной функции в уголовном процессе.

Поэтому полагаем, что первоочередная задача прокурора в охране государственного или общественного имущественного интереса состоит не в том, чтобы предъявить гражданский иск в его защиту, но в том, чтобы потребовать от органов государственных или общественных организаций исполнения ими законов об охране государственной или общественной собственности, а в случае посягательства на нее и причинения материального ущерба — использования ими предоставленных законом средств для его возмещения. Генеральный прокурор неоднократно обращал внимание прокуроров на неправильность такого подхода, когда они сами предъявляют иски в возмещение ущерба, причиненного государственным и общественным организациям, вместо того чтобы потребовать активных действий по защите нарушенных имущественных прав от руководителей названных организаций. В этой связи, как нам представляется, было бы целесообразным дополнить действующее уголовно-процессуальное законодательство положением, направленным на активизацию деятельности государственных, кооперативных и общественных организаций по защите нарушенных преступлением их имущественных прав посредством предъявления гражданского иска в уголовном деле. При этом законность и обоснованность отказа от предъявления такого иска должна быть поставлена под надзор прокурора. С этой целью ч. 2 ст. 122 УПК УССР (ч. 1 ст. 137 УПК РСФСР) предлагаем изложить в следующей редакции:

„В случаях, когда преступлением причинен имущественный ущерб гражданину, предприятию, учреждению или организации, следователь разъясняет им или их представителям право предъявить гражданский иск, о чем составляет протокол или отмечает в протоколе допрос потерпевшего или направляет им письменное уведомление, копию которого приобщает к уголовному делу. Уведомляя об этом предприятия, учреждения и организации, следователь предлагает сообщить причины, по которым гражданский иск ими не будет предъявлен“.

Полагаем, что закрепление в уголовно-процессуальном законе последнего положения не нарушит свободы распоряжения назван-

ными организациями принадлежащими им правами, в том числе и правом на иск в уголовном процессе. В то же время оно будет определенным стимулом к активизации их деятельности, направленной на защиту нарушенных преступлением имущественных прав, с одной стороны, а с другой — ознакомление прокурора с причинами, по которым понесшие материальный ущерб государственные и общественные организации отказываются предъявить гражданский иск в уголовном деле, помогло бы ему принять правильное решение по вопросу о защите их имущественных интересов. Законодательный опыт подобного регулирования имеется в социалистических государствах*.

Таким образом, прокурор предъявляет гражданский иск в уголовном деле о возмещении причиненного преступлением материального ущерба государственным и общественным организациям лишь в случае, когда последние не предъявили такого иска без достаточных оснований сами, в результате чего их нарушенные имущественные права остались без защиты.

Аналогично должен поступать прокурор и в случаях, когда понесшие от преступления имущественный вред граждане (потерпевшие) не предъявили требования о его возмещении в силу социальной или биологической „слабости“, а равно по другим уважительным причинам. Следовательно, когда между субъектами спорного гражданско-правового отношения не существует фактического равенства, социалистическое государство, исходя из принципа гуманизма, защиту законных прав и интересов таких граждан принимает на себя, поручая это сделать своему представителю — прокурору**.

Поддержка прокурором предъявленного потерпевшими лицами гражданского иска в уголовном деле осуществляется в различных

* Например, в § 2 ст. 297 действующего УПК ПНР установлено: „О направлении обвинительного заключения в суд публичный обвинитель уведомляет обвиняемого и потерпевшего. Уведомляя об этом государственные и общественные учреждения, прокурор разъясняет их право предъявления гражданского иска и предлагает, чтобы в случае непредъявленного иска были сообщены причины этого“.

** Предоставление права прокурору предъявить гражданский иск в уголовном процессе в интересах государственных или общественных формирований, а равно потерпевших от преступления граждан, если этого требует публичный интерес, является характерным именно для законодательства социалистических государств (§ 2 ст. 11 УПК НРБ, § 44 УПК ВНР, § 198 УПК ГДР, ст. 54 УПК ПНР, ч. 3 ст. 43 УПК ЧССР).

В результате деления права на частное и публичное предъявление прокурором гражданского иска о возмещении ущерба в пользу граждан по законодательству буржуазных государств является исключением. При этом участие прокурора в качестве стороны соединенного процесса ограничивается определенной категорией дел. Так, согласно ст. 105 УПК Италии прокурор может предъявить гражданский иск лишь в том случае, когда потерпевший является неспособным к реализации своих прав [276, 84—85].

формах. В суде первой инстанции свое концентрированное выражение она находит в обвинительной речи прокурора, обосновывающей необходимость удовлетворения гражданского иска. Его поддержка может найти выражение и в форме принесения кассационного протеста либо протеста в порядке надзора в пользу гражданского истца на приговор суда в части, касающейся разрешения иска по существу, а также при его обосновании в кассационной или надзорной инстанции. Равным образом в ходе рассмотрения дела в этих инстанциях по жалобам и протестам других лиц прокурор может поддержать гражданский иск посредством дачи соответствующего заключения.

Поддержка прокурором гражданского иска, естественно, не означает, что его требования и предложения в отношении возмещения причиненного преступлением материального ущерба обязательно должны совпадать с требованиями гражданского истца. Если он найдет, что эти требования (размер иска) завышены, он поддерживает их лишь в той части, в какой они нашли подтверждение в ходе судебного следствия. Однако, если в ходе судебного разбирательства уголовного дела будет установлено, что фактический материальный ущерб был причинен в большем размере, чем он указан в исковом заявлении, прокурор в своей поддержке гражданского иска должен исходить из фактически причиненного ущерба.

4. Как известно, в гражданском судопроизводстве право предъявить иск в защиту прав и интересов других лиц принадлежит также органам государственного управления, профсоюзам, другим коллективным формированиям и отдельным гражданам (ст. ст. 30 Основ гражданского судопроизводства, 121 ГК УССР, 42 ГК РСФСР). В этой связи в юридической литературе высказывалось мнение, что названные органы вправе предъявить гражданские иски в интересах пострадавших от преступления лиц также и в уголовном процессе [122, 14; 70, 24].

Действующее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает возможности названным органам, а равно отдельным гражданам предъявлять гражданские иски в защиту имущественных прав и интересов потерпевших лиц в уголовном процессе. Практика уголовного судопроизводства подобных случаев не знает. С возложением в действующем уголовно-процессуальном законе Украинской ССР на прокурора обязанности предъявить гражданский иск во всех случаях, когда нарушенные преступлением имущественные права и интересы государственных и общественных организаций, а равно биологически и социально „слабых“ граждан остались без охраны, а также с предоставлением суду права решать вопрос о возмещении ущерба по своей инициативе, практически устраняется ситуация, когда названные права остались бы без защиты и в уголовном процессе.

Действующий уголовно-процессуальный механизм, таким образом, надлежало гарантировать защиту имущественных прав и интересов материально потерпевших лиц и без участия в уголовном процессе названных субъектов. Аналогия же в этом вопросе с гражданским судопроизводством способна, по нашему мнению, не столько укрепить гарантии защиты нарушенных прав, сколько усложнить уголовный процесс, что, несомненно, будет иметь место, если допустить в него лиц, не имеющих никакого отношения к факту преступления.

5. Своевременное и основанное на законе признание лица гражданским истцом создает необходимые предпосылки для реальной охраны его имущественных прав и интересов, и в то же время является важной гарантией имущественных интересов потерпевших от преступления лиц. Однако такое признание возможно не ранее, чем будет предъявлено требование (подано заявление) о возмещении причиненного материального ущерба, т. е. предъявлен гражданский иск в уголовном процессе.

Согласно ч. 3 ст. 28 УПК УССР (ч. 2 ст. 29 УПК РСФСР) последний может быть предъявлен во время как предварительного расследования, так и судебного рассмотрения дела, но до начала судебного следствия. После объявления председательствующим в судебном заседании о начале судебного следствия понесшие материальный ущерб лица и прокурор лишены права предъявить иск в уголовном процессе, а суд — возможности принять его к своему рассмотрению. Однако утрата такой возможности не является, по нашему мнению, абсолютной. Она может вновь возникнуть в случае наступления обстоятельств, препятствующих рассмотрению уголовного дела (отложение слушания дела, приостановление его разбирательства, возвращение на дополнительное расследование), и последующим рассмотрением его с самого начала.

Таким образом, лицо, понесшее в результате преступления материальный ущерб, становится гражданским истцом не автоматически, но лишь после подачи искового заявления и признания его таковым соответствующим постановлением лица, ведущего дознание, следователя, прокурора*, судьи, либо определением суда.

Праву лиц, понесших материальный ущерб от преступления, предъявить гражданский иск в уголовном процессе корреспондирует обязанность следователя (лица, производящего дознание) разъяснить им такое право во всех случаях установления факта причинения ущерба.

* Нормы, регулирующие порядок признания лица гражданским истцом (ст. ст. 50, 123, п. 3 ст. 253 УПК УССР), не упоминают прокурора в качестве должностного лица, имеющего на это право. Однако, исходя из смысла ст. 227 УПК, наличие у него этого права не вызывает сомнений.

Эта обязанность следователя нашла свое непосредственное закрепление в уголовно-процессуальном законодательстве большинства союзных республик. Пленум Верховного Суда СССР также своими постановлениями от 23 марта 1979 г. „О практике применения судами законодательства о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением” и от 28 ноября 1980 г. „О практике применения судами законодательства при предании обвиняемого суду” вменил в обязанность судьи или суда выяснить при предании обвиняемого суду, разъяснено ли потерпевшим лицам или организациям при проведении предварительного расследования их право на предъявление иска [186, 815, 827].

В случае непредъявления гражданского иска в ходе предварительного расследования, а также когда последнее не проводилось (по делам с протокольной формой досудебной подготовки материалов) судья (суд) должен разъяснить понесшим материальный ущерб лицам их право предъявить гражданский иск к обвиняемому или лицам, которые по закону несут за него материальную ответственность. Невыполнение органами предварительного расследования и судами названной обязанности вполне обоснованно рассматривается в судебной практике как серьезное нарушение уголовно-процессуального закона [36, 1982, № 2, 14; 37, 1973, № 1, 13; 1986, № 2, 9].

Таким образом, следователь не может пассивно ожидать поступления искового заявления от лиц, понесших имущественный ущерб от преступления. Он должен разъяснить им не только их право предъявить гражданский иск в уголовном процессе, но и все преимущества его рассмотрения и разрешения одновременно с уголовным делом.

6. Корреспондирующей гражданскому истцу стороной в уголовном процессе является тот его участник, который должен нести имущественную ответственность за причиненный преступлением материальный ущерб. По общему правилу, полностью дееспособный обвиняемый является и ответчиком по гражданскому иску. Именно лицо, совершившее преступление и причинившее им вред, должно устранить отрицательные имущественные последствия своего деяния. Однако в ряде случаев имущественную ответственность за противоправные действия определенных категорий граждан несут другие лица. В таких случаях уголовно-процессуальный закон предусматривает привлечение в процесс гражданского ответчика. Статья 26 Основ уголовного судопроизводства (ст. ст. 51 УПК УССР, 55 УПК РСФСР) называет круг субъектов, которые могут быть привлечены в уголовный процесс в качестве гражданских ответчиков. Таковыми в различных ситуациях могут быть признаны родители, опекуны, попечители и другие лица, а также предприятия, учреждения, организации, которые в силу закона несут материальную ответственность за ущерб, причиненный преступными действиями обвиняемого.

Гражданский ответчик всегда является самостоятельным субъектом уголовного процесса и никогда не может быть одновременно обвиняемым по тому же делу. Поэтому нельзя согласиться с Е. Г. Мартыничком, по мнению которого „гражданский ответчик — это лицо, совершившее преступление, которым причинен материальный ущерб, другие физические либо юридические лица, несущие за его общественно-опасные действия гражданско-правовую ответственность в случае предъявления требований о возмещении понесенного имущественного вреда“ [133, 147]. Как видим, автор отождествляет гражданского ответчика с обвиняемым. Между тем действующий уголовно-процессуальный закон не дает оснований для такого отождествления.

Вводя в уголовный процесс такого его участника, как гражданский ответчик, законодатель опирается при этом на нормы гражданского материального права, устанавливающие случаи возмещения вреда не его непосредственным причинителем, а другими лицами — юридическими или физическими (ст. ст. 88—94 Основ гражданского законодательства, 440—450 ГК УССР, 444—454 ГК РСФСР).

Обратимся к рассмотрению этих случаев.

А. В качестве гражданских ответчиков в уголовный процесс должны быть привлечены предприятия, учреждения, организации, если вред был причинен обвиняемым (их работником) при исполнении своих трудовых (служебных) обязанностей, вытекающих из трудовых, административных правоотношений, отношений членства и т. п. При этом не имеет значения, кем причиняется вред (должностным лицом или рядовым работником), а также какой характер носили вредоносные действия (хозяйственно-производственная деятельность, административно-управленческая и др.). Исходя из тезиса — деятельность юридического лица — это деятельность его рабочих и служащих, — законодатель считает, что вред, причиненный рабочими или служащими, членами кооперативных и общественных организаций при исполнении своих трудовых (служебных) обязанностей и в связи с ними, это — вред, причиненный самой организацией, которая и должна нести за него ответственность (ст. ст. 441, 442 ГК УССР, 445, 446 ГК РСФСР).

Между тем эти положения гражданского материального закона не всегда учитываются в практике следственных и судебных органов. нередки случаи, когда вред причиняется обвиняемым при выполнении своих трудовых (служебных) обязанностей, но органы предварительного расследования и суды не привлекают в уголовный процесс гражданских ответчиков, а при вынесении приговора возмещение материального ущерба возлагают непосредственно на осужденного. На недопустимость такого решения вопроса о возмещении ущерба неоднократно указывали высшие судебные инстанции страны как в своих руководящих постановлениях, так

и по конкретным делам [84, 56—57; 36, 1980, № 5, 10; 37, 1969, № 12, 6; 1975, № 7, 12].

Однако если материальный ущерб был причинен обвиняемым хотя и во время исполнения своих трудовых (служебных) обязанностей, но не в связи с ними (например, из хулиганских побуждений, бытовая ссора и т. п.), то имущественная ответственность не может быть возложена на юридическое лицо. Материальные последствия таких действий должны устраняться самим обвиняемым [36, 1986, № 2, 36; 37, 1965, № 9, 5].

Б. В качестве гражданского ответчика должен быть привлечен, по общему правилу, и владелец источника повышенной опасности, если материальный ущерб причинен этим источником в результате преступных действий обвиняемого при его эксплуатации. Однако, как показало изучение судебной практики, она при решении вопроса о возмещении ущерба, причиненного указанными действиями, испытывает довольно значительные колебания: одни суды взыскивают ущерб с виновного в совершении преступления, другие — с владельца источника повышенной опасности и этим же приговором взыскивают сумму убытков с осужденного в пользу владельца источника повышенной опасности, а третьи оставляют заявленные гражданские иски без рассмотрения.

Уголовное законодательство содержит немало составов преступлений, совершение которых связано с эксплуатацией либо хранением объектов, представляющих повышенную опасность для окружающих (ст. ст. 77, 215, 218—221, 229 и др. УК УССР). При их совершении, как правило, в уголовном процессе возникает и вопрос о возмещении причиненного материального ущерба. Легальным основанием для его решения является ст. 90 Основ гражданского законодательства (ст. ст. 450 ГК УССР, 454 ГК РСФСР), согласно которой имущественная ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, возлагается на его владельца, если он не докажет, что вред возник вследствие непреодолимой силы или умысла потерпевшего. Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 5 сентября 1986 г. „О судебной практике по делам о возмещении вреда, причиненного повреждением здоровья“ (п. II) разъяснил, что под владельцами источника повышенной опасности следует понимать организацию или гражданина, осуществляющих эксплуатацию этого источника в силу принадлежащего им права собственности, права оперативного управления либо по другим основаниям (по договору аренды, по доверенности на управление транспортным средством, в силу распоряжения компетентных органов о передаче организации во временное пользование источника повышенной опасности и т. п.) [186, 871]. Данный перечень оснований не является исчерпывающим. Судебная практика вполне обоснованно считает владельцами источника повышенной опасности также организации и учреждения, работники

которых (представители власти) в административном порядке временно изымают и используют источник для выполнения своих служебных обязанностей [147, 11], лиц, которым передан источник по договору подряда, для производства ремонта и пр.

Таким образом, владельцами источника повышенной опасности являются юридические лица и граждане, которые осуществляют владение им в силу определенного правового основания (титула).

При определении субъекта имущественной ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, важно установить, находилось ли лицо, эксплуатирующее источник, в трудовых (служебных) отношениях с юридическим лицом — его владельцем. Если находилось, — имущественная ответственность должна быть возложена на владельца источника, а следовательно, он и должен быть привлечен в уголовный процесс в качестве гражданского ответчика. При этом не имеет значения, действовал ли работник в интересах юридического лица, в своих собственных или в интересах третьих лиц [37, 1986, № 4, 6–7], осуществлял ли он эксплуатацию источника по поручению владельца (с его разрешения) или без такого (самовольно) [37, 1983, № 1, 6–7], имел ли он право на его управление или нет. Поскольку в перечисленных случаях источник повышенной опасности из обладания его владельцем не выходит (он эксплуатируется его работником), то владелец и должен возмещать причиненный ущерб.

Таким образом, установление титульного владельца источника повышенной опасности, преступной эксплуатацией которого был причинен материальный ущерб, — одна из важных предпосылок правильного решения вопроса о привлечении в уголовный процесс надлежащего гражданского ответчика, а следовательно, и возмещения материального ущерба. И как свидетельствует судебная практика, именно привлечение в уголовный процесс ненадлежащего гражданского ответчика является одной из наиболее распространенных ее ошибок, влекущих, по общему правилу, отмену приговора в части решения по гражданскому иску.

По-иному, однако, может быть решен вопрос о субъекте ответственности в случаях, когда источник повышенной опасности вышел из обладания его владельца помимо его воли. Наиболее распространенной практической ситуацией такого положения является угон автотранспортного средства (ст. ст. 215³ УК УССР, 212¹ УК РСФСР) и причинение им материального ущерба (совершенные столкновения, наезд на пешеходов и пр.).

Сложившаяся судебная практика, нашедшая свое закрепление в названном постановлении Пленума Верховного Суда (п. 11), вопрос о субъекте ответственности в рассматриваемом случае решает в зависимости от обстоятельств выбытия источника повышенной опасности из обладания владельца. Если источник вышел из

обладания владельцем не по его вине (и это будет установлено в процессе предварительного расследования и в суде), а в результате противоправных действий обвиняемого, то на последнего и должны быть возложены имущественные последствия совершенного преступления. Вместе с тем не исключены случаи причинения материального ущерба источником повышенной опасности, когда последний выбыл из обладания его владельцем помимо его воли, однако и при наличии его неосторожной вины (отсутствие надлежащей охраны источника, оставление машины открытой без присмотра, с ключом зажигания в замке и др.). В таких случаях ответственность за вред может быть возложена в долевом порядке как на титульного владельца, так и на незаконного в зависимости от обстоятельств дела и степени вины каждого из них в причинении вреда [36, 1986, № 6, 15]. Поскольку же окончательную правовую оценку их деяниям, а следовательно, и вину в причинении ущерба определяет суд, органы предварительного расследования, а также судья (суд) при передаче обвиняемого суду должны привлечь в качестве гражданского ответчика и титульного владельца источника повышенной опасности. Исследовав все обстоятельства дела, суд сможет сделать вывод о наличии или отсутствии его вины в причинении ущерба и возложить также на него ответственность в размере, адекватном степени его вины, либо отказать в иске к нему, возложив обязанность по возмещению ущерба в полном объеме на подсудимого или лицо, несущее материальную ответственность за его действия, т. е. другого гражданского ответчика. Непривлечение в рассматриваемом случае титульного владельца в качестве гражданского ответчика может осложнить разрешение гражданского иска (отложение слушания дела, привлечение в процесс гражданского ответчика и т. п.) либо сделать его вовсе невозможным, и суд будет вынужден оставить иск без рассмотрения.

В. В качестве гражданских ответчиков привлекаются в уголовный процесс родители (усыновители), опекуны, попечители, а также соответствующие учреждения и организации, если материальный ущерб причинен преступным деянием несовершеннолетнего или при его участии. Условия привлечения перечисленных субъектов к материальной ответственности установлены гражданским законодательством (ст. ст. 446, 447 ГК УССР, 450, 451 ГК РСФСР). Последнее различает субъектов имущественной ответственности в зависимости от возраста несовершеннолетнего. Если вред причинен обвиняемым в возрасте от 14 до 15 лет, ответственность за него в полном объеме несут родители (усыновители), опекуны либо соответствующие учебные (школы, школы-интернаты и др.), воспитательные (детские дома) или лечебные учреждения (больницы, санатории и пр.), под надзором которых состоял несовершеннолетний (ст. 446 ГК УССР, 450 ГК РСФСР). Именно эти физические

и юридические лица и должны привлекаться в уголовный процесс в качестве гражданских ответчиков, так как названная категория несовершеннолетних правонарушителей полностью недееспособна.

Если же материальный ущерб причинен несовершеннолетним обвиняемым в возрасте от 15 до 18 лет, субъектом имущественной ответственности является прежде всего сам несовершеннолетний. Однако при отсутствии у него достаточных средств для полного возмещения ущерба к дополнительной (субсидиарной) ответственности привлекаются лица, связанные с несовершеннолетним семейно-правовыми отношениями, т. е. родители или попечители (ст. ст. 447 ГК УССР, 451 ГК РСФСР)*. Следовательно, родители и попечители данной категории несовершеннолетних привлекаются в уголовный процесс как гражданские ответчики не автоматически, но лишь при условии, что сами несовершеннолетние не имеют на момент вынесения приговора заработка или имущества, достаточных для возмещения причиненного ими ущерба. Это обстоятельство должно быть установлено органами предварительного расследования и судом, и лишь после этого ими может быть принято решение о привлечении указанных лиц в качестве гражданских ответчиков.

В судебной практике нередко имеют место случаи, когда законные представители несовершеннолетнего обвиняемого в возрасте от 15 до 18 лет привлекаются в уголовный процесс как гражданские ответчики, хотя сам обвиняемый располагает достаточными материальными средствами для возмещения причиненного им ущерба. Такое положение иногда оправдывается и в теории [263, 53]. Между тем оно не соответствует закону (ст. ст. 447 ГК УССР, 451 ГК РСФСР) и сущности субсидиарной ответственности, смысл которой состоит в том, чтобы обеспечить возмещение в полном объеме на случай имущественной несостоятельности непосредственного причинителя ущерба. Поэтому привлечение к материальной ответственности несовершеннолетнего в возрасте от 15 до 18 лет и его законных представителей одновременно может иметь место лишь тогда, когда несовершеннолетний не имеет заработка и не обладает имуществом, достаточным для полного возмещения причиненного ущерба [254, 77]. Если же органы предварительного расследования или суд в процессе принятия мер по обеспечению гражданского иска установят, что самостоятельного заработка (стипендии, пенсий и пр.) и имущества, принадлежащих такому

* В юридической литературе высказывалось *de lege ferenda* заслуживающее внимания предположение о необходимости расширить круг субъектов имущественной ответственности за причинение вреда несовершеннолетним в возрасте от 15 до 18 лет за счет детских домов и школ-интернатов, в которых они воспитываются и обучаются [245, 5; 263, 51; 29, 83].

несовершеннолетнему, вполне достаточно для полного возмещения ущерба, то привлечение к имущественной ответственности его законных представителей утрачивает смысл, так как имеются гарантии полного возмещения ущерба и без их участия. Более того, привлечение их в качестве гражданских ответчиков лишь усложнит процесс, сделает его более громоздким, а следовательно, и менее экономичным.

Необходимо обратить внимание также на то обстоятельство, что субъектами имущественной ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними, являются оба родителя. Поэтому и гражданскими ответчиками также должны признаваться оба родителя, что не всегда имеет место в следственной и судебной практике, а это, в свою очередь, может отрицательно сказаться на возможности быстрого и полного возмещения ущерба.

Это положение, однако, может быть осложнено такими обстоятельствами, как оставление одним из родителей семьи (развод) или лишение его родительских прав. Можно ли привлечь в качестве гражданских ответчиков таких родителей в случае причинения вреда их несовершеннолетними детьми? Последний случай был предметом обсуждения в литературе. При этом были высказаны полярные суждения. Если для одних авторов положительный ответ на поставленный вопрос не представляется возможным [117, 76; 83, 9; 107, 529], то для других такие родители не только могут, но и должны привлекаться в качестве субъектов ответственности за причинение имущественного вреда их несовершеннолетними детьми [245, 3; 263, 40; 29, 73].

Вряд ли можно ответить на поставленный вопрос однозначно. По всей видимости, его необходимо решать, исходя из конкретной обстановки. Судебная практика, как известно, выработала критерии наличия или отсутствия вины родителей в причинении вреда их несовершеннолетними детьми, в частности: неосуществление должного надзора за несовершеннолетними; ненадлежащее их воспитание; неправильное использование своих прав по отношению к детям, результатом чего явилось противоправное поведение детей, причинившее материальный ущерб [84, 57]. Поэтому, если уход родителя из семьи или лишение его родительских прав и факт причинения вреда (совершения преступления) значительно отдалены один от другого во времени; если такой родитель не только не проживает вместе с несовершеннолетним, но и вообще лишен возможности влиять на ребенка путем непосредственного общения (например, выехал в другую местность); если один из родителей чинит препятствия в общении с ребенком другому и тем самым лишает его возможности воспитывать; если несовершеннолетний длительное время огражден от негативного воздействия на его воспитание со стороны родителя, лишенного родительских прав, и находится на воспитании другого родителя, заменяющих его лиц или учебно-воспитательного учреждения, то едва ли

в этой ситуации есть основания возлагать на такого родителя имущественную ответственность. Вероятно, иначе следует решать этот вопрос, если перечисленные и подобные им обстоятельства отсутствуют. Поскольку же решение рассматриваемого вопроса исключительно зависит от объема толкования термина „родители“, то вряд ли есть необходимость вносить связанные с этим дополнения в действующее гражданское (ст. ст. 446, 447 ГК УССР, 450, 451 ГК РСФСР) и уголовно-процессуальное законодательство, как это предлагает А. М. Белякова [29, 73]. Полагаем, что разъяснения Пленума Верховного Суда СССР или союзной республики было бы вполне достаточно для правильного решения этого вопроса в практической деятельности судов.

Как известно, гражданская дееспособность возникает в полном объеме по достижении гражданином совершеннолетия, т. е. 18-летнего возраста (ст. ст. 11 ГК УССР и ГК РСФСР). Однако, когда законом (ст. ст. 16 КоБС УССР, 15 КоБС РСФСР) разрешено вступать в брак до достижения совершеннолетия, недостигший его гражданин приобретает дееспособность в полном объеме с момента вступления в брак. Следовательно, если материальный ущерб причиняется лицом, находящимся в браке до достижения им совершеннолетия, оно полностью является деликтоспособным, а родители (попечители) не несут ответственности за причиненный им вред и не могут привлекаться в уголовный процесс в качестве гражданских ответчиков.

7. Материальный ущерб может быть причинен преступными действиями не одного, а нескольких обвиняемых, равно как и не одному, а нескольким лицам. В таких случаях, как правило, возникает вопрос о процессуальном соучастии и порядке возложения обязанности по возмещению ущерба на нескольких ответчиков по гражданскому иску.

Вопросы процессуального соучастия непосредственно уголовно-процессуальным законодательством не регулируются. Поэтому при их решении необходимо опираться на нормы гражданского и гражданско-процессуального права, а также на разъяснения, содержащиеся в названных ранее постановлениях Пленумов Верховного Суда СССР и Верховного Суда УССР.

Процессуальное соучастие возможно в различных комбинационных сочетаниях: один гражданский истец – несколько обвиняемых (гражданских ответчиков); один обвиняемый (гражданский ответчик) – несколько гражданских истцов и др. Однако при этом важно подчеркнуть, что все гражданские истцы, как и гражданские ответчики, в отношении другой стороны и один к другому занимают самостоятельное процессуальное положение и каждый из них свободно пользуется и распоряжается своими процессуальными правами (ст. ст. 104 ГПК УССР, 35 ГПК РСФСР). Отказ одного или нескольких истцов от заявленного иска, изменение исковых требо-

ваний, как и признание гражданского иска кем-либо из гражданских ответчиков, не порождает соответствующих обязанностей для других участников.

Что касается возложения обязанности по возмещению причиненного ущерба при процессуальном соучастии на стороне ответчиков по гражданскому иску, то оно должно быть осуществлено судом в следующем порядке:

А. Обвиняемые, причинившие материальный ущерб совместными преступными действиями, несут солидарную имущественную ответственность по эпизодам преступления, в которых установлено их совместное участие (ст. ст. 451 ГК УССР, 455 ГК РСФСР). Отмечая это положение гражданско-правовой деликтной ответственности, Пленум Верховного Суда СССР тем не менее в своем постановлении от 23 марта 1979 г. дал разъяснение, в соответствии с которым суд вправе возложить на подсудимых, совместными действиями которых причинен ущерб, долевую, а не солидарную ответственность, если такой порядок взыскания соответствует интересам истца и обеспечивает возмещение ущерба (п. 12). Это же положение он подтвердил в своем постановлении от 3 декабря 1976 г. (в редакции постановления Пленума от 5 декабря 1986 г.) „О применении судами законодательства по делам о преступлениях несовершеннолетних и о вовлечении их в преступную и иную антиобщественную деятельность” [186, 746].

Полагаем, что такое разъяснение не соответствует общим положениям гражданского законодательства о солидарной ответственности, которое исключает возложение ответственности в долях причиненного ущерба, если последний явился единым нераздельным результатом противоправных действий нескольких лиц. Поводом для него, по всей видимости, послужило мнение, что принцип солидарной ответственности во многих случаях оказывается малоэффективным и не создает заинтересованности у осужденных и их родственников в более быстром и полном возмещении ущерба, а скорее устраняет такую заинтересованность [240, 19-20]. Однако это мнение не учитывает того, что принцип солидарной ответственности не исключает возможности взыскания ущерба из всех сопричинителей в определенных долях (равных), однако при этом все они остаются обязанными перед потерпевшими лицами до полного возмещения причиненного им ущерба. Нельзя не согласиться с В. Т. Смирновым и А. А. Собчаком в том, что долевая ответственность (вместо солидарной) автоматически ухудшает положение потерпевших лиц, поскольку при невозможности взыскания определенной судом доли с одного или нескольких сопричинителей эта часть ущерба останется невозмещенной [196, 110]. Следовательно, вряд ли долевая ответственность способна более эффективно обеспечить интересы истца, нежели солидарная.

Однако солидарная ответственность не может возлагаться на лиц, которые осуждены хотя и по одному делу, но за самостоятельные преступления, не связанные общим намерением, а также на лиц, одни из которых осуждены за корыстные преступления, например за хищение, а другие — за халатность, хотя бы действия последних объективно в какой-то мере способствовали первым совершить преступление. Это положение нашло отражение в Постановлении Пленума Верховного Суда СССР от 23 марта 1979 г. (п. 12) и последовательно реализуется судами при решении вопроса о возмещении причиненного преступлением материального ущерба [36, 1972, № 2, 37; 1979, № 5, 24; 37, 1984, № 6, 9; 174, 1984, № 10, 84].

Б. Гражданские ответчики (если их несколько), возмещают причиненный обвиняемыми ущерб в установленных судом долях, а не солидарно. Однако в пределах определенной судом доли они несут солидарную ответственность. Так, если вред причинен несколькими несовершеннолетними обвиняемыми, то привлеченные к имущественной ответственности их родители (мать и отец) — гражданские ответчики несут в пределах определенной им доли солидарную ответственность.

В. В случаях, когда ущерб причинен совместными действиями подсудимого и другого лица, в отношении которого уголовное дело было прекращено по основаниям, содержащимся в пп. 2–10 ст. 6, ст. ст. 7–10 УПК УССР (пп. 2–10 ст. 5, ст. ст. 6–10 УПК РСФСР), либо выделено в отдельное производство, возмещение материального ущерба в полном объеме возлагается на подсудимого. При этом гражданскому истцу суд разъясняет право предъявить в порядке гражданского судопроизводства к лицам, дело в отношении которых было прекращено, иск о возмещении ущерба солидарно с осужденным. При вынесении в последующем обвинительного приговора в отношении лица, дело о котором было выделено в отдельное производство, суд вправе возложить на него обязанность возместить ущерб солидарно с ранее осужденным [84, 302; 174, 1972, № 6, 108].

В юридической литературе правильность и целесообразность изложенного положения были поставлены под сомнение. По мнению ряда ученых-процессуалистов, материальный ущерб должен быть взыскан по приговору суда и с тех соучастников преступления, уголовные дела в отношении которых были производством прекращены. При этом они должны привлекаться в уголовный процесс в качестве гражданских ответчиков [104, 90–92; 169, 56; 63, 158].

Сама по себе идея — возложение приговором суда обязанности возместить причиненный совместными преступными действиями материальный ущерб на всех соучастников преступления независимо от решения вопроса об уголовной ответственности некоторых

из них — заманчива. В ее обоснование выдвигается ряд заслуживающих внимания аргументов: устранение параллелизма в работе уголовных и гражданских судов, быстрота и экономичность в устранении негативных материальных последствий преступления и в защите имущественных прав потерпевших лиц и др. Однако согласиться со сторонниками этой идеи в том, что для такого решения вопроса „с точки зрения теории нет никаких препятствий” и что в „уголовном процессе есть все условия для того, чтобы привлечь этих лиц в качестве гражданских ответчиков” [169, 56—57], нельзя. Наоборот, реализация предложенной идеи связана со значительными теоретическими и практическими осложнениями.

Их сущность состоит в следующем. Названные авторы предлагают привлекать упомянутых лиц в уголовный процесс в качестве гражданских ответчиков. Но в таком случае необходимо пересматривать само понятие гражданского ответчика как лица, несущего в силу закона материальную ответственность за ущерб, причиненный преступными действиями обвиняемого (ст. 26 Основ уголовного судопроизводства). Ведь соучастники преступления, в отношении которых уголовные дела были производством прекращены, материальную ответственность должны нести не за действия обвиняемого, а за свои собственные. Следовательно, они не могут „вписаться” в понятие гражданского ответчика. Оставить же их без процессуального статуса в уголовном процессе никак нельзя, так как они имеют в нем свой интерес, для защиты которого должны быть наделены процессуальными правами стороны в гражданском иске.

Таким образом, реализация изложенного предложения наталкивается на серьезные препятствия теоретического, законодательного и практического порядка, устранить которые без выработки нового понятия гражданского ответчика в уголовном процессе и соответствующего изменения уголовно-процессуального законодательства не представляется возможным. Именно этими соображениями, по всей видимости, и руководствовался Пленум Верховного Суда СССР, устранив названных соучастников преступления из числа ответчиков по гражданскому иску в уголовном процессе.

8. Важным вопросом производства по гражданскому иску в уголовном процессе является установление момента, с наступлением которого возможно признание лица гражданским ответчиком и привлечение его в уголовный процесс. Как в теории уголовного процесса, так и в практической его реализации он решается по-разному. По мнению одних авторов, гражданский ответчик может появиться в процессе только после привлечения лица в качестве обвиняемого и предъявления ему обвинения [169, 58; 249, 13; 227, 86; 111, 95; 185, 23]. Противоположная точка зрения сводится к тому, что для привлечения в процесс гражданского ответчика

важно лишь, чтобы был заявлен гражданский иск и лицо, понесшее материальный ущерб, было признано гражданским истцом. В таком случае гражданского ответчика можно привлечь и до предъявления обвинения лицу, привлекаемому к уголовной ответственности [127, 75].

Нет сомнения в том, что привлечение в уголовный процесс гражданского ответчика должно предшествовать предъявлению гражданского иска и признанию понесшего материальный ущерб лица гражданским истцом. Нельзя согласиться с Ю. Р. Адояном и А. Д. Давлетовым, полагающими, что не исключается возможность признания лица гражданским ответчиком и до предъявления гражданского иска в уголовном деле [10, 14; 68, 98].

Данное мнение представляется не столько спорным, сколько необоснованным прежде всего потому, что привлечение в процесс гражданского ответчика до появления в нем гражданского истца является беспредметным и лишенным смысла процессуальным действием, так как еще неизвестно, будет ли предъявлен гражданский иск.

Равным образом, вряд ли можно считать основанным на уголовно-процессуальном законе и мнение авторов, полагающих, что несущих имущественную ответственность за действия обвиняемых лиц можно признать гражданскими ответчиками в уголовном деле еще до появления в уголовном процессе такого его участника, как обвиняемый, т. е. до предъявления обвинения. В соответствии со ст. 51 УПК УССР (ст. 55 УПК РСФСР) в качестве гражданских ответчиков могут быть привлечены перечисленные в ней лица, „которые в силу закона несут материальную ответственность за ущерб, причиненный преступными действиями обвиняемого” (курсив мой. — В. Н.).

Следовательно, в самом уголовно-процессуальном законе четко выражена мысль законодателя, что привлечение в уголовный процесс гражданского ответчика зависит от того, имеется ли в нем обвиняемый в совершении преступления, которым причинен материальный ущерб. И это вполне понятно, ибо до тех пор, пока не собрано достаточных доказательств того, что преступление совершено определенным лицом и им же причинен ущерб, в уголовном деле не может быть не только обвиняемого, но и лица, несущего материальную ответственность за его действия. Противоположная точка зрения неминуемо ведет к противопоставлению оснований гражданской и уголовной ответственности, в то время как они „имеют в принципе общий характер” [134, 192].

Речь идет прежде всего о таком их структурном элементе, как вина. Ее установление в совершении преступления одновременно означает, что установлено и основание гражданско-правовой ответственности. Поэтому привлечение не только к уголовной, но

и к имущественной ответственности в уголовном процессе возможно лишь тогда, когда собрано достаточно доказательств, подтверждающих, кто совершил преступление, причинил ли имущественный ущерб и виновен ли. А это находит свою констатацию прежде всего в постановлении о привлечении лица в качестве обвиняемого (ст. ст. 131 УПК УССР, 143 УПК РСФСР).

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ПРОИЗВОДСТВА ПО ГРАЖДАНСКОМУ ИСКУ

В производстве по гражданскому иску особое место занимает его доказывание, которое производится исключительно по правилам, установленным уголовно-процессуальным законом. Это положение нашло закрепление в уголовно-процессуальных кодексах большинства союзных республик (ч. 2 ст. 29 УПК РСФСР). УПК Украинской ССР такого положения непосредственно не содержит. Однако это не означает, что украинский законодатель придерживается по этому вопросу иного мнения. Из смысла ряда уголовно-процессуальных норм (ст. ст. 1, 3, 22, 64 УПК УССР) явственно усматривается, что он также стоит на этих позициях. Вместе с тем было бы целесообразным использовать законодательный опыт РСФСР и других союзных республик и внести в ст. 29 УПК УССР дополнение следующего содержания:

„Доказывание гражданского иска, предъявленного в уголовном деле, производится по правилам настоящего Кодекса“.

Четкая формулировка и непосредственное закрепление этого положения в уголовно-процессуальном законе будут способствовать правильному его применению, что особенно важно для производства по гражданскому иску, в частности при выборе и использовании средств процессуального доказывания, определении обязанности доказывания, его пределов и пр., а также позволит улучшить его с точки зрения законодательной техники.

1. Уголовно-процессуальное доказывание гражданского иска предполагает в первую очередь определение его предмета. Этот вопрос возникает непосредственно с возбуждением производства по гражданскому иску, т. е. с принятием иска и признанием понесенного материального ущерба лица гражданским истцом, и состоит в том, чтобы правильно и полно определить: факты (обстоятельства), из которых истец выводит свои имущественные притязания; лиц, несущих имущественную ответственность за причиненный ущерб; факты, дающие основание для уменьшения размера возмещения причиненного ущерба.

Исходя из норм уголовно-процессуального закона, регулирующих производство по гражданскому иску, норм материального права (гражданского, трудового, колхозного), регулирующих спорное имущественное правоотношение и устанавливающих основания имущественной ответственности, круг несущих ее лиц

и условия реализации, в предмет доказывания по гражданскому иску в уголовном деле необходимо включить следующие факты: а) наличие материально-правового основания гражданского иска (вредоносного деяния, материального ущерба, причинной связи между противоправным деянием и ущербом, вины непосредственного причинителя вреда); б) размер причиненного материального ущерба; в) размер ущерба, подлежащего возмещению; г) наличие вины лица, понесшего материальный ущерб, в его возникновении или увеличении, ее форма и степень; д) несение имущественной ответственности за действия непосредственного причинителя вреда иных лиц и каких конкретно; е) имущественное положение ответчика (гражданина) по гражданскому иску.

Некоторые авторы в предмет доказывания по гражданскому иску включают и лицо, которому преступлением причинен материальный ущерб [169, 70]. Действительно, нередко возникает ситуация, когда определение лица, которому преступлением причинен материальный ущерб, составляет определенную сложность. В частности, это имеет место в случае, когда причиняется вред имуществу, находящемуся не у его собственника, а у титульного владельца, о чем уже ранее шла речь. Вместе с тем, по нашему мнению, специально выделять это обстоятельство в качестве структурного элемента предмета доказывания по гражданскому иску нет необходимости. Определение лица, понесшего материальный ущерб от преступления, осуществляется при установлении материально-правового основания гражданского иска, поскольку установление наличия материального ущерба означает установление и лица, которому он причинен. Кроме того, не исключаются случаи, когда понесшее в результате совершения преступления материальный ущерб лицо вообще не будет установлено. Наиболее часто это имеет место в делах об обмане покупателей и заказчиков путем превышения установленных различных цен, а также цен и тарифов на бытовые и коммунальные услуги; в делах о получении незаконного вознаграждения от граждан за выполнение работ, связанных с обслуживанием населения, и др. Незаконно полученные с потерпевших денежные суммы, как нажитые преступным путем, подлежат изъятию в доход государства. При этом возможно возникновение одной из двух правовых ситуаций, которые по-разному регулируются действующим законодательством. Если нажитые преступным путем деньги и иные ценности в процессе производства по делу были обнаружены, они изымаются как вещественные доказательства и обращаются при разрешении дела по существу в доход государства без предъявления кем-либо гражданского иска (п. 4 ст. 81 УПК УССР, п. 4 ст. 86 УПК РСФСР). Если же их обнаружить и изъять не представилось возможным, то их сумма (стоимость) подлежит взысканию в доход государства как неосновательно приобретенная (ст. ст. 470 ГК УССР, 473

ГК РСФСР) по иску прокурора, предъявленному и разрешаемому в порядке гражданского судопроизводства.

Вместе с тем судебная практика все интенсивнее развивается в направлении взыскания с осужденных неосновательно ими приобретенного по иску прокурора или по инициативе суда совместно с рассмотрением уголовного дела.

Наиболее рельефное отражение она получила в руководящих постановлениях Пленума Верховного Суда СССР. Так, в случае совершения умышленного повреждения полезацидных и иных насаждений (ст. ст. 159 УК УССР, 168 УК РСФСР), незаконной порубки леса (ст. ст. 160 УК УССР, 169 УК РСФСР) с осужденных, помимо ущерба, причиненного лесонарушением и взыскиваемого в соответствии с действующим законодательством, изымается и передается соответствующей организации незаконно добытая лесопродукция. Если же последнюю обнаружить не удалось, то помимо сумм в возмещение ущерба, причиненного лесонарушителями, взыскивается также стоимость незаконно добытой продукции: древесины — по таксам отпуска ее на корню, а другой продукции (сена, орехов, плодов) — по заготовительным ценам [186, 214].

Равным образом Пленум Верховного Суда СССР рекомендует взыскивать в доход государства как неосновательно приобретенные (ст. ст. 470 ГК УССР, 473 ГК РСФСР) не обнаруженные в ходе производства по уголовному делу деньги и иные ценности, переданные в виде взятки [186, 679], нажитые в результате спекуляции [186, 638] либо полученные вследствие нарушения правил торговли [186, 652].

Будучи целесообразной, такая практика тем не менее не основана на действующем уголовно-процессуальном законе, так как последний допускает предъявление и разрешение в уголовном процессе только исков лиц, понесших материальный ущерб от преступления, и иска прокурора в пользу таких лиц. В этой связи следует поддержать идею о необходимости дополнить действующий уголовно-процессуальный закон положением, в соответствии с которым имущество (деньги, ценности), приобретенное в результате совершения преступления и не подлежащее возвращению потерпевшему от преступления лицу либо когда последнее не установлено, по иску прокурора, а при его отсутствии — по инициативе суда взыскивается в доход государства [70, 58; 24, 89]. Сфера действия этой нормы распространялась бы на случаи, когда факт преступного получения имущества (денег) и его размер установлен, однако обнаружить его и изъять в процессе производства по уголовному делу не представилось возможным.

Названные элементы структуры предмета доказывания по гражданскому иску получили освещение в литературе [127, 25-50; 169, 68-94], а их доказывание в практике следственных и судебных органов, по общему правилу, особых затруднений не вызывает.

Вместе с тем следует обратить внимание на следующее обстоятельство: при определении фактов (обстоятельств), составляющих предмет доказывания по гражданскому иску, в одних случаях авторы называют в качестве его структурного элемента „размер ущерба”, в других — „размер гражданского иска”. При этом названные термины употребляются ими для выражения одного и того же понятия — размера материального ущерба, подлежащего возмещению понесшим его лицам ответчиком по гражданскому иску. Уголовно-процессуальный закон также употребляет оба названные термины. Так, очерчивая предмет доказывания в уголовном деле, он обязывает ведущие уголовный процесс органы установить „характер и *размер ущерба*, причиненного преступлением” (курсив мой. — В. Н.) (п. 4 ст. 15 Основ уголовного судопроизводства). Определяя порядок разрешения гражданского иска при постановлении приговора, законодатель обязывает суд принять по нему решение „в зависимости от доказанности оснований и *размеров гражданского иска*” (курсив мой. — В. Н.) (ст. ст. 398 УПК УССР, 310 УПК РСФСР).

Как нам представляется, названные выше термины законодатель использует для определения понятий, содержание которых не всегда совпадает. Это, в частности, имеет место в случаях, когда за причиненный противоправным деянием имущественный вред наступает в соответствии со специальными нормативными актами повышенная (кратная) имущественная ответственность. Последняя, по общему правилу, имеет место, когда вред причиняется дефицитным или наиболее ценным видам имущества, возмещение которого по номинальной цене не компенсирует фактически причиненного ущерба.

Так, при хищении лошадей, крупного рогатого скота, свиней, овец и коз материальный ущерб возмещается в размере полуторной стоимости животных, определяемой по их закупочной цене на соответствующий вид живого скота [188, 67]. При незаконном занятии рыбным промыслом причиненный заготовкой икры осетровых и лососевых рыб материальный ущерб взыскивается в размере трехкратной стоимости заготовленной икры по действующим розничным ценам за икру высшего сорта [197, 1974, № 22, ст. 133]. Хищение, недостача и сверхнормативные потери драгоценных металлов, драгоценных камней и других валютных ценностей также влечет повышенную (кратную) материальную ответственность [197, 1977, № 1, ст. 5]. При хищении, уничтожении или повреждении книг и других произведений печати и материалов из библиотечных фондов, если невозможно заменить их такими же произведениями, их стоимость возмещается в десятикратном размере [40, 1984, № 12, ст. 173]. При хищении, недостаче или утрате мяса, молока, мясных и молочных продуктов в государственных, кооперативных и иных общественных предприятиях, учреждениях и организациях стоимость похищенной, недостающей или утраченной продукции, подлежащая взысканию с виновных лиц, определяется по государственным розничным ценам на указанную продукцию с применением коэффициентов кратности: мясо и мясные продукты — 3; молоко и молочные продукты — 2,5 [38, 1983, № 11].

Кратная имущественная ответственность за причиненный материальный ущерб имеет место и в иных, предусмотренных специальными нормативными актами случаях, причем она имеет тенденцию к росту. При этом необходимо отметить следующее обстоятельство. В случае применения кратной (с применением поправочных коэффициентов) имущественной ответственности номинальный размер материального ущерба исчисляется из однократной стоимости похищенных или уничтоженных ценностей по соответствующим ценам. Именно этот размер ущерба устанавливается (доказывается) в уголовном деле (п. 4 ст. 64 УПК УССР, п. 4 ст. 68 УПК РСФСР), и из него исходят ведущие уголовный процесс органы при квалификации вредоносного деяния по соответствующим нормам уголовного материального права. Размер же гражданского иска будет определяться с учетом предусмотренных специальными нормативными актами коэффициентов кратности к номинальному размеру причиненного материального ущерба. Следовательно, в таких случаях размер причиненного ущерба, исчисляемый в номинальных ценах, не совпадает с размером гражданского иска. При этом первый из них, будучи исходным для определения ущерба, подлежащего взысканию, является элементом структуры предмета доказывания в уголовном деле, второй же, исчисленный в кратном размере, составит элемент предмета доказывания по гражданскому иску. Поэтому, полагая, в предмет доказывания по гражданскому иску в таких ситуациях необходимо включать как номинальный размер причиненного материального ущерба, так и подлежащий взысканию с ответчика в кратном исчислении. В материалах дела должна найти обоснование как сумма ущерба, от которой зависит квалификация, так и подлежащая взысканию в возмещение причиненного вреда.

Иное имеет место при совершении хищений, умышленном уничтожении или порче, образовании недостатков материальных ценностей, на которые отсутствуют государственные розничные цены. В таких случаях согласно Указаниям Госкомцен от 29 декабря 1981 г. № 1372 [38, 1982, № 5, № 9; 1983, № 10; 1986, № 12] и разъяснениям Пленума Верховного Суда СССР, содержащимся в постановлении от 11 июля 1972 г. „О судебной практике по делам о хищениях государственного и общественного имущества“ (в редакции постановления Пленума от 27 ноября 1981 г.) [186, 611] и постановлениях Пленума Верховного Суда Украинской ССР от 24 июня 1983 г. „О практике применения судами Украинской ССР законодательства по делам о хищении продовольственных товаров, их утрате и порче в системе государственной торговли и потребительской кооперации“, а также от 27 марта 1987 г. „О практике применения судами Украинской ССР законодательства по делам о хищении государственного и общественного имущества на предприятиях и в организациях агропромышленного комплекса“ [84, 198;

174, 1987, № 7, 85; 37, 1987, № 3, 9, размер ущерба исчисляется исходя из оптовых, закупочных (заготовительных) цен на соответствующую продукцию с применением соответствующих коэффициентов кратности. При этом исчисляемая в соответствии с названными Указаниями стоимость похищенного или уничтоженного имущества должна учитываться как при квалификации преступного деяния, так и при определении размера причиненного материального ущерба, подлежащего взысканию с осужденного.

2. Доказывание (установление) всех обстоятельств, охватываемых предметом доказывания по гражданскому иску, в уголовном процессе имеет свою специфику, обусловленную действием в нем принципа публичности. Если в гражданском процессе обязанность доказывания лежит на стороне, которая ссылается на те или иные обстоятельства как на основание своих требований и возражений (ст. ст. 30 ГК УССР, 50 ГК РСФСР), то в процессе уголовного обвинения доказывать наличие оснований, размера причиненного ущерба и других элементов структуры предмета доказывания по гражданскому иску на гражданском истце не лежит, равно как не лежит на ответчике по иску обязанность доказывать отсутствие этих оснований. В силу требований уголовно-процессуального закона (ст. ст. 3, 14, 15 Основ уголовного судопроизводства) доказывание характера материального ущерба, его размера, оснований гражданского иска возлагается на органы, ведущие уголовный процесс [142, 112; 153, 64]. Но значит ли это, что гражданский истец и гражданский ответчик индифферентны к процессу доказывания гражданского иска? Положительный ответ на этот вопрос не увязывается с теми материальными и процессуальными интересами, которые преследуют названные участники уголовного процесса и для отстаивания которых им предоставляются соответствующие процессуальные права. Поэтому вполне естественно, что, будучи участником уголовного процесса, гражданский истец реализует предоставленные ему права с целью доказать факт причинения ему преступлением материального ущерба и его размера. В свою очередь, ответчик по иску может использовать предоставленные ему в уголовном процессе права для полного или частичного опровержения имущественных притязаний истца. Однако ни на гражданского истца, ни на ответчика по иску уголовно-процессуальный закон обязанности доказывания юридически значимых фактов для правильного разрешения иска не возлагает. Поэтому нельзя согласиться с авторами, полагающими, что гражданский истец должен доказать в уголовном процессе, что „понесенный им материальный ущерб причинен тем действием, которое является предметом разбирательства в суде”, т. е. преступлением [175, 257], что он „должен доказать: а) факт совершения преступления и б) факт причинения ему преступными действиями подсудимого материального ущерба” [68, 49]. По мнению С. А. Альперта, „гражданский

истец, поддерживая заявленный им иск, примыкает к обвинителю, так как, добиваясь возмещения понесенного им ущерба, он должен прежде всего доказать, что ущерб этот причинен действиями подсудимого" [209, 110]. Несостоятельность этого взгляда подтверждается анализом уголовно-процессуальных норм, определяющих процессуальное положение сторон в гражданском иске, и иных норм, регулирующих отношения по защите имущественных прав потерпевших лиц в уголовном процессе. Возложение на гражданского истца обязанности по доказыванию факта причинения ущерба действиями подсудимого означало бы не что иное, как возложение на него обязанности доказать наличие во вредоносном деянии состава преступления и субъекта, его совершившего [133, 165], однако эта обязанность возлагается исключительно на органы, ведущие уголовный процесс.

Попытка примирить приведенные два взгляда на обязанность доказывания обстоятельств, составляющих основание гражданского иска и его размер (размер ущерба) была предпринята А. Г. Мазаловым. Утверждая, что бремя доказывания названных обстоятельств лежит всегда (за исключением дел частного обвинения) на органе расследования, А. Г. Мазалов тем не менее полагает, что гражданский истец не вправе уклоняться от доказывания фактов, составляющих основание его иска и подтверждающих размер причиненного ему ущерба. „Посильное участие истца в процессе доказывания, — отмечает он, — предполагается, и он должен исполнять эту обязанность в сотрудничестве с органом расследования и судом" [127, 97]. При этом автор ссылается на ч. 3 ст. 54 УПК РСФСР (ч. 3 ст. 51 УПК УССР), которая возлагает на гражданского истца обязанность по требованию ведущих уголовный процесс органов представлять имеющиеся в его распоряжении документы, связанные с предъявленным иском.

Однако предложенная А. Г. Мазаловым концессия „посильного участия" истца в доказывании ни в коей мере не опровергает лежащей на органах, ведущих уголовный процесс, обязанности доказывания оснований и размера причиненного ущерба и гражданского иска. „Посильное участие" — это, по нашему мнению, не что иное, как реализация гражданским истцом своего права представлять доказательства в обоснование своих исковых требований. Названная обязанность истца является не больше той, которая возлагается на любого гражданина, должностное лицо или организацию, и состоит в представлении по требованию ведущего уголовный процесс органа предметов и документов, могущих помочь в установлении необходимых по делу фактических данных (ст. 66 УПК УССР, 70 УПК РСФСР).

Обязанность гражданского истца представлять имеющиеся в его распоряжении документы, связанные с заявленным иском, по мнению В. Я. Понарина, охватывается содержанием понятия

бремени доказывания, которое отличается от обязанности доказывания по субъектам, содержанию и последствиям их неисполнения. Бремя доказывания как элемент должного поведения гражданского истца включает в себя названную обязанность и, кроме того, обоснование заявленных ходатайств. Неся это бремя, гражданский истец (как и другие участники процесса) усиливает защиту своих интересов и оказывает содействие следователю в установлении истины по делу [169, 78-87].

Не умаляя оригинальности предложенного автором решения рассматриваемого вопроса, его все же необходимо отнести к числу дискуссионных хотя бы по той причине, что дискуссионным остается вопрос о содержании понятий *бремя доказывания и обязанность доказывания* [142, 56-57].

Таким образом, собирание, исследование и оценка фактических данных, посредством которых устанавливается материально-правовое основание гражданского иска, размер причиненного ущерба и размер подлежащего возмещению ущерба, т. е. иска, в уголовном процессе полностью возлагается на ведущие его органы. Невыполнение ими этой публично-правовой обязанности влечет за собой отмену приговора полностью или в части гражданского иска либо вынесение вышестоящим судом частного определения в связи с нарушением названными органами возложенной на них уголовно-процессуальным законом обязанности по доказыванию указанных обстоятельств, что последовательно подтверждается правоприменительной практикой высших судебных органов [36, 1982, № 2, 14; 1987, № 5, 39; 174, 1981, № 2, 84; 1983, № 3, 89].

Что касается гражданского истца, то он не несет названной обязанности. Ему предоставлено право предъявлять доказательства в обоснование своих исковых требований, заявлять ходатайства об их истребовании, принимать участие в их исследовании. Отстаивая свой имущественный интерес, он реализует эти (как и другие) права, представляя как по собственной инициативе, так и по требованию ведущих уголовный процесс органов документы и иные доказательства, подтверждающие размер причиненного ему материального ущерба.

3. Уголовно-процессуальный закон (ст. ст. 28 УПК УССР, 29 УПК РСФСР) предоставляет право предъявить гражданский иск в уголовном деле лишь лицам, которые понесли материальный ущерб от преступления, по поводу которого возбужден и ведется уголовный процесс. Такой иск может быть разрешен по существу лишь приговором совместно с разрешением уголовного дела. Поэтому прекращение уголовного дела в любой стадии процесса, вне зависимости от его оснований, влечет за собой и прекращение производства по гражданскому иску. Гражданскому истцу в таком случае должно быть направлено письменное уведомление (из-

вещение) с указанием оснований прекращения дела или копия постановления о его прекращении (ч. 3 ст. 214 УПК УССР, ч. 3 ст. 209 УПК РСФСР). Очевидно, что аналогично должен решаться этот вопрос и в случае прекращения уголовного дела на предусмотренных законом основаниях судом в распорядительном заседании в стадии предания суду, хотя действующий уголовно-процессуальный закон (ст. ст. 248 УПК УССР, 234 УПК РСФСР) в числе лиц, которым суд должен вручить копию определения о прекращении уголовного дела, гражданского истца и не называет.

Равным образом суд в распорядительном заседании вправе вынести определение о том, что заявленный гражданский иск не относится к данному делу и рассмотрению совместно с ним не подлежит, если он не вытекает из содержания обвинения [186, 827]. Копия такого определения должна быть также немедленно вручена гражданскому истцу.

Прекращение уголовного дела кассационной инстанцией или в порядке надзора также налагает на суд первой инстанции, постановивший отмененный приговор, обязанность поставить в известность гражданского истца об утрате силы принятого им в приговоре решения в части гражданского иска, если он не принимал участия в рассмотрении дела в кассационной или надзорной инстанции. Последний в таком случае в зависимости от оснований прекращения дела вправе добиваться удовлетворения своих имущественных требований в порядке гражданского судопроизводства.

В этой связи заслуживает внимания разъяснение Пленума Верховного Суда СССР, данное им в постановлении от 17 декабря 1971 г. „О практике рассмотрения судами уголовных дел в кассационном порядке“ (в редакции постановления Пленума от 1 декабря 1983 г.) [186, 803]. Пленум разъяснил (п. 20), что в случае смерти осужденного после принесения им или другими участниками процесса кассационных жалоб или кассационного протеста, но до рассмотрения дела в кассационном порядке производство по делу прекращается (кроме случаев, когда имеются основания для реабилитации умершего). Вопрос о возмещении ущерба, причиненного действиями умершего, может быть рассмотрен в порядке гражданского судопроизводства по иску потерпевших или прокурора к наследникам умершего или лицам, принявшим на себя управление его имуществом.

Таким образом, прекращение уголовного дела делает невозможным разрешение по существу заявленных исковых требований о возмещении причиненного преступлением материального ущерба совместно с уголовным делом. Неразрешенное спорное материально-правовое отношение в таком случае составит, по общему правилу, предмет рассмотрения и разрешения суда в порядке гражданского судопроизводства.

Возмещение ущерба, причиненного деянием, содержащим признаки преступления, при прекращении уголовного дела с привлечением виновного лица к административной ответственности, с передачей материалов в товарищеский суд или комиссию по делам несовершеннолетних (ст. ст. 7¹ УПК УССР, 6¹ УПК РСФСР) по действующему законодательству может разрешаться по-разному. При рассмотрении и разрешении прекращенного уголовного дела товарищеским судом и комиссией по делам несовершеннолетних последние, в соответствии с принятыми в союзных республиках Положениями о них, вправе своим решением возложить на виновных лиц обязанность возместить причиненный ими материальный ущерб, не превышающий 50 руб. Таким правом, однако, не наделен суд или народный судья при применении административного взыскания к лицу, уголовное дело в отношении которого было прекращено.

Вопрос о возмещении материального ущерба, причиненного деянием, содержащим признаки преступления, в таком случае подлежит разрешению в порядке гражданского судопроизводства. Основы законодательства об административных правонарушениях (ст. 25) и соответствующие нормы республиканских кодексов об административных правонарушениях, предоставляющие право органам и должностным лицам, компетентным рассматривать дела об административных правонарушениях и возлагать на виновных обязанность возместить причиненный ущерб, не превышающий 50 руб. (на народные суды, но не судей, это ограничение не распространяется), в рассматриваемом случае не применяются.

Такова принципиальная позиция по этому вопросу законодателя, целесообразность и обоснованность которой сомнений не вызывает. Тем не менее в юридической литературе в последнее время была предпринята попытка обосновать целесообразность предоставления права следователю разрешать по существу гражданские иски при прекращении им уголовного дела по нереабилитирующим основаниям. По мнению А. П. Гуляева, оставление в таких случаях гражданского иска без разрешения влечет ряд отрицательных явлений: имущественные права лиц, понесших материальный ущерб, остаются нерешенными; принятые во время расследования меры обеспечения гражданского иска отменяются; пострадавшее лицо встает перед необходимостью вновь обращаться в государственные органы за защитой своих имущественных прав; не в полной мере обеспечивается ответственность правонарушителя. Поэтому предоставление следователю права предъявлять гражданский иск, если этого требует охрана государственных или общественных интересов или прав граждан, а также разрешать его по существу будет способствовать не только повышению роли и процессуальной самостоятельности следователя, но и охране прав лица, пострадавшего от преступления [63, 106, 156-157].

Представляется, что данное предложение не заслуживает поддержки, хотя, безусловно, оно продиктовано благими намерениями автора. Наделение следователя судебными функциями (разрешать имущественные споры по существу) вошло бы в противоречие с принципиальными положениями не только уголовно-процессуального, но и гражданского материального закона (ст. ст. 6

ГК УССР и ГК РСФСР), согласно которому защита гражданских (имущественных) прав осуществляется предусмотренными им органами и в установленном порядке, среди которых следователи не названы. То обстоятельство, что уголовно-процессуальный закон предоставляет право следователю защитить нарушенные преступлением имущественные права потерпевших лиц посредством возвращения им предметов преступного посягательства (вещественных доказательств) при прекращении уголовного дела, на которое ссылается автор в обоснование своего предложения, не может быть состоятельным аргументом. В данном случае речь идет о восстановлении имущественного status quo, предпринимаемого им в силу предписания уголовно-процессуального закона лишь при условии, что отсутствует спор о принадлежности названного имущества. Если же такой спор возникает, то ни следователь, ни даже суд не вправе вернуть эти вещи по принадлежности до принятия по этому вопросу решения суда в порядке гражданского судопроизводства (ч. 2 ст. 81 УПК УССР, ч. 1 ст. 85 УПК РСФСР).

Что же касается вопроса о возмещении ущерба, причиненного преступлением, то до тех пор, пока последний не возмещен реально, материально-правовое отношение между потерпевшим лицом и причинителем вреда (а следовательно, и спор) продолжает существовать и должен быть разрешен в установленном законом порядке и с соблюдением предусмотренных им процессуальных гарантий. Аргумент автора, состоящий в том, что в случае прекращения следователем уголовного дела по нереабилитирующим основаниям, как правило, предполагается наличие незначительного материального ущерба, причиненного преступлением, и что правомерность его взыскания с виновного является бесспорной, нельзя признать состоятельным. Предоставление следователю права предъявлять гражданские иски, если этого требует охрана государственных или общественных интересов или прав граждан, а равно разрешать их по существу при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям означало бы возложение на него не свойственных ему в уголовном процессе функций, что не может быть принято по принципиальным соображениям.

4. При постановлении обвинительного приговора предъявленный и рассмотренный судом гражданский иск подлежит разрешению по существу в зависимости от доказанности оснований и размера иска (ст. 328 УПК УССР, ст. 310 УПК РСФСР). Установление оснований иска означает, что в ходе судебного следствия нашли свое подтверждение обстоятельства о том, что а) вмененное в вину подсудимому деяние действительно имело место и содержит признаки преступления; б) данное деяние совершено подсудимым виновно; в) имущественный вред причинен гражданскому истцу именно деянием, составляющим предмет уголовного дела;

г) имущественная ответственность должна быть возложена на лицо, указанное в качестве ответчика по гражданскому иску. Отсутствие хотя бы одного из них повлечет за собой отказ в удовлетворении исковых требований. И наоборот, доказанность оснований и размера иска обязывает суд принять в обвинительном приговоре решение о возмещении ущерба независимо от того, к какому виду наказания приговаривается осужденный, а равно вынесен ли обвинительный приговор без назначения наказания (ч. 3 ст. 327 УПК УССР, ч. 2 ст. 309 УПК РСФСР) или с освобождением осужденного от наказания (ч. 2 ст. 6 УПК УССР, ч. 2 ст. 5 УПК РСФСР). Освобождение осужденного от уголовной ответственности в таком случае не освобождает его или лиц, несущих имущественную ответственность за его действия (гражданских ответчиков), от обязанности возместить причиненный преступным деянием материальный ущерб.

Уголовно-процессуальные кодексы большинства союзных республик предоставляют суду право при постановлении обвинительного приговора признать за гражданским истцом право на удовлетворение иска и передать вопрос о его размере на рассмотрение гражданского суда (ч. 2 ст. 310 УПК РСФСР, ч. 3 ст. 288 УПК УзССР). Правда, такое решение суд вправе принять в исключительных случаях, если невозможно произвести подробный расчет по иску без отложения разбирательства дела или без получения дополнительных материалов. Не будучи разрешением гражданского иска по существу, оно тем не менее в большей степени защищает имущественные интересы потерпевших от преступления лиц, чем оставление иска без рассмотрения. Последующее его предъявление в порядке гражданского судопроизводства освободит истца от доказывания оснований иска. Ему необходимо будет представить лишь доказательства, подтверждающие размер подлежащего возмещению материального ущерба.

Однако такое решение может быть принято лишь в случае, когда размер ущерба не влияет на квалификацию преступления и определение меры наказания. Иначе суд должен сам принять меры к производству подробного расчета размера причиненного ущерба и гражданского иска, не считаясь с задержкой разбирательства дела, а если в условиях судебного следствия эти действия осуществить невозможно или крайне затруднительно — возратить дело для производства предварительного расследования.

Изучение практики разрешения гражданских исков в уголовном деле свидетельствует, что затруднения с производством подробного расчета размера причиненного ущерба и гражданского иска, равно как и с получением дополнительных материалов, обусловлены преимущественно недоработкой и упущениями органов предварительного расследования и суда (судьи) в стадии предания суду, оставивших без внимания этот их пробел. Поэтому примене-

ние этого правила при наличии явных упущений ведущих уголовный процесс органов в установлении размера действительно причиненного преступлением материального ущерба, а следовательно, и размера гражданского иска не согласуется с предназначением указанного уголовно-процессуального положения и должно влечь за собой соответствующую оценку деятельности суда первой инстанции вышестоящим судом в форме частного определения [127, 137].

Уголовно-процессуальный кодекс УССР аналогичной нормы не содержит. Согласно его ст. 318 суд, постановляя обвинительный приговор, в зависимости от доказанности оснований и размера гражданского иска, удовлетворяет его полностью или частично или отказывает в удовлетворении. Такая позиция украинского законодателя представляется более последовательной и, следовательно, предпочтительной, поскольку не допускает компромисса в решении вопроса о гражданском иске, каковым является охарактеризованное выше правило, и тем самым стимулирует органы предварительного расследования и суд более тщательно и ответственно подходить к доказыванию не только оснований, но и размера гражданского иска.

Вынесение оправдательного приговора по любому из предусмотренных уголовно-процессуальным законом оснований (ч. 4 ст. 327 УПК УССР, ч. 3 ст. 309 УПК РСФСР) исключает возможность удовлетворения в нем исковых требований истца о возмещении причиненного ему ущерба. Однако, если оправдание подсудимого за отсутствием события преступления или недоказанностью его участия в нем влечет за собой отказ в удовлетворении исковых требований гражданского истца как в уголовном, так и гражданском судопроизводстве, то при вынесении оправдательного приговора за отсутствием в деянии подсудимого состава преступления решение суда по вопросу возмещения причиненного деянием подсудимого материального ущерба не является столь категоричным. Не будучи по своему характеру преступным, вредоносное деяние тем не менее может составить фактическое основание для возмещения причиненного ущерба, вопрос о котором должен решаться по действующему законодательству в порядке гражданского судопроизводства. Поэтому, постановляя оправдательный приговор за отсутствием в деянии подсудимого состава преступления, суд должен оставить гражданский иск без рассмотрения*.

* Мы разделяем мнение А. Г. Мазалова по поводу того, что употребляемый законодателем для этого случая термин „без рассмотрения“ не является удачным [127, 136]. Поскольку уголовное дело и гражданский иск в нем судом рассмотрены, правильнее было бы употребить словосочетание „оставить гражданский иск без разрешения“.

Немало ученых-процессуалистов оставление гражданского иска без рассмотрения в последнем случае не находят лучшим решением этого вопроса и считают его практически нецелесообразным. По их мнению, в этом случае суд должен не оставлять гражданский иск без рассмотрения, а выносить решение по существу заявленного иска [66, 74; 159, 167; 144, 74].

История советского уголовно-процессуального законодательства знает аналогичное решение вопроса. В соответствии с п. 2 ст. 288 УПК УзССР 1959 г. суд при вынесении оправдательного приговора за отсутствием в деянии подсудимого состава преступления не оставлял гражданский иск без рассмотрения, но выносил решение по существу иска*.

Предложенное решение рассматриваемого вопроса, опирающееся к тому же на определенный исторический законодательный опыт, безусловно, не лишено практической целесообразности и с этой точки зрения труднооспоримо. В самом деле, рассмотрев совместно с уголовным делом гражданский иск, суд располагает всеми необходимыми данными для ответа на вопрос о наличии или отсутствии оснований для возложения на подсудимого имущественной ответственности за причиненный его деянием материальный ущерб. И если будет установлено, что вредоносное деяние все же было противоправным, т. е. является гражданским правонарушением, то какой же смысл оставлять гражданский иск без разрешения? В противном случае гражданскому истцу, ответчику, да и самому суду придется в известной мере повторить в порядке гражданского судопроизводства ту же работу, которая была проведена во время разбирательства уголовного дела, что, естественно, ведет к непроизводительным затратам времени и средств, а равно к потере оперативности в защите нарушенных имущественных прав понесших материальный ущерб лиц. Такова, по всей видимости, логика рассуждений сторонников предложенного решения рассматриваемого вопроса.

Однако, несмотря на всю заманчивость предложенного решения, его вряд ли можно согласовать с принципиальными положениями, на которых основывается гражданский иск в уголовном процессе (соединенный процесс). Одним из необходимых условий предъявления, а следовательно, и разрешения гражданского иска в уголовном процессе является причинение материального ущерба преступлением. Причинение материального ущерба именно этим общественно опасным деянием обусловило отступление от общего правила, по которому имущественные споры подлежат разреше-

* Законом от 30 мая 1961 г. (Ведомости Верхов. Совета УзССР, 1961, № 16) п. 2 ст. 288 УПК УзССР изложен в новой редакции, в соответствии с которой при постановлении оправдательного приговора за отсутствием состава преступления суд оставляет иск без рассмотрения.

нию в порядке гражданского судопроизводства, и допустило их в уголовный процесс для совместного рассмотрения и разрешения с уголовным делом. Но коль скоро суд установит, что в деянии подсудимого нет состава преступления, т. е. он не совершил преступления, то тем самым уголовный суд лишается правовой основы для принятия решения по существу предъявленного гражданского иска. Поэтому нельзя не согласиться с А. Г. Мазаловым, отметившим, что соображения практического порядка не могут и не должны приниматься во внимание там, где идет дело о принципах. Принципы же уголовного судопроизводства не позволяют разрешать в качестве гражданского дело, начатое производством как уголовное [127, 136]. К сказанному необходимо прибавить еще одно. Законодатель запрещает включать в оправдательный приговор положения, ставящие под сомнение невиновность оправданного (ч. 7 ст. 334 УПК УССР, ч. 3 ст. 314 УПК РСФСР). Возложение же на него таким приговором обязанности возместить причиненный имущественный вред способно породить такое сомнение и тем самым ослабить силу оправдательного приговора. Следовательно, предложенное названными авторами новое решение рассматриваемого вопроса не может быть принято по принципиальным соображениям.

5. Некоторые особенности имеет производство по гражданскому иску в делах с протокольной формой досудебной подготовки материалов, по которым предварительное расследование, по общему правилу, не проводится. Суд (судья) возбуждает их одновременно с осуществлением акта предания суду. Однако в делах с протокольной формой досудебной подготовки материалов на органы дознания в ходе установления обстоятельств совершенного преступления возлагается обязанность установить и его последствия, а равно другие существенные обстоятельства (ст. ст. 426 УПК УССР, 414 УПК РСФСР). Установление характера и размера причиненного преступлением материального ущерба, также как и лиц, его понесших, разумеется, относится к существенным обстоятельствам дела. Без их установления нередко невозможно правильно квалифицировать преступное деяние и вынести законный и обоснованный приговор. Поэтому, полагаем, если при проведении проверки эти обстоятельства остались невыясненными, а их восполнение в судебном заседании будет невозможно или существенно затруднено, суд должен вернуть дело (материалы) для проведения дознания или предварительного следствия (ст. ст. 416, 417 УПК РСФСР, 427, 428 УПК УССР).

Однако производящий проверку и установление обстоятельств дела орган дознания не вправе принимать решение о признании лиц, понесших материальный ущерб от преступления, потерпевшими и гражданскими истцами, что не снимает с него обязанности разъяснить этим лицам их право предъявить в суд гражданский

иск о возмещении ущерба. Данная обязанность вытекает из общих положений уголовно-процессуального закона, предписывающего органам предварительного расследования осуществить это действие, которые распространяются, за установленными уголовно-процессуальным законом изъятиями, также и на рассматриваемую категорию уголовных дел. Поэтому, усмотрев из материалов дела, что преступлением причинен имущественный ущерб предприятию, учреждению, организации или гражданину, судья (суд) должен выяснить, было ли им разъяснено при установлении обстоятельств совершенного преступления право на предъявление гражданского иска к правонарушителю или к лицам, которые по закону несут имущественную ответственность за его действия, для его рассмотрения и разрешения совместно с уголовным делом, и (если это сделано не было) по своей инициативе разъяснить названным лицам или их представителям такое право, избрав для этого необходимую форму (ч. 2 ст. 122 УПК УССР, ч. 1 ст. 137 УПК РСФСР). В случае необходимости судья (суд) принимает также меры, направленные на обеспечение гражданского иска в соответствии с требованиями ст. ст. 125, 126 УПК УССР (ст. 175 УПК РСФСР). Пленум Верховного Суда РСФСР в своем постановлении от 24 декабря 1985 г. „О судебной практике рассмотрения уголовных дел с протокольной формой досудебной подготовки материалов” (п. 11) и Пленум Верховного Суда УССР в постановлении от 27 июня 1986 г. „О практике применения судами Украинской ССР законодательства о протокольной форме досудебной подготовки материалов” (п. 8) специально подчеркнули это обстоятельство [37, 1986, № 3, 8; 174, 1986, № 10, 83].

Если гражданский иск в делах рассматриваемой категории был предъявлен до возбуждения уголовного дела, то решение о признании лица (гражданина) потерпевшим и гражданским истцом судья (суд) принимает одновременно с возбуждением уголовного дела и фиксирует его в едином процессуальном документе постановлении (определении) о возбуждении уголовного дела, предании правонарушителя суду и назначении дела к рассмотрению в судебном заседании [186, 826]. Предъявление гражданского иска после возбуждения уголовного дела и предания правонарушителя суду делает возможным признать понесшее материальный ущерб лицо гражданским истцом лишь в подготовительной части судебного заседания. Аналогичным образом должен решаться и вопрос о привлечении соответствующего лица в качестве гражданского ответчика, если имущественную ответственность за причиненный правонарушителем вред в силу закона несут иные лица. Их согласия на привлечение в процесс в названном качестве не требуется. Суд лишь извещает их о принятом решении и одновременно разъясняет принадлежащие гражданскому ответчику процессуальные права. После возбуждения уголовного дела и предания право-

нарушителя суду судья в соответствии с требованиями ст. 255 УПК УССР (ст. 236 УПК РСФСР) обязан обеспечить гражданскому истцу, гражданскому ответчику и их представителями возможность ознакомиться с материалами дела.

Если гражданский иск в делах рассматриваемой категории не был предъявлен, суд вправе (по УПК УССР — обязан) по собственной инициативе принять решение о возложении на осужденного обязанности возместить причиненный его преступным деянием материальный ущерб при наличии условий, предусмотренных ст. 29 УПК УССР (ст. 29 УПК РСФСР).

6. Значительный теоретический интерес и большое практическое значение представляет вопрос о полномочиях вышестоящего суда (кассационного и надзорного) на перерешение приговора суда первой инстанции в части гражданского иска, в частности в сторону увеличения присуждаемого взыскания в возмещение причиненного материального ущерба. Судебная практика, руководствуясь разъяснениями Пленума Верховного Суда СССР, данными им в названном ранее постановлении от 23 марта 1979 г. (п. 14), последовательно придерживается позиции, в соответствии с которой кассационная и надзорная инстанции вправе внести в приговор суда изменения, связанные с увеличением размера взыскания в возмещение причиненного преступлением ущерба, если по делу не требуется собирания или дополнительной проверки доказательств, обстоятельства дела в части причиненного ущерба установлены судом первой инстанции полно и правильно, но допущена ошибка в применении норм материального права.

Данное положение вызвало в процессуальной литературе оживленную дискуссию. Если, по мнению одних авторов, оно не может быть признано правильным и основанным на законе, поскольку противоречит одной из руководящих идей уголовного процесса — недопустимости поворота (преобразования) к худшему (*reformatio in peius*), сфера действия которой, по их мнению, распространяется также и на решения вышестоящих судов в части возмещения причиненного преступлением материального ущерба [163, 148; 164, 65; 161, 339; 213, 416; 101, 136; 248, 110], то другие, наоборот, считают, что оно с названным уголовно-процессуальным принципом в противоречие не вступает и является вполне целесообразным и обоснованным [127, 173; 155, 127; 157, 13; 62, 112; 31, 19; 32, 79; 220, 65].

Правильной представляется последняя точка зрения. Мы исходим из следующих соображений. Как уже ранее было отмечено, в случаях, когда возникшие при производстве по гражданскому иску в уголовном деле правоотношения уголовно-процессуальным законом не урегулированы, суд обращается к соответствующим нормам гражданско-процессуального закона при условии, что применение последних не противоречит уголовно-процессуаль-

ным нормам. Это положение является общепризнанным в теории гражданского иска в уголовном процессе и последовательно проводится правоприменительной практикой. Вопрос же о том, вправе ли вышестоящий суд при проверке законности и обоснованности приговора изменить его в части взысканий в возмещение причиненного ущерба, в том числе и в сторону их увеличения, уголовно-процессуальным законом не регулируется. В то же время гражданско-процессуальный закон (ст. ст. 46 Основ гражданского судопроизводства, 311 ГПК УССР, 305 ГПК РСФСР) устанавливает правило, согласно которому кассационная инстанция вправе своим определением изменить решение суда или вынести новое решение, не передавая дела на новое рассмотрение, если по делу не требуется собирания или дополнительной проверки доказательств, обстоятельства дела установлены судом первой инстанции полно и правильно, но допущена ошибка в применении норм материального права. Если принять во внимание единую материальную (цивилистическую) природу гражданского иска в уголовном и гражданском процессах, их общие черты и единую сущность, то, полагаем, есть все основания для применения в уголовном процессе данного положения гражданско-процессуального закона. В противном случае сложилась бы труднообъяснимая и неоправданная ситуация, в которой к однородным по своей сущности правовым отношениям в гражданском и уголовном процессах применялись бы принципиально различные правила и принималось бы противоположное решение.

Увеличение суммы взыскания по гражданскому иску вышестоящим судом во многих случаях непосредственно не затрагивает интересов осужденного. Речь идет о тех из них, когда имущественная ответственность за причиненный его действиями вред возлагается на других лиц — гражданских ответчиков. Поэтому говорить о нарушении принципа невозможности поворота к худшему в отношении осужденного в такой ситуации вообще не приходится. Но даже если такую ответственность несет сам осужденный, то она имеет гражданско-правовой характер и мерой уголовного наказания не является. В уголовном же процессе, как правило, отмечает А. Г. Мазалов, „ухудшающими положение обвиняемого (осужденного) признаются лишь такие решения, которые связываются с наступлением нежелательных для него уголовно-правовых последствий (увеличение размера наказания, переквалификация на более тяжкое преступление и т. д.) либо ограничивают его в тех или иных процессуальных правах“ [127, 154].

Таким образом, изменение вышестоящим судом приговора в части взыскания с осужденного или гражданского ответчика сумм в возмещение причиненного преступлением материального ущерба в сторону их увеличения при правильно и полно установленных фактических обстоятельствах дела понятием *reformatio in*

reius не охватывается и вполне допустимо также и в уголовном процессе. Лишь в тех случаях, когда изменение размера материального ущерба может повлиять на квалификацию преступления или определение объема обвинения в сторону, ухудшающую положение осужденного, т. е. повлечь уголовно-правовые последствия, приговор суда подлежит отмене с направлением дела на новое рассмотрение, если по этим основаниям принесен протест прокурором или подана жалоба потерпевшим [186, 819].

По всей видимости, нет оснований и для расширения перечня кассационных оснований в уголовном процессе за счет неправильного решения по гражданскому иску или возмещению ущерба, как это предлагают некоторые авторы [30, 129]. Неправильное применение гражданского и иного материального закона, положенного в основание решения суда в части гражданского иска и возмещения ущерба по инициативе суда, указано в качестве кассационного основания гражданско-процессуальным законом, и дублировать его в уголовно-процессуальном законе нет необходимости. Поэтому, выявив нарушение материального закона, устанавливающего размер подлежащего возмещению ущерба, применение солидарной или долевой ответственности, учет вины потерпевшего и т. п., вышестоящий суд констатирует наличие оснований, не предусмотренных уголовно-процессуальным законом и влекущих применение соответствующих норм гражданско-процессуального законодательства. В этой связи следует еще раз подчеркнуть важность и необходимость дополнения уголовно-процессуального закона правилом о применении при производстве по гражданскому иску в уголовном деле положений гражданско-процессуального законодательства в определенных пределах, о чем шла речь ранее.

СУЩНОСТЬ, ПРАВОВАЯ ПРИРОДА И ОСОБЕННОСТИ
ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА ПО ИНИЦИАТИВЕ СУДА

1. Для защиты в уголовном процессе нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших лиц уголовно-процессуальное законодательство подавляющего большинства союзных республик, кроме гражданского иска, предусматривает такую форму, как возмещение причиненного преступлением материального ущерба по инициативе суда. Сущность ее состоит в том, что суд при вынесении приговора по собственной инициативе разрешает вопрос о возмещении ущерба, если гражданский иск в порядке гражданского или уголовного судопроизводства не был заявлен уполномоченными на то лицами, в результате чего государственные или общественные интересы, а также имущественные права и интересы определенных категорий граждан остались без защиты.

Данная форма возмещения ущерба выходит за рамки такой общепринятой в законодательной и правоприменительной практике конструкции, используемой для защиты нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших лиц, как гражданский иск в уголовном процессе (соединенный процесс). Особенно сложна она для теории, так как не укладывается в общепринятые и устоявшиеся мысленные стереотипы и в какой-то мере отходит от положений, выработанных доктриной. Именно этим можно объяснить то положение, что в отечественной правовой литературе до настоящего времени данный уголовно-процессуальный институт не был предметом самостоятельного научного исследования не только на монографическом уровне, но и на уровне научной статьи.

В свою очередь, правоприменительная практика также не испытывает сильного влечения к рассматриваемому уголовно-процессуальному институту. Об этом свидетельствует и проведенное нами изучение его реализации в судебной практике.

Так, в изученных нами 1890 уголовных делах о преступлениях, которыми был причинен и имущественный ущерб, последний на момент рассмотрения дела в суде оставался невозмещенным полностью или частично в 1028 делах. Из них по 724 уголовным делам (70,4 %) возмещение ущерба осуществлялось в форме гражданского иска. По собственной инициативе суда — по 21 делу — (2,04 %), причем в 16 из них суд взыскал из осужденных в пользу государства стоимость лечения потерпевших (Указ Президиума Верховного Совета СССР от 25 июня 1973 г. „О возмещении средств, затраченных на лечение граждан,

потерпевших от преступных действий¹⁰). В остальных 283 делах (27,5 %) вопрос о возмещении причиненного преступлением материального ущерба при рассмотрении уголовного дела в суде не решался. Если даже учесть, что определенная часть потерпевших приняла решение использовать гражданско-процессуальную форму защиты по необходимости (например, еще не назначена пенсия по инвалидности и ущерб еще неизвестен) или предпочтению; что часть из них (граждан) вообще отказалась от возмещения (учитывая родственные с обвиняемым связи и пр.), все же обращает на себя внимание незначительное количество случаев, когда защита нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших лиц осуществлялась по инициативе суда в сравнении с нереализованными им возможностями.

Аналогичный вывод подтверждается и другими исследованиями. По данным З. З. Зинатуллина, возмещение ущерба по инициативе суда в делах о хищениях государственного имущества, рассмотренных судами ТССР, составило 6 % [87, 28]. Проведенное С. А. Александровым изучение соотношения различных способов защиты имущественных прав и интересов потерпевших от хищений государственного или общественного имущества (ст. 92 УК РСФСР) показало, что возмещение ущерба по инициативе суда составило 0,01 % [11, 32]. По данным В. Я. Понарина, удельный вес возмещения ущерба по инициативе суда среди других форм возмещения в изученном им 161 уголовном деле составил 15,5 % [169, 22].

Приведенные данные, несмотря на их существенное расхождение, обусловленное, очевидно, различным характером обобщаемых категорий уголовных дел, а также неодинаковой методикой обобщения, что не может не сказаться на их репрезентативности, дают, однако, общее представление о степени распространения в судебной практике данной формы возмещения ущерба.

Это обстоятельство, как нам представляется, обуславливается прежде всего следующими двумя факторами: недостаточно четкой законодательной регламентацией рассматриваемого института и недостаточной научной разработкой механизма его применения. Именно в этом в первую очередь и следует искать причину того, что суды „не спешат“ воспользоваться данной формой возмещения ущерба, несмотря на то что законодатель обязывает (предоставляет право), а высшие судебные органы страны и союзных республик постоянно требуют от них в своих руководящих постановлениях осуществлять защиту имущественных прав и интересов потерпевших от преступления лиц по собственной инициативе, если они на момент вынесения приговора оставались без защиты [36, 1973, № 3, 11; 84, 327; 37, 1987, № 3, 9; 187, 323].

Следует отметить, что уголовно-процессуальное законодательство ряда союзных республик, в том числе Украинской ССР, Азербайджанской ССР, Узбекской ССР и Туркменской ССР с самого своего начала предусматривало данную форму защиты нарушен-

ных преступлением имущественных прав*. Так, ст. 305 УПК Украинской ССР 1927 г. устанавливала: „Суд, усмотрев, что потерпевшему причинен вред, вправе при вынесении приговора постановить о взыскании с подсудимого соответствующей суммы в пользу потерпевшего, хотя бы последним гражданский иск не был предъявлен”.

Таким образом, эта и аналогичные ей нормы УПК других союзных республик реализовали ленинское положение о вмешательстве Советского государства в гражданско-правовые отношения с целью всемерной защиты интересов общества, народа, отдельного трудящегося [2, 398; 3, 412]. Нет сомнения в том, что введение этой формы защиты имущественных интересов потерпевших от преступлений преследовало достижение двух тесно связанных между собой целей. Во-первых, укрепить охрану социалистической собственности от преступных посягательств путем быстрого (и с точки зрения превентивно-воспитательной) эффективного восстановления в первую очередь нарушенных имущественных прав и интересов государственных и общественных организаций; во-вторых, достичь этого наиболее экономным способом — в результате аккумуляции уголовных и гражданских дел, т. е. в первую очередь путем предъявления и рассмотрения гражданского иска в уголовном деле.

Однако по разным причинам указанная форма защиты имущественных интересов потерпевших от преступления лиц не использовалась в полной мере, как это предусматривалось уголовно-процессуальным законом. Это относилось прежде всего к государственным и общественным предприятиям, учреждениям, организациям. Поэтому понадобилось более эффективное процессуальное средство защиты от преступных посягательств на социалистическую собственность, а также личную собственность граждан. Таким средством и явилось предоставление суду права по собственной инициативе (*ex officio*) взыскивать с обвиняемого (подсудимого) причиненный его преступным деянием материальный ущерб одновременно с решением вопроса о его уголовной ответственности. В настоящее время действующее уголовно-процессуальное законодательство всех союзных республик, за исключением Казахской ССР, предусматривает данную форму защиты нарушенных

* Нельзя согласиться с утверждением З. З. Зинатуллина, что до принятия действующего уголовно-процессуального законодательства возмещение материального ущерба без предъявления гражданского иска не практиковалось [87, 79–80]. Это утверждение, будучи правильным лишь в отношении ранее действовавшего уголовно-процессуального законодательства РСФСР и еще некоторых союзных республик, не отражало в целом действительного положения по рассматриваемому вопросу.

преступлением имущественных прав и интересов потерпевших лиц*.

Необходимо отметить, что возмещение причиненного преступлением материального ущерба по собственной инициативе суда предусматривают также уголовно-процессуальные законодательства других социалистических стран. Наиболее широкое применение этот институт нашел в законодательной и правоприменительной практике Польской Народной Республики. В соответствии с § 1 ст. 365 УПК ПНР 1969 г. в случае осуждения за хищение общественного имущества суд по собственной инициативе обязан присудить в пользу потерпевшего государственного или общественного учреждения денежное возмещение вреда в размере, соответствующем стоимости похищенного имущества, если гражданский иск не был предъявлен. Причинение вреда этим же потерпевшим иным преступлением в соответствии с § 2 этой статьи дает суду право присудить по своему усмотрению соответствующее денежное возмещение ущерба [273; 229, 147]. По свидетельству известных польских ученых-процессуалистов М. Чесляка и А. Мужинковского, рассматриваемый уголовно-процессуальный институт пользуется в судебной практике ПНР большой популярностью и широкой сферой применения**.

Что касается уголовно-процессуального законодательства капиталистических стран, то институт возмещения причиненного преступлением материального ущерба по инициативе суда (*ex officio*) ему практически неизвестен. И это вполне понятно, так как буржуазное право исходит из принципиального деления права на публичное (*ius publicum*) и частное (*ius privatum*). Вследствие этого повсеместно принято положение, что право предъявления гражданских (цивильных) требований, основывающихся на частном праве, предоставляется только лицам, понесшим материальный ущерб. В силу действующего здесь принципа „*Ne procedat iudex ex officio*” (судья не должен поступать официально, т. е. без желания лица) возмещение ущерба, причиненного преступлением,

* Неточным является утверждение А. Г. Мазалова, что, кроме уголовно-процессуального законодательства Казахской ССР, данную форму возмещения ущерба не предусматривает также УПК АрмССР, [127, 7]. Анализ ст. ст. 294, 305, 308 УПК АрмССР несомненно, дает основание сделать противоположный вывод: она предусмотрена также уголовно-процессуальным законодательством и названной союзной республики.

** Так, по данным Министерства юстиции ПНР, в 1971 г. по всем хозяйственным преступлениям было установлено 42 364 случая причинения материального ущерба. Из них возмещение присуждено: а) по иску потерпевшего государственного или общественного учреждения в 318 случаях; б) по иску прокурора — в 44; в) по инициативе суда — в 7749 случаях. В 27 100 случаях вред был возмещен обвиняемыми до вынесения приговора, а в остальных — взыскивался в порядке гражданского судопроизводства [269, 51].

без иска управомоченного лица невозможно. Правда, отдельные исключения из этого правила в законодательной практике уголовно-процессуального регулирования все же можно обнаружить. Примером тому может быть Австрийский Устав уголовного производства 1873 г., который действовал на части территории Западной Украины и Польши вплоть до 1928 г. Согласно § 365 Устава имущественный вред, причиненный преступлением потерпевшему, устанавливался и возмещался судом *ex officio* [281, 365; 217, 38]. Потерпевший уведомлялся лишь о возбужденном производстве, и ему предоставлялось право принять в нем участие в любое время.

Безусловно, искать какое-либо сходство, а тем более тождество в сущности между возмещением причиненного преступлением материального ущерба по инициативе суда в социалистическом уголовном процессе и указанной давней конструкцией австрийского уголовно-процессуального права было бы глубоким заблуждением, так как не только нет никакой исторической преемственности между этими процессуальными формами, но они представляют собой качественно различные, взаимоисключающие исторические типы уголовно-процессуальной формы рассмотрения и разрешения уголовных дел. Поэтому какие-то элементы сходства между этими правовыми конструкциями носят исключительно визуальный, внешний характер.

Не лишне упомянуть и о том, что названная уголовно-процессуальная конструкция использовалась и в борьбе с революционными выступлениями. В силу § 370 упомянутого законодательного акта на уголовный суд возлагалась обязанность при признании кого-либо виновным в государственной измене, мятежах и беспорядках по собственной инициативе взыскивать с осужденных не только материальный ущерб, причиненный указанными деяниями, но также и денежные расходы, связанные с пресечением и подавлением мятежей и беспорядков.

Таким образом, действующему уголовно-процессуальному законодательству буржуазных стран рассматриваемый уголовно-процессуальный институт по общему правилу неизвестен*.

2. Анализируя институт возмещения в уголовном процессе причиненного преступлением материального ущерба по собственной инициативе суда, нельзя, естественно, обойти вопрос о правовой природе предусматривающей его нормы (ч. 3 ст. 29 УПК УССР; ч. 4 ст. 29 УПК РСФСР). Вряд ли могут возникнуть сомнения в том, что она имеет исключительно процессуальный характер и не является нормой материального права. Решение суда о взыскании по своей инициативе с осужденного причиненного им ущерба не образует нового материально-правового отношения. Последнее возникает

* По утверждению польских ученых-процессуалистов А. Кафарского и В. Дашкевича, весьма ограниченное исключение из этого правила можно обнаружить в Итальянском уголовно-процессуальном кодексе [270, 13; 277, 378].

независимо от процесса и ранее него — с момента причинения вреда. И отсутствие процесса не является подтверждением того, существует или не существует материальное правоотношение между причинителем вреда (делинквентом, должником) и материально потерпевшим лицом (кредитором). Следовательно, приговор суда, которым осужденный присуждается к возмещению ущерба, не творит нового материально-правового отношения, не изменяет его и не прекращает. Он лишь предусматривает процессуальный результат рассмотрения вопроса о том, существует ли материально-правовое отношение между причинителем вреда (осужденным) и материально-потерпевшим от преступления лицом, и содержит указание на его урегулирование.

Данную уголовно-процессуальную норму можно было бы считать материально-правовой (гражданской) лишь при условии, что она вносила бы какие-либо изменения в регулирование оснований или объема возмещения. Однако норма о возмещении материального ущерба по инициативе суда таких изменений не вносит — она применяется при наличии полного состава гражданского правонарушения, а само возмещение при его доказанности подлежит приговору в полном объеме причиненного ущерба, т. е. оно не должно отходить от принципа полного возмещения вреда. Если же суд по своей инициативе, равно как и при удовлетворении гражданского иска, вынесет решение, нарушающее этот принцип, то это нарушение составит кассационное основание, исходящее из нарушения нормы материального права, регулирующей спорные отношения между причинителем вреда (осужденным) и потерпевшим лицом, но не из уголовно-процессуальной нормы.

Таким образом, названная уголовно-процессуальная норма имеет исключительно процессуальный характер. Она устанавливает лишь одну из процессуальных форм, посредством которой в рамках уголовного процесса реализуются нормы материального (гражданского, трудового, колхозного) права. Об этом ее характере говорит не только сам факт нахождения ее в уголовно-процессуальном кодексе, но прежде всего ее содержание. Возникающие из него обязанности и правомочия имеют процессуальный характер и адресуются не участникам материально-правового отношения (обвиняемому и потерпевшему), но только суду с тем, чтобы он при решении вопроса об уголовной ответственности одновременно реализовал и гражданско-правовую деликтную ответственность.

3. Присуждение к возмещению осужденным причиненного им материального ущерба по собственной инициативе суда является самостоятельной уголовно-процессуальной формой защиты нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших лиц.

На этом сходятся мнение большинства авторов, затрагивавших этот вопрос [66, 8; 125, 14; 70, 28; 87, 79; 11, 23; 15, 4]. Однако свое

выражение эта точка зрения получила в форме простой констатации, как положение само собой разумеющееся. Между тем вопрос о том, является ли рассматриваемая процессуальная конструкция самостоятельной формой возмещения причиненного преступлением материального ущерба, однопорядковой с гражданским иском в уголовном деле, или же это упрощенный вариант последнего, является не столь простым, как кажется на первый взгляд. В литературе высказывается и противоположное мнение, сущность которого состоит в том, что возмещение ущерба по инициативе суда — своеобразная форма, одна из особенностей искового производства. Так, характеризуя возбуждение и решение дела в гражданском судопроизводстве по инициативе суда, А. А. Добровольский приходит к выводу: хотя иск в данном случае и не предъявлялся, тем не менее здесь имеет место искомое производство, поскольку у субъекта спорного требования есть право на предъявление иска, но реализуется оно судом по собственной инициативе [74, 45]. Член Верховного Суда РСФСР Н. Башкатов также считает возмещение ущерба по инициативе суда всего-навсего „одной из особенностей гражданского иска в уголовном деле” [23, 13].

При решении этого вопроса, как нам представляется, следует исходить прежде всего из конститутивных признаков названных уголовно-процессуальных способов (форм) защиты нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших лиц, а также из характера процессуальных отношений, возникающих в процессе их реализации. Необходимым признаком искового способа защиты нарушенных прав и интересов является наличие четко выраженного в форме искового заявления требования уполномоченных лиц возместить причиненный ущерб. Именно это требование порождает уголовно-процессуальную деятельность, направленную на возмещение ущерба, и неразрывно связанные с нею процессуальные отношения, в которых принимают участие сами лица, понесшие материальный ущерб, или в их интересах прокурор.

Для возмещения ущерба по собственной инициативе суда как одной из уголовно-процессуальных форм защиты нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших лиц свойственно отсутствие искового заявления. Это, в свою очередь, влечет возникновение своеобразной системы процессуальных отношений, существенно отличающейся от той, которая возникает и развивается в связи с производством по гражданскому иску в уголовном деле. Для нее характерно отсутствие не только самого иска, но и отдельных процессуальных сторон. Гражданский истец и гражданский ответчик как субъекты уголовного процесса и процессуальные стороны участия в деле в этом качестве не принимают. Потерпевший (если вред причинен гражданину) является лишь лицом, в пользу которого осуществляются соответствующие

процессуальные действия, а затем и присуждается возмещение. Обвиняемый, который сам отвечает за имущественные последствия своего преступного деяния, также не является стороной в этом смысле, так как ему не противостоит ищущая возмещения сторона и с ней по этому поводу вступить в процессуальные отношения он не может. Свообразие уголовно-процессуальных отношений по поводу возмещения причиненного преступлением материального ущерба состоит, следовательно, в том, что они возникают не в результате деятельности уполномоченных требовать возмещения ущерба лиц, а исключительно по собственной инициативе суда, т. е. на публичных началах.

Отмеченное принципиальное различие между названными формами уголовно-процессуальной защиты нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших лиц обуславливает и другие различия, касающиеся, в частности, условий их применения, пространственно-временных рамок использования в уголовном процессе, процессуального оформления результатов применения или воздержания от реализации в приговоре суда.

Так, для того чтобы можно было говорить о применении исковой формы возмещения в уголовном процессе, необходимо наличие по крайней мере следующих трех основных условий: а) причинения преступлением материального ущерба; б) предъявления требования (иска) о его возмещении; в) участия в процессе специальных субъектов — сторон гражданского иска (гражданского истца, обвиняемого или гражданского ответчика) или прокурора, заявившего иск в интересах потерпевших от преступления лиц. Для реализации возмещения вреда по собственной инициативе суда достаточно наличия первого из этих условий.

Использование исковой формы защиты в уголовном процессе ограничено пространственно-временными рамками. Начало ее реализации возможно лишь до судебного следствия по делу. Иное дело применение возмещения ущерба по инициативе суда. В качестве процессуальной обязанности суда (по законодательству некоторых республик — правомочия) данная форма защиты может быть реализована вплоть до постановления приговора по делу. Однако при этом возникает неясность в отношении процессуальных действий, осуществляемых ведущими уголовный процесс органами с целью защиты нарушенных преступлением имущественных прав и интересов до начала реализации конкретной формы защиты, т. е. до предъявления гражданского иска либо утраты права на его предъявление. Речь идет о таких процессуальных действиях, как доказывание характера и размера причиненного ущерба, установление лиц, несущих в силу закона имущественную ответственность за причиненный обвиняемым вред, обеспечение его возмещения и пр. Этими действиями подготавливается основа для возмещения ущерба, прогнозируется его форма — гражданский

иск и стимулируется его предъявление посредством выполнения лежащей на ведущих уголовных процессуальных органах процессуальной обязанности сообщить и разъяснить понесшим от преступления материальный ущерб лицам их право предъявить гражданский иск в уголовном процессе (ч. 2 ст. 122 УПК УССР, ст. 137 УПК РСФСР). Однако, до тех пор пока в процесс не поступит от управомоченных лиц исковое заявление о возмещении ущерба и оно не будет принято к производству, ситуация относительно формы возмещения сохраняет свою неопределенность. Последняя устраняется лишь с предъявлением гражданского иска либо утратой права на его предъявление (с началом судебного следствия по делу). При предъявлении иска либо утрате на это права меняется и ориентировка относительно формы возмещения — в уголовном процессе остается возможным взыскать причиненный ущерб лишь по инициативе суда, к чему он, собственно, и обязывается (управомочивается) законодателем при наличии указанных им условий. Поэтому названные действия и возникающие при этом процессуальные правоотношения, по всей видимости, „поглощаются” конкретной формой защиты, нашедшей свое применение в уголовном процессе. Если же ни одна из них не нашла в нем своей реализации — иск не был предъявлен и суд не взыскал ущерба по своей инициативе, — их следует считать процессуальными действиями, направленными на защиту нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших лиц, но нереализованными в уголовном процессе.

Различие между рассматриваемыми уголовно-процессуальными формами защиты обнаруживается также в процессуальном оформлении результатов их применения или воздержания от применения в приговоре суда. При защите посредством гражданского иска суд обязан привести мотивы своего решения по существу иска или мотивы оставления его без рассмотрения и сформулировать это решение в резолютивной части приговора. Он освобождается от этой обязанности, если воздерживается от защиты в форме возмещения ущерба по собственной инициативе. Лишь в тех союзных республиках, уголовно-процессуальные законодательства которых обязывают суд взыскать ущерб, если гражданский иск не заявлен, он должен указать в приговоре мотивы воздержания от выполнения этой обязанности, не формулируя, однако, никакого решения по этому вопросу в резолютивной части.

Изложенное дает основание для вывода о том, что возмещение причиненного преступлением материального ущерба по инициативе суда является самостоятельной уголовно-процессуальной формой защиты нарушенных преступлением имущественных прав потерпевших лиц, а не упрощенным вариантом исковой формы защиты права. Вместе с тем самостоятельность здесь нельзя рассматривать как полную независимость от гражданского иска в уголовном

деле. Суд не наделен правом выбирать по своему усмотрению форму возмещения. Анализ процессуальных норм, регулирующих порядок возмещения имущественного вреда, дает основание сделать вывод, что рассматриваемая форма возмещения ущерба в уголовном процессе имеет вспомогательный, субсидиарный характер. Поскольку гражданский иск при защите имущественных прав и интересов пользуется приоритетом, она подлежит применению лишь тогда, когда (по выражению законодателя) „иск не был предъявлен“.

Следовательно, возможность реализации данной формы возмещения в первую очередь зависит от применения или неприменения исковой формы защиты. Однако, будучи зависимой от гражданского иска в смысле возможности реализации, дальнейшее свое развитие она получает как самостоятельная уголовно-процессуальная форма защиты нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших лиц. При этом не должно вводить в заблуждение и то обстоятельство, что процессуальная норма, устанавливающая рассматриваемую форму возмещения, помещена в уголовно-процессуальных кодексах союзных республик в статьях (или главах), озаглавленных „Гражданский иск в уголовном деле“*. В УПК Украинской ССР она содержится в ст. 29 — „Обеспечение возмещения ущерба, причиненного преступлением, и исполнение приговора в части конфискации имущества“**, что еще менее точно выражает сущность этой нормы. Наконец, уголовно-процессуальные кодексы еще некоторых союзных республик вообще не содержат специальной нормы, закрепляющей рассматриваемую форму возмещения ущерба. О том, что законодатель имеет в виду и ее, можно судить лишь по уголовно-процессуальным нормам, устанавливающим перечень вопросов, подлежащих разрешению судом при постановлении приговора, а также нормам, регулирующим порядок составления описательно-мотивировочной и резолютивной частей приговора***. Из них довольно четко усматривается, что законодатель требует от судов решения вопроса о возмещении причиненного преступлением ущерба, если гражданский иск не был заявлен.

Данное обстоятельство свидетельствует о техническом несовершенстве уголовно-процессуального закона, устанавливающего

* См.: ст. ст. 29 УПК РСФСР, 56 УПК БССР, 56 УПК ТаджССР, 42 УПК ЭССР, гл. 6 УПК ЛитССР. В УПК ГССР указанная процессуальная норма помещена в гл. II „Предъявление и рассмотрение гражданского иска в уголовном судопроизводстве“.

** Аналогичное имеет место в УПК других союзных республик (ст. ст. 87 УПК ТССР, 70 УПК ЛитССР, 24 УПК УзССР).

*** См.: ст. ст. 294, 305, 308 УПК АрмССР, 300, 309, 313 УПК ЛатвССР, 295, 288 УПК МССР.

данную форму возмещения ущерба. Поскольку она автономна и существенно отличается от производства по гражданскому иску в уголовном деле, ее следовало бы выделить в отдельную статью уголовно-процессуального кодекса. Полагаем, что такое решение вопроса служило бы не только чисто техническому улучшению процессуального закона. Закрепление рассматриваемой формы в отдельной статье явилось бы свидетельством значимости, которую придает ей законодатель. А это, в свою очередь, способствовало бы более активной ее реализации в правоприменительной практике.

Рассматриваемую уголовно-процессуальную форму возмещения причиненного преступлением материального ущерба нельзя отождествлять и с обязанностью загладить причиненный вред, налагаемой судом на осужденного в качестве меры основного или дополнительного уголовного наказания, предусмотренной уголовным законодательством ряда союзных республик. Поскольку как в первом, так и во втором случаях возмещение ущерба осуществляется *по инициативе суда*, то, естественно, возникает вопрос: в каком соотношении находятся эти два вида возмещения причиненного преступлением материального ущерба?

Их анализ дает основание сделать вывод, что это два самостоятельных, принципиально отличных друг от друга вида возмещения. Их отличие проявляется, по крайней мере, в трех направлениях: по характеру налагаемой судом обязанности по возмещению ущерба; по характеру судебного решения о его возмещении; по объему возмещения и процессуальным последствиям принятого решения.

Возложение на осужденного обязанности устранить вредные имущественные последствия преступления указанными в гражданском законе (ст. ст. 453 ГК УССР, 457 ГК РСФСР) способами в порядке ч. 3 ст. 29 УПК УССР (ч. 4 ст. 29 УПК РСФСР) является, как об этом говорилось ранее, лишь процессуальной формой реализации норм гражданского и иных отраслей права. Она имущественной ответственности не устанавливает, а лишь выполняет роль инструмента ее реализации. Иное дело ст. ст. 32 УК РСФСР, 30 УК ТаджССР и соответствующие нормы Особенной части названных уголовных законов, санкции которых предусматривают возможность применить уголовное наказание — загладить причиненный вред. Они являются нормами материального, а не процессуального права. Следовательно, названные выше нормы различной отраслевой принадлежности и выполняют различные функции в механизме правового регулирования.

Однако различие между ними этим еще не исчерпывается. Оно проявляется и в характере норм материального права, с помощью которых достигается защита нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших лиц. Возложение на осужденного обязанности устранить вредные имущественные послед-

ствия преступления в порядке, предусмотренном ч. 3 ст. 29 УПК УССР (ч. 4 ст. 29 УПК РСФСР), означает реализацию норм гражданского, трудового, колхозного права, устанавливающих имущественную ответственность за причинение вреда деликтом. Основная же функция такой обязанности состоит в восстановлении, компенсации имущественных потерь, причиной которых явился деликт, а в нашем случае — его крайняя форма проявления — преступление.

Иную цель, а следовательно, и характер имеет уголовно-правовая норма, устанавливающая уголовное наказание в виде возложения обязанности загладить причиненный преступлением вред. Данная норма и установленная ею обязанность предусмотрена законодателем не в качестве способа урегулирования возникших в результате совершения преступления имущественных отношений между обвиняемым и потерпевшим, но в качестве меры уголовного наказания. Следовательно, основная ее цель — наказание и перевоспитание лица, совершившего преступление. Компенсационная (восстановительная) функция такого наказания — побочный результат его реализации. Безусловно, возложение приговором обязанности возместить причиненный ущерб на основании заявленного в уголовном деле гражданского иска или по собственной инициативе суда, т. е. реализация гражданско-правовой ответственности, также содержит карательный элемент и имеет превентивно-воспитательное значение. С другой стороны, возложение судом и исполнение обязанности загладить причиненный ущерб в качестве меры уголовного наказания также оказывает существенное влияние на материально-правовые отношения между осужденным и потерпевшим, так как влечет за собой их прекращение. Однако ставить знак равенства между этими различными по своей сущности и целям формами реакции государства на совершенное преступление и его имущественные последствия было бы явным заблуждением.

Из указанного принципиального различия в характере рассматриваемых двух видов юридической ответственности следует различие и в характере самого судебного решения, которым возлагается на осужденного правовая обязанность восстановить нарушенное преступлением имущественное положение потерпевшего лица. Возложение обязанности загладить причиненный вред как мера уголовного наказания — результат окончательного решения в приговоре основного вопроса уголовного производства — обвинения лица в совершении преступного деяния, признания его виновным или невиновным в этом, а в случае признания виновным — определения названного наказания. При этом обязанность загладить причиненный ущерб возникает у осужденного лишь с момента вступления в законную силу приговора суда. До тех пор, пока нет правомочного приговора, осужденный такой обязанности не

имеет. Над ним тяготеет только гражданско-правовая обязанность возместить ущерб, возникающая из предписаний гражданского, трудового и колхозного права, которую суд подтверждает в своем приговоре при решении вопроса о гражданско-правовой ответственности. Поэтому в случаях, когда суд в своем приговоре принимает решение и по этому вопросу, в нем реализуется два вида юридической ответственности: уголовная и гражданско-правовая. Это различные по характеру, целям и сущности решения суда.

Наконец, возмещение обязанности загладить причиненный вред (как мера уголовного наказания) отличается от аналогичной обязанности, возлагаемой в качестве гражданско-правовой ответственности, по объему, способам исполнения, а также правовым последствиям неисполнения. Однако, несмотря на указанное различие этих двух конкретных видов юридической ответственности, по гражданско-правовым последствиям применения их необходимо признать конкурирующими, а следовательно, одновременная их реализация невозможна. Предъявление и разрешение в уголовном деле гражданского иска либо принятие судом решения о возмещении ущерба по собственной инициативе исключает применение уголовного наказания (по уголовным кодексам союзных республик, где это предусмотрено) в виде обязанности загладить причиненный вред своими силами или средствами.

4. Следует ли рассматривать возмещение материального ущерба по собственной инициативе суда как особую, исключительную форму защиты имущественных прав и интересов в сравнении с гражданским иском в уголовном деле? Полагаем, что вряд ли есть основания усматривать здесь такие признаки, хотя в литературе и было высказано суждение, позволяющее сделать противоположный вывод. Так, по мнению В. Г. Даева, применение данной формы возмещения может иметь место лишь при исключительных обстоятельствах. Автор обосновывает данное положение тем, что в настоящее время государственные и общественные организации обладают всеми возможностями обеспечения принадлежащих им прав, поэтому непредъявление ими иска следует рассматривать как неисполнение своих прямых обязанностей со стороны отдельных должностных лиц, что должно вызвать соответствующую реакцию суда или прокурора в форме вынесения частного определения либо представления [70, 28].

Нет сомнения в том, что исковая форма защиты нарушенных имущественных прав и интересов потерпевших от преступления лиц имеет свои преимущества по сравнению с рассматриваемой. Она обеспечивает участие в уголовном процессе наиболее заинтересованных в вопросе возмещения материального ущерба лиц (гражданского истца и в установленных законом случаях гражданского ответчика), реализация которыми предоставленных им прав

способствует успешному исследованию обстоятельств дела, касающихся имущественных последствий преступления. Правильно и то, что возмещение материального ущерба по инициативе суда имеет вспомогательный, субсидиарный характер, а поэтому применяется не так часто, как гражданский иск. Однако рассматривать его как исключительную форму восстановления нарушенных преступлением имущественных прав и интересов лиц оснований нет. Характер исключительности предполагает наличие каких-то особых обстоятельств, выходящих за рамки нормального хода событий и делающих ситуацию особо сложной либо чреватой особыми последствиями. Вряд ли такие признаки можно обнаружить в случае присуждения возмещения по инициативе суда. Предусматривая данную форму возмещения ущерба, законодатель рассчитывал не на особые обстоятельства. Они могут быть самыми заурядными, носить как субъективный, так и объективный характер по отношению к материально потерпевшему лицу. К тому же законодатель не ограничивается возможностью присуждения возмещения по инициативе суда только в пользу потерпевших государственных или общественных юридических лиц, но также и граждан, если они по уважительным причинам не смогли защитить свои имущественные права и интересы в уголовном процессе. Если же до конца следовать логике автора, то и гражданский иск в уголовном деле необходимо квалифицировать как исключительную, особую форму защиты имущественных прав и интересов лиц, которым противоправно причинен ущерб, так как по общему правилу их защита осуществляется посредством гражданско-процессуальной формы. Тем не менее ни уголовно-процессуальная доктрина, ни правоприменительная практика такого свойства в нем не усматривает.

Все это говорит о том, что рассматриваемая форма возмещения причиненного преступлением имущественного вреда не является исключительной, особой. Она носит вспомогательный характер и рассчитана законодателем на случаи, когда потерпевшее от преступления юридическое лицо в силу любых причин, а гражданин — уважительных, не смогли предъявить гражданский иск в защиту своих имущественных прав и интересов. Не смог этого сделать и прокурор, которому законодатель предоставляет право либо вменяет в обязанность предъявить гражданский иск в интересах названных лиц, хотя бы по той причине, что он не по всем уголовным делам поддерживает обвинение, а следовательно, и принимает участие в их рассмотрении.

По данным В. И. Баскова, в суде первой инстанции поддерживается государственное обвинение, а следовательно, принимает участие прокурор по 50 % уголовных дел [22, 11—12]. При этом статистика свидетельствует, что количество дел, по которым поддерживается государственное обвинение в суде, имеет устойчивую тенденцию к увеличению. Оцениваемая как положительная с точ-

ки зрения усиления прокурорского надзора, она имеет и теневые стороны — увеличение нагрузки может сказаться на качестве надзора. Именно поэтому Генеральный прокурор СССР в своем приказе № 12 от 4 февраля 1983 г. „О повышении качества и эффективности прокурорского надзора за исполнением законов при рассмотрении уголовных дел в судах“, относя поддержание государственного обвинения к важнейшим служебным обязанностям каждого прокурора, одновременно предостерегает от стремления увеличивать число выступлений в суде при отсутствии в этом необходимости и реальных возможностей. Естественно, это не касается случаев, когда его участие в судебном заседании является обязательным (ст. ст. 253 УПК УССР, 228 УПК РСФСР).

5. Решение вопроса о возмещении материального ущерба по собственной инициативе суда может быть обязательным и факультативным. Обязательный характер по уголовно-процессуальному законодательству УССР оно имеет, во-первых, в случаях, когда вред причинен государственному или общественному имуществу, а гражданский иск о его возмещении не был предъявлен. Это положение непосредственно закреплено в ст. 29 УПК УССР, согласно которой „суд обязан при вынесении приговора по собственной инициативе разрешить вопрос о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением... если этого требует охрана государственных или общественных интересов“. Во-вторых, аналогичная обязанность возлагается на суд и тогда, когда ущерб причинен гражданину, который не предъявил гражданский иск вследствие: а) беспомощного состояния; б) зависимости от подсудимого; в) по другим уважительным причинам, а прокурор не принимает участия в деле или по каким-либо причинам не предъявляет иск.

Таким образом, суд обязан присудить возмещение ущерба во всех случаях, когда нарушенные преступлением имущественные права и интересы государственных и общественных предприятий, учреждений, организаций остались без защиты. Что касается защиты имущественных прав граждан, потерпевших от преступления, то возмещение ущерба им возможно, по нашему мнению, как на обязательных, так и на факультативных началах. Непредъявление гражданского иска гражданином по перечисленным выше причинам или в его интересах прокурором обязывает суд вынести решение о возмещении ущерба в обязательном порядке, в других случаях — по усмотрению суда. Аналогичным образом урегулирован этот вопрос в УПК ГССР (ст. 30), ЛитССР (ст. 70) и УзССР (ст. 24) с тем, однако, отличием, что суд по своей инициативе принимает решение о возмещении лишь в случаях, когда в рассмотрении дела не принимает участия государственный обвинитель.

Уголовно-процессуальное законодательство ряда союзных республик вообще не связывает суд в решении этого вопроса дополнительными условиями, а обязывает его во всех случаях причине-

нии преступлением материального ущерба рассмотреть вопрос о его возмещении, если иск не был предъявлен*.

Несколько по-иному урегулировано возмещение ущерба по инициативе суда в уголовно-процессуальном законодательстве РСФСР и большинства других союзных республик**. УПК РСФСР (ст. 29) предоставляет суду *право* по собственной инициативе разрешать вопрос о возмещении ущерба, причиненного преступлением. При этом данное ему право суд реализует независимо от того, кому причинен ущерб (государственному либо общественному юридическому лицу или гражданину) и вне зависимости от причины непредъявления гражданского иска. Следовательно, применение данной формы возмещения ущерба здесь всецело зависит от усмотрения суда, т. е. решается им на факультативных началах. Тем не менее Пленум Верховного Суда СССР в упомянутом ранее постановлении от 23 марта 1979 г., а также в ряде других руководящих постановлений по отдельным категориям уголовных дел потребовал от судов по *каждому делу* о преступлении, причинившем материальный ущерб, обсудить вопрос о возмещении ущерба по собственной инициативе, если гражданские иски не были предъявлены.

Полагаем, что такое решение вопроса является наиболее правильным. При этом мы исходим из следующих соображений. Причинение материального ущерба таким опасным деликтом, каковым является преступление, не может не сказаться на характере реакции на это общества и государства. Им не безразлично, будет ли вред в данном случае возмещен или нет, отказывается ли потерпевший от присуждения ему возмещения или нет, ведет ли он себя активно или индифферентно относительно возмещения причиненного ущерба. В данном случае должны приниматься во внимание не только личные интересы потерпевшего, но и интересы общества в целом.

Поскольку причинившее материальный ущерб деяние представляет публичный интерес, то устранение его последствий и сам способ (форма) такого устранения не могут не испытывать на себе влияния этого интереса. Общество (государство) заинтересовано в том, чтобы механизм правового регулирования функционировал нормально — предоставленные субъектам права беспрепятственно реализовались, а юридические обязанности точно исполнялись.

* См.: ст. 36 УПК КиргССР. Анализ действующих норм УПК АрмССР (ст. ст. 294, 305, 308), ЛатвССР (ст. ст. 300, 309, 313), МССР (ст. ст. 285, 288) дает основание для вывода о том, что возмещение ущерба по инициативе суда решается в них аналогичным образом.

** См.: ч. 3 ст. 328 УПК АзССР, ст. 56 УПК БССР, ч. 5 ст. 56 УПК ТаджССР, ч. 3 ст. 87 УПК ТССР, ч. 4 ст. 42 УПК ЭССР.

Поэтому защита прав и интересов, в том числе и имущественных, этих субъектов означает одновременно защиту и государственных, общественных интересов.

Таким образом, государство и общество заинтересованы в том, чтобы вред был возмещен и чтобы потерпевшее лицо реализовало свое право на его возмещение. И если оно в силу каких-либо уважительных причин этого не делает, то государство (исходя из презумпции, что каждое лицо, понесшее материальный ущерб от преступления, желает его возмещения) поручает суду самому, по собственной инициативе, взыскать с причинителя ущерб и восстановить нарушенные преступлением имущественные права и интересы потерпевшего. Полагаем, что такое решение вопроса ни в коей мере не нарушает субъективное право потерпевшего на возмещение ущерба распоряжаться им по своему усмотрению. Он может отказаться от возмещения, указав суду причины отказа и не нарушая при этом имущественных прав и интересов других лиц, как во время производства по делу, так и при исполнении приговора в части возмещения ущерба.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА ПО СОБСТВЕННОЙ ИНИЦИАТИВЕ СУДА

1. Решение вопроса о возмещении причиненного преступлением материального ущерба по собственной инициативе суда возможно лишь при наличии предусмотренных законом условий — материально-правовых оснований и процессуальных предпосылок.

Материально-правовые основания (вредоносное деяние, т. е. состав преступления, материальный ущерб, причинная связь между ними) составляют юридические факты, с которыми закон связывает возникновение правоотношения между причинителем вреда и материально потерпевшим лицом. Они являются общими для всех форм возмещения, в том числе и рассматриваемой. Что же касается процессуальных предпосылок, то здесь дело обстоит несколько сложнее.

Процессуальные предпосылки, необходимые для применения возмещения по инициативе суда, необходимо разделить прежде всего на две группы: а) общие с исковой формой защиты нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших лиц в уголовном процессе и б) особенные — свойственные только рассматриваемой форме.

Общими являются следующие процессуальные предпосылки: а) подведомственность суду правоотношения, возникшего в связи с причинением материального ущерба; б) отсутствие судебного решения, имевшего своей целью урегулировать названное правоотношение путем взыскания ущерба, отказа в его возмещении, утверждения мирового соглашения, отказа истца от иска; в) отсутствие четко выраженного отказа потерпевшего гражданина от

гражданского иска и вообще от возмещения ущерба; г) признание обвиняемого приговором суда виновным в совершении деяния, результатом которого явился материальный ущерб.

Перечисленные обстоятельства, будучи процессуальными предпосылками гражданского иска в уголовном деле, автоматически стоят и предпосылками возмещения ущерба по инициативе суда. Поэтому если требование о возмещении ущерба в форме гражданского иска не допускается в уголовный процесс, то тем самым недопустимо применение и второй формы. Однако кроме общих с гражданским иском процессуальных предпосылок защита нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших лиц в форме возмещения ущерба по собственной инициативе суда имеет и свои специальные, свойственные только ей предпосылки. Анализ уголовно-процессуальных норм, регулирующих возмещение в уголовном процессе материального ущерба, дает основание сделать вывод, что специфическими предпосылками этой формы являются: а) отсутствие гражданского иска в уголовном деле; б) причинение ущерба государственному или общественному материальному интересу. Если имущественный вред причинен преступлением гражданину, то на место этой предпосылки ставится причинение материального ущерба лицу, которое вследствие указанных в уголовно-процессуальном законе причин (ч. 1 ст. 29 УПК УССР) не может защищать свои права и интересы*; в) наличие правовой возможности возложить имущественную ответственность за причиненный ущерб только на обвиняемого (подсудимого).

В союзных республиках, уголовное законодательство которых предусматривает в качестве основного или дополнительного уголовного наказания возложение на осужденного обязанности загладить причиненный ущерб (РСФСР, УзССР, КазССР, ТаджССР, АрмССР), к перечисленным специальным предпосылкам необходимо присовокупить еще одну — неприменение судом названного уголовного наказания к осужденному.

Таким образом, возмещение причиненного преступлением материального ущерба по инициативе суда возможно лишь при наличии обеих групп процессуальных предпосылок. Отсутствие хотя бы одной из них делает невозможным его реализацию. Поскольку первая группа предпосылок исследовалась при рассмотрении гражданского иска в уголовном деле, здесь ограничимся

* Уголовно-процессуальные законы ряда союзных республик данную предпосылку исключают. Независимо от того, кому причинен вред — юридическому лицу или гражданину, по уважительной ли причине гражданский иск не был предъявлен или по небрежности, они обязывают (ст. 36 УПК КиргССР) суд либо предоставляют ему право (ст. 56 УПК БССР, 328 УПК АзССР, 56 УПК ТаджССР, 87 УПК ТССР, 42 УПК ЭССР) взыскать с подсудимого причиненный им ущерб по собственной инициативе.

анализом только специальных процессуальных предпосылок реализации рассматриваемой формы возмещения ущерба.

2. Если для искового производства необходимой процессуальной предпосылкой является предъявление лицом, понесшим материальный ущерб от преступления, либо в его интересах прокурором гражданского иска, то для возмещения по инициативе суда — отсутствие искового заявления этих лиц.

Исследование сущности этой процессуальной предпосылки требует выяснения прежде всего таких вопросов: как следует понимать отсутствие иска („если гражданский иск не был предъявлен“); возможно ли параллельное применение обеих форм возмещения вреда при рассмотрении одного и того же дела?

Отсутствие гражданского иска в уголовном деле — это, во-первых, отсутствие четко выраженного и зафиксированного в материалах дела специальным процессуальным документом требования (притязания) материально потерпевшего лица о взыскании причиненного преступлением ущерба с обвиняемого или гражданского ответчика, заявленного на протяжении уголовного процесса, но до начала судебного следствия по делу. Предъявить гражданский иск в уголовном деле уполномочен также прокурор. Больше того, согласно ч. 2 ст. 29 УПК УССР в новой редакции, утвержденной Указом Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 16 апреля 1984 г. [42, 1984, № 18, ст. 351], если требуется защита государственных или общественных интересов, а также интересов граждан, которые вследствие беспомощного состояния, зависимости от обвиняемого или по другим причинам не могут защитить свои законные интересы, он обязан предъявить иск в их интересах*. Поэтому отсутствие иска имеет место лишь в том случае, когда он не заявлен ни гражданским истцом, ни прокурором. Однако неисполнение прокурором лежащей на нем указанной обязанности** не должно, по нашему мнению, привести к выводу о том, что суд решает вопрос о возмещении ущерба по своей инициативе только в случаях, когда государственный обвинитель не

* УПК УССР (ч. 5 ст. 264) также обязывает прокурора предъявить или поддерживать предъявленный потерпевшим гражданский иск, если этого требует охрана государственных или общественных интересов или прав граждан. Однако сопоставление ее с ч. 2 ст. 29 УПК УССР дает основание утверждать о наличии несогласованности между этими нормами. Если ч. 2 ст. 29 обязывает прокурора предъявить или поддерживать гражданский иск в интересах граждан лишь при наличии уважительных причин, вследствие которых они не могут надлежащим образом защитить свои права и законные интересы, то ч. 5 ст. 264 УПК этими уважительными причинами прокурора не связывает.

** По УПК ряда союзных республик прокурору предоставляется право предъявить иск, если этого требует охрана государственных или общественных интересов или прав граждан (например, ст. ст. 29 УПК РСФСР, 56 УПК БССР, 70 УПК ЛитССР, 56 УПК ТаджССР).

принимает участия в рассмотрении дела. Он не лишается такой возможности и при участии в деле прокурора, который в силу различных причин удержался от предъявления иска. Кроме того, определение и оценка государственных и общественных интересов, равно как и характера причин непредъявления иска потерпевшим гражданином, у прокурора и суда может быть различной. Поэтому в данном вопросе, впрочем, как и во всех других, суд не связан мнением прокурора, а решает его по своему внутреннему убеждению.

Не следует также исключать и ситуации, при которой вопрос о возмещении ущерба возникает в процессе в тот момент, когда предъявление иска уже невозможно, например после начала судебного следствия. Очевидно, что при такой ситуации и участвующий в деле государственной обвинитель может рекомендовать суду применить правило о взыскании ущерба по своей инициативе. Исходя из этих соображений, представляется не совсем удачной формулировка ч. 4 ст. 30 УПК ГССР и ч. 3 ст. 24 УПК УзССР, которые обязывают суд разрешить вопрос о возмещении причиненного преступлением материального ущерба лишь в случае, когда дело рассматривается без государственного обвинителя, а иск не был предъявлен.

Что касается второго вопроса — возможно ли одновременное применение исковой и рассматриваемой форм защиты имущественных прав и интересов потерпевших от преступления лиц в одном и том же уголовном процессе, — то на него в принципе следует дать утвердительный ответ. Наличие в уголовном деле гражданского иска устраняет принятие решения о возмещении ущерба по инициативе суда лишь в случае, когда иск предъявлен ко всем обвиняемым (подсудимым), признанным судом виновными в причинении ущерба. Иными словами, возмещение ущерба по инициативе суда невозможно только в отношении того самого подсудимого и тех самых материальных требований, которые охвачены гражданским иском. Поэтому, если гражданский истец или в его интересах прокурор предъявил иск только к одному из обвиняемых (подсудимых), в то время как судебным следствием будет установлено, что ущерб был результатом виновных деяний и других подсудимых по данному делу, то предъявление такого иска не исключает присуждения возмещения по инициативе суда с других осужденных, к которым гражданский иск не был предъявлен. К аналогичному выводу следует прийти и в случае, когда из нескольких лиц, понесших материальный ущерб от преступления, одни из них гражданский иск предъявили, а другие — нет. Последним суд может возместить ущерб по своей инициативе.

3. Сущность второй процессуальной предпосылки применения возмещения ущерба по инициативе суда — *причинение ущерба государственному или общественному материальному интересу* —

состоит в повышенной охране и защите социалистической собственности, имущественных прав и интересов государственных предприятий, учреждений, организаций, колхозов, иных кооперативных и общественных организаций. Нет сомнения в том, что, вводя рассматриваемую форму возмещения ущерба в уголовный процесс, законодатель ставил своей целью устранить из практики случаи невозмещения материального ущерба, причиненного названным социалистическим организациям таким общественно опасным деликтом, каким является преступление, усилить репрессивную и превентивно-воспитательную функции правовой ответственности за посягательство на социалистическую собственность путем аккумуляции в одном процессе уголовной и гражданской ответственности. При этом законодатель не ставит государственную собственность, имущественные права и интересы государственных юридических лиц в привилегированное положение. Все виды социалистической собственности, имущественные права и интересы всех социалистических юридических лиц охраняются им на одинаковых началах.

Употребляя выражение „государственные или общественные интересы”, защиту которых должен осуществить суд по своей инициативе в случае, когда гражданский иск не был предъявлен, законодатель, несомненно, имеет в виду все виды социалистической собственности: государственную, колхозно-кооперативную, собственность общественных организаций, на которую было совершено посягательство. Он имеет в виду нарушенные преступлением имущественные права и интересы государственных предприятий, учреждений и организаций; колхозов и других кооперативных образований; межхозяйственных, государственно-колхозных, государственно-кооперативных и иных организаций; общественных организаций различного профиля, создаваемых для достижения разнообразных общественно-полезных целей (профессиональные, молодежные и творческие союзы, добровольные общества и т. п.), имеющих в своем распоряжении имущество и пользующихся правами юридического лица.

Нет сомнения и в том, что „государственным интересом” охватываются также нарушенные преступлением имущественные права совместных (с участием СССР) межгосударственных предприятий и организаций социалистических стран — членов СЭВ и иных государств, находящихся на территории СССР.

Создание межгосударственных с участием СССР совместных предприятий стран — членов СЭВ, которые наделяются юридической самостоятельностью, располагают своими средствами (созданными за счет членских взносов), функционируют на хозрасчете и выполняют преимущественно производственные или другие хозяйственные задачи — качественно новый этап и форма социалистической экономической интеграции, предусмотренные Комплексной программой научно-технического прогресса стран — членов СЭВ до 2000 года, принятой сессией СЭВ в декабре 1985 г. И хотя данная форма экономического

сотрудничества пока еще только зарождается, ей принадлежит будущее [216, 126]. Советское уголовное законодательство охраняет от посягательств также государственное и общественное имущество других социалистических стран, находящееся на территории СССР (ст. ст. 101 УК РСФСР, 92 УК УССР), а также на началах взаимности иных стран. В свою очередь, советское гражданское законодательство (ст. ст. 126⁴ Основ гражданского законодательства, 569⁴ ГК УССР, 566⁴ ГК РСФСР), исходя из коллизионного начала *lex loci delicti*, предоставляет защиту имущественных прав иностранным формированиям, находящимся на территории СССР. Поскольку им предоставляется право обращения в суды СССР за защитой и пользования гражданско-процессуальными правами для защиты своих интересов (ст. ст. 59 Основ гражданского производства, 423 ГПК УССР, 433 ГПК РСФСР), то, по всей видимости, нет препятствий к тому, чтобы суд мог защитить нарушенные преступлением их имущественные права и интересы и по своей инициативе.

Немаловажный доктринальный и практический интерес при этом представляет вопрос о том, распространяется ли „государственный и общественный интерес“, защиту которого осуществляет суд и по своей инициативе, на нарушенные преступлением имущественные права и интересы религиозных организаций, функционирующих на территории СССР.

Отделение в нашей стране церкви от государства является правовой формой их взаимоотношений, при которой государство и его органы не поручают религиозным организациям выполнять какие-либо государственные функции, не вмешиваются в их деятельность, поскольку она согласуется с действующим законом и установленным в стране правопорядком, не пользуется методами государственно-правового контроля или принуждения при определении гражданами своего отношения к религии и не оказывает этим организациям материальной, моральной или иной поддержки.

Исключение составляет содействие нашего государства и его органов деятельности религиозных организаций, связанной с борьбой за мир [119, 195; 176, 92].

Вместе с тем деятельность религиозных организаций, единственных в нашей стране организаций советских граждан несоциалистического характера, в той мере, в какой она осуществляется в рамках закона, охраняется им, а их законные права и интересы, в том числе и имущественные, защищаются Советским государством и правом. Религиозные организации для осуществления своей деятельности владеют и распоряжаются значительным имуществом. Однако последнее не имеет единого правового статуса. Его основу составляет государственное имущество, переданное им в бесплатное и бессрочное пользование либо предоставленное на правах аренды.

В соответствии с постановлением ВШК и СНК РСФСР от 8 апреля 1929 г. все имущество церквей, необходимое для отправления культа, перешло в собственность государства [198]. Это прежде всего молитвенные дома, здания, церковная утварь и предметы культа, которые состоят на балансе районных

(городских) Советов народных депутатов и передаются религиозным организациям на договорных условиях. Данное имущество составляет государственную собственность и передается им лишь в пользование.

При этом имущество, переданное государством в пользование религиозных объединений (молитвенные дома, культовое имущество, украшения), а также имущество, приобретенное ими или им пожертвованное, все денежные поступления от пожертвований, уплаты за выполнение религиозных обрядов, продажи свечей, предметов культа и т. п. является собственностью государства. В соответствии с пп. 28, 36, 38 Положения о религиозных объединениях в Украинской ССР, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета Украинской ССР от 1 ноября 1976 г. [42, 1976, № 46, ст. 420], это имущество состоит на учете исполкома районного (городского) Совета народных депутатов, а вновь поступающее (приобретаемое) подлежит внесению в инвентарную опись культового имущества. Денежные поступления и расходы подлежат учету в приходно-расходной книге. Таким образом, имущество религиозных объединений, религиозных общин или групп верующих является в своей основе государственным имуществом.

Однако такие религиозные организации, как религиозные центры, епархиальные управления, религиозные учебные заведения и некоторые другие, могут иметь в своем распоряжении также имущество, принадлежащее им на праве собственности: строения, транспортные средства, оборудование и т. п., построенные или приобретенные на их средства в установленном законом порядке; предприятия по производству церковной утвари и предметов культа; денежные средства, образуемые из добровольных пожертвований верующих, доходов, полученных за выполнение различных религиозных обрядов, от продажи церковной утвари и предметов культа.

Собственность этих религиозных организаций, действующих на территории СССР, не принадлежит ни к одному из известных советскому гражданскому праву видов собственности. При этом собственность названных коллективных формирований, обладающих теперь правами юридического лица, даже в рамках одного вероучения или толка не составляет единого фонда. Каждая религиозная организация этого вида является субъектом права собственности на принадлежащее только ей имущество. Собственность названных организаций по своему характеру является коллективной, а по своей природе, основаниям возникновения и субъекту права — не социалистической собственностью (собственностью не социалистических организаций) [176, 138].

Наконец, в распоряжении религиозных организаций может быть имущество, являющееся личной собственностью граждан, переданное ими во временное пользование этих организаций по договору аренды или бесплатно. Это прежде всего предметы культа (иконы, богослужебные книги, облачение служителей культа), украшения для церкви и т. п.

Таким образом, имущество рассматриваемых организацией не является однородным. Поэтому законодатель дифференцированно подошел и к решению вопроса об уголовной ответственности за посягательство на него. Действия лиц, преступно посягнувших на закрепленное за религиозной организацией государственное имущество, подлежат квалификации по нормам уголовного закона, предусматривающим ответственность за посягательство на государственное или общественное имущество [113, 44; 46, 18; 47, 26; 135, 27]. Если же объектом посягательства было имущество, принадлежащее названным организациям на праве собственности, то действия виновных должны квалифицироваться по соответствующим статьям уголовных кодексов, предусматривающих ответственность за посягательство на личную собственность граждан (ст. 151 УК РСФСР, 146 УК УССР).

Ввиду того что и в литературе, и в обиходе выражения „имущество церкви“ и „имущество религиозных организаций“ употребляются как однозначные, хотя при строго научном подходе это разные по содержанию понятия, с учетом изложенного выше требует уточнения высказанное П. С. Матьшевским положение о том, что „похищение любого церковного имущества должно квалифицироваться по соответствующим статьям главы о преступлениях против социалистической собственности“ [135, 27].

Данное положение автора является правильным безусловно лишь в отношении имущества религиозных объединений (религиозных общин или групп верующих). Что же касается имущества иных религиозных организаций, то ввиду неоднородности его правового статуса оно является правильным только в отношении государственного имущества, находящегося в их распоряжении, и не может быть распространено на имущество, составляющее их собственность. Гражданско-правовая (имущественная) ответственность за ущерб, причиненный религиозным организациям, равно как и их деятельностью иным юридическим лицам или гражданам, наступает на общих основаниях деликтной ответственности. Все они признаются субъектами деликтных обязательств [196, 14].

Таким образом, исходя из того, что имущество религиозных организаций в основной массе составляет государственную собственность, а их собственное имущество хотя и не является социалистической собственностью по своей природе, но тем не менее это коллективная собственность советских граждан; что осуществляемая в рамках закона деятельность этих организаций охраняется Советским государством, следует прийти к такому выводу: „государственный и общественный интерес“. защиту которого осуществляет суд по своей инициативе, распространяется и на случаи причинения имущественного вреда названным организациям. Следовательно, в случаях, когда преступлением причинен материальный ущерб названным организациям и гражданский

иск о его возмещении не был предъявлен, суд, в зависимости от того, каким республиканским уголовно-процессуальным законодательством он руководствуется, обязан или вправе по своей инициативе решить вопрос о его возмещении.

По-иному законодатель счел необходимым урегулировать вопрос о возмещении ущерба по инициативе суда, если он причинен преступлением физическому лицу — гражданину. Предоставляя ему возможность требовать судебной защиты своих имущественных прав и интересов в первую очередь посредством предъявления гражданского иска в уголовном деле, один республиканский законодатель применение вспомогательной формы защиты (возмещение ущерба по собственной инициативе суда) поставил в зависимость от наличия уважительных причин, вследствие которых потерпевший был лишен возможности предъявить гражданский иск в уголовном деле, другой — не поставил. Однако, поставив возмещение потерпевшему ущерба по собственной инициативе в зависимость от названных причин, законодатель, как правило, обязывает суд осуществить защиту*. Если же он применение данной формы защиты не связывает наличием таких причин, то, как правило, предоставляет суду право ее реализовать. Именно таким образом урегулирован вопрос в большинстве УПК союзных республик.

Безусловно, как обязанность, так и право суда по своей собственной инициативе возложить на осужденного обязательство возместить причиненный им ущерб в случаях, когда нарушенные преступлением имущественные права и интересы потерпевшего остались без защиты, не являются абсолютными. Названная обязанность суда остается нереализованной, если не будут доказаны материальные и отсутствуют процессуальные предпосылки для решения вопроса об имущественной ответственности подсудимого. Равно и предоставленное суду право осуществить защиту не означает абсолютно свободного усмотрения в ее реализации. Весь смысл предоставления суду такого права состоит в том, чтобы он (при наличии определенных условий) эту защиту осуществил. Поэтому вполне естественно, что непредъявление потерпевшим гражданского иска по уважительной причине в какой-то мере „обязывает“ суд реализовать свое право защитить по собственной инициативе его нарушенные имущественные права и интересы.

Присудить возмещение ущерба в пользу потерпевшего — гражданина без предъявления им гражданского иска (*es officio*) суд обязан только тогда, когда гражданин лишен возможности защитить свои законные интересы вследствие прежде всего биологиче-

* См.: ст. ст. 30 УПК ГССР, 70 УПК ЛитССР, 24 УПК УзССР, 29 УПК УССР. Статья 36 УПК КиргССР не связывает суд никакими условиями при возложении указанной обязанности на него.

ской или социальной слабости. Об этом говорит перечень уважительных причин, которые лишили потерпевшего возможности самому принять меры к защите нарушенных преступлением имущественных прав и интересов и наличие которых обязывает суд осуществить такую защиту по собственной инициативе: болезнь потерпевшего, беспомощное его состояние, несовершеннолетие, зависимость от обвиняемого. Уголовно-процессуальный закон не дает исчерпывающего перечня этих причин. Ими могут быть и другие (например, пребывание в длительной командировке, тяжелая болезнь родных, слабая ориентировка потерпевших — иностранцев — в своем правовом статусе), которые суд признает уважительными.

Разумеется, осуществляя защиту имущественных прав и интересов потерпевшего по своей инициативе, суд исходит из презумпции, что он желает возмещения причиненного ему преступлением ущерба, однако названные причины лишили его возможности реализовать свое право требовать защиты. Данное обстоятельство подлежит проверке и оценке судом. Если же названные причины им будут признаны неуважительными, он не обязан принимать по своей инициативе решения о возмещении ущерба, хотя, как нам представляется, и не лишен на это права.

4. *Наличие правовой возможности возложить имущественную ответственность за причиненный материальный ущерб только на обвиняемого (подсудимого)* как процессуальная предпосылка принятия решения о возмещении ущерба судом по своей собственной инициативе выводится из норм гражданского материального и уголовно-процессуального (ст. ст. 51 УПК УССР, 55 УПК РСФСР) закона, согласно которым материальную ответственность за ущерб, причиненный преступным деянием обвиняемого (лица, совершившего противоправное действие), несут другие физические или юридические лица. Речь идет о случаях, когда в уголовный процесс привлекается гражданский ответчик для возложения на него имущественной ответственности по предъявляемому гражданскому иску. Однако при реализации судом рассматриваемой формы возмещения ущерба лицо, несущее имущественную ответственность за причиненный обвиняемым вред, участия в процессе не принимает.

В случае причинения ущерба преступлением несовершеннолетнего в уголовный процесс привлекается его законный представитель (ст. ст. 441 УПК УССР, 399 УПК РСФСР), который полностью или частично несет имущественную ответственность за причиненный ущерб (ст. ст. 450, 451 ГК РСФСР, 446, 447 ГК УССР). Однако, привлекая его в процесс, законодатель преследует в данном случае цель усилить процессуальные гарантии прав и интересов несовершеннолетних обвиняемых, а не обеспечить материальные интересы потерпевших от преступления.

Оно лишено возможности защищать свои интересы при рассмотрении дела, а следовательно, и имущественная ответственность на него в этом процессе не может быть возложена.

Правда, в судебной практике имеют место случаи, когда суд при отсутствии гражданского иска в уголовном деле по своей инициативе привлекает такое лицо в процесс, признает его гражданским ответчиком и возлагает на него обязанность возместить причиненный обвиняемым материальный ущерб. Однако такая практика не основывается на уголовно-процессуальном законе. В качестве участника процесса гражданский ответчик может быть привлечен в уголовный процесс лишь как сторона в гражданском иске. А так как последний не предъявлялся и в деле нет гражданского истца, то в нем не может быть и гражданского ответчика.

Данное обстоятельство не учитывают и некоторые ученые-процессуалисты. Так, П. П. Гуреев в одной из первых работ, освещающих теорию и практику возмещения в уголовном процессе причиненного преступлением имущественного ущерба посредством предъявления и разрешения гражданского иска по действующему уголовно-процессуальному законодательству, писал: „При разрешении по инициативе суда вопроса о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением, ответственность осужденного или лиц, несущих ответственность за его действия в части возмещения имущественного вреда (курсив мой. — В. Н.), носит гражданско-правовой характер и аналогична ответственности при удовлетворении судом гражданского иска” [66, 9].

Автор безусловно прав в том, что возложенная по инициативе суда на осужденного имущественная ответственность так же, как и ответственность при удовлетворении судом гражданского иска, является гражданско-правовой по своей природе. Однако он допускает явную неточность, полагая, что такую ответственность суд по своей собственной инициативе может возложить не только на осужденного, но и на лиц, которые в силу закона несут указанную ответственность за его действия. Больше того, наличие последнего обстоятельства является отрицательной процессуальной предпосылкой возможности защитить имущественные права и интересы потерпевшего в уголовном процессе по инициативе суда.

Таким образом, в случаях, когда имущественную ответственность за причиненный обвиняемым материальный ущерб несут в силу закона другие лица, суд не вправе решить вопрос о его возмещении по своей инициативе при рассмотрении и разрешении уголовного дела.

5. *Неприменение* судом в качестве основного или дополнительного уголовного наказания в виде возложения обязанности загладить причиненный преступлением вред как специальная процессуальная предпосылка реализации рассматриваемой формы защиты имущественных прав и интересов потерпевших лиц является актуальной лишь для судов союзных республик, уголовное законодательство которых предусматривает названное наказание. Так как вопрос об уголовной ответственности решается судом в пер-

вую очередь, то вполне естественно, что определение им такого наказания осужденным делает ненужным принятие решения о возмещении ущерба. Последний устраняется исполнением назначенного уголовного наказания. Тем не менее это положение необходимо уточнить. Дело в том, что не только теоретически, но и практически мыслимы ситуации, когда имущественный ущерб причиняется не одним, а несколькими различными по характеру преступлениями, объединенными в одном уголовном деле. За каждое из них суд должен определить меру наказания. И хотя трудно представить ситуацию, чтобы в одном процессе суд применил два разных вида юридической ответственности, сущностью которых было бы возмещение причиненного ущерба, тем не менее не исключено, что за одно из преступлений он назначит наказание в виде возложения на осужденного обязанности загладить причиненный вред, а за другие — иные наказания. В таком случае имущественный ущерб, причиненный последними преступлениями, может быть взыскан судом и по своей инициативе. Следовательно, назначение осужденному уголовного наказания — возложение обязанности загладить причиненный вред — исключает возмещение ущерба по собственной инициативе суда лишь по одному и тому же преступлению, которым причинен материальный ущерб, но не за различные деликты.

ВОЗМЕЩЕНИЕ УЩЕРБА ПО ИНИЦИАТИВЕ СУДА В ДИНАМИКЕ УГОЛОВНОГО ПРОЦЕССА

1. Производство по возмещению причиненного преступлением материального ущерба по инициативе суда осуществляется в стадии судебного разбирательства. Однако нельзя недооценивать важности процессуальной деятельности, осуществляемой органами предварительного расследования и состоящей прежде всего в доказывании характера и размера ущерба, возникшего в результате преступления (п. 4 ст. 64 УПК УССР, п. 4 ст. 68 УПК РСФСР). Именно на них возложена обязанность собрать доказательства и с их помощью установить имущественные последствия преступления. Это в значительной степени облегчает задачу суда по исследованию и разрешению вопроса о возмещении ущерба.

Тем не менее производство по возмещению ущерба по собственной инициативе суда имеет свою специфику. Уголовно-процессуальный закон не содержит специальных норм, регулирующих этот способ возмещения в судебном заседании. Очевидно, что в них и не возникает существенной надобности, поскольку большинство действий, осуществляемых судом первой инстанции, служат одновременно и рассмотрению вопроса о характере и размере причиненного ущерба и его возмещении. Однако перспектива принятия решения об урегулировании имущественных последствий преступления, совершенного подсудимым, требует от суда

более высокой инициативы в исследовании имеющихся в деле и получении новых доказательств, касающихся характера и размера материального ущерба. Эта перспектива должна учитываться им еще в стадии предания обвиняемого суду. Уже здесь судом (судьей) выясняются вопросы: собрано ли органами предварительного расследования достаточно доказательств, подтверждающих характер и размер причиненного преступлением материального ущерба; приняты ли ими меры к обеспечению его возмещения (пп. 3, 9 ст. 242 УПК УССР, пп. 4, 9 ст. 222 УПК РСФСР). Если будет установлена неполнота в исследовании этого элемента структуры предмета доказывания в уголовном деле либо принятие надлежащих мер к обеспечению возмещения ущерба, суд вправе вернуть дело на дополнительное расследование (ст. ст. 246 УПК УССР, 232 УПК РСФСР) или устранить названные недостатки своими силами (ст. 247, п. 5, ст. 253 УПК УССР, ст. 233 УПК РСФСР). Следует при этом отметить терминологическую несогласованность между п. 9 ст. 242 и ст. 247 УПК УССР (п. 9 ст. 222 и ст. 233 УПК РСФСР). Пункт 9 ст. 242 обязывает суд (судью) выяснить, приняты ли органами предварительного расследования меры к обеспечению возмещения ущерба, причиненного преступлением. При этом законодатель не связывает обеспечение с каким-либо конкретным способом (формой) самого возмещения. Правило же ст. 247 УПК возлагает на суд (судью) обязанность принять меры к обеспечению лишь одной из форм возмещения — гражданского иска. Поэтому для устранения возможного неадекватного мысли законодателя толкования ст. 247 УПК УССР (ст. 233 УПК РСФСР) следовало бы озаглавить „Меры по обеспечению возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, и конфискации имущества”. А в самом тексте нормы УПК УССР слова „гражданского иска” заменить словосочетанием „возмещения материального ущерба, причиненного преступлением”^{*}.

В этой же стадии суд (судья) должен принять меры к разъяснению лицам, понесшим материальный ущерб от преступления, их право предъявить гражданский иск о его возмещении, если он не был предъявлен в ходе предварительного расследования или последнее вообще не проводилось, например при протокольной форме досудебной подготовки материалов. Пленум Верховного Суда УССР в постановлении от 27 июня 1986 г. „О практике применения судами Украинской ССР законодательства о протоколь-

^{*} В УПК РСФСР (ряда других союзных республик) ст. 233 озаглавлена „Меры обеспечения гражданского иска и конфискации имущества”, хотя в самом тексте нормы речь идет об обеспечении возмещения материального ущерба, причиненного преступлением, независимо от формы возмещения. Очевидно, здесь также необходимо привести в соответствие название нормы с ее содержанием.

ной форме досудебной подготовки материалов" [174, 1986, № 10, 82] обязал суды (п. 8) принимать меры к обеспечению возмещения причиненных преступлением убытков. При этом Пленум разъяснил, что лица, предъявившие гражданские иски, должны признаваться гражданскими истцами. Если гражданский иск не был предъявлен, суд в соответствии со ст. 29 УПК УССР при постановлении приговора по собственной инициативе должен решить вопрос о возмещении материального ущерба, если этого требует охрана государственных или общественных интересов, а также в случаях, если имущественный ущерб причинен лицу, которое вследствие беспомощного состояния, зависимости от обвиняемого либо по другим причинам не может защитить свои законные интересы.

Равным образом Пленум Верховного Суда РСФСР постановлением от 24 декабря 1985 г. „О судебной практике рассмотрения уголовных дел с протокольной формой досудебной подготовки материалов" [37, 1986, № 3, 8] обязал суды федерации (п. 11) уведомлять государственные и общественные организации, которым преступлением причинен материальный ущерб, о необходимости предъявления гражданского иска и принимать надлежащие меры по обеспечению возмещения ущерба. В случае, если гражданский иск по делу не заявлен, суд на основании ст. 29 УПК РСФСР при постановлении приговора разрешает вопрос о возмещении материального ущерба.

Разумеется, предпринятая судом деятельность, связанная с возмещением материального ущерба, не исключает деятельности в этом направлении других участников процесса. В первую очередь это относится к подсудимому и его защитнику. В ходе судебного разбирательства дела последние вправе принимать участие в процессе доказывания и по вопросу об имущественных последствиях преступления: представлять доказательства, заявлять ходатайства об их истребовании судом, принимать участие в их исследовании, высказывать свое отношение к характеру и размеру ущерба, причинам его возникновения, а также обжаловать приговор, в том числе и в части решения вопроса о возмещении ущерба. Однако принятие ими участия в доказывании не может рассматриваться как возложение на подсудимого бремена доказывания характера и размера материального ущерба. В рассматриваемой ситуации обязанность по доказыванию этих обстоятельств полностью возлагается на суд.

Решительно нет никаких препятствий к активному участию в исследовании этих вопросов и со стороны государственного обвинителя. Более того, если они возникли после начала судебного следствия, когда прокурор лишен уже возможности предъявить гражданский иск в интересах потерпевших от преступления, он обязан высказать свое мнение об имущественных последствиях преступления и вправе просить суд применить правило о возмещении ущерба по своей инициативе.

Таким образом, активность суда по исследованию характера и размера причиненного преступлением материального ущерба не только не сдерживает, но и, наоборот, предполагает повышение активности со стороны обвиняемого и его защитника, а также государственного обвинителя по доказыванию названного элемента предмета доказывания в уголовном деле.

2. Вопрос о возмещении ущерба может возникнуть в любой момент судебного разбирательства уголовного дела, в том числе и во время вынесения приговора. В отличие от гражданского иска, который может быть предъявлен на всем протяжении уголовного процесса, однако до начала судебного следствия, применение правила о возмещении по инициативе суда никакими сроками не связано. Они истекают с окончанием рассмотрения дела и вынесением приговора. Вместе с тем, вознесенное в ранг конституционного, право обвиняемого на защиту обязывает суд обеспечить его реализацию и в случае возложения имущественной ответственности на подсудимого по инициативе суда. Поэтому, предвидя такую перспективу, председательствующий в судебном заседании наряду с разъяснением подсудимому сущности обвинения (ст. 298 УПК, ч. 3 ст. 278 УПК РСФСР) должен разъяснить ему и положения материального закона, регулирующие имущественные последствия преступления, а также уголовно-процессуальную норму об обязанности (праве) суда взыскать причиненный ущерб по своей инициативе с лица, признанного виновным в совершении преступления, и выяснить у него, признает ли он себя также виновным в причинении материального ущерба и готов ли к его возмещению.

Необходимость разъяснения этих положений подсудимому основывается не только на принципе обеспечения обвиняемому права на защиту (ст. ст. 21 УПК УССР, 19 УПК РСФСР). Она диктуется также принципом всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств дела (ст. ст. 22 УПК УССР, 20 УПК РСФСР), который предполагает активность всех участников процесса в исследовании входящих в предмет доказывания обстоятельств, свободное высказывание суду своих мнений по поводу их доказанности или недоказанности. Даже когда материальный ущерб находит полное подтверждение собранными доказательствами, высказывание подсудимым своего мнения о характере и размере ущерба, о готовности его возместить может иметь решающее значение для применения рассматриваемой формы возмещения. Так, она не может быть реализована и вопрос о возмещении вообще будет снят из обсуждения в процессе, если подсудимый заявит, что материальный ущерб уже устранен кем-либо из солидарных должников или другим лицом или к нему предъявлен иск о возмещении ущерба в порядке гражданского судопроизводства и это найдет подтверждение.

3. УПК УССР (ч. 8 ст. 334), УПК РСФСР (ч. 3 ст. 314) обязывают суд указать в приговоре мотивы применения возмещения материального ущерба по своей инициативе. При этом возникает вопрос: должен ли суд приводить в приговоре мотивы воздержания от возмещения по своей инициативе? Полагаем, на него следует дать положительный ответ лишь для случаев, когда уголовно-процессуальный закон обязывает суд возместить ущерб по собственной инициативе, если гражданский иск не был предъявлен. Конструкция правила о возмещении ущерба по инициативе суда в нем такова, что она лишает возможности оставить этот вопрос без обсуждения в приговоре. Статья 29 УПК УССР, например, обязывает суд в перечисленных ею случаях возложить имущественную ответственность на подсудимого. Следовательно, вынесение решения о возмещении в такой ситуации является обязательным и невыполнение судом этой обязанности должно быть в приговоре надлежащим образом мотивировано. К иному выводу следует прийти, когда отсутствуют законодательные основания для обязательного решения вопроса о возмещении по инициативе суда. Поскольку применение рассматриваемого правила в таких случаях является факультативным, суд не обязан приводить мотивы неиспользования своего права.

4. Обвинительный приговор суда первой инстанции может быть обжалован или опротестован также в части возмещения материального ущерба по инициативе суда. Кассационная жалоба подается осужденным или его защитником и может касаться как оснований применения судом имущественной ответственности по своей инициативе, так и ее объема. В свою очередь, прокурор вправе принести кассационный протест по этому же поводу как в пользу осужденного, так и против нее. При этом возникает вопрос: может ли сам факт воздержания судом от возмещения ущерба по своей инициативе составить основание пересмотра приговора в кассационном порядке?

Полагаем, что ответ на этот вопрос должен быть положительным. Если в установленных уголовно-процессуальным законом случаях суд без достаточных оснований не выполнил лежащей на нем обязанности и не только не применил правила о возмещении ущерба по собственной инициативе, но и не признал за материально потерпевшим лицом права на его возмещение в порядке гражданского судопроизводства, это следует рассматривать как нарушение процессуального закона, подлежащего устранению кассационным судом. Поэтому прокурор в таких случаях вправе принести кассационный протест, а потерпевший — кассационную жалобу, если он хотя и принимал участие в деле, но не предъявил гражданский иск по уважительным причинам. Иной вывод следует сделать в том случае, когда применение возмещения ущерба по своей инициативе составляло не обязанность, но право суда.

5. Рассмотрение судом второй инстанции кассационных протестов и жалоб на приговор в части возмещения ущерба по инициативе суда каких-либо особенностей и трудностей не составляет. Последние возникают лишь тогда, когда кассационный суд установит нарушение процессуального закона, состоящее в том, что суд первой инстанции безмотивно не применил возмещение по своей инициативе, хотя обязан был это сделать.

Уголовно-процессуальные кодексы большинства союзных республик (например, ст. 310 УПК РСФСР) предоставляют суду возможность в исключительных случаях признать за гражданским истцом право на удовлетворение иска с передачей вопроса о его размере на рассмотрение в порядке гражданского судопроизводства. Это правило применимо, когда невозможно произвести подробный расчет о размере причиненного ущерба без отложения судебного заседания и при условии, что размер ущерба не влияет на квалификацию содеянного, назначение наказания и решение других вопросов, возникающих при постановлении приговора.

В порядке исключения и в соответствии с действующим законодательством союзных республик это положение поддерживается и Верховным Судом СССР в его постановлении от 23 марта 1979 г. (п. 1). Такое решение, касающееся гражданского иска в уголовном деле, можно распространить и на возмещение ущерба по инициативе суда. Хотя УПК УССР приведенного положения не предусматривает, оно используется тем не менее в практике судов [84, 306].

Какое решение он должен принять в такой ситуации?

Теоретически мыслится несколько вариантов: а) кассационный суд отменяет приговор в целом и возвращает дело на новое судебное рассмотрение; б) оставляет протест или жалобу без удовлетворения, а приговор в этой части — без изменения на том основании, что потерпевшее лицо не утрачивает право на возмещение и может реализовать его в порядке гражданского судопроизводства; в) принимает решение о возмещении материального ущерба по своей инициативе; г) вносит в приговор суда изменение, состоящее в признании за потерпевшим права на возмещение ущерба с передачей решения вопроса о его размере на рассмотрение гражданского суда.

Из перечисленных вариантов решения поставленного вопроса наиболее приемлемым с практической точки зрения является, по нашему мнению, последний — признание кассационным судом права потерпевшего лица на возмещение ущерба с передачей решения вопроса о его размере в порядке гражданского судопроизводства. При этом мы исходим из следующих соображений. Сама по себе возможность отмены приговора в полном объеме* и возвращения дела на новое судебное рассмотрение для решения вопроса о возмещении причиненного преступлением материального

* Отмена приговора в части возмещения ущерба невозможна, так как суд не принимал решения об этом.

ущерба с формальной точки зрения труднооспорима. Коль скоро законодатель допустил, а в установленных им случаях обязал суды решать вопрос о возмещении ущерба одновременно с рассмотрением и разрешением вопроса об уголовной ответственности, то неустановление размера причиненного ущерба есть все основания рассматривать как неполноту судебного следствия, а невзыскание его с осужденного — как нарушение уголовно-процессуального закона. Причем в зависимости от обстоятельств дела это нарушение можно квалифицировать как существенное. Все это свидетельствует о том, что с такой ситуацией трудно не считаться.

Вместе с тем отмена приговора лишь по рассматриваемому основанию и при условии, что потерпевшее лицо возможности для возмещения причиненного ему ущерба не утрачивает, вошла бы в коллизию с принципом процессуальной экономии времени и средств в решении задач уголовного судопроизводства, что также нежелательно. Именно из этих соображений исходит практика вышестоящих судов, состоящая в том, что в случае неправильного разрешения гражданского иска в уголовном деле они отменяют приговор не в полном объеме, а лишь в части гражданского иска с направлением его для рассмотрения в порядке гражданского судопроизводства [174, 1972, № 8, 108; 1981, № 2, 84; 1983, № 3, 89; 37, 1983, № 3, 10; 1986, № 1, 10]. Все это говорит о нецелесообразности отмены приговора на том лишь основании, что суд не применил правила о возмещении ущерба по своей инициативе.

Вряд ли можно считать приемлемым и третий вариант — принятие кассационным судом решения о возмещении материального ущерба по своей инициативе, так как при этом нарушается принцип запрета поворота к худшему (*reformatio in peius*), которым, несомненно, охватываются также уголовно-процессуальные отношения по возмещению материального ущерба, причиненного преступлением. Правда, вряд ли будет правильным при этом ссылаться на ст. 365 УПК УССР (ст. 340 УПК РСФСР), в которой закрепляется названный уголовно-процессуальный принцип. Правило о недопустимости усиления наказания осужденному или применения к нему закона о более тяжком преступлении кассационной инстанцией непосредственно относится лишь к уголовному наказанию. Решение, обязывающее осужденного возместить причиненный им ущерб, бесспорно, имеет иной характер, нежели определение уголовного наказания. Поэтому здесь уместнее провести аналогию с гражданско-процессуальным законом, лишающим права кассационную либо надзорную инстанцию изменить или вынести новое решение на основании обстоятельств, которые не были обсуждены, проверены и установлены судом первой инстанции. Такое право им предоставлено лишь в случае, когда не требуется собирания или дополнительной проверки доказательств, обстоятельства дела судом первой инстанции установлены полно и правильно, но

допущена ошибка в применении норм материального права (ст. ст. 311, 337 ГПК УССР, 305, 329 ГПК РСФСР), что исключается при решении рассматриваемого вопроса.

Данное положение вытекает также из руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР по уголовным делам. В указанном ранее постановлении от 23 марта 1979 г. „О практике применения судами законодательства о возмещении ущерба, причиненного преступлением” высший судебный орган страны подчеркнул, что кассационный или надзорный суд вправе внести в приговор изменения, касающиеся возмещения материального ущерба, в том числе и увеличить размер взыскания, если по делу не требуется собирания или дополнительной проверки доказательств, обстоятельства дела в части причиненного ущерба установлены судом первой инстанции полно и правильно, но допущена ошибка в применении норм материального права [186, 819]. В данном случае увеличение размера ущерба, взыскиваемого судом, не ухудшает положения осужденного, так как суд подтверждает лишь то, к чему он обязан, и это фактически нашло свое подтверждение в материалах дела.

Иное дело, если суд первой инстанции вообще не рассмотрел вопрос о возмещении причиненного ущерба, хотя к тому были все основания. В такой ситуации применение кассационным судом правила о возмещении ущерба по своей инициативе, несомненно, ухудшит положение осужденного, а кроме того, нарушит его право на защиту, что не может быть принято по принципиальным соображениям.

Именно поэтому судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда УССР своим определением от 26 июля 1983 г. отменила определение судебной коллегии по уголовным делам Хмельницкого областного суда от 10 февраля 1983 г., которая „восполнила” приговор по делу Б., С. и др. о взыскании с них материального ущерба в сумме 3321 руб. 80 коп.

Трудно согласиться и со вторым вариантом решения вопроса, в соответствии с которым кассационный суд оставляет кассационную жалобу или протест без удовлетворения, а приговор без изменения, мотивируя это тем, что потерпевший может обратиться с иском о возмещении ущерба в порядке гражданского судопроизводства. Такое решение не только не исправило бы допущенное судом первой инстанции нарушение процессуального закона, но и, по существу, покрыло бы его.

Приведенные соображения дают основание сделать вывод, что из всех перечисленных вариантов наиболее приемлемым с точки зрения законности и целесообразности было бы принятие кассационным судом решения о признании за потерпевшим права на получение возмещения в размере, установленном гражданским судом.

Это бы гарантировало право потерпевшего на получение возмещения ущерба и устранило нарушение процессуального закона наиболее оптимальным в данной ситуации способом. Его принятие, разумеется, не исключает реагирование кассационной инстанции на допущенное судом нарушение еще и частным определением в адрес последнего.

Так, в деле по обвинению И. военная коллегия Верховного Суда СССР вынесла частное определение на допущенные военным трибуналом Среднеазиатского военного округа нарушения процессуального закона, выразившиеся в том, что суд не принял предусмотренных законом мер к выяснению размера причиненного преступлением ущерба, не разъяснил право потерпевшим на предъявление гражданского иска, а гражданский иск одного из потерпевших оставил без рассмотрения [36, 1982, № 2, 14]. Если бы УПК Казахской ССР предусматривал правило о возмещении ущерба по своей инициативе (а он такого не предусматривает), то, очевидно, судебная коллегия указала бы и на это нарушение.

Изложенное в полной мере распространяется и на пересмотр приговоров в порядке надзора с учетом особенностей, свойственных этой стадии уголовного процесса.

СПЕЦИАЛЬНЫЕ СЛУЧАИ ВОЗМЕЩЕНИЯ УЩЕРБА ПО ИНИЦИАТИВЕ СУДА

Наряду с общей нормой уголовно-процессуального права, обязывающей (предоставляющей право) суд осуществить защиту нарушенных преступлением имущественных прав граждан и юридических лиц в случаях, когда они остались без защиты, процессуальные условия и динамику реализации которой мы рассмотрели, действующее законодательство знает ряд специальных норм, также уполномочивающих суд по своей инициативе взыскивать с осужденных материальный ущерб, находящийся в причинной связи с совершенными ими преступлениями. Такими специальными нормами являются, в частности, ст. 15 Указа Президиума Верховного Совета СССР „Об усилении ответственности за хулиганство” в редакции Указа от 5 июня 1981 г. [40, 1981, № 23, ст. 782], ст. 1 Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 июня 1973 г. „О возмещении средств, затраченных на лечение граждан, потерпевших от преступных действий” [40, 1973, № 27, ст. 348]*, а также нормы уголовно-процессуального закона, регулирующие взыскания судебных издержек по уголовным делам (ст. ст. 91–93 УПК УССР, 105–107 УПК РСФСР).

1. В соответствии со ст. 15 Указа от 5 июня 1981 г. лечение лица, которому с целью пресечения его хулиганских или иных преступ-

* В дальнейшем — соответственно: Указ от 5 июня 1981 г. и Указ от 25 июня 1973 г.

ных действий были причинены телесные повреждения, производится за его счет. Иными словами, если лицу, признанному виновным в совершении хулиганства или другого умышленного преступления, были причинены гражданами или должностными лицами телесные повреждения при пресечении его преступных действий, то с него должна быть взыскана стоимость произведенного лечения.

Равным образом, согласно ст. 1 Указа от 25 июня 1973 г. средства, затраченные государством на стационарное лечение потерпевших от преступных действий граждан, подлежат взысканию в доход государства с лиц, осужденных за эти преступления.

Оба законодательных акта предоставляют суду право разрешить вопрос о взыскании с осужденных указанных средств. При постановлении приговора по собственной инициативе, если гражданский иск не был предъявлен.

Несмотря на различие в субъектах, проходивших курс стационарного лечения в связи с причинением вреда их здоровью (в первом случае сам преступник, во втором — потерпевший от преступления), общее между названными нормами права состоит в том, что они дают суду право по собственной инициативе возложить на осужденного одинаковую по своей природе обязанность — возместить государству стоимость стационарного лечения, необходимость которого возникла в связи с причинением преступлением вреда здоровью. Вместе с тем названные правовые нормы — это разные специальные случаи возмещения ущерба, причиненного в результате совершения преступления [77, 47; 78, 132, 137; 127, 44].

2. Прежде чем охарактеризовать порядок возмещения государству указанных расходов, необходимо выяснить юридическую природу самого обязательства, возлагаемого на осужденных в рассматриваемых случаях. Решение этого вопроса имеет не только доктринальное, но и, что особенно важно, прикладное значение. Дело в том, что приведенные нормы права (особенно ст. 15 Указа от 5 июня 1981 г.) материально-правовые основания и порядок возмещения средств, затраченных на лечение граждан в предусмотренных ими случаях, урегулированы в самом общем виде. Данное обстоятельство обуславливает необходимость в процессе их применения обращаться к соответствующим институтам и нормам материального и процессуального права. Поэтому определение их юридической природы дает возможность выявить не только их отраслевую принадлежность, но и соответствующий правовой институт, нормы которого при необходимости следует использовать.

То, что возмещение затраченных государством средств на лечение в рассматриваемых случаях является гражданско-правовой обязанностью виновных в совершении преступления лиц, сомнений не вызывает. Неясно лишь, является ли данное обязательством из причинения вреда (*obligationes ex delicto*) или здесь мы имеем

дело с особой категорией обязательств, возникающих „вследствие иных действий граждан и организаций” (ст. ст. 4 Основ гражданского законодательства, 4 ГК УССР, 4 ГК РСФСР).

В юридической литературе обе точки зрения имеют своих сторонников. По мнению С. Е. Донцова, Ю. Д. Козлова, Е. С. Никулина, возникшее правоотношение между совершившим преступление и причинившим вред здоровью лицом, с одной стороны, и государством, за счет средств которого производилось лечение, с другой, является не чем иным, как обязательством из причинения вреда [103, 134; 149, 50; 150, 59]. Иная точка зрения была высказана Л. А. Лунцом и М. И. Брагинским. Авторы склонны полагать, что возмещение расходов на лечение в рассматриваемых случаях — особая категория обязательств, возникающих, пользуясь терминологией ст. 4 Основ гражданского законодательства, „вследствие иных действий граждан и организаций” [202, 277]. А. Г. Мазалов, касаясь этого вопроса и отмечая неясность юридической природы рассматриваемого обязательства, не определяет своей позиции по этому поводу [126, 20; 127, 42]. Недостаточно ясности внес также Пленум Верховного Суда СССР в принятом постановлении от 13 декабря 1974 г. „О практике применения судами Указа Президиума Верховного Совета СССР от 25 июня 1973 г. „О возмещении средств, затраченных на лечение граждан, потерпевших от преступных действий” [36, 1975, № 1, 7].

Действительно, обязательства по возмещению расходов, произведенных государством на лечение как самого преступника (когда вред его здоровью причинен при задержании и пресечении преступных действий и оказании сопротивления), так и потерпевших от умышленного преступления, имеют свою специфику. Она проявляется прежде всего в том, что эти обязательства — исключение из закрепленного в Конституции СССР (ст. 42), Основных законодательства о здравоохранении Союза ССР и союзных республик (ст. 3) и республиканских Законах об охране здоровья принципа бесплатности в нашей стране медицинской помощи, оказываемой государственными учреждениями здравоохранения. Однако бесплатное оказание медицинской помощи вовсе не означает, что она ничего не стоит. Расходы на содержание органов здравоохранения, лечение больных и их содержание в стационарных условиях составляют часть национального дохода, создаваемого трудящимися, и было бы непозволительной роскошью, чтобы государство полностью брало на себя бремя расходов, причиной которых стали умышленные преступные действия. В таких случаях вполне справедливо возложить на преступника обязанность возместить государству произведенные им расходы на лечение, что имеет к тому же довольно существенное превентивно-воспитательное значение в борьбе с умышленными преступлениями, направленными в первую очередь против жизни и здоровья граждан.

3. Рассматриваемые обязательства имеют свои особенности и в основаниях их возникновения: характере противоправности предоступного действия (совершения преступления), форме вины (умысел), субъекте ответственности (осужденный), а также исчислении размера подлежащего возмещению ущерба. Однако, несмотря на это, их все же нужно считать одним из видов гражданско-правовых обязательств из причинения вреда. Для их возникновения, как и любых деликтных обязательств, необходим полный состав гражданского правонарушения, т. е. наличие: действительно-го ущерба, составляющего расходы на лечение и содержание травмированных преступника и его жертвы; причинной связи между преступными действиями и возникшим ущербом; противоправности в действиях осужденных и их вины в совершении преступления. То обстоятельство, что некоторые из этих структурных элементов состава правонарушения имеют определенные в названных специальных законах особенности, не влияет на правовую природу возникающих на их основе обязательств, как обязательств из причинения вреда. Именно о такой природе рассматриваемых обязательств свидетельствует и то обстоятельство, что гражданские кодексы некоторых союзных республик (например, ст. 498 ГК Литовской ССР) ввели аналогичную по содержанию ст. 1 Указа от 25 июня 1973 г. норму в главу „Обязательства, возникающие вследствие причинения вреда”. Распространив общую норму обязательств из причинения вреда (ч. 2 ст. 93 Основ гражданского законодательства, ст. ст. 451 ГК УССР, 458 ГК РСФСР) о праве суда уменьшать размер взыскания при наличии указанных в ней условий на обязательства по возмещению затраченных на лечение средств, Пленум Верховного суда также косвенно подтвердил именно такую их природу.

Таким образом, законодательная и правоприменительная практика считает рассматриваемые обязательства одним из видов обязательств, возникающих из причинения вреда.

4. Как уже отмечалось, особенностью обязательств по возмещению средств, затраченных государством на лечение потерпевших от преступления, является то, что они возникают лишь при наличии умышленной вины правонарушителя в совершении преступления, а следовательно, и причинении телесных повреждений потерпевшему. При этом вина должна быть установлена обвинительным приговором суда, хотя бы он и не назначил наказания, освободил осужденного от него либо применил условное осуждение или предоставил отсрочку исполнения наказания. Другие процессуальные акты, которыми устанавливается вина лица в совершении преступления, не могут приниматься во внимание при решении этого вопроса.

Названные нормы права не распространяются на осужденных за неосторожные преступления. На это обратил внимание судов

также Пленум Верховного Суда СССР в упомянутом ранее постановлении (п. 3). Приговоры, вынесенные с отступлением от этого требования, в части возмещения ущерба признаются незаконными и необоснованными и с неизбежностью отменяются.

Так, приговором народного суда К. был осужден по ч. 1 ст. 215 УК УССР (нарушение правил безопасности движения и эксплуатации транспорта лицами, управляющими транспортными средствами). В возмещение ущерба, причиненного государству в виде расходов на лечение потерпевшего в больнице, суд взыскал с него 496 руб. Президиум Киевского городского суда приговор в части взыскания с осужденного названной суммы отменил, правильно указав в своем постановлении, что Указ от 25 июня 1973 г. не может применяться к лицам, осужденным за неосторожные преступления, в частности предусмотренные ст. 215 УК УССР [см. также: 37, 1974, № 7, 13; 84, 301].

Возмещение затраченных на лечение средств имеет и некоторые другие особенности. Они касаются и субъекта данной обязанности. Им согласно ст. 1 Указа от 25 июня 1973 г. является только осужденный за умышленное преступление. В связи с имеющимися колебаниями по этому вопросу в судебной практике [211, 71] Пленум Верховного Суда СССР в названном ранее постановлении разъяснил, что недопустимо возлагать возмещение затраченных на лечение потерпевших средств на иных, кроме осужденного, лиц, в частности родителей, опекунов и попечителей несовершеннолетних осужденных; учебные, воспитательные или лечебные заведения, под надзором которых состоял несовершеннолетний в момент совершения преступления; организации — владельцы источников повышенной опасности и т. п. Иными словами, привлечение гражданского ответчика в процесс для возложения на него обязанности возместить затраченные на лечение потерпевших средства недопустимо. Не может также возлагаться эта обязанность на осужденных, не достигших 15-летнего возраста (п. 5). В последнем случае рассматриваемый вид вреда остается невозмещенным.

Имеются определенные особенности также в характере подлежащего возмещению ущерба и порядке его исчисления. На основании Указа от 25 июня 1973 г. возмещению подлежат средства, затраченные на лечение потерпевшего в стационарных условиях (больнице, госпитале, диспансере, ином стационарном лечебно-профилактическом учреждении). Пленум разъяснил, что расходы на поликлиническое лечение и по оказанию потерпевшему скорой или неотложной медицинской помощи на дому взысканию не подлежат (п. 5).

Размер возмещения исчисляется судом, исходя из утвержденной постановлением Совета Министров СССР от 31 августа 1973 г. „Об установлении ставки для исчисления средств, затраченных на стационарное лечение граждан, потерпевших от преступных действий“ [197, 1973, № 20, ст. 111] твердой ставки стоимости содержания и лечения больных в стационарных условиях — 8 руб. за сутки.

При этом дни госпитализации и выписки потерпевшего из лечебного учреждения следует считать, как разъяснил Пленум Верховного Суда, полными сутками.

5. Немаловажное практическое значение имеет вопрос о том, в каком объеме необходимо взыскивать расходы на лечение самих осужденных в соответствии со ст. 15 Указа от 5 июня 1981 г. До принятия Указа от 25 июня 1973 г. и упомянутого постановления Совета Министров СССР судебная практика исходила из количества дней лечения, стоимости койко-дня пребывания в конкретном лечебном заведении, стоимости использованных медикаментов и т. п. [211, 1968, № 2, 44]. С принятием Указа от 25 июня 1973 г. и названного постановления Совета Министров СССР есть все основания распространить утвержденную им ставку (8 руб.) и на случаи применения Указа „Об усилении ответственности за хулиганство“ [103, 136; 78, 137; 150, 59]. При этом следует исходить из того, что обязанность по возмещению расходов на лечение, предусмотренная обоими нормативными актами, по своей природе едина и стоимость лечения не может измениться в зависимости от того, кто лечится — сам преступник или потерпевший от его преступления. С точки зрения медицины они оба являются больными и затраты на их содержание и лечение в условиях стационара одинаковы, а следовательно, исчисление их стоимости также должно быть единым.

Определенные колебания испытывает судебная практика и в решении вопроса о том, взыскиваются ли с осужденного затраты, произведенные государством на лечение потерпевшего в случае, когда наступает смертельный исход, т. е. когда, несмотря на принятые меры медицинского характера, сохранить жизнь потерпевшему не удалось. Некоторые суды взыскивают в таких случаях с осужденного стоимость лечения, другие — воздерживаются. Полагаем, что произведенные на лечение потерпевшего затраты подлежат взысканию с осужденного независимо от исхода лечения и Указ от 25 июня 1973 г. никаких ограничений на этот счет не содержит.

6. Возмещение причиненного государству ущерба в виде произведенных им затрат на лечение осуществляется по иску прокурора или финансового органа, представляющего государственную казну.

В тех немногочисленных случаях, когда нарушаются имущественные интересы непосредственно государства (государственной казны), требования (иски) о их защите по общему правилу заявляют органы Министерства финансов СССР, занимающие положение стороны в процессе. Свообразие их участия в процессе с целью защиты интересов государства состоит в том, что они действуют не только от своего имени, но и от имени государства. Но их процессуальное положение независимо от процессуальной формы производства регулируется общими нормами процессуального права и каких-либо особенностей на имеет. Более подробно об участии этих органов в судопроизводстве см.: [43, 129].

Если такой иск не был предъявлен, суд по своей инициативе на основании материалов уголовного дела при постановлении обвинительного приговора взыскивает указанные затраты с осужденного (ч. 2 ст. 1 Указа от 25 июня 1973 г.). Пленум Верховного Суда СССР обратил внимание судов в названном постановлении (п. 1) на необходимость неуклонного выполнения указанного требования закона. Однако для решения этого вопроса одновременно с постановлением приговора суд должен иметь в своем распоряжении необходимые доказательства произведенных расходов на лечение, в частности справку лечебного учреждения о причинах и времени пребывания потерпевшего на стационарном лечении. Поэтому судья (или суд) при решении вопроса о предании обвиняемого суду обязан проверить наличие в материалах дела такого документа. В случае его отсутствия он вправе истребовать его от органов предварительного расследования либо непосредственно из лечебного учреждения.

Не исключена ситуация, когда к моменту рассмотрения уголовного дела в суде и постановления в нем Приговора стационарное лечение потерпевшего еще не закончено. Тогда подлежат взысканию с осужденного средства, затраченные на лечение по день постановления приговора, а средства, затраченные на последующее лечение, подлежат взысканию по иску прокурора или финансового органа в порядке гражданского судопроизводства.

На взыскание с осужденных средств, затраченных государством на лечение как их самих, так и потерпевших от преступления, распространяет свое действие общая норма, регулирующая обязательства из причинения вреда, предусматривающая возможность уменьшения размера взыскания в сравнении с действительно причиненным ущербом, если к тому имеются предусмотренные ею основания (ч. 2 ст. 93 Основ, ст. ст. 454 ГК УССР, 458 ГК РСФСР). Данное обстоятельство Пленум Верховного Суда СССР нашел необходимым специально подчеркнуть, обязав при этом суды указывать в приговоре мотивы, которыми они руководствовались (п. 8). Однако из предусмотренных законом оснований к уменьшению размера взыскания в данном случае можно применить лишь учет имущественного положения причинителя ущерба — осужденного. Грубая неосторожность потерпевшего, способствовавшая возникновению или увеличению вреда здесь не может быть принята во внимание, поскольку Указ от 25 июня 1973 г. предусматривает имущественную ответственность причинителя вреда за умышленные преступления. Недопустимо также полное освобождение осужденного от обязанности по возмещению расходов на лечение.

7. Значительный практический интерес представляет правовая ситуация, при которой вред здоровью потерпевшего был причинен действиями нескольких лиц, одни из которых осуждены, а в отношении других уголовные дела в предусмотренном уголов-

но-процессуальном порядке производством прекращены. В точном соответствии с Указом от 25 июня 1973 г. расходы на лечение в таком случае должны быть взысканы в полном объеме только с осужденных, причем каждый из них несет солидарную ответственность (ст. ст. 452 ГК УССР, 455 ГК РСФСР). Однако приобретают ли последние после исполнения ими обязанности по возмещению средств, затраченных государством на лечение потерпевших, право регрессного требования к неосужденным причинителям вреда о возмещении им части расходов? В юридической литературе на этот вопрос дается отрицательный ответ [78, 136]. С таким мнением следует согласиться. Как известно, основным условием реализации регрессных требований является исполнение обязанности по возмещению ущерба одним лицом за другого — непосредственного причинителя (ст. ст. 453, 454 ГК УССР, 456, 463 ГК РСФСР). Указом от 25 июня 1973 г. обязанность по возмещению затраченных на лечение средств возлагается на осужденного, который несет ее не за чужие, а за свои собственные действия. У неосужденного соучастника преступления такой обязанности не возникает, а следовательно, нет оснований для привлечения его к имущественной ответственности и в порядке регресса.

8. Возложение на осужденных обязанности возместить гражданину или юридическому лицу причиненный преступлением материальный ущерб не влияет на взыскание с них средств, затраченных государством на лечение. При этом может возникнуть вопрос об очередности их решения в приговоре, а затем и исполнения. Исходя из предусмотренного гражданско-процессуальным законом порядка и очередности имущественных взысканий во исполнение решений суда (ст. ст. 374 ГПК УССР, 419—423 ГПК РСФСР), порядок и очередность принятия решения об имущественных взысканиях с осужденных и гражданских ответчиков в приговоре представляется следующим: в первую очередь суд решает вопрос о возмещении ущерба, причиненного увечьем или иным повреждением здоровья потерпевшего или потерей кормильца. Если такого ущерба нет, решается вопрос о возмещении ущерба, причиненного имуществу гражданина или юридических лиц. Лишь после этого суд принимает решение о возмещении осужденными средств, затраченных государством на лечение потерпевших и самих осужденных. При этом средства подлежат взысканию в пользу государственного бюджета, но не учреждения, осуществлявшего их лечение.

9. Уголовно-процессуальная деятельность, как и всякая иная государственная деятельность, требует немалых материальных затрат. Большая часть из них связана с затратами на оплату труда работников следственных и судебных органов, канцелярские и почтовые расходы, понесенные в связи с производством по уголовному делу, затраты на производство судебных экспертиз в государственных экспертных учреждениях и т. п. Все эти расходы

государство принимает на себя. Однако часть из них, непосредственно понесенных ведущими уголовный процесс органами, взыскивается с лиц, признанных виновными в совершении преступлений либо с родителей или опекунов в случае, если преступление совершено лицом, не достигшим 18 лет. Часть материальных (денежных) расходов, понесенных органами предварительного расследования и судом и подлежащих возмещению осужденным, составляет судебные издержки по уголовному делу. Следовательно, судебные издержки — правовое понятие, содержание которого определяется уголовно-процессуальным законом. Отнесение к ним иных расходов, им не предусмотренных, недопустимо. Институт судебных издержек обусловлен необходимостью перераспределения части расходов, связанных с уголовным судопроизводством, и взыскание их с осужденного, безусловно, имеет четко выраженное превентивно-воспитательное значение.

Уголовно-процессуальный закон в судебные издержки, подлежащие взысканию с осужденного по собственной инициативе суда, включает денежные суммы:

выданные или подлежащие выдаче свидетелям, потерпевшим, экспертам, специалистам и понятым;

израсходованные на хранение, пересылку и исследование вещественных доказательств;

иных расходов, понесенных органами дознания, предварительного следствия и судом при производстве по делу.

Для уяснения сущности каждого из перечисленных видов судебных издержек требуется анализ соответствующих норм уголовно-процессуального закона (ст. ст. 91–93 УПК УССР, 105–107 УПК РСФСР), Инструкции о порядке и размерах возмещения расходов и выплаты вознаграждения свидетелям, потерпевшим, экспертам, переводчикам и понятым в связи с вызовом к лицу, производящему дознание, следователю, прокурору или в суд, утвержденной постановлениями Советов Министров союзных республик (СП РСФСР, 1965, № 7, ст. 31; ЗП УССР, 1965, № 1, ст. 5), постановления Пленума Верховного Суда СССР от 18 марта 1963 г. с последующими изменениями „Об устранении недостатков в практике взыскания судебных расходов по гражданским делам и судебных издержек по уголовным делам” [186, 46], а также постановлений пленумов верховных судов союзных республик, посвященных практике применения законодательства о взыскании судебных издержек по уголовным делам [187, 255].

По смыслу ст. ст. 91, 92, 93 УПК УССР (ст. ст. 105, 106, 107 УПК РСФСР) первый вид судебных издержек, подлежащих взысканию с осужденного, охватывает средства, выданные или подлежащие выдаче ведущими уголовный процесс органами свидетелям, потерпевшим, экспертам, специалистам и понятым в возмещение понесенных ими расходов, связанных с их явкой по вызовам для

дачи показаний, заключений, участия в следственных и судебных действиях. К расходам по явке названных лиц указанная Инструкция относит: а) проезд к месту проведения следственного или судебного действия и обратно; б) наем жилого помещения в месте проведения названного процессуального действия; суточные (расходы на питание и другие необходимые нужды в пути следования и местах проведения процессуальных действий). Пленум Верховного Суда СССР в упомянутом ранее постановлении, разъясняя, какие виды расходов составляют судебные издержки, суточных среди них не называет. Между тем включение последних в судебные издержки не вызывает сомнений, так как природа этих расходов перечисленных лиц та же, что и затраты на их проезд и наем жилого помещения.

К первому виду судебных издержек относятся также и выплаты, произведенные ведущими уголовный процесс органами свидетелям, потерпевшим и понятым, не являющимся рабочими, служащими или военнослужащими, за отвлечение их от своих занятий. Речь идет о пенсионерах, домохозяйках, членах кооперативов и т. п. К ним относятся также выплаты экспертам и специалистам за работу, выполненную ими по поручению ведущего уголовный процесс органа, которая не входит в круг их служебных обязанностей*.

Второй вид судебных издержек, подлежащих взысканию с осужденного, включает расходы ведущих уголовный процесс органов (государства), связанные с хранением, пересылкой, исследованием вещественных доказательств. Обычно вещественные доказательства по уголовному делу хранятся при нем, а громоздкие предметы — в камерах хранения органов дознания, предварительного следствия и суда. В таком случае расходы на хранение не определяются и взысканию с осужденных не подлежат. Если же хранение вещественных доказательств в таких камерах не представляется возможным, они должны быть переданы для хранения соответствующим предприятиям, учреждениям или организациям. Например, если вещественным доказательством является рабочий или домашний скот, иное имущество, требующее специального ухода, которое нельзя возратить потерпевшим лицам до разрешения дела по существу, оно передается на хранение соответствующим организациям. Расходы, связанные с содержанием таких вещественных доказательств, возмещаются ведущими уголовный процесс органами и подлежат включению в судебные издержки.

* Выплаты, произведенные переводчику, осуществляющему перевод не в порядке исполнения своих служебных обязанностей, по действующему уголовно-процессуальному закону взысканию с осужденного не подлежат.

Нередко имеющиеся в деле вещественные доказательства пересылаются (перевозятся) от одного органа, ведущего производство по делу, к другому, направляются для исследования в экспертные учреждения, пересылаются для возвращения их законным владельцам и т. п. В отличие от других почтовых и канцелярских расходов, связанных с уголовным судопроизводством, расходы на пересылку (перевозку) вещественных доказательств включаются в судебные издержки, подлежащие взысканию с осужденного. В этот вид судебных издержек включаются также затраты на исследование вещественных доказательств, в том числе и в экспертных учреждениях.

Третий вид судебных издержек составляют все „иные расходы, понесенные при производстве по данному делу“. При этом уголовно-процессуальное законодательство не раскрывает, какие виды судебных издержек относятся к иным. Пленум Верховного Суда СССР указал лишь за один вид таких расходов — расходы, понесенные при производстве судебно-следственных экспериментов [186, 50]. Пленум Верховного Суда РСФСР дал более детальное разъяснение, какие расходы относятся к иным: расходы органов дознания, следствия и суда, понесенные при производстве по делу, непосредственно связанные с собиранием и исследованием доказательств виновности подсудимого и не перечисленные в пп. 1 и 2 ст. 105 УПК РСФСР — возмещение стоимости вещей, подвергшихся порче или уничтожению при производстве экспериментов или экспертиз; затраты на возмещение расходов лицам, предъявляемым для опознания (кроме обвиняемых) и т. п. [187, 257].

Как видим, высшие судебные инстанции также не дают исчерпывающего перечня иных расходов. К ним, по всей видимости, необходимо отнести и расходы по эксплуатации имущества и оборудования организаций в ходе проведения следственных действий, оплату работ по эксгумации трупа. Однако дать исчерпывающий перечень расходов этого вида достаточно сложно, да и вряд ли в этом есть необходимость. Следует определить признаки, свойства, по которым можно относить произведенные ведущими уголовный процесс органами расходы к иным, включаемым в судебные издержки. Полагаем, что основными признаками этих расходов будут такие: а) непосредственная связь с собиранием и исследованием доказательств виновности осужденного; б) обоснованность (реальная необходимость) их проведения; в) отсутствие признаков, дающих возможность зачислить их в первые два вида судебных издержек.

С учетом указанных признаков нетрудно определить, какие расходы, понесенные при производстве по уголовному делу, включаемые в судебные издержки и подлежащие (могущие быть) взысканию с осужденного, относятся к иным.

10. Судебные издержки могут быть возложены приговором на осужденного либо приняты на счет государства. Последнее в обязательном порядке имеет место в случаях, когда уголовное дело прекращается или выносится оправдательный приговор либо когда приговор выносится хотя и обвинительный, однако суд принимает решение отнести судебные издержки на счет государства ввиду несостоятельности лица, с которого они должны быть взысканы (осужденного, его родителей или опекунов). При этом несостоятельным может быть признано лицо, не получающее доходов и не имеющее имущества, на которое может быть обращено взыскание.

Что касается взыскания судебных издержек при признании подсудимого виновным в совершении преступления с назначением наказания, то уголовно-процессуальное законодательство союзных республик по-разному урегулировало этот вопрос. Статья 93 УПК УССР и соответствующие нормы УПК ряда других союзных республик (ст. ст. 107 УПК ГССР, 94 УПК ЛатвССР) возлагает на суд обязанность взыскать судебные издержки с подсудимых. По-иному этот вопрос урегулирован в уголовно-процессуальном законодательстве РСФСР и ряде других союзных республик. Согласно ч. 2 ст. 107 УПК РСФСР (ст. ст. 104 УПК БССР, 123 УПК ЛитССР, 87 УПК МССР) в случае признания подсудимого виновным суд *вправе* взыскать с него судебные издержки.

Таким образом, взыскание судебных издержек с виновных в совершении преступления лиц по действующему уголовно-процессуальному законодательству союзных республик урегулировано по-разному: в одних оно составляет обязанность суда, в других — его право. С нашей точки зрения, позиция законодателя союзных республик, уголовно-процессуальный закон которых обязывает суд взыскать по своей инициативе судебные издержки с подсудимых, признанных виновными в совершении преступления и которым назначено уголовное наказание, является предпочтительной. Возложение на виновных лиц обязанности возместить государству понесенные им расходы в виде судебных издержек — одна из дополнительных форм предупредительно-воспитательного воздействия и вряд ли есть основание не учитывать это.

В то же время есть смысл сохранить действующее правило в УПК всех союзных республик, согласно которому суду предоставляется право возложить на подсудимого судебные издержки в случае, когда он признается судом виновным, однако освобождается от наказания. Освобождение осужденного от наказания свидетельствует о незначительной общественной опасности как его личности, так и содеянного им. Поэтому взыскание с него судебных издержек на факультативных началах будет вполне оправданным. В каждом конкретном случае суд должен решить этот вопрос по своему усмотрению, исходя из интересов как государства, так и осужденного.

Согласно ч. 4 ст. 93 УПК УССР при прекращении дела частного обвинения за примирением потерпевшего с обвиняемым суду предоставляется право возложить судебные издержки на одного из них или на обоих. Полагаем, что по делам этой категории суду следует предоставить право возложить издержки полностью или частично на лицо, по жалобе которого было начато производство по делу, если подсудимый был оправдан.

Одной из наиболее распространенных ошибок судебной практики при применении законодательства о взыскании судебных издержек является взыскание их в солидарном порядке, если подсудимых несколько. Между тем такая практика лишена легального основания. Если по делу признаны виновными несколько подсудимых, суд должен определить, в каком размере возлагаются издержки на каждого из них, учитывая при этом степень вины и имущественное положение каждого из осужденных, т. е. в долевом порядке.

Кроме того, при решении вопроса о распределении судебных издержек по делу о нескольких осужденных судам необходимо иметь в виду, что с каждого из осужденных могут быть взысканы лишь те судебные издержки, которые были понесены в связи с расследованием и судебным рассмотрением вопросов, относящихся к преступлениям, в совершении которых осужденный принимал участие. Равным образом, оправдание подсудимого по одному из предъявленных обвинений, не связанному с другим, должно влечь освобождение его от возмещения судебных издержек по этому эпизоду обвинения [36, 1970, № 3, 31].

Для того чтобы суд имел возможность вынести правильное решение о возмещении государству судебных издержек, лица, проводящие дознание, и следователь должны отразить все произведенные расходы, включаемые в судебные издержки, в соответствующей справке (о виде и размере судебных издержек), которая прилагается к обвинительному заключению (п. 4 ст. 224 УПК УССР, ст. 206 УПК РСФСР). Если это требование закона органами предварительного следствия и дознания не выполняется, то при поступлении дела в суд судья обязан потребовать от них такую справку [186, 50]. Издержки, произведенные судом, также отражаются в соответствующей справке, выдаваемой секретарем суда и прилагаемой к уголовному делу.

В отличие от возмещения государству расходов, произведенных на лечение потерпевших от преступления лиц, возмещение судебных издержек может быть осуществлено судом в порядке разрешения вопросов, связанных с приведением приговора в исполнение (ст. ст. 409 УПК УССР, 368 УПК РСФСР), если о них не было принято решения в приговоре.

СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕСТИТУЦИИ

Одним из способов защиты нарушенных преступлением имущественных прав потерпевших лиц, используемых в уголовном процессе, является возвращение им имущества (денег, ценностей, иных вещей), противоправно отчужденного посредством совершения преступления. В уголовно-процессуальной доктрине этот способ именуется чаще всего уголовно-правовой [87, 28; 127, 20], реже — уголовно-процессуальной [11, 24] реституцией. Этимология латинского термина „реституция” (от *restituo* — восстанавливаю) состоит в восстановлении нарушенного кем-либо состояния в его первоначальном положении. Традиционно этот термин используется в гражданском праве и означает возвращение сторон в признанной недействительной сделке в первоначальное состояние. Причем в зависимости от того, возвращаются ли в первоначальное состояние обе стороны или лишь одна из них, различают двухстороннюю и одностороннюю реституцию. Реже этот термин используется в международном праве. Здесь им обозначается возвращение одним государством другому имущества, противоправно захваченного им во время войны.

Использование этого термина в уголовном процессе для обозначения возвращения вещественных доказательств — объектов преступного посягательства их законным владельцам и тем самым восстановления их имущественного положения, нарушенного преступлением, допустимо и вполне оправдано. Этимологическое значение его при этом не меняется. Однако именовать его следует уголовно-правовой, а не уголовно-процессуальной реституцией. При этом мы исходим из следующих соображений. Нарушение имущественного положения потерпевших лиц осуществляется посредством действий, преследуемых уголовным законом. Само восстановление этого положения имеет место в производстве по уголовному делу. Следовательно, прилагательные „уголовно-правовая”, „гражданско-правовая” несут ту смысловую нагрузку, что они сообщают, в какой сфере регулируемых определенной отраслью материального права отношений осуществляется это восстановление. При этом не столь важно, какая процессуальная форма при этом используется.

Уголовно-правовая реституция имеет определенную и весьма ограниченную сферу применения. Ее предметом могут быть только вещественные доказательства, и лишь те из них, которые стали объектом преступного посягательства при различных способах

хищения государственного, общественного и личного граждан имущества, самоуправстве и присвоении найденного или случайно оказавшегося у виновного государственного или общественного имущества. Однако это обстоятельство не может умалить ее значения в защите имущественных прав потерпевших от преступления лиц. Такие свойства реституции, как натурность и, как правило, быстрота восстановления имущественного положения, выгодно отличают ее от возмещения убытков, причиненных преступлением.

Свое непосредственное закрепление и регулирование уголовно-правовая реституция получила в нормах уголовно-процессуального права (ст. ст. 79, 80, 81, 330 УПК УССР; ст. ст. 85, 86, п. 2 ст. 317 УПК РСФСР). Ряд вопросов, связанных с ее реализацией, конкретизируется в иных, в том числе и ведомственных, нормативных актах. Вместе с тем поскольку речь идет о защите имущественных прав потерпевших лиц, о возвращении им имущества (объектов преступного посягательства) как собственникам (законным владельцам), то, естественно, обращение к соответствующим нормам гражданского материального права, регулирующим право собственности и его защиту от нарушений, и их применение — объективная необходимость реализации уголовно-правовой реституции.

1. В настоящее время в уголовно-процессуальной доктрине еще нет устоявшегося понятия реституции, что объясняется в первую очередь недостаточным вниманием к этому уголовно-процессуальному институту. Так, А. Г. Мазалов определяет ее как „возвращение вещей законным владельцам” [127, 20]. Безусловно, такое определение является слишком общим, поскольку не содержит указания на признаки, свойственные этому уголовно-процессуальному явлению. Более удачно определение, предложенное З. З. Зинатуллиным. По его мнению, „под уголовно-правовой реституцией следовало бы понимать восстановление материального положения потерпевшего путем возвращения ему вещей или иных материальных ценностей, непосредственно утраченных в результате преступления” [87, 29]. В данном определении автор удачно, по нашему мнению, оттенил причинную связь между совершенным преступлением и его вредными последствиями, а также натуральный характер их устранения. Между тем им упущено указание на такой неотъемлемый признак уголовно-правовой реституции, как возвращение потерпевшим утраченного в результате совершения преступления имущества по инициативе ведущих уголовный процесс органов и непосредственно ими. Кроме того, в нем не нашло отражение то обстоятельство, что возвращаемое имущество является вещественным источником доказательств в уголовном деле. С учетом этого уголовно-правовую реституцию можно определить как восстановление нарушенного преступлением имущественного положения потерпевших лиц посредством возвращения им непра-

вомерно отчужденного имущества — вещественных доказательств, обнаруженных и изъятых либо принятых от других лиц органами, ведущими уголовный процесс.

Реституцию вещественных доказательств (объектов преступных посягательств) их законным владельцам иногда считают одной из форм возмещения причиненного преступлением материального ущерба [143, 64; 48, 31; 87, 27; 50, 110; 169, 21]. С этим, однако, согласиться нельзя. Она является не способом (формой) возмещения материального ущерба, а одной из уголовно-процессуальных мер защиты имущественных прав потерпевших от преступления лиц. Если кто-либо, например, уничтожает чужое имущество либо, противозаконно им завладевая, пускает его в оборот и обнаружить его не удается, то правоотношение собственности прекращает свое существование. На его основе возникает новое правоотношение — обязательственное, в силу которого причинитель вреда будет обязан возместить ущерб, причиненный им бывшему собственнику (законному владельцу) потерей имущества. Это правоотношение попадает уже в сферу действия не норм о праве собственности, а норм обязательственного права.

Следовательно, возмещение ущерба имеет место в случае, когда он причинен, т. е. когда уменьшился состав имущества. Но если последнее есть в натуре, не повреждено и его законный владелец имеет возможность получить его обратно, то субъективное право собственника (владельца) на это имущество не утрачивается и говорить о причинении имущественного ущерба в таком случае было бы неправильно. Возмещение вреда предполагает не возврат утраченного имущества, а возмещение причиненных убытков либо передачу потерпевшим лицам имущества того же рода и качества взамен уничтоженного, испорченного либо пущенного в оборот и неизвестно где находящегося (ст. ст. 453 ГК УССР, 457 ГК РСФСР).

Уголовно-правовая реституция является наиболее простым способом защиты нарушенного имущественного права потерпевших лиц. С ее помощью законодатель рассчитывает наиболее оперативно восстановить имущественное *status quo*, в котором они находились до совершения преступления. Одновременно с этим достигается и иной положительный эффект: преступник лишается возможности воспользоваться плодами своей преступной деятельности, а противоправно отчужденное им имущество не уходит в гражданский оборот, образуя тем самым цепочку дефектных гражданско-правовых сделок и порождая многочисленные охранительные правоотношения. Однако, и это следует особо подчеркнуть, непосредственной задачей деятельности ведущих уголовный процесс органов, связанной с обнаружением объектов преступного посягательства, их приобщением к уголовному делу в качестве вещественного доказательства, а затем и возвращением их за-

конным владельцам, является восстановление правопорядка, нарушенного преступлением. Поэтому уголовно-правовая реституция выполняет прежде всего восстановительную функцию, сущность которой сводится к возобновлению имущественного положения, существовавшего до совершения преступления. При этом, восстанавливая правопорядок и защищая общественный (публичный) интерес, реституция является одновременно и наиболее эффективным способом защиты субъективных имущественных прав потерпевших от преступления лиц.

Реституцию вещественных доказательств — объектов преступной деятельности нельзя отождествлять с виндикацией имущества, т. е. истребованием его из чужого незаконного владения. Это качественно различные способы защиты права собственности (имущественных прав), имеющие свое правовое основание, которые, преследуя общую цель, достигают ее различными процессуальными средствами. Между тем вольные или невольные попытки их отождествления все же можно встретить в юридической литературе. Так, А. Л. Цветинович отмечает: „Исключение общей конфискации из системы наказаний должно сопровождаться более четкой регламентацией в уголовном и уголовно-процессуальном законе специальной конфискации, а также *применяемого в уголовном процессе гражданско-правового порядка виндикации имущества, оказавшегося во владении виновного в результате преступления* (курсив мой. — В. Н.), и возмещения вреда, причиненного преступлением” [241, 44].

В приведенном положении довольно четко просматривается отождествление уголовно-правовой реституции с виндикацией имущества, оказавшегося в незаконном владении иных лиц. Между тем действующее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает возможности предъявления и разрешения в уголовном деле виндикационных исков, посредством которых защищается абсолютное право собственности на индивидуально-определенное имущество, выбывшее из законного владения в результате совершения правонарушения (ст. ст. 144, 150 ГК УССР, 151, 157 ГК РСФСР). Более того, обнаружение (выдача) и приобщение к уголовному делу в качестве вещественного источника доказательства имущества, изъятого в результате совершения преступления, вообще лишает смысла предъявление виндикационного иска, поскольку нарушитель права собственности (законного владения) уже не обладает названным имуществом, а оно находится на легальных основаниях в распоряжении ведущего уголовный процесс органа. При этом между ним и потерпевшим не возникает гражданского охранительного правоотношения, как это имеет место при виндикации имущества. Ведущий уголовный процесс орган, обладая властными полномочиями, *ex officio* возвращает потерпевшему вещественные доказательства — объекты преступного

посягательства и, восстанавливая прежнее положение, тем самым осуществляет защиту его имущественных прав непосредственно на основании предписаний уголовно-процессуального закона.

Безусловно, было бы ошибкой полагать, что реституция, имея собственное нормативное основание, находится вне связи с нормами гражданского права, регулирующего право собственности и его защиту. Последние имеют общее и универсальное значение для отношений собственности и их защиты независимо от характера противоправных деяний, которыми эти отношения нарушены, субъектов, осуществляющих защиту, и порядка ее реализации. В этом плане они составляют общую правовую основу и для реституции объектов преступного посягательства — вещественных доказательств.

Однако реституция в уголовном процессе имеет дело не просто с вещами как объектами права собственности (законного владения), но с объектами, выполняющими в уголовном процессе определенную — доказательственную — функцию. А это предполагает необходимость подчинить их специальному режиму и, следовательно, специфическому правовому регулированию. Поэтому непосредственной нормативной основой уголовно-правовой реституции выступают не названные нормы гражданского права, но уголовно-процессуальные нормы, регулирующие хранение и определение судьбы вещественных доказательств — объектов права собственности или законного владения.

Таким образом, несмотря на внешнее сходство, виндикация имущества и уголовно-правовая реституция вещей — объектов преступного посягательства имеют различную юридическую природу и нормативное основание.

Общее между виндикацией имущества и уголовно-правовой реституцией то, что оба эти способа служат одной цели — защите нарушенного имущественного права потерпевшего лица. Но вместе с тем они глубоко различны в своей сути: реституция есть всецело самостоятельный акт ведущих уголовный процесс органов, действующих *ex officio*, т. е. она осуществляется всецело на публичных началах, в то время как виндикация имущества предполагает инициативу его законного владельца — предъявление иска об истребовании имущества из чужого незаконного владения; судебное решение, принятое по такому иску, защищает право потерпевшего (восстанавливает) окончательно, в то время как реституция направлена на фактическое восстановление имущественного *status quo*. Будучи непосредственным, естественным и очевидным последствием преступления, она не вникает во внутреннее состояние имущественных отношений, связанных с имуществом — объектом преступного посягательства. В этом смысле она не имеет силы непоколебимого судебного решения и не исключает спора по поводу возвращаемого имущества и его

разрешения в общеисковом порядке (ч. 2 ст. 81 УПК УССР, п. 4 ст. 86 УПК РСФСР). Поэтому, выигрывая в сравнении с виндикацией имущества в простоте и нередко в скорости, реституция, несомненно, проигрывает в силе.

Реституцию объектов преступного посягательства — вещественных доказательств в уголовном деле нельзя также отождествлять с возмещением причиненного преступлением имущественного вреда в натуре, что иногда имеет место в уголовно-процессуальной доктрине [87, 49]. Предоставление потерпевшим лицам взамен противоправно изъятого у них имущества его стоимости либо имущества того же рода и качества является специфической формой возмещения причиненного преступлением материального ущерба. Характерную же особенность уголовно-правовой реституции составляет то, что названным лицам возвращается именно их имущество, то самое, которое было у них противоправно изъято, но не взамен него иное или его стоимость [11, 23]. Исключение разве что может составлять такой вид имущества, как деньги. Выполняемая ими роль всеобщего эквивалента нейтрализует значение индивидуально-определенного денежного знака и в данной ситуации.

2. Одной из особенностей реституции, как одного из уголовных процессуальных способов защиты нарушенных преступлением имущественных прав потерпевших лиц, является то, что она осуществляется не только судом, но в предусмотренных законом случаях и иными органами, ведущими уголовный процесс, в частности органом дознания, следователем и прокурором. Эти органы наделены правом, а при указанных в уголовно-процессуальном законе ситуациях на них возлагается обязанность возвратить объекты преступных действий их законным владельцам. Это имеет место в следующих случаях: а) при прекращении производства по уголовному делу на предусмотренных уголовно-процессуальным законом основаниях (ст. 213, ч. 1 ст. 214 УПК УССР, ст. 208, ч. 2 ст. 209 УПК РСФСР); б) при принятии ими решения возвратить вещественные доказательства их законным владельцам до окончания производства по уголовному делу, если это возможно без ущерба для него (ч. 3 ст. 79 УПК УССР, ч. 2 ст. 85 УПК РСФСР); в) если вещественные доказательства подвергаются быстрой порче (ч. 4 ст. 80 УПК УССР; ч. 3 ст. 85 УПК РСФСР).

3. Суд, а в предусмотренных уголовно-процессуальным законом случаях и иные органы обязаны возвратить вещественные источники доказательств — объекты преступных действий их законному владельцу. В этой связи важное, прежде всего практическое, значение приобретает вопрос о том, кто же является законным владельцем и на чем основывается его полномочие на получение от ведущих уголовный процесс органов изъятых у него в результате преступления материальных объектов. Очевидно, что ответ на этот вопрос следует искать в первую очередь в гражд-

данском праве. В понимании последнего законным владельцем имущества — объекта преступного посягательства является прежде всего его собственник. Его полномочия на это имущество основываются на правиле ст. ст. 86, 144 ГК УССР (ст. ст. 92, 151 ГК РСФСР). Равным образом, законным является и такой владелец имущества, который владеет им на законном основании, т. е. в силу закона или договора (титульное владение). Причем закон (ст. ст. 150 ГК УССР, 157 ГК РСФСР) предоставляет абсолютную защиту права законного владельца на вещь, т. е. он защищает его от нарушений со стороны любого третьего лица, в том числе и собственника имущества.

Таким образом, законным владельцем, которому должно быть возвращено противоправно изъятое у него имущество — вещественное доказательство, является его собственник или лицо, у которого оно находилось в силу закона или договора. При этом необходимо принять во внимание следующее обстоятельство. Реституция, являясь упрощенным (по сравнению с виндикацией) способом защиты имущественных прав, нарушенных преступлением, рассчитана прежде всего на восстановление имущественного положения, существовавшего до его нарушения. Поэтому ведущие уголовный процесс органы не входят в обсуждение вопроса об имущественных отношениях между собственником имущества и лицом, у которого оно находилось в момент совершения преступления и из владения которого выбыло.

Они восстанавливают status quo этого имущества, т. е. возвращают его последнему, исходя из презумпции, что оно находилось у него на законных основаниях. Именно поэтому уголовный процессуальный закон, устанавливая правило о реституции объектов преступного посягательства — вещественных доказательств лицам, у которых они были изъяты в результате преступления, делает оговорку, что спор о принадлежности этих вещей разрешается в порядке гражданского судопроизводства. Следовательно, когда возникает спор о принадлежности рассматриваемых вещественных доказательств, т. е. указанная презумпция поставлена под сомнение, они не возвращаются до тех пор, пока не войдет в законную силу решение суда, вынесенное по данному спору в порядке гражданского судопроизводства, которым и будет определен их законный владелец. Последнему и должно быть передано названное имущество.

Законный владелец имущества — термин чисто гражданско-правовой. В условиях уголовного процесса, где все его субъекты имеют свой собственный статус и свое наименование, он, по общему правилу, не употребляется. Исключение составляет лишь уголовно-процессуальное регулирование реституции вещественных доказательств — объектов преступного посягательства. Полагаем, что употребление законодателем этого термина в данной ситуации

не является случайным. По-видимому это связано с отсутствием в нем единого термина для субъектов права, которым преступлением причинен имущественный вред. Так, если имущество, ставшее объектом преступного посягательства, было изъято у граждан, они должны быть признаны потерпевшими и в этом статусе принимают участие в уголовном процессе (ст. ст. 49 УПК УССР, 53 УПК РСФСР). Причем потерпевшими они признаются независимо от обнаружения названного имущества, так как преступлением их имущественные права были нарушены. Следовательно, обнаруженные и изъятые вещественные доказательства — объекты преступного посягательства должны быть возвращены такому участнику процесса, как потерпевший.

Если же имущественный вред был причинен преступлением юридическому лицу, то в соответствии с действующим законодательством оно признается не потерпевшим, а гражданским истцом. Однако в случае обнаружения преступно изъятого у него имущества предъявление гражданского иска становится, как правило, беспредметным, а признание его гражданским истцом лишено смысла. Поэтому такое лицо участия в уголовном процессе в качестве участника вообще не принимает, оставаясь тем не менее законным владельцем указанного имущества. По всей видимости, это и побудило законодателя употребить в уголовно-процессуальной норме, регулирующей реституцию вещественных доказательств, гражданско-правовой термин „законный владелец”, а не „потерпевший” от преступления, так как субъективные пределы последнего ограничиваются лишь гражданами.

4. Реституция вещей, добытых преступным путем и затем признанных вещественными доказательствами, их законным владельцам трудностей на практике не представляет, когда они обнаружены ведущими уголовный процесс органами непосредственно у обвиняемого или лиц, причастных к преступлению (например, приобретших заведомо краденное, укрывателей заведомо краденного), либо добровольно выданы ими названным органам. Но эти вещи могут уйти в гражданский оборот и оказаться у таких лиц, которые не знали и не могли знать, что они выбыли из владения собственника или законного владельца помимо их воли, т. е. у добросовестных приобретателей. В этой связи возникает вопрос: вправе ли ведущие уголовный процесс органы признать их вещественными доказательствами, изъять у добросовестных приобретателей, а затем передать их законным владельцам? Сложность состоит в том, что в такой ситуации возникает коллизия интересов, каждый из которых требует защиты: один требует защиты прав добросовестного приобретателя, другой — восстановления правового состояния, нарушенного преступным изъятием вещей у их собственника или законного владельца [127, 22].

Анализ действующего законодательства дает основание сделать вывод, что в таких случаях закон отдает предпочтение защите интересов собственника или законного владельца. Это следует прежде всего из норм уголовно-процессуального права. В соответствии с последними предметы, ставшие объектом преступных действий, признаются вещественными доказательствами в уголовном деле (ст. ст. 65, 78 УПК УССР, 69, 83 УПК РСФСР) и ведущие уголовный процесс органы вправе предъявить обязательные для исполнения требования к предприятиям, учреждениям, организациям, должностным лицам и гражданам об их выдаче, а в случае отказа — произвести необходимое следственное действие с целью их обнаружения и изъятия (ст. ст. 66, 179, 183, 186 УПК УССР, 70, 170, 171 УПК РСФСР). Когда надобность в них минует, они „возвращаются их законным владельцам, а при неустановлении... переходят в собственность государства” (п. 5 ст. 81 УПК УССР, п. 4 ст. 86 УПК РСФСР). Данное положение уголовно-процессуального закона полностью согласуется с гражданско-правовыми нормами, регулирующими защиту права собственности. В соответствии с ними собственник, а равно законный владелец имущества имеет право истребовать его из чужого незаконного владения, причем от любого, в том числе и добросовестного, приобретателя (ст. ст. 145 ГК УССР, 152 ГК РСФСР).

Таким образом, как уголовно-процессуальный, так и гражданский материальный закон допускает изъятие вещей, добытых в результате совершения преступления как у самих преступников, так и у третьих лиц — добросовестных и недобросовестных приобретателей. Однако в ряде случаев гражданский закон делает исключение из этого общего правила и не допускает изъятия имущества, выбывшего из законного владения собственника или титульного владельца помимо их воли, — от добросовестного его приобретателя. А поскольку уголовно-процессуальный закон на этот счет никаких оговорок не содержит, то следует предположить, что эти исключения имеют универсальные значения и распространяются также на реституцию имущества — объектов преступного посяательства.

Прежде всего речь идет об имуществе, которое было продано в порядке, установленном для исполнения судебных решений, т. е. на комиссионных началах через государственные и кооперативные торговые учреждения (ст. ст. 388 ГК УССР, 398 ГК РСФСР). В этой ситуации покупатель (добросовестный приобретатель) приобретает право собственности на такое имущество и соответственно первоначальный собственник или законный владелец права на возвращение его не имеют.

По всей видимости, это исключение сделано ввиду тех особых условий, при наличии которых приобретается имущество, противоправно выбывшее из владения его собственника или титульного

владельца. В данном случае в его продаже принимает участие государственный орган (суд), гарантирующий покупателю беспорочность приобретенного права на имущество. Именно участие этого органа создает более определенную и прочную основу (титул) приобретения права собственности на указанное имущество, и поэтому законодатель отдает предпочтение правам его приобретателя: такое имущество подлежит возврату его добросовестному приобретателю, а не собственнику. Однако это исключение распространяется только на имущество граждан, но не государственных, кооперативных и общественных организаций, которое подлежит возврату их собственникам (законным владельцам) во всех случаях неправомерного отчуждения (ст. ст. 146 ГК УССР, 153 ГК РСФСР).

Защищая право собственности (титульного владения) посредством виндикации, гражданский материальный закон знает еще одно исключение из общего правила о допустимости истребования имущества у добросовестного приобретателя. Речь идет о деньгах и ценных бумагах на предъявителя. Согласно ст. 147 ГК УССР (ст. 154 ГК РСФСР) это имущество не может быть истребовано от добросовестного приобретателя.

Устанавливая это исключение, законодатель исходил из особенностей данного вида имущества, в частности из его оборотоспособности, необходимым условием которой является доверие к нему со стороны всех участников гражданского оборота. И если бы он допустил возможность их истребования у добросовестных приобретателей, то такое доверие было бы в значительной мере подорвано, что, в свою очередь, могло бы отрицательно отразиться на имущественном обороте. Поэтому такое исключение является вполне оправданным, целесообразным и распространяется на реституцию денег и ценных бумаг на предъявителя, ставших объектом преступного посягательства.

Разумеется, речь при этом идет о деньгах и ценных бумагах не как о вещах, определенных родовыми признаками, но об индивидуализированных, поскольку вещественными доказательствами могут быть признаны только индивидуально-определенные объекты (например, купюры с определенными номерами, содержащие на себе определенные пометки, следы и т. п.). Что касается недобросовестных приобретений этих вещей, то в случае их идентификации они подлежат изъятию и возвращению законным владельцам наравне с другими вещественными доказательствами.

Вещи, определяемые родовыми признаками, которые индивидуализировать не удалось, предметом реституции быть не могут. Их особенность, как известно, состоит в том, что они не имеют индивидуальных признаков и являются заменимыми. Для их собственника или законного владельца безразлично, владеет ли он той самой вещью, которая была у него, например, похищена, или

же вещью того же рода, количества, меры, веса. Такие вещи, будучи противоправно изъятыми из владения, как правило, смешиваются с однородными вещами, что делает их индивидуализацию трудноосуществимой, а иногда и невозможной вовсе. Однако иногда их удается индивидуализировать. В следственной и судебной практике тождество вещей, определенных родовыми признаками и утраченных в результате совершения преступления, устанавливается посредством доказывания факта совпадения количества (например, похищенных вещей с их количеством, обнаруженным у преступника или в указанном им месте), а также того факта, что до совершения преступления таких вещей у преступника не было вовсе или не было в определенном количестве, и пр. В таких и аналогичных случаях нет никаких препятствий для признания этих вещей вещественными доказательствами, их изъятия и приобщения к делу, а после его окончательного разрешения — возвращения законному владельцу.

Если же идентифицировать (индивидуализировать) эти вещи возможным не представляется, то признать их вещественными доказательствами нельзя и, следовательно, защита имущественных прав потерпевших посредством реституции невозможна. Для ее осуществления должны быть использованы иные иски или неисковые способы, предусмотренные уголовно-процессуальным законодательством, в частности предъявление и разрешение гражданского иска или возмещение ущерба по собственной инициативе суда, если последний заявлен не был.

В практике нередко возникает вопрос: подлежит ли реституции имущество, которое было приобретено преступником на похищенные, например, деньги или деньги, вырученные от продажи похищенных вещей, их обмена и т. п. Безусловно, такое имущество передаче потерпевшим не подлежит. Уголовно-процессуальный закон устанавливает правило, согласно которому возвращению подлежат лишь „деньги, ценности и другие вещи, которые служили объектом преступных действий” (курсив мой. — В. Н.) (п. 5 ст. 81 УПК УССР, п. 4 ст. 86 УПК РСФСР). Как уже отмечалось ранее, основная цель реституции состоит в том, чтобы восстановить порядок, нарушенный преступлением, законное владение имуществом, утраченное вследствие совершения преступления. Достичь же этой цели можно лишь путем возвращения именно имущества, утраченного законным владельцем, а не равноценного ему или его стоимости. Поэтому приобретенное преступником имущество на добытые преступлением средства, будучи вещественным доказательством в деле, не может быть передано потерпевшим лицам взамен изъятого. Оно подлежит обращению на погашение ущерба, причиненного преступлением, а в сумме превышающей его — передаче в доход государства, как нажитое преступным путем (п. 4 ст. 81 УПК УССР, п. 4 ст. 86 УПК РСФСР).

5. Значительный и доктринальный и практический интерес представляет вопрос о соотношении реституции с защитой имущественных прав и интересов потерпевших лиц посредством гражданского иска. Данный вопрос был поставлен в уголовно-процессуальной литературе А. Г. Мазаловым. По мнению автора, с обнаружением похищенной вещи такой иск становится беспредметным, так как до тех пор, пока вещь имеется в натуре, сохранила свою стоимость и подлежит возврату ее законному владельцу, вреда, подлежащего возмещению, нет. Такой иск, если он и был заявлен, уже не может быть удовлетворен судом [127, 21]. Аналогичная точка зрения была высказана также П. П. Гуреевым [66, 19].

Разделяя в принципе это мнение, полагаем, что оно все же выражено слишком обще, без учета всех возможных правоотношений, возникающих в связи с противоправным изъятием имущества из владения его собственника или законного владельца. С точки зрения названных авторов реституция вещей — объектов преступного посягательства их законному владельцу не может устранить гражданский иск из уголовного дела лишь в случае, когда обнаруженное имущество утрачивает свою первоначальную стоимость. В таком случае потерпевшее лицо вправе требовать той суммы, на которую уменьшилась стоимость вещи, либо возмещения полной ее стоимости, заявив о своем отказе от вещи.

На самом деле это далеко не единственный случай, когда защита имущественных прав и интересов наряду с реституцией осуществляется параллельно и с помощью гражданского иска.

Прежде всего следует отметить, что реституция и гражданский иск как специфические уголовно-процессуальные способы защиты имущественных прав и интересов потерпевших от преступления лиц не могут конкурировать между собой, так как имеют различные объекты защиты: посредством реституции защищается субъективное имущественное право собственника (законного владельца) имущества, которое (право) им не утрачено, поскольку имущество имеется в натуре; с помощью же гражданского иска в уголовном процессе защищается охраняемый законом имущественный интерес, так как субъективное имущественное право на вещи, вследствие их частичного или полного уничтожения (порчи), соответственно утрачивается. При этом последнее нарушается и, следовательно, подлежит защите не только в случае полной или частичной порчи (износа, потребления) противоправно изъятых вещей, но и в случаях, когда потерпевшее лицо понесло расходы в связи с лишением его права пользования указанным имуществом и неполучением доходов, которые могло получить, если бы его субъективное право не было нарушено.

Следовательно, реституция обнаруженных вещей — объектов преступного посягательства не исключает предъявления и разрешения гражданского иска не только тогда, когда их стоимость

понизилась вследствие частичной порчи (износа, потребления), но и во всех иных случаях, когда потерпевшее лицо понесло убытки в результате преступного завладения обвиняемым его имуществом. В таких ситуациях защита имущественных прав и интересов потерпевших лиц может осуществляться двумя названными способами и приговор суда будет содержать решение в отношении каждого из них: возвращение объектов преступного посягательства — вещественных доказательств их законным владельцам и возмещение убытков, причиненных гражданским истцам преступным завладением принадлежащим им на праве собственности или титульного владения имуществом.

Таким образом, обнаружение ведущими уголовный процесс органами имущества — объекта преступного посягательства не ведет к автоматическому прекращению производства по заявленному гражданскому иску, а также не может явиться препятствием для его предъявления. Из факта его обнаружения еще не следует, что потерпевшие лица не понесли материального ущерба в результате преступного завладения названным имуществом. Этот ущерб может выразиться как в утрате имуществом — объектом преступного посягательства своей первоначальной стоимости вследствие частичной порчи (износа, потребления), так и в расходах, которые понесли законные владельцы в связи с противоправным изъятием из их владения названного имущества, а также в неполученных доходах, которые они могли иметь, если бы их субъективное право на имущество не было нарушено преступником. При этом вопрос о возмещении последних возникает, по общему правилу, в случаях, когда объектом преступления была плодоносящая вещь. Предъявление гражданского иска о возмещении утраченных плодов и доходов, приносимых такой вещью за время противоправного владения ею преступником, составляет необходимый элемент защиты права собственности (законного владения) на такую вещь, если она не возвращена добровольно (ст. ст. 148 ГК УССР, 155 ГК РСФСР).

Производство по гражданскому иску может быть прекращено ведущими уголовный процесс органами в случаях, когда: а) выбывшее в результате совершения преступления из законного владения имущество обнаружено в полном составе и сохранило свое первоначальное состояние и стоимость; б) предметом гражданского иска являются убытки, составляющие лишь стоимость названного имущества; в) потерпевшее лицо (гражданский истец) согласно принять обнаруженное имущество — вещественные доказательства, отказавшись от заявленного гражданского иска.

Полагаем, что только при наличии этих обстоятельств возможно прекращение производства по заявленному в уголовном процессе гражданскому иску и защита имущественных прав потерпевших будет исчерпана одной лишь реституцией объектов преступ-

ного посягательства. Отсутствие хотя бы одного из них влечет за собой невозможность его прекращения, — оно ведется в общем порядке и гражданский иск подлежит рассмотрению и разрешению судом по существу.

УСЛОВИЯ РЕАЛИЗАЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ РЕСТИТУЦИИ

Защита имущественных прав потерпевших от преступления лиц посредством реституции возможна в уголовном процессе лишь при наличии определенных условий. Анализ уголовно-процессуальных норм, регулирующих порядок получения, использования и определения судьбы вещественных доказательств — объектов преступного посягательства, норм иных отраслей права, в частности гражданского, административного и финансового, устанавливающих основания возникновения права собственности на некоторые виды имущества, а также порядок их использования и выпуск в гражданский оборот, дает возможность выделить следующие условия:

а) противоправное (преступное) отчуждение имущества, находившегося во владении потерпевших лиц;

б) обнаружение имущества (объектов преступного посягательства) и приобщение его к уголовному делу в качестве вещественного доказательства;

в) сохранение названным имуществом своего первоначального (до отчуждения) состояния;

г) обладание им свойством нахождения в гражданском обороте.

Отсутствие хотя бы одного из перечисленных условий составляет препятствие для защиты имущественных прав потерпевших от преступления лиц с помощью анализируемого способа. Рассмотрим более детально эти условия.

1. Уголовно-правовая реституция предполагает наличие *противоправного отчуждения имущества* у юридических лиц или граждан в результате совершения преступления и против их воли. Этот способ защиты предусмотрен законодателем для восстановления имущественного положения *потерпевших от преступления лиц*. Поэтому, если нет оснований считать этих лиц потерпевшими, уголовно-правовая реституция невозможна. Такое положение имеет место в случае, когда имущество передается его владельцем добровольно, при этом нередко последний также преследует противозаконные цели либо использует аналогичные средства. В частности, не подлежат реституции деньги, ценности, иное имущество, переданные их владельцами в качестве взятки. Как разъяснил Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 23 сентября 1977 г. „О судебной практике по делам о взяточничестве“, предметы взятки при их обнаружении подлежат изъятию и передаче в доход государства независимо от того, освобождается

ли взяткодатель от уголовной ответственности или нет. Лишь в случае, когда в отношении взяткодателя имело место вымогательство и он добровольно заявил об этом до передачи взятки, деньги и иные ценности, переданные в виде взятки, возвращаются их владельцу (п. 12) [186, 679].

Равным образом не подлежат возвращению и обращаются в собственность государства валютные ценности, ставшие объектом преступной сделки*. В соответствии с п. 12 постановления Пленума Верховного Суда от 18 апреля 1980 г. „О судебной практике по делам о нарушении правил о валютных операциях“ эти ценности подлежат передаче в доход государства, даже если собственник не бы привлечен по каким-либо основаниям к уголовной ответственности [36, 1980, № 3, 20; № 5, 27].

Правовое основание такого решения содержится как в нормах уголовно-процессуального (ст. ст. 81 УПК УССР, 86 УПК РСФСР), так и гражданского закона (ст. ст. 49 ГК УССР, 49 ГК РСФСР).

2. *Обнаружение имущества — объектов преступного посягательства* является не только одним из условий уголовно-правовой реституции, но и непосредственной задачей органов, ведущих уголовный процесс. Ее успешное решение дает возможность, с одной стороны, использовать эти объекты в качестве вещественного доказательства вины (невиновности) обвиняемого в совершении преступления, а с другой — восстановить нарушенное имущественное положение потерпевших лиц.

Факт противоправного отчуждения названного имущества у законного владельца объективно наделяет это имущество свойством вещественного источника доказательства. Данное обстоятельство находит свое непосредственное отражение в уголовно-процессуальном законе (ст. ст. 78 УПК УССР, 83 УПК РСФСР), который объекты преступных действий обвиняемого объявляет вещественным доказательством в уголовном деле. Поэтому обнаружение этих объектов предполагает признание их таковыми, однако следует не автоматически, а требует соответствующего процессуального оформления. Без такого оформления названные объекты не могут быть использованы в качестве источника информации при производстве по уголовному делу. Следовательно, не только сам по себе факт обнаружения объекта преступного посягательства, но и надлежащее его процессуальное оформление и приобщение к делу в качестве вещественного источника доказательства составляет одно из условий применения уголовно-правовой реституции.

В этой связи от уголовно-правовой реституции вещественных доказательств — объектов преступного посягательства следует

* Перечень валютных ценностей установлен Указом Президиума Верховного Совета СССР от 30 ноября 1976 г. „О сделках с валютными ценностями на территории СССР“ [40, 1976, № 49, ст. 712].

отличать возвращение иного имущества, оказавшегося в сфере уголовного процесса, его законным владельцам. Так, деньги, ценности, иные вещи, которые были описаны и изъяты во время проведения следственных действий, после выявления их отношения к делу и принадлежности могут быть возвращены их владельцам по решению ведущих уголовный процесс органов. Кроме того, владельцы такого имущества вправе ставить вопрос в порядке гражданского судопроизводства об исключении его из описи (освобождения от ареста) и возвращении им (ст. ст. 385 ГПК УССР, 429 ГПК РСФСР). Однако данное имущество объектом преступного посягательства не является и, естественно, по этому признаку не может быть признано вещественным доказательством. В свою очередь, владельцы такого имущества потерпевшими от преступления признаны быть не могут. Поэтому сфера действия уголовно-правовой реституции на данное имущество не распространяется.

3. Непременным условием уголовно-правовой реституции является *сохранение обнаруженным имуществом — объектом преступного посягательства своего первоначального* (до отчуждения) *состояния*. Утрата им этого состояния (повреждение, износ и т. п.) может породить правовую ситуацию двоякого рода. Одна из них состоит в том, что потерпевшее лицо вообще отказывается принять это имущество. Конечно, позиция потерпевших при этом должна быть обоснованной и не содержать признаков злоупотребления правом. В таком случае уголовно-правовая реституция неприменима. Она уступит место требованию потерпевших лиц возместить стоимость, и защита имущественных интересов последних будет осуществляться посредством предъявления и разрешения гражданского иска. При этом, если суд найдет отказ законного владельца обоснованным*, он должен передать вещественные доказательства для реализации в торговую сеть, а вырученные от продажи деньги обратить на возмещение причиненного потерпевшим материального ущерба.

Пленум Верховного Суда Украинской ССР в названном ранее постановлении № 2 от 27 марта 1987 г. разъяснил (п. 12), что, когда изъятое у задержанных лиц и возвращенные промышленным предприятиям и холодильникам мясо либо мясопродукты не утратили своих первичных полезных свойств, отвечают стандартам и техническим условиям и могут быть использованы либо реализованы без дополнительных расходов на их переработку, возмещение ущерба не производится [174, 1987, № 7, 86].

* Обоснованным может быть признан отказ законного владельца не только в случае, когда противоправно отчужденное имущество было повреждено либо подвергалось определенной степени износа, но и если его пребывание в чужом владении может вызвать у законного владельца при пользовании им морально-психологический дискомфорт. Речь идет о вещах личного туалета, постельных принадлежностях и т. п.

Нет принципиальных возражений и против того, чтобы передать названное имущество осужденному, если, разумеется, это не будет означать содействия ему в достижении тех целей, которые он ставил перед собой при совершении преступления [127, 21]. Последний в таком случае обязан возместить причиненный ущерб в полном размере.

Если законный владелец согласен принять имущество, подвергшееся определенным изменениям, оно ему возвращается. Но при этом он вправе требовать выплаты денежной суммы, на которую уменьшилась стоимость названного имущества, и иных видов причиненного ему материального ущерба. В этой ситуации восстановление имущественного положения потерпевших от преступления лиц посредством уголовно-правовой реституции дополнится еще и таким способом, как предъявление и разрешение гражданского иска.

Определенный практический интерес представляет также вопрос о возможности реституции объектов преступного посягательства, которые были подвергнуты обвиняемым переработке (спецификации). Речь идет о таких случаях, когда из противоправно отчужденных предметов (например, материалов) последний изготавливает какие-либо вещи. Тот факт, что эти вещи могут быть признаны вещественными доказательствами, сомнений не вызывает. Однако подлежат ли они реституции? Полагаем, что положительное решение этого вопроса будет зависеть от согласия потерпевших принять переработанные вещи. Если такое согласие отсутствует, то реституция их недопустима.

4. Наконец, необходимым условием применения уголовно-правовой реституции является *обладание противоправно отчужденным имуществом свойством нахождения в гражданском обороте*. Известно, что целый ряд предметов, материальных ценностей по соображениям общественной безопасности либо их важного значения для народного хозяйства ограничены в гражданском обороте, а некоторые вовсе из него изъяты. Они могут приобретаться и находиться во владении субъектов права в порядке и пределах, установленных законодательством Союза ССР. Перечень этих предметов и ценностей содержится как в гражданском законе (ст. ст. 129 ГК УССР, 137 ГК РСФСР), так и в других нормативных актах [197, 1975, № 18, ст. 110; 40, 1976, № 49, ст. 712]. К таким предметам, в частности, относятся: оружие, взрывчатые вещества, сильнодействующие яды, наркотические и радиоактивные вещества, валютные ценности и пр. Если названное имущество стало объектом преступного посягательства и попало в сферу уголовного процесса как вещественное доказательство, то его возвращение владельцу будет зависеть прежде всего от того, на законном ли основании оно у него находилось. Наличие у владельца правового титула (легального основания) на его владение предполагает, по общему

правилу, возвращение ему указанного имущества. Отсутствие такого титула делает владение незаконным и, следовательно, возвращению не подлежит. При этом не имеет значения, кто был незаконным владельцем: гражданин или юридическое лицо.

Таким образом, реституция объектов преступного посягательства — имущества, ограниченного в гражданском обороте, зависит в первую очередь от характера владения им лицами, у которых оно было отчуждено в результате совершения преступления. Однако в отношении некоторых предметов, ограниченных в гражданском обороте, характер владения ими для решения вопроса об их возвращении значения не имеет. Речь идет о драгоценных металлах (золото, серебро, платина и металлы платиновой группы: палладий, иридий, радий, рутений, осмий) в слитках, шликте, самородках, полуфабрикатах и изделиях производственного и лабораторного назначения, а также алмазах. Эти ценности натурой их владельцу — гражданину не возвращаются независимо от законности владения ими. Они в любом случае передаются соответствующим государственным учреждениям, однако законному владельцу — гражданину возмещается их стоимость, определяемая по ценам, установленным для учреждений Госбанка при покупке их у населения, а стоимость изделий из названных металлов производственного и лабораторного назначения — по установленным для промышленности отпускным ценам.

В уголовно-процессуальной литературе отмечалось, что наряду с названными ценностями не подлежит возвращению также иностранная валюта и монеты из драгоценных металлов дореволюционного русского чекана, которые стали объектом хищения [87, 49]. Однако действующее законодательство никаких ограничений для возвращения этих ценностей — вещественных доказательств не содержит, если, разумеется, потерпевшие граждане владели ими на законном основании. Законным же считается такое владение названными ценностями, которое основывается на нотариально удостоверенном дарении их супругу, детям, родителям, внукам, делу, бабушке, родным братьям и сестрам* либо было завещано и приобретено по праву наследования валютных ценностей. При этом следует также иметь в виду, что в порядке, устанавливаемом Министерством культуры СССР по согласованию с Министерством финансов СССР, допускаются между гражданами сделки купли-продажи, обмена и дарения в целях коллекционирования единичных экземпляров монет, являющихся валютной ценностью [40, 1976, № 49, ст. 712]. Именно поэтому Пленум Верховного Суда СССР в постановлении от 18 апреля 1980 г. „О судебной практике по делам о нарушении правил о валютных операциях“ отметил

* Дарение названных ценностей иным лицам возможно лишь с разрешения в каждом конкретном случае Министерства финансов СССР.

(п. 12), что валютные ценности (названные объекты также являются ими), противоправно отчужденные у собственника или владельца, подлежат возвращению по принадлежности, за исключением случаев, предусмотренных законом [186, 600]. Очевидно, что таким исключением являются случаи, когда валютные ценности были отчуждены у лица, которое владело ими без надлежащего правового титула (законного основания) либо которое само нарушило правила о валютных операциях, т. е. незаконно скупало, продавало, обменивало, использовало в качестве средства платежа.

Что касается вещественных доказательств — объектов преступного посягательства, которые ограничены или вовсе запрещены в гражданском обороте в связи с их повышенной опасностью для окружающих (оружие, боеприпасы, высокотоксичные, иные опасные вещества и т. п.) и для которых устанавливается специальный порядок хранения и использования, нарушение законными владельцами этого порядка также может явиться основанием для отказа в их реституции. В таком случае ведущие уголовный процесс органы по завершении последнего передают названные вещи соответствующим учреждениям (п. 2 ст. 81 УПК УССР, п. 2 ст. 86 УПК РСФСР), которые и решают все вопросы, связанные с их возвращением, выплатой их стоимости в административном порядке.

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЙ ПОРЯДОК РЕСТИТУЦИИ ОБЪЕКТОВ (ПРЕДМЕТОВ) ПРЕСТУПНОГО ПОСЯГАТЕЛЬСТВА

В уголовно-процессуальной деятельности, связанной с вещественными доказательствами — объектами преступного посягательства и защитой имущественных прав потерпевших от преступления посредством реституции, можно выделить несколько узловых моментов, или этапов: а) получение ведущими уголовный процесс органами объектов преступного посягательства; б) признание их вещественными доказательствами в уголовном деле; в) хранение; г) принятие решения о возврате законным владельцам; д) исполнение решения о применении реституции. Остановимся более подробно на каждом из них.

1. Уголовно-правовая реституция объектов преступного посягательства возможна лишь в случае, когда они будут получены ведущими уголовный процесс органами в свое владение. Это обстоятельство составляет фактическую предпосылку ее осуществления. До тех пор, пока названные объекты не обнаружены, говорить об их возвращении законным владельцам не приходится.

Получение объектов преступного посягательства в распоряжение указанных органов может быть достигнуто в уголовном процессе двумя способами: а) посредством их активной процессуальной деятельности, направленной на обнаружение противоправно изъятого у потерпевших лиц имущества и его изъятие; б) путем принятия его от совершившего преступление лица, решившего его

выдать, либо от иных лиц, у которых оно оказалось после совершения преступления.

Обнаружение преступно изъятого из законного владения потерпевших лиц имущества — одна из непосредственных задач органов предварительного расследования, от успешного решения которой зависит не только быстрое и полное раскрытие преступления и изобличение виновных, но и эффективная защита нарушенных преступлением имущественных прав указанных лиц. Ее решение обеспечивается целым комплексом следственных действий, проведение которых дает возможность обнаружить названные объекты и включить их в сферу уголовного процесса. К их числу в первую очередь относятся обыски, выемки, осмотры, задержание подозреваемого в совершении преступления с личным. Немаловажное значение для розыска объектов преступного посягательства имеет оперативно-розыскная деятельность органов дознания, однако она выполняет лишь вспомогательную роль. Непосредственное обнаружение их, включение в орбиту уголовного процесса возможно лишь с помощью проведения соответствующих следственных действий. Тактика их проведения составляет предмет криминалистики и, естественно, не входит в задачу нашего исследования.

Имущество, ставшее объектом преступного посягательства, может быть также выдано (передано) ведущим уголовный процесс органам самим обвиняемым либо иными лицами, во владении которых оно оказалось после совершения преступления. Однако независимо от того, каким из названных способов оно было получено указанными органами, факт его обнаружения и поступления в уголовный процесс должен быть оформлен соответствующим процессуальным документом — протоколом следственного действия: обыска и выемки (ст. ст. 188 УПК УССР, 176 УПК РСФСР), задержания (ст. ст. 106 УПК УССР, 122 УПК РСФСР), осмотра места совершения преступления (местности, помещения) (ст. ст. 195 УПК УССР, 182 УПК РСФСР), представления доказательства, его осмотра.

Уголовно-процессуальное законодательство не называет такого следственного действия, как принятие предоставленного (доставленного, выданного) доказательства, и не устанавливает, естественно, процессуальной формы закрепления результатов его проведения. Однако принципиальная возможность его проведения законом предусмотрена (ч. 2 ст. 66 УПК УССР, ч. 2 ст. 70 УПК РСФСР). В практике органов предварительного расследования это следственное действие известно, однако единства в его уголовно-процессуальном оформлении нет. В одних случаях в результате составляется протокол представления доказательства, в других — добровольной выдачи, в третьих выемки, в четвертых — приема предметов. В уголовно-процессуальной литературе обращалось на это внимание и вносилось предложение о целесообразности дополнения перечня протоколов следственных и судебных действий (ст. 87 УПК РСФСР) протоколом принятия доказательств, поступивших от участников процесса и иных граждан [225, 47; 11, 25].

В протоколе следственного действия должно быть отражено наименование, количество, индивидуальные признаки (материал, форма, цвет, сорт и т. п.) изымаемых предметов. При обнаружении и изъятии денег и ценных бумаг на предъявителя в протоколе обязательно должны также найти отражение их достоинство, номера и серии. Не менее важно, чтобы в этом процессуальном документе было указано место хранения объектов преступного посягательства, способ их обнаружения, а равно их состояние (качество). В особенности это относится к предметам, подвергающимся быстрой порче. Для определения их качества следует в необходимых случаях приглашать специалиста, что также должно отражаться в названном процессуальном документе.

Уголовно-процессуальный закон требует от ведущих уголовный процесс органов, кроме детального описания индивидуальных признаков и свойств вещественных доказательств в протоколах следственного действия, по возможности их фотографировать и фотоснимки приобщать к уголовному делу. Соблюдение этого требования закона имеет важное значение не только для определения тождества (идентификации) обнаруженных предметов с отчужденными у потерпевших в результате совершения преступления, а также предотвращения возможности подмены или смешения с другими, но и для определения их состояния (качества), что поможет правильно разрешить спор о том, по чьей вине была допущена их порча и кто должен возместить потерпевшим материальный ущерб в случае его возникновения.

2. Противоправное изъятие имущества из законного владения потерпевших лиц объективно делает его вещественным источником доказательства в уголовном процессе. Однако одного лишь объективного признака для использования его в этом качестве недостаточно. Необходим еще и субъективный признак — факт признания указанного имущества (предметов) вещественным доказательством, что находит свое выражение в специальном процессуальном акте — постановлении (определении) ведущих уголовный процесс органов о приобщении их к уголовному делу в качестве вещественного доказательства (ч. 1 ст. 79 УПК УССР, ч. 1 ст. 84 УПК РСФСР). В нем должны найти отражение следующие данные: кем, в каком порядке, когда и где было изъято имущество (объект преступного посягательства) либо кем представлено; основные его индивидуальные признаки; обстоятельства, о которых данное имущество свидетельствует [110, 116].

Без такой процессуальной констатации обнаруженное имущество не может использоваться в уголовном процессе в качестве вещественного доказательства. Разумеется, это не влияет на осуществление защиты имущественных прав потерпевших лиц путем возвращения им названных объектов. В силу объективно присущих им свойств вещественного доказательства они должны следовать

их судьбе независимо от того, признаны ли они таковыми. Однако процессуальный порядок их возвращения будет уже иным.

3. Обнаружение (принятие) имущества (объектов преступного посягательства) и признание его вещественным доказательством в уголовном деле предполагает необходимость его хранения вплоть до приведения в исполнение решения ведущего уголовный процесс органа, определяющего его судьбу. Порядок хранения вещественных доказательств урегулирован уголовно-процессуальным законодательством. Кроме того, хранение их отдельных видов конкретизируется ведомственными нормативными актами — соответствующими инструкциями.

По установленному уголовно-процессуальным законом общему правилу, предметы, признанные вещественными доказательствами, должны находиться при уголовном деле в обеспечивающем их сохранность виде и следовать за ним. Громоздкие вещи могут храниться в органах дознания, предварительного следствия и суде либо передаются ведущими уголовный процесс органами на хранение соответствующему учреждению, предприятию, организации (ст. ст. 79 УПК УССР, 84 УПК РСФСР).

Специальный порядок хранения установлен для денег, ценных бумаг и драгоценностей. Вещественные доказательства: изделия из драгоценных металлов, драгоценных камней и жемчуга; драгоценные металлы (золото, платина, серебро, металлы платиновой группы в слитках, шликте, самородках, полуфабрикатах и изделиях производственного и лабораторного назначения) и камни в сыром и обработанном виде (алмазы, бриллианты, рубины, изумруды, сапфиры, жемчуг); монеты из драгоценных металлов; деньги в советской валюте; облигации государственных займов; билеты денежно-вещевых и других лотерей; иностранная валюта; платежные документы в иностранной валюте (чеки, векселя, аккредитивы, акции и облигации); банковские платежные документы в рублях (отрезные и дорожные чеки Госбанка СССР и Внешторгбанка СССР, чеки Внешторгбанка СССР серии „Д“, сертификаты Всесоюзного объединения „Внешпосылторг“) должны храниться до вступления приговора (определения, постановления) в законную силу в финансовых аппаратах органов МВД, прокуратуре или сдаваться на временное хранение в учреждения Госбанка СССР.

Если это имущество было признано вещественным доказательством и приобщено к делу судом, оно сдается на хранение в местное отделение Госбанка СССР. Лишь драгоценные металлы в слитках, шликте, самородках, полуфабрикатах и изделиях производственного и лабораторного назначения передаются на хранение в финансовый аппарат органов МВД.

Приобщенные к делу в качестве вещественного доказательства наркотические вещества должны храниться до вступления в за-

конную силу приговора суда в камере хранения вещественных доказательств органа МВД и судом к хранению не принимаются*.

Сведения о месте хранения вещественных доказательств (справка), а также документы о принятии имущества на ответственное хранение с обязательством обеспечить его сохранность (расписка) приобщаются к уголовному делу.

Принятые на хранение вещественные доказательства должны содержаться в условиях, исключаящих их порчу либо утрату. В противном случае ведущие уголовный процесс органы лишаются важного средства доказывания, а равно возможности защитить нарушенное имущественное право потерпевших лиц посредством реституции. В этой связи значительный практический интерес представляет вопрос о том, кто должен возместить материальный ущерб потерпевшим — осужденный или ведущий уголовный процесс орган, который не принял надлежащих мер к сохранности вещественных доказательств — объектов преступного посягательства.

На первый взгляд обязанным в возмещении ущерба следовало бы признать совершившее преступление лицо, так как названные вещи выбыли из законного владения потерпевших лиц по его вине. По такому пути иногда идет и судебная практика. Однако с таким решением согласиться нельзя. Дело в том, что обнаружение (выдача) объектов преступного посягательства в полной сохранности, по общему правилу, устраняет материальный ущерб. Будучи признаны вещественными доказательствами, они переходят в законное владение ведущих уголовный процесс органов, которые обязаны принимать меры к надлежащему хранению, а в дальнейшем (в соответствии с принятым решением) — возвратить их законным владельцам. Следовательно, обладание этими вещами названными органами создает гарантию, что имущественное положение потерпевших будет восстановлено. Но если последние не приняли надлежащих мер по их хранению, в результате чего названные вещи были утеряны либо повреждены, то имущественный вред потерпевшим причиняется уже по их вине и они становятся обязанными его возместить. При этом, как правильно замечает А. Г. Мазалов, обстоятельства, при которых вещи были обнаружены и оказались во владении ведущих уголовный процесс органов, существенного значения не имеют [127, 24]. Лишь отсутствие вины в надлежащем хранении может освободить указанные органы от возмещения потерпевшим ущерба. В силу закона риск случайной гибели или порчи вещи, по общему правилу, несет ее собственник (ст. ст. 130 ГК УССР, 138 ГК РСФСР).

* Более детально см. Инструкцию Министерства юстиции СССР № 29 от 11 декабря 1975 г. „О порядке приема, учета и хранения в судах вещественных доказательств“ [36, 1976, № 5, 36].

4. Решение о возвращении вещественных доказательств — объектов преступного посягательства их законным владельцам, по общему правилу, принимается судом при вынесении приговора по уголовному делу. В резолютивной части последний должен содержать решение о вещественных доказательствах, принятое в соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона, определяющими их судьбу (ст. ст. 81 УПК УССР, 86 УПК РСФСР). При этом принятие такого решения не зависит от вида вынесенного приговора — обвинительного или оправдательного. Реституция может быть следствием обоих его видов. Это положение находит свое подтверждение в действующем уголовно-процессуальном законодательстве (ч. 1, 13 ст. 335 УПК УССР, п. 2 ст. 317 УПК РСФСР). Оно не может вызвать возражений и по существу. Вынесение подсудимому оправдательного приговора еще не доказывает его права на имущество, ставшее объектом преступного посягательства. Если фактическая сторона дела полностью установлена при судебном разбирательстве и сам подсудимый не отрицает принадлежности вещей потерпевшему лицу, их реституция последнему вполне допустима и оправдательным приговором. Следовательно, защита имущественных прав потерпевших лиц посредством реституции по общему правилу осуществляется судом при разрешении им уголовного дела. Однако не каждое уголовное дело о совершенном преступлении заканчивается вынесением приговора. Окончательное его разрешение путем прекращения осуществляется, кроме суда, также органом дознания, следователем и прокурором. Принимая постановление о прекращении уголовного дела, названные органы обязаны принять решение и о судьбе имеющихся в деле вещественных доказательств. Иными словами, если в деле имеются вещественные доказательства — объекты преступного посягательства, названные органы обязаны принять решение, как правило, об их возвращении законным владельцам (ч. 1 ст. 214, п. 3 ст. 229 УПК УССР, ч. 2 ст. 209, п. 3 ст. 214 УПК РСФСР).

Как уже было отмечено, одно из достоинств реституции — то, что она является наиболее оперативным способом устранения вредных имущественных последствий преступления. Об этом свидетельствует и довольно эластичный подход законодателя к ее осуществлению в процессе производства по уголовному делу. Он предоставил право ведущим уголовный процесс органам вернуть признанное вещественным доказательством их имущество и до окончательного разрешения уголовного дела. Понятно, что исходил он при этом исключительно из интересов потерпевших лиц, стремясь максимально сократить время для восстановления их имущественных прав, нарушенных преступлением. Однако использование этого права названными органами он поставил в зависимость от условия, что такое возвращение имущества возможно „без ущерба для успешного производства по делу“ (ч. 3 ст. 79 УПК УССР, ч. 2 ст. 85 УПК РСФСР).

Предоставляя ведущим уголовный процесс органам право возвратить вещественные доказательства — объекты преступных действий их законным владельцам до окончательного разрешения уголовного дела, если это отрицательно не скажется на интересах правосудия, законодатель, естественно, имел в виду прежде всего вещественные доказательства, которые относятся к предметам первой необходимости, а также требующие постоянного за ними ухода (например, рабочий и домашний скот, иные животные) либо больших затрат на хранение.

По всей видимости, приостановление предварительного следствия по предусмотренным уголовно-процессуальным законом основаниям (ст. ст. 206 УПК УССР, 195 УПК РСФСР) также дает право ведущим уголовный процесс органам возвратить вещественные доказательства их законным владельцам, если они в них нуждаются и, безусловно, если это отрицательно не скажется на производстве по уголовному делу после его возобновления.

Возвращение объектов преступной деятельности — вещественных доказательств их владельцам до окончательного разрешения уголовного дела не означает, что они устраняются из уголовного дела. За ними сохраняется статус вещественного источника доказательства, и поэтому названные органы должны принять все необходимые меры для того, чтобы они были сохранены до окончательного разрешения уголовного дела. С этой целью следует признать необходимым, кроме детальной описи в протоколе, передаваемые вещественные доказательства сфотографировать и фотоснимки приобщить к делу. У законных владельцев следует отобрать обязательство о том, что возвращенное имущество не будет ими отчуждено каким-либо способом и сохранится до окончания производства по делу. Хотя это в какой-то мере ограничивает права собственника (в частности, право распоряжения) в отношении принадлежащей ему вещи, тем не менее дает возможность извлекать из нее полезные свойства, а в ряде случаев и предотвратить увеличение материального ущерба.

От возвращения потерпевшим вещественных доказательств в процессе производства по уголовному делу до его окончательного разрешения, осуществляемого исходя из целесообразности, т. е. по усмотрению ведущих уголовный процесс органов, необходимо отличать возвращение вещественных доказательств, обладающих свойством скоропортящихся. Данный вид доказательств по общему правилу после детального описания в протоколе следственного действия (осмотра, обыска, выемки), в процессе осуществления которого они были обнаружены и изъяты, либо в специальном процессуальном документе — протоколе осмотра вещественного доказательства (ст. ст. 85, 191 УПК УССР, 141, 179 УПК РСФСР) и приобщения их к делу, должны быть по возможности сфотографированы, и ведущие уголовный процесс органы обязаны

без промедления возвратить их законным владельцам. Хотя уголовно-процессуальный закон непосредственно такого правила не формулирует, тем не менее оно несомненно следует из нормы, регулирующей сроки хранения вещественных доказательств (ст. ст. 80 УПК УССР, 85 УПК РСФСР).

Лишь в случаях, когда возврат скоропортящихся вещественных доказательств их законному владельцу не представляется возможным (он еще не установлен, находится в отъезде, на лечении и т. п.), они должны быть немедленно сланы в соответствующие учреждения для использования по назначению (например, в столовую) или для реализации в торговую сеть.

При этом необходимо отметить довольно важное, с нашей точки зрения, обстоятельство: уголовно-процессуальные кодексы ряда союзных республик правило о возвращении скоропортящихся вещественных доказательств — объектов преступных действий их законным владельцам сопровождают указанием на немедленное осуществление этого действия (например, ч. 4 ст. 80 УПК УССР). В УПК других союзных республик аналогичное правило такой оговорки не содержит (например, ч. 3 ст. 85 УПК РСФСР), хотя, безусловно, это подразумевается, так как речь идет о скоропортящейся продукции. Полагаем, однако, что данное правило должно обязательно сопровождаться указанием на безотлагательность осуществления этого действия, поскольку промедление с возвращением рассматриваемых вещественных доказательств может сделать невозможным использование их по хозяйственному назначению в связи с частичной либо полной потерей ими полезных свойств, а следовательно, привести к причинению потерпевшему материального ущерба уже не только по вине обвиняемого, но и ведущих уголовный процесс органов.

Порядок передачи скоропортящихся вещественных доказательств — объектов преступного посягательства для реализации действующим уголовно-процессуальным законодательством урегулирован в самом общем виде. Такое положение, естественно, не могло не отразиться в правоприменительной практике, которая в этом вопросе отличается большим разнообразием. В одних случаях такая передача процессуально оформляется соответствующим протоколом; в других — она вообще не оформляется никаким процессуальным документом, а от организации, принявшей для реализации названные объекты, отбирается лишь расписка об их приеме, которая приобщается к уголовному делу; в третьих — решение о передаче скоропортящихся вещественных доказательств для реализации оформляется соответствующим постановлением следователя, а сама передача — актом или протоколом. При этом ни обвиняемый (подозреваемый), ни иные заинтересованные в этом лица о принятом решении и его реализации, как правило, не уведомляются, хотя такое уведомление составляет одну из процес-

суальных гарантий осуществления ими защиты своих имущественных прав и интересов.

Уголовно-процессуальное законодательство большинства европейских социалистических стран обязывает ведущие уголовный процесс органы известить обвиняемого и иных заинтересованных лиц (по возможности) о времени, месте и условиях продажи переданных для этой цели скоропортящихся предметно-вещественных доказательств (см., например, § 118 УПК ГДР, ст. 201 УПК ПНР).

С нашей точки зрения, решение о передаче скоропортящихся вещественных доказательств их законным владельцам либо соответствующим государственным или кооперативным организациям для реализации должно приниматься в форме постановления (определения), а сам факт передачи оформляться соответствующим актом.

В оформлении самой передачи протоколом нет необходимости, поскольку этим процессуальным актом оформляются лишь результаты проведения следственного действия. Передача же вещественных доказательств таким действием не является.

В описательно-мотивировочной части постановления должны найти отражение фактические и правовые основания принимаемого решения, в резолютивной — принятое решение с перечислением всех передаваемых для реализации предметов, указанием конкретной организации, которой они передаются, а также необходимости уведомления о принятом решении названных лиц.

Надлежаще оформленный акт передачи скоропортящихся вещественных доказательств должен быть приобщен к уголовному делу. Если названные вещи переданы для реализации, то вырученные в ее результате денежные суммы должны быть перечислены в депозит органа, принявшего такое решение, и использованы на возмещение причиненного потерпевшим лицам материального ущерба.

Что касается уведомления обвиняемого (подозреваемого) и иных заинтересованных лиц о принятом решении передать названные вещественные доказательства для реализации, то, поскольку это связано с процессуальными гарантиями, направленными на защиту имущественных прав и интересов участников уголовного процесса, его необходимость, по нашему мнению, должна быть закреплена непосредственно уголовно-процессуальным законом.

С учетом сказанного считаем необходимым уголовно-процессуальную норму, регулиющую порядок возвращения законному владельцу скоропортящихся вещественных доказательств или передачи их для реализации соответствующим государственным или кооперативным организациям (ч. 4 ст. 80 УПК УССР, ч. 3 ст. 85 УПК РСФСР), изложить в следующей редакции:

„Вещественные доказательства, подвергающиеся быстрой порче, после надлежащего процессуального оформления возвращаются

их законным владельцам, а в случае невозможности — немедленно сдаются соответствующим государственным или кооперативным организациям для реализации. О принятом решении, а также о времени и условиях их реализации надлежит уведомить обвиняемого (подозреваемого), а по мере возможности и иных заинтересованных лиц. Вырученные от продажи денежные суммы перечисляются в депозит и подлежат передаче по принадлежности”.

В аналогичном процессуальном порядке должны возвращаться законным владельцам и иные (нескоропортящиеся) вещественные доказательства — объекты преступных посягательств, если ведущий уголовный процесс орган принял такое решение до окончательного разрешения уголовного дела, исходя из целесообразности их передачи, с тем, однако, условием, что это не отразится на успешном производстве по уголовному делу.

Таким образом, решение о возврате (реституции) вещественных доказательств их законным владельцам может быть принято названными органами на любой стадии уголовного процесса. Однако до окончательного разрешения уголовного дела они могут быть возвращены, как правило, лишь в случаях, когда являются скорпортящимися. Характер объектов преступного посягательства и нуждаемость в них потерпевших лиц может также составить основание для их возвращения, но при условии, что это будет без ущерба для успешного производства по уголовному делу. Принятое ведущим уголовный процесс органом решение о возврате названных объектов их законным владельцам в рассматриваемом случае должно быть оформлено специальным процессуальным актом — постановлением (определением) о возвращении вещественных доказательств их законным владельцам. Уголовно-процессуальный закон специально такого акта не называет. Однако необходимость его принятия в этой ситуации сомнений не вызывает. Во-первых, принятие решения о возвращении вещественных доказательств — это процессуальное действие. Последнее же, по общему правилу, получает в уголовном судопроизводстве свое процессуальное закрепление. Во-вторых, решение о возврате указанных объектов направлено на защиту имущественных прав потерпевших от преступления лиц и составляет один из ее способов (форм). Как и при любых иных формах защиты имущественных прав и интересов субъектов права, применение данной формы возможно лишь посредством принятия специального правоохранительного акта. Названное постановление (определение) и является таким актом.

О необходимости вынесения специального постановления органов предварительного расследования при возвращении ими вещественных источников доказательств до разрешения уголовного дела, по существу, уже отмечалось в уголовно-процессуальной

литературе. Так, З. З. Зинатуллин, в частности, пишет: „Если возврат материальных ценностей осуществляется в связи с прекращением производства по уголовному делу, то нет необходимости в вынесении об этом специального постановления. О принятом решении достаточно указать в резолютивной части постановления о прекращении уголовного дела.

Вопрос о возврате ценностей должен решаться несколько иначе, когда уголовное дело производством приостанавливается или заканчивается направлением в суд для разрешения по существу. Хотя в уголовно-процессуальном законодательстве отсутствуют нормы, регулирующие данный вопрос, представляется, что возвращение имущества по таким делам возможно только на основе специального постановления о возвращении владельцу вещественных источников доказательств” [87, 45].

Соглашаясь с автором в отношении процессуального порядка передачи вещественных доказательств — объектов преступного посягательства их законным владельцам до разрешения уголовного дела по существу, мы тем не менее не можем разделить его мнение о том, что названные им обстоятельства составляют основание принятия такого решения. Его необходимо, по нашему мнению, усматривать не в приостановлении производства по уголовному делу, и тем более не в направлении последнего в суд для разрешения по существу, а прежде всего в свойствах (характере) самого вещественного доказательства, а равно его значимости для успешного производства по делу. Приостановление производства по уголовному делу, продление сроков предварительного расследования и т. п. могут, разумеется, оказать влияние на принятие решения о возвращении рассматриваемых объектов их законным владельцам, однако сами по себе основанием его быть не могут.

С целью единообразного решения рассматриваемого вопроса в практической деятельности органов предварительного расследования и правосудия Пленуму Верховного Суда СССР, равно как и пленумам верховных судов союзных республик, следовало бы дать соответствующее разъяснение. Полагаем, что изложенные ранее соображения находятся в полном соответствии с требованиями уголовно-процессуального закона и могли бы составить его основу.

В случаях, когда вещественные доказательства — объекты преступного посягательства не были возвращены их законным владельцам до окончательного разрешения уголовного дела, этот вопрос должен найти свое решение в общем процессуальном документе, завершающем уголовный процесс, в частности: постановлении органов дознания, предварительного следствия и прокурора о прекращении уголовного дела (ст. 214, п. 3 ст. 299 УПК УССР, ст. 209, п. 3 ст. 214 УПК РСФСР); определении распорядительного заседания суда о прекращении уголовного дела (ст. ст. 248 УПК УССР, 234 УПК РСФСР); приговоре суда (ст. ст. 335 УПК УССР, 317 УПК РСФСР).

Однако, если вопрос о судьбе вещественных доказательств остался нерешенным при окончательном разрешении уголовного дела, то восполнить этот пробел, а равно устранить всякого рода сомнения и неясности в отношении них можно и следует также после завершения уголовного процесса в порядке, предусмотренном для разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора (ст. ст. 409, 411 УПК УССР, 368, 369 УПК РСФСР) [186, 773]. Органы предварительного расследования после прекращения ими уголовного дела также вправе вынести специальное постановление, которым устраняется названный пробел.

5. Защита имущественных прав потерпевших от преступления лиц посредством реституции завершается фактической передачей им объектов преступного посягательства — вещественных доказательств. Она имеет место, по общему правилу, после вступления в законную силу процессуального акта, содержащего решение об их возвращении законным владельцам.

Как уже ранее отмечалось, в предусмотренных законом случаях вещественные доказательства — объекты преступных посягательств могут быть переданы их законным владельцам до окончательного разрешения уголовного дела. Такая передача осуществляется на основании специального постановления (определения), которое обжалованию не подлежит и исполняется после вынесения. Иное имеет место, если вопрос о возвращении названных объектов решается в итоговом процессуальном акте, завершающем производство по уголовному делу, т. е. в постановлении (определении) о прекращении уголовного дела или приговоре. Эти акты вступают в законную силу после истечения срока на их обжалование (опротестование), а в случае обжалования либо опротестования прокурором — после оставления их в силе соответствующими надзорными и контрольными инстанциями. Так, согласно ст. 215 УПК УССР (ч. 5 ст. 209 УПК РСФСР) постановление следователя о прекращении дела может быть обжаловано прокурору в 7-дневный (в РСФСР — 5-дневный) срок со дня получения уведомления или копии постановления о прекращении уголовного дела. Приняв такое решение, следователь, прокурор и суд обязаны письменно уведомить об этом лицо, привлекавшееся к уголовной ответственности, потерпевшего, гражданского истца и лицо, по заявлению которого было возбуждено уголовное дело, либо направить им копию постановления (определения) о прекращении дела (ч. 3 ст. 214 УПК УССР, ч. 3 ст. 209 УПК РСФСР). Названные лица вправе обжаловать это постановление (определение) соответственно прокурору, вышестоящему прокурору и вышестоящему суду в 7-дневный (в РСФСР — 5-дневный) срок со дня получения уведомления или копии постановления (определения) о прекращении дела (ст. ст. 215, 252 УПК УССР, ч. 5 ст. 209, ст. 234 УПК РСФСР). По истечении указанного срока на обжалование либо после оста-

вления названных процессуальных актов в силе соответствующими надзорными и контрольными инстанциями в случае их обжалования или опротестования они вступают в законную силу и подлежат немедленному исполнению.

Орган, вынесший постановление (определение) о прекращении уголовного дела, должен письменно уведомить потерпевшее лицо о его праве получить вещественные доказательства — объекты преступных посягательств, указав при этом, где, когда и какие именно вещи можно получить.

Если вопрос о реституции названных объектов был решен приговором, то такое решение также подлежит исполнению после вступления приговора в законную силу. Порядок возвращения вещественных доказательств их законным владельцам специально уголовно-процессуальными кодексами не установлен. Однако он в деталях регулируется ведомственными нормативными актами, в частности Инструкцией об исполнительном производстве, утвержденной приказом Министра юстиции СССР от 15 ноября 1985 г., а также Инструкцией о порядке приема, учета и хранения в судах вещественных доказательств, утвержденной приказом Министра юстиции СССР от 11 декабря 1975 г., и состоит в следующем: приговор в части возвращения вещественных доказательств — объектов преступного посягательства их законным владельцам после вступления его в законную силу обращается к исполнению судьей или председателем суда. Законным владельцам письменно сообщается, где, когда и какие именно вещественные доказательства они могут получить. Последние выдаются им или их представителям под расписку, которая подшивается в уголовное дело. В расписке требуется указать номер паспорта или иного документа, удостоверяющего личность, адрес получателя, куда перечислить передаваемое имущество. В журнале учета вещественных доказательств, ведущемся в суде, соответственно делается отметка об исполнении приговора (определения) суда о возвращении вещественных доказательств их законным владельцам со ссылкой на лист дела, за которым подшита расписка об их получении. Если владельцем является предприятие, учреждение или организация, то названное имущество передается их представителю при наличии доверенности и под расписку.

Вещественные доказательства, подвергающиеся быстрой порче, если их нельзя вернуть владельцу (неизвестно его местонахождение, уехал в длительную командировку и т. п.), передаются по определению суда в соответствующие учреждения для использования по назначению. Передача производится судебным исполнителем по акту, первый экземпляр которого с подробной описью скоропортящихся вещественных доказательств приобщается к уголовному делу, второй — остается в принявшем их учреждении, а третий — у судебного исполнителя, контролирующего оприходо-

вание денежных сумм, вырученных от реализации, и зачисление их на депозитный счет суда. Эта сумма по распоряжению суда передается владельцу вещественных доказательств.

В случае отказа владельца от получения своего имущества — объекта преступного посягательства или неявки его без уважительных причин по вызовам суда в течение 6 месяцев вещи, годные к употреблению, по определению суда передаются финансовому отделу исполкома районного (городского) Совета народных депутатов для реализации, а не представляющие ценности — уничтожаются. Вопрос о их возвращении владельцам в натуре или об их стоимости после передачи финансовым органам решается в соответствии с Положением о порядке учета, оценки и реализации конфискованного, безхозяйственного имущества, перешедшего по праву наследования к государству, и кладов, утвержденным постановлением Совета Министров СССР от 29 июня 1984 г. [197, 1984, № 24, ст. 127] и изданной на его основании одноименной инструкцией, утвержденной приказом Министра финансов СССР от 19 декабря 1984 г.

Деньги, облигации государственных займов СССР, сберегательные книжки, аккредитивы, сохранные свидетельства, выданные сберегательными кассами, и другие ценные бумаги, бывшие объектом преступных посягательств, хранятся до истечения трехлетнего срока со дня вступления приговора либо постановления (определения) о прекращении уголовного дела в законную силу. Если в течение этого срока их законный владелец по каким-либо причинам их не получит, они передаются в доход государства.

В ряде случаев уголовное дело прекращается, однако виновное лицо привлекается к административной ответственности, материалы в отношении него передаются в товарищеский суд, комиссию по делам несовершеннолетних или виновный передается на поруки общественной организации или трудовому коллективу (ст. ст. 72 — 10 УПК УССР, 62 — 9 УПК РСФСР). В этой связи важное практическое значение имеет вопрос: подлежат ли возвращению законным владельцам названные вещественные доказательства непосредственно после вступления в законную силу соответствующего постановления (определения) о прекращении уголовного дела или они должны храниться до решения вопроса об ответственности указанного лица в административном порядке, рассмотрения дела товарищеским судом и т. д.? Безусловно, решение о возвращении названных объектов их владельцам должно быть принято именно в постановлении (определении) о прекращении уголовного дела. Однако непосредственное исполнение этого процессуального акта следует осуществлять, по нашему мнению, лишь после вступления в законную силу решений названных органов о применении мер, заменяющих уголовное наказание. В пользу этого мнения говорят следующие обстоятельства. Во-первых, для применения

административных или общественных мер воздействия, заменяющих уголовное наказание, необходимы исследование и оценка всех имеющихся в деле доказательств, в том числе и вещественных. И вполне естественно, что они могут понадобиться при рассмотрении материалов дела названными органами. Во-вторых, не следует упускать из внимания тот факт, что эти органы вправе в предусмотренных законом случаях вернуть материалы в органы, прекратившие уголовное дело, для возобновления его производства и привлечения виновного к уголовной ответственности [85, 298, 314]. В такой ситуации вещественные доказательства, подлежащие передаче законным владельцам, будут необходимы для достижения целей уголовного судопроизводства.

Специального рассмотрения этот вопрос требует в случаях, когда уголовное дело прекращается в связи с передачей виновного на поруки общественной организации или трудовому коллективу по их ходатайству. Дело в том, что организация или трудовой коллектив, которому было передано на поруки для перевоспитания и исправления лицо, совершившее деяние, содержащее признаки преступления, вправе в течение года с момента передачи на поруки отказаться от своего поручительства, если указанное лицо не оправдало доверия коллектива и нарушило свое обещание исправиться, и направить свое решение в суд или прокуратуру для рассмотрения вопроса об его уголовной ответственности. В таком случае уголовное дело названными органами может быть возобновлено и его производство осуществляется в общем порядке (ст. 13 УПК УССР, ч. 5 ст. 9 УПК РСФСР). При этом, естественно, возникает необходимость в имевшихся в уголовном деле вещественных доказательствах. С учетом этого обстоятельства в уголовно-процессуальной литературе было высказано мнение, согласно которому в случае прекращения уголовного дела в связи с передачей виновного на поруки вещественные доказательства, подлежащие возвращению владельцам, должны храниться, по общему правилу, до истечения срока поручительства, т. е. одного года [261, 53]. Полагаем, однако, что данное суждение не имеет достаточных оснований. Его реализация на практике негативно отразится на имущественных правах и интересах потерпевших от преступления лиц: такое решение способно привести к возникновению или увеличению уже имеющихся материальных потерь, так как исключает возможность использовать столь длительное время указанные вещи по хозяйственному назначению.

Необходимо также иметь в виду, что уголовно-процессуальный институт передачи виновных в совершении деяний, содержащих признаки преступления, на поруки общественным организациям или трудовым коллективам обладает высокой эффективностью — подавляющее большинство переданных на поруки исправляются и не допускают новых правонарушений. Отказ от поручительства —

исключение, но не правило в практической реализации данного института. Поэтому предложенное решение рассматриваемого вопроса с ориентировкой не на правило, а на исключение из него не может быть признано правильным по существу.

Наконец, предложенное решение рассматриваемого вопроса не согласуется и с сущностью реституции, как наиболее оперативного способа устранения нарушений имущественных прав потерпевших от преступления лиц.

Все это дает основание заключить, что в рассматриваемой ситуации правилом должна быть передача вещественных доказательств — объектов преступного посягательства их законным владельцам непосредственно после вступления в законную силу постановления (определения) о прекращении уголовного дела и передачи виновного на поруки. И лишь в случае, когда передаваемые вещи имеют существенное значение для производства по уголовному делу и их утрата могла бы нанести ему ущерб, будь оно возобновлено, у законных владельцев следует отбирать обязательство о неотчуждении их каким бы то ни было способом и хранении до истечения срока передачи виновного на поруки. Хотя возложение такого обязательства и ограничивает право распоряжения законных владельцев принадлежащими им вещами, тем не менее они могут ими пользоваться и извлекать из них полезные свойства. При таком решении будут соблюдены интересы как названных лиц, так и правосудия.

Уголовно-процессуальный закон, как известно, порядок передачи вещественных доказательств — объектов преступного посягательства их законным владельцам в случае прекращения уголовного дела по так называемым нереабилитирующим основаниям детально не урегулировал. Он лишь содержит общее предписание ведущим уголовный процесс органам решить их судьбу в постановлении (определении) о прекращении уголовного дела. Этот вопрос остался вне поля зрения также ведомственных нормативных актов, регулирующих исполнительное производство. В то же время следственная и судебная практика в его решении испытывает значительные колебания. В одних случаях вещественные доказательства — объекты преступных посягательств передаются их владельцам непосредственно после вынесения постановления (определения) о прекращении уголовного дела и передачи его или материалов в соответствующие органы для применения к виновному мер административного или общественного воздействия либо передачи его на поруки; в других — после вступления этих процессуальных актов, завершающих производство по уголовному делу, в законную силу; в третьих — после принятия названными органами к виновному мер административного или общественного воздействия; в четвертых — после передачи виновного на поруки; в пятых — после истечения испытательного годичного срока.

Разумеется, такое положение нельзя признать удовлетворительным. Полагаем, что Пленуму Верховного Суда СССР, а также пленумам верховных судов союзных республик следовало бы дать руководящие разъяснения о порядке передачи вещественных доказательств — объектов преступного посягательства их законным владельцам в случае прекращения уголовного дела и передачи его в суд для применения к виновному в совершении деяния, содержащего признаки преступления, мер административного взыскания либо в товарищеский суд, в комиссию по делам несовершеннолетних или передачи виновного на поруки общественной организации или трудовому коллективу. Изложенные нами выше соображения о порядке такой передачи основываются на законе, учитывают интересы правосудия по уголовным делам и исходят из наиболее эффективной защиты имущественных прав и интересов потерпевших от преступления лиц посредством реституции противоправно отчужденного у них имущества. Их мы и предлагаем взять за основу такого руководящего разъяснения.

Глава V. УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОБЯЗАННОСТЬ УСТРАНЕНИЯ ПРИЧИНЕННОГО ПРЕСТУПЛЕНИЕМ ИМУЩЕСТВЕННОГО ВРЕДА

ВВОДНЫЕ ЗАМЕЧАНИЯ

До сих пор наше исследование защиты нарушенных преступлением имущественных прав и интересов граждан и юридических лиц ограничивалось анализом теории и практики реализации в уголовном процессе таких правовых конструкций, как гражданский иск (соединенный процесс), возмещение причиненного преступлением материального ущерба по собственной инициативе суда (*ex officio*), реституции изъятого в результате совершения преступления имущества. Использование этих уголовно-процессуальных институтов дает возможность устранить вредные имущественные последствия преступления и тем самым восстановить нарушенную имущественную сферу потерпевших лиц на основании норм гражданского, трудового, колхозного права. Нормы уголовного материального права не принимали непосредственно „участия“ в защите нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших названными способами.

В данной главе речь пойдет о защите тех же прав и интересов, осуществляемой судом также с помощью уголовно-процессуальной формы, но на принципиально иной материальной основе — на основании норм уголовного материального права.

Непосредственную защиту нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших лиц нормами уголовного права вряд ли можно считать традиционным явлением. Скорее наоборот — это исключение из общего правила о том, что возмещение ущерба, причиненного любыми противоправными деяниями, осуществляется на основании норм гражданского права. И тем не менее законодательная практика многих стран, в том числе и Советского государства, знает и этот способ защиты, и он успешно реализуется в правоприменительной практике.

Нетрадиционность этого способа защиты нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших лиц усматривается в отходе от веками культивирующейся правовой мысли, что гражданское (цивильное) и уголовное право имеют различные сферы приложения, устанавливают различные цели и средства достижения. При этом уголовное право оперирует установленными мерами наказания за совершенное преступление, а гражданское — имущественной ответственностью, обязанностью возместить

причиненный материальный ущерб. Уголовное право принимает во внимание прежде всего вред, причиненный преступлением обществу как целостному явлению, а гражданское — индивидуальному ущербу, причиненный гражданину или общественному формированию (юридическому лицу). Уголовная ответственность — это наказание, направленное против личности, применяемое с целью ее исправления, а также для получения общественного эффекта, в частности общей превенции и удовлетворения чувства социальной справедливости. Ответственность же гражданская (имущественная) носит преимущественно компенсационный (восстановительный) характер и направлена в первую очередь на имущественную сферу причинителя вреда, а не на его личность.

Перечисление этих различий можно было бы продолжить. Мы указали лишь на наиболее острые, хрестоматийные, именно те, которые в первую очередь были положены в основу разграничения названных двух отраслей права и традиционного их применения в случае совершения преступления и причинения имущественного вреда: уголовного, предусматривающего уголовное наказание за совершение преступления; гражданского, устанавливающего имущественную ответственность за причиненный материальный ущерб.

Со временем, однако, столь острое разграничение уголовного материального права и гражданского в средствах, используемых для достижения стоящих перед ними целей, начало притупляться и в определенной мере сглаживаться. Это отразилось, в частности, в том, что обе отрасли права стали использовать похожие, а порой и идентичные средства в решении своих задач. Гражданское право обратилось к средствам (санкциям), традиционно свойственным уголовному праву, а последнее, в свою очередь, перестало быть индифферентным к задачам и целям первого, а в некоторых случаях и напрямую стало использовать типично гражданско-правовые средства (санкции) в решении своих задач.

Причиной такого явления, очевидно, послужило повышение значения и возросшее внимание к воспитательной функции уголовного права, повлекшее, в свою очередь, смещение акцента с уголовного наказания на личность преступника. Это стимулировало поиск новых форм воздействия на личность преступника, которые обеспечивали бы большую дифференциацию в степени тяжести наказания и одновременно дали бы возможность наиболее эффективно устранить все (в том числе и имущественные) вредные последствия преступления.

В гражданско-правовой ответственности, с другой стороны, все большую актуальность приобретает воспитательно-предупредительная (карательная, репрессивная) функция, усиливаемая законодателем путем обеспечения соблюдения гражданско-правовых норм карательными санкциями, типичными для уголовной ответственности.

Данное обстоятельство можно проследить на многих правовых системах. Не является тому исключением и социалистическая, в том числе и советская правовая система. Более того, в ней еще сильнее обозначалось взаимозависимость и обусловленность общественного и индивидуального интереса, осознание того, что вред, причиненный преступлением, и его возмещение является не только личным делом потерпевшего юридического или физического лица, но и всего общества, а это, в свою очередь, способствовало взаимному сближению способов реакции этих двух различных отраслей права как на имущественные последствия преступного деяния, так и самого правонарушителя.

Примеров того, как обе названные отрасли советского права используют одни и те же санкции за совершение правонарушений, попадающих в их сферу правового регулирования, можно привести много. Достаточно указать на гражданско-правовые нормы, предусматривающие последствия:

а) сделок, совершенных с целью, противной интересам государства и общества (ст. ст. 49 ГК УССР, 49 ГК РСФСР), а также совершенных вследствие обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой или стечения тяжелых обстоятельств (ст. ст. 57 ГК УССР, 58 ГК РСФСР);

б) самовольной постройки дома, дачи (их части) (ст. ст. 105 ГК УССР, 109 ГК РСФСР);

в) использования дома, дачи или другого имущества для извлечения нетрудовых доходов (ст. ст. 106 ГК УССР, 111 ГК РСФСР);

г) безхозяйного содержания дома (ст. ст. 135 ГК УССР, 141 ГК РСФСР).

Во всех перечисленных случаях совершение гражданско-правового нарушения влечет за собой применение санкции, которая по своему характеру является репрессивным средством воздействия, свойственным уголовному праву. Именно такую же санкцию содержат уголовно-правовые нормы, предусматривающие уголовную ответственность за незаконную переуступку жилого дома и взыскание квартирной платы выше установленного размера (ст. 152 УК УССР); незаконную порубку леса, охоту, незаконное занятие рыбным, звериным или иным воднодобывающими промыслом (ст. ст. 160, 161, 162 УК УССР, 163, 164, 166, 169 УК РСФСР), самовольное строительство дома (ст. ст. 199 УК УССР, 199 УК РСФСР), изготовление, сбыт и распространение порнографических предметов (ст. ст. 211 УК УССР, 288 УК РСФСР) и др.

Во всех перечисленных случаях как гражданско-правового, так и уголовно-правового регулирования используется одно и то же средство — конфискация имущества, которое по своей сущности является уголовно-правовым средством воздействия и используется для наказания правонарушителей, совершивших, как правило, корыстные преступления.

Не только компенсационные (восстановительные) цели, но в значительной мере и репрессивные выполняет имущественная ответственность в повышенном (кратном) размере, установленная нормами трудового и гражданского права за причинение вреда некоторыми правонарушениями, в том числе и преступлениями.

В свою очередь, уголовный материальный закон не является индифферентным, а определенным образом реагирует на причиненный преступлением материальный ущерб. Это находит выражение не только при определении степени общественной опасности совершенного деяния через призму характера и величины причиненного материального ущерба и индивидуализации в зависимости от этого уголовного наказания, но и в создании уголовно-правовых стимулов для возмещения ущерба его причинителем. К их числу прежде всего относится признание уголовным законом добровольного возмещения или устранения причиненного преступным деянием имущественного вреда смягчающим уголовную ответственность обстоятельством (п. 1 ст. 40 УК УССР, п. 1 ст. 38 УК РСФСР).

Кроме того, полное или частичное возмещение причиненного преступлением материального ущерба, как одно из обстоятельств, характеризующих посткриминальное поведение совершившего преступление лица*, принимается судом во внимание:

при решении вопроса об освобождении лица от уголовной ответственности за совершенное преступление (ч. 2 ст. 50, ст. 51, ч. 3 ст. 10 УК УССР; ч. 4 ст. 10, ст. 16, ч. 3 ст. 50, ст. ст. 50¹, 51, 52 УК РСФСР);

при назначении наказания, в частности: а) при условном осуждении (ст. ст. 45 УК УССР, 44 УК РСФСР); б) при условном осуждении к лишению свободы с обязательным привлечением к труду (ст. ст. 25¹ УК УССР, 24² УК РСФСР); в) при назначении наказания более мягкого, чем предусмотрено законом (ст. ст. 44 УК УССР, 43 УК РСФСР); д) при отсрочке исполнения приговора (ст. 46¹ УК УССР и УК РСФСР);

при исполнении приговора, в частности: а) при освобождении осужденного от наказания по истечении срока отсрочки исполнения приговора (ч. 6 ст. 46¹ УК УССР и УК РСФСР); б) при сокращении испытательного срока в случае условного осуждения (ч. 5 ст. 44 УК РСФСР); в) при условно-досрочном освобождении от наказания и замене его более мягким (ст. ст. 52, 53 УК УССР, 53, 55 УК РСФСР); г) при условном освобождении из мест лишения свободы с обязательным привлечением к труду (ст. ст. 52² УК УССР, 53² УК РСФСР);

после отбытия наказания, в частности: а) при включении времени отбывания исправительных работ в общий трудовой стаж (ч. 2 ст. 103 ИТК УССР, ч. 5 ст. 27 УК РСФСР); б) при досрочном снятии судимости (ч. 5 ст. 55 УК УССР, ч. 2 ст. 57 УК РСФСР).

* Значение поведения лица после совершения им преступления для реализации уголовной ответственности см.: [179].

Во всех перечисленных случаях, придавая полному или частичному возмещению ущерба значение обстоятельства, положительно характеризующего личность виновного, уголовный закон тем самым стимулирует устранение им вредных имущественных последствий преступления.

В ряде случаев советский уголовный закон использует устранение причиненного имущественного вреда как уголовно-правовое средство воздействия на совершившее преступление лицо, в частности, в качестве пробационного (испытательного) условия при предоставлении отсрочки исполнения приговора (ст. ст. 39¹ Основ уголовного законодательства, 46¹ УК УССР и УК РСФСР), а кроме того, по законодательству некоторых союзных республик и в качестве принудительной меры воспитательного характера в отношении совершившего преступление несовершеннолетнего (например, ст. ст. 63 УК РСФСР, 60 УК БССР и др.), к которому суд решил не применять уголовного наказания.

Наконец, уголовное законодательство ряда союзных республик использует устранение виновным вредных имущественных последствий преступления в качестве основного и дополнительного уголовного наказания, именуемого возложением обязанности загладить причиненный вред (ст. ст. 32 УК РСФСР, 30 УК ТаджССР).

Таким образом, изложенное позволяет сделать вывод о том, что восстановление нарушенной преступлением имущественной сферы потерпевших лиц не является уже исключительной „вотчиной“ гражданского права. Оно оказалось и в поле зрения уголовного материального права, нормы которого не только оказывают стимулирующее воздействие на преступника с целью возмещения причиненного им ущерба посредством создания системы поощрений, но и содержат иные, более эффективные уголовно-правовые средства, применение которых дает возможность непосредственно устранить вредные имущественные последствия преступления. К их числу по действующему уголовному законодательству Союза ССР и союзных республик необходимо отнести:

применение к осужденному уголовного наказания — возложения обязанности загладить причиненный вред;

применение к совершившему преступление несовершеннолетнему принудительной меры воспитательного характера — возложения на него судом обязанности устранить причиненный вред;

возложение на осужденного к лишению свободы обязанности устранить причиненный вред, используемой в качестве пробационного (испытательного) условия при отсрочке исполнения приговора.

Применение перечисленных уголовно-правовых средств воздействия на виновных в совершении преступлений дает возможность не только решать воспитательно-предупредительные и исправительные задачи, но и устранять вредные имущественные последствия преступления, защищая тем самым нарушенные имущественные права и интересы потерпевших лиц.

Несмотря на важное научное и практическое значение уголовно-правовой обязанности устранить причиненный имущественный вред, она до сих пор не была предметом самостоятельного научного исследования. Такое положение, по всей видимости, можно объяснить тем, что подавляющее большинство криминалистов считают названную обязанность по своему характеру гражданско-правовой мерой воздействия и, следовательно, связанные с ней научные проблемы относят к предмету науки гражданского права.

Однако по вполне понятным причинам (это уголовно-правовая, а не гражданско-правовая мера воздействия) она не могла попасть и в сферу интереса последней.

Таким образом, находясь в доктринальном плане на стыке наук двух указанных отраслей права, названная обязанность фактически выпала из поля зрения исследователей в качестве самостоятельной научной проблемы, что нельзя признать нормальным явлением. Попытку в какой-то мере устранить этот пробел и предпринимает автор в настоящей главе.

СУЩНОСТЬ И ФУНКЦИИ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОБЯЗАННОСТИ УСТРАНЕНИЯ ИМУЩЕСТВЕННОГО ВРЕДА

Уяснение сущности уголовно-правовой обязанности устранить причиненный преступлением имущественный вред, возлагаемой судом на осужденного, предполагает прежде всего установление правовой природы этой обязанности: возникает ли она на основании норм гражданского (трудового, колхозного) права, регулируется ими и, таким образом, является по своей юридической природе гражданско-правовой, используемой лишь в целях уголовного наказания, или возникает исключительно на основании норм уголовного материального права, составляющих ее самостоятельное основание, и, следовательно, имеет уголовно-правовую природу.

В отечественной юридической литературе этот вопрос специально не обсуждался. Причиной тому, по-видимому, была его „ясность“, так как подавляющее большинство представителей науки уголовного материального права сходятся в том, что возложение обязанности загладить причиненный вред как мера уголовного наказания, предусмотренная действующими уголовными кодексами ряда союзных республик (РСФСР, УзССР, КазССР и др.), лишено элементов кары и поэтому не может применяться в данном качестве. А так как названная обязанность лишена одного из наиболее существенных элементов уголовного наказания — кары (репрессии), то остается сделать вывод о том, что она имеет гражданско-правовую природу. Именно это непосредственно и вытекает из положений, высказанных А. И. Цветиновичем.

По мнению автора, против признания возложения обязанности загладить причиненный вред „уголовным наказанием свидетельствует, прежде всего, то, что оно в первую очередь преследует цель удовлетворения потерпевшего, тогда как наказание в советском уголовном праве такой цели не имеет и иметь не может”. Возмещение материального ущерба, причиненного преступлением, полагает автор, „следует рассматривать не как вид наказания, а как обязательное последствие совершения преступления, имеющее в своей основе цель восстановления прежнего положения, т. е. цель, по существу своему, гражданско-правовую” [241, 57-58].

Из приведенных положений довольно четко просматривается высказанная автором мысль о том, что возлагаемая на основании норм уголовного права обязанность загладить причиненный вред по своей сущности является гражданско-правовым средством воздействия, а следовательно, и природа ее гражданско-правовая.

По всей видимости, к аналогичному выводу следовало бы прийти и в отношении обязанности загладить причиненный вред, возлагаемой судом на несовершеннолетнего правонарушителя в качестве принудительной меры воспитательного характера, а равно испытательного условия при отсрочке исполнения приговора.

Между тем такой взгляд на сущность и правовую природу рассматриваемой обязанности далеко не бесспорен. Сопоставление ее с аналогичной обязанностью, возлагаемой на основании норм гражданского права, обнаруживает ряд особенностей, характеризующих ее как уголовно-правовое средство воздействия, используемое прежде всего для решения задач, стоящих перед уголовным правом, а не для восстановления нарушенного преступлением имущественного положения потерпевших лиц.

Итак, в чем же состоит отличие уголовно-правовой обязанности устранить (загладить) причиненный вред от аналогичной гражданско-правовой обязанности.

1. Названные обязанности возникают в разное время: гражданско-правовая — с момента совершения преступления и причинения им имущественного вреда, а уголовно-правовая — лишь с момента принятия судом решения о ее возложении на виновное в совершении преступления лицо, а точнее, с момента вступления в законную силу приговора, содержащего это решение.

Правда, при этом можно было бы предположить, что это одна и та же обязанность (гражданско-правовая по своей сущности), только лишь конкретизированная в приговоре. Однако такое предположение опровергается тем, что решение суда о возложении уголовно-правовой обязанности устранить причиненный вред не может быть подвергнуто принудительному исполнению в порядке исполнительного производства, как это имеет место в отношении возложенной гражданско-правовой обязанности возместить причи-

ненный деликтом ущерб. Ее исполнение обеспечивается пенальными средствами — угрозой применения уголовно-правовых санкций, если осужденный будет уклоняться от исполнения, в частности заменой избранного наказания более строгим или отменой отсрочки исполнения приговора.

2. В названных двух обязанностях имеет место различная по субъектному составу и содержанию конструкция правовых отношений, возникающих при их возложении. Субъектами гражданско-правового отношения и соответственно сторонами в обязательстве по возмещению причиненного вреда, как известно, являются причинитель вреда или лицо, несущее в силу закона имущественную ответственность за его действия (должник, делинквент) и понесшее материальный ущерб лицо (кредитор). В этом правоотношении гражданско-правовой обязанности должника возместить причиненный ущерб корреспондирует полномочие кредитора требовать и получить такое возмещение. И если должник уклоняется от добровольного исполнения названной обязанности, то кредитор вправе использовать механизм принудительного исполнения.

Несколько иную картину приходится наблюдать при реализации уголовно-правовой обязанности возместить причиненный преступлением материальный ущерб. Возложение этой обязанности на осужденного гражданско-правовое отношение между ним и понесшим материальный ущерб лицом не опосредствует. Последнее не обладает полномочием требовать от осужденного исполнения возложенной обязанности, так как не является стороной правоотношения, возникшего между осужденным и судом. В этом правоотношении (уголовно-правовом по своей сущности) сторонами являются осужденный и суд. И соответственно обязанности первого устранить причиненный вред корреспондирует право суда применить к осужденному предусмотренную нормой уголовного закона санкцию за уклонение от исполнения возложенной обязанности (заменить избранное наказание более тяжким, отменить отсрочку исполнения приговора и привести его к реальному исполнению) или предоставить ему указанную в законе льготу, если он ее выполнит (не привести приговор к реальному исполнению).

3. Уголовно-правовой обязанности устранить причиненный вред и аналогичной ей гражданско-правовой обязанности свойственны различные первоочередные функции. Именно этим можно объяснить то положение, что возложение на осужденного приговором суда обязанности возместить причиненный преступлением ущерб на основании норм гражданского права не препятствует возложению аналогичной уголовно-правовой обязанности, если она используется в качестве испытательного условия при отсрочке исполнения приговора (ст. 39¹ Основ уголовного законодательства). Обе названные обязанности могут в этом случае возлагаться параллельно.

4. При возложении на осужденного уголовно-правовой обязанности устранить (загладить) причиненный имущественный вред применяются исключительно нормы уголовного права, но не гражданского и иных отраслей материального права. Именно уголовно-правовая природа этой обязанности обуславливает то положение, что она может быть возложена даже в случаях, когда аналогичная ей гражданско-правовая обязанность не может быть реализована в принудительном порядке. Речь идет о такой, в частности, ситуации, как истечение срока давности для защиты нарушенного имущественного права (кроме требований, на которые исковая давность не распространяется — ст. ст. 71, 83 ГК УССР, 78, 90 ГК РСФСР). Разумеется, названная ситуация, можно сказать, исключительна, она редко встречается в судебной практике, тем не менее не считаться с нею при определении сущности уголовно-правовой обязанности нельзя.

В отличие от своего гражданско-правового аналога на уголовно-правовую обязанность устранить причиненный вред распространяются не сроки давности для защиты нарушенного права, а сроки давности привлечения к уголовной ответственности (ст. ст. 48 УК УССР, 48 УК РСФСР) и исполнения обвинительного приговора (ст. ст. 49 УК УССР, 49 УК РСФСР).

Кроме того, в отличие от возмещения ущерба, присужденного на основании норм гражданского права, на уголовно-правовую обязанность устранить причиненный вред, в каком бы качестве она ни была использована судом, распространяются институты амнистии и помилования. Иными словами, если совершившее преступление лицо освобождается от уголовной ответственности и наказания в силу акта об амнистии или помиловании, то они тем самым освобождаются и от уголовно-правовой обязанности загладить причиненный вред.

По-иному решается вопрос, если обязанность возместить причиненный вред была возложена на осужденного приговором суда на основании норм гражданского права. В таких случаях амнистия не освобождает амнистированного от возмещения материального ущерба. Приговоры суда в части гражданского иска либо возмещения ущерба по инициативе суда подлежат исполнению и после амнистии, а также, по общему правилу, и после помилования*.

5. Уголовно-правовая обязанность устранить причиненный вред, в отличие от гражданско-правовой, носит строго личный характер: ее выполнение должно быть осуществлено только тем лицом, на которое она возложена, т. е. осужденным.

Это положение непосредственно закреплено в уголовном законе. Статья 32 УК РСФСР устанавливает, что „исполнение обязанности загладить причиненный вред состоит в непосредственном

* Об амнистии и помиловании в СССР см.: [252; 97; 132].

устранении причиненного вреда *своими силами* или возмещении материального ущерба *своими средствами*" (курсив мой. — В. Н.).

Равным образом ст. 63 УК РСФСР, регулирующая применение принудительных мер воспитательного характера к несовершеннолетним, устанавливает правило, согласно которому обязанность возместить причиненный ущерб может быть возложена на лицо, достигшее 15 лет, которое имеет „самостоятельный заработок“, а также способно „своим трудом“ устранить причиненный материальный ущерб.

Менее четко это положение отражено в норме уголовного закона о возложении обязанности устранить причиненный вред, используемой в качестве пробационного условия при отсрочке исполнения приговора (ст. ст. 46¹ УК УССР, 46¹ УК РСФСР). Однако то положение нормы, что „суд может обязать осужденного в определенный срок устранить причиненный вред“ (курсив мой. — В. Н.), не оставляет сомнений в том, что и в данном случае речь идет о строго личной обязанности. Об этом же говорит и ее испытательный характер.

Личный характер рассматриваемого обязательства означает, что при его выполнении смена обязанного лица невозможна. В то же время для выполнения гражданско-правовой обязанности возместить причиненный вред требование личного исполнения (за счет личных средств или своими силами) не является его категоричным условием. Здесь более важно не то, кем или за счет чьих средств устраняется (возмещается) вред, а то, что он устраняется, компенсируется. Именно поэтому при реализации гражданско-правовой ответственности допускаются: возложение обязанности устранить вред на лицо, которое преступления не совершило, но несет имущественную ответственность за действия причинителя вреда; исполнение обязательства в целом объеме солидарным должником; принятие исполнения от третьих лиц с согласия кредитора и пр., что недопустимо и нелегально при выполнении указанной уголовно-правовой обязанности.

6. Различие между уголовно-правовой и аналогичной ей гражданско-правовой обязанностью возместить причиненный преступлением материальный ущерб можно обнаружить и в основании возложения этих обязанностей.

Обязанность возмещения ущерба, предусмотренная нормами уголовного права, всегда основывается на принципе вины — ее возложение возможно только в случае, когда суд признает подсудимого виновным в совершении преступления, а следовательно, и в причинении ущерба. В то же время, закрепляя принцип ответственности за вину в качестве общего и ведущего принципа гражданско-правовой ответственности (ст. ст. 37, 88 Основ гражданского законодательства), гражданское право допускает ответственность

и без вины, по принципу риска*. И хотя имущественная ответственность по принципу риска является исключением из общего правила ответственности за вину, предусматриваемую в каждом конкретном случае законом, тем не менее она имеет место и является специфическим свойством этого вида юридической ответственности.

7. Существенное различие между названными обязанностями имеет место и в отношении объема возмещения материального ущерба, причиненного преступлением. Если при возложении гражданско-правовой обязанности объем возмещения определяется размером действительно причиненного ущерба, а в предусмотренных законом случаях — и в кратном его размере, то возмещение ущерба в качестве меры уголовного наказания, а также принудительной меры воспитательного характера, применяемой судом к несовершеннолетнему, осуществляется в полном объеме, ограниченном, однако, установленным уголовно-правовой нормой пределом, соответственно составляющим 500 и 50 руб. (ст. ст. 32, 63 УК РСФСР).

Перечень различий между названными уголовно-правовыми и гражданско-правовыми обязанностями можно было бы продолжить. Однако уже приведенных выше достаточно для вывода о том, что уголовно-правовая обязанность возместить причиненный преступлением материальный ущерб имеет собственное материально-правовое основание (нормы уголовного права) и по правовой природе (сущности) является уголовно-правовой мерой воздействия.

Этот вывод, однако, не означает, что нормы гражданского права, регулирующие имущественную ответственность за причинение вреда деликтом, не имеют значения для реализации обязанности загладить причиненный ущерб на основании предписаний уголовного материального права. Несмотря на самостоятельное правовое основание последней, необходимость обращения к предписаниям гражданского права при ее возложении сомнений вызывать не может, так как многие вопросы, связанные с возмещением причиненного ущерба как уголовно-правового средства воздействия, в нормах уголовного права не урегулированы. К ним, в частности, можно отнести: способы устранения причиненного вреда, порядок его устранения в случае причинения несколькими осужденными (солидарный или долевой), состав имуществен-

* Среди представителей науки советского гражданского права нет единства во мнениях относительно возможности гражданско-правовой ответственности без вины. Одни отрицают ответственность за случай, полагая, что здесь имеет место особая форма распределения случайных убытков [112, 135—139], другие считают, что в предусмотренных законом случаях гражданско-правовая ответственность за случайное причинение вреда (без вины) также имеет место. Более подробно об этом см.: [196, 87].

ного вреда в случае повреждения здоровья, виды вреда, включаемые в объем возлагаемой обязанности (понесенные расходы, неполученные доходы) и т. п.

При реализации названной уголовно-правовой обязанности возникает необходимость обращаться и к гражданско-правовой доктрине с целью выяснения имеющих для этого значение правовых понятий, традиционно связанных с гражданским правом. Примером тому может быть само понятие вреда (ущерба), которого материальный закон не содержит. Однако это не противоречит выводам о том, что рассматриваемая обязанность имеет собственное правовое основание и по юридической природе является уголовно-правовой.

2. Уголовно-правовая обязанность устранить причиненный преступлением материальный ущерб, как уже отмечалось, используется в действующем уголовном законодательстве в различном качестве — уголовного наказания (УК РСФСР, УК ТаджССР), принудительной меры воспитательного характера в отношении несовершеннолетнего правонарушителя, испытательного условия при отсрочке исполнения приговора. Однако независимо от того, в каком качестве она применена, ее характеризует прежде всего выполнение уголовно-правовых функций.

Вопрос о функциях уголовного права не входит в задачу нашего исследования. Отметим лишь, что в науке советского уголовного права принято выделять охранительную, регулятивную и воспитательную функции уголовного права (Г. А. Злобин предлагает выделять социально-превентивную, ценностно-ориентационную и оценочную, юридико-регулятивную, социально-интегративную, системно-правовую и функцию поддержания и укрепления престижа государственной власти) [88, 75—77].

Охранительную и социально-превентивную функции принято считать специфичными только для уголовного права [168, 97]. Целью уголовного наказания и является реализация социально-превентивной функции уголовного права [25; 253; 95; 214; 148].

Обязанность устранить причиненный вред, будучи уголовно-правовым средством воздействия независимо от того, в каком качестве оно реализуется, безусловно оказывает воспитательно-предупредительное воздействие, т. е. является одним из средств реализации социально-превентивной функции уголовного права.

Во всех перечисленных случаях возложение на виновное в совершении преступления лицо обязанности устранить причиненный ущерб используется в первую очередь для воспитательно-предупредительного воздействия на него и иных лиц. Опираясь более обобщенными категориями, можно сказать, что посредством применения рассматриваемой уголовно-правовой обязанности реализуется репрессивная (карательная) функция уголовного права, имеющая целью ресоциализацию лица, совершившего преступление.

Этим, собственно, и отличается уголовно-правовая обязанность устранить причиненный вред от аналогичной гражданско-

правовой обязанности, преследующей прежде всего компенсационную (восстановительную) цель и, следовательно, направленной в первую очередь на реализацию компенсационной функции имущественной (гражданско-правовой) ответственности.

Вместе с тем было бы ошибкой полагать, что уголовно-правовая обязанность устранить причиненный вред не имеет никакого отношения к реализации восстановительной функции, свойственной имущественной ответственности. Выполнение осужденным возложенной на него названной обязанности по общему правилу прекращает гражданско-правовое отношение между причинителем вреда (осужденным) и потерпевшим и тем самым устраняет гражданско-правовую обязанность осужденного возместить причиненный вред.

Равным образом, в результате реализации гражданско-правовой ответственности не только достигается восстановление имущественной сферы потерпевших лиц, но и оказывается предупредительно-воспитательное воздействие на правонарушителя.

В последнее время в цивилистической литературе все активнее пробивает дорогу взгляд, в соответствии с которым гражданско-правовой ответственности, кроме компенсационной (восстановительной), свойственна и репрессивно (карательно)-превенционная функция [14, 277; 130, 219; 39, 50]. По нашему мнению, это наиболее отчетливо находит свое проявление в случаях применения имущественной ответственности в кратном (повышенном) размере, хотя ее реализация в любом размере выполняет также и воспитательно-предупредительную функцию, так как осуществляется за счет ущемления имущественных прав правонарушителя.

Таким образом, как уголовно-, так и гражданско-правовая обязанность устранить (возместить) причиненный преступлением имущественный ущерб выполняет обе названные функции. Однако акценты, иерархия этих функций при реализации названных обязанностей различны. Для обязанности устранить причиненный ущерб, налагаемой на основании норм уголовного права, главной, первоплановой является репрессивная (карательная) функция, реализуемая с воспитательно-предупредительной целью. Компенсационная функция свойственна ей лишь в той мере, в какой названная обязанность способна выполнить свою функцию, и, следовательно, имеет подчиненный по отношению к последней характер.

По-иному выглядит иерархия названных функций при реализации гражданско-правовой ответственности. Перед последней на первом плане стоит цель приведения нарушенной преступлением имущественной сферы потерпевших лиц в первоначальное состояние за счет усилия и средств причинителей вреда, а затем

уже (хотя и этим самым) оказали воспитательно-предупредительного воздействия как на них, так и на третьих лиц*.

Изложенные соображения относительно иерархии названных функций рассматриваемой уголовно-правовой обязанности ни в коей мере не означают их противопоставления. Это было бы и безосновательно, и неправильно с методологической точки зрения. Речь идет об учете их особенностей: воспитательно-предупредительная (карательная) функция является главной, первоплановой, а восстановительная (компенсационная) — вторичной, второстепенной. И вполне закономерно, так как при реализации названной обязанности на первый план выдвигается личность обвиняемого (осужденного) и применение к нему уголовно-правовых средств воздействия, но не потерпевшее от преступления лицо и защита его имущественных прав и интересов.

Однако признание восстановительной функции рассматриваемой уголовно-правовой обязанности второстепенной отнюдь не умаляет ее значения в защите имущественных прав и интересов потерпевших от преступления. Более того, эта обязанность, как нам представляется, не менее эффективно, чем гражданско-правовая ответственность, способна осуществить их защиту. Особенно это касается случаев, когда названная обязанность возлагается на осужденного в качестве испытательного условия при отсрочке исполнения наказания лишением свободы. Несмотря на то что она не может быть исполнена в принудительном порядке, уголовно-правовая санкция в виде отмены отсрочки приговора и приведения его к реальному исполнению является достаточно авторитетным стимулом для ее исполнения осужденным.

С другой стороны, выполнение осужденным возложенной на него обязанности устранить причиненный вред, будучи одним из условий неприведения приговора в исполнение, является для него определенной льготой, а следовательно, и стимулом для надлежащего ее исполнения.

Таких санкций и льгот не имеет в своем распоряжении гражданское право.

При этом важно отметить еще одно обстоятельство. Уголовно-правовая обязанность устранить причиненный вред, в каком бы

* Первоплановое значение (ведущая роль) компенсационной (восстановительной) функции гражданско-правовой ответственности признается не всеми учеными-цивилистами. Так, В. А. Тархов считает, что следующие за большинством гражданско-правовых способов защиты имущественных прав меры ответственности „основными задачами имеют воспитание... и предупреждение правонарушений со стороны других членов общества” [219, 30].

Полагаем все же, что правы ученые, которые, не умаляя значения воспитательно-предупредительной функции гражданско-правовой ответственности, считают ее производной от компенсационной.

качестве она ни применялась, возлагается на осужденного, как правило, в случае, если он не лишается свободы*. С точки зрения социальной справедливости это обстоятельство является довольно важным, так как возложение обязанности, с одной стороны, успокаивает общественное мнение и удовлетворяет чувство социальной справедливости, а также приносит прежде всего моральное удовлетворение потерпевшему тем, что к виновному в совершении преступления лицу применяются именно уголовно-правовые средства воздействия, а с другой — создает осужденному более благоприятные условия для исполнения возложенной на него обязанности и тем самым устранения вредных имущественных последствий преступления.

Таким образом, изложенные в настоящем параграфе соображения дают основание сделать вывод о том, что предусмотренная уголовным материальным законом обязанность устранить причиненный материальный ущерб, возлагаемая судом на виновное в совершении преступления лицо, имеет собственное уголовно-правовое основание и по юридической природе является уголовно-правовым средством воздействия.

Данная обязанность нацелена в первую очередь на выполнение исправительно-превентивной функции уголовного права. Вместе с тем ей свойственна и восстановительная функция, реализация которой дает возможность успешно защитить нарушенные преступлением имущественные права и интересы потерпевших от преступления лиц.

СОДЕРЖАНИЕ УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ ОБЯЗАННОСТИ УСТРАНИТЬ ПРИЧИНЕННЫЙ ИМУЩЕСТВЕННЫЙ ВРЕД

1. Уголовно-правовая обязанность устранить причиненный преступлением имущественный вред, будучи по существу уголовно-правовым средством воздействия на осужденного, различается по содержанию в зависимости от цели применения. Как уже отмечалось, она может быть применена в качестве уголовного наказания, принудительной меры воспитательного характера к несовершеннолетним правонарушителям, а также как одно из испытательных условий осужденного к лишению свободы при отсрочке исполнения приговора. Полагаем, что анализ ее содержания во всех этих случаях представляет интерес как для уголовно-правовой доктрины, так и практики ее применения.

А. Уголовно-правовая обязанность загладить причиненный вред как мера уголовного наказания предусмотрена ныне дейст-

* Исключение составляют случаи, когда обязанность устранить причиненный вред применяется в качестве дополнительной меры наказания по УК РСФСР и ТаджССР.

уолопим уголовным законодательством ряда союзных республик: РСФСР, ТаджССР, УзССР, КазССР, АрмССР. Причём она может быть использована в качестве как основного, так и дополнительного наказания.

Особенная часть уголовных кодексов названных союзных республик возмещение причиненного преступлением материального ущерба (как основную альтернативную меру уголовного наказания) предусматривает за совершение таких преступлений, как умышленное уничтожение или повреждение государственного или общественного имущества (ч. 1 ст. 98 УК РСФСР, ст. 99 УК ТССР), умышленную поправу посевов, повреждение полевых насаждений и иных насаждений (ст. ст. 168 УК РСФСР, 180 УК ТССР).

Однако сфера применения данного уголовного наказания не ограничивается только названными составами преступлений. Она значительно шире. Возможность его использования имеется также при реализации судом уголовно-правовой нормы о назначении более мягкого наказания, чем предусмотрено законом (ст. 43 УК РСФСР). Учитывая исключительные обстоятельства дела и личность виновного, суд в каждом конкретном случае может признать возможным перейти к другому, более мягкому виду наказания, чем предусмотрено санкцией нормы, по которой квалифицируются действия подсудимого, в том числе и к возложению обязанности загладить причиненный вред.

Аналогичная возможность возникает и в случае замены исправительных работ без лишения свободы, назначенных осужденному приговором, если, однако, выполнять их он не может в связи с возникшей нетрудоспособностью. Согласно ч. 3 ст. 27 УК РСФСР лицам, признанным нетрудоспособными, суд может заменить исправительные работы возложением обязанности загладить причиненный вред.

Равным образом, возложением обязанности загладить причиненный вред может быть заменен и штраф при невозможности его уплаты (ч. 3 ст. 30 УК РСФСР). Полагаем, что и при замене неотбытой части первоначально определенного наказания более мягким также возможно применение рассматриваемой меры наказания [218, 81].

Что касается названной обязанности как дополнительной меры уголовного наказания, то она специально предусмотрена лишь за совершение умышленного уничтожения или повреждения личного имущества граждан (ч. 1 ст. 149 УК РСФСР, ч. 2 ст. 161 УК ТССР) и применяется судом на факультативных началах. Однако на основании ст. 22 УК РСФСР (ч. 2 ст. 21 УК ТССР) она может быть назначена на тех же началах и за совершение любого иного преступления, которым причинен материальный ущерб. При этом указанная обязанность может быть возложена в сочетании со всеми основными видами уголовного наказания за исключением смерт-

ной казни, общественного порицания и направления в дисциплинарный батальон. К тому же она является единственной дополнительной мерой наказания, которую возможно применить к несовершеннолетнему и то лишь при условии, что он располагает возможностями для этого [241, 18].

Статья 44 УК РСФСР в редакции Указа Президиума Верховного Совета РСФСР от 3 декабря 1982 г. [41, 1982, № 49, 1821] по-новому урегулировала вопрос о назначении дополнительных наказаний, при условном осуждении, допустив их назначение за исключением ссылки, высылки и конфискации имущества. Следовательно, возложение обязанности загладить причиненный вред в качестве дополнительного наказания может назначаться и при условном осуждении*.

2. Сущность обязанности загладить причиненный преступлением имущественный вред как меры уголовного наказания состоит в том, что осужденный приговором обязывается непосредственно устранить причиненный им вред своими силами или возместить материальный ущерб своими средствами (ч. 1 ст. 32 УК РСФСР). При этом наказание в форме возложения обязанности непосредственно устранить причиненный вред своими силами может быть назначено в случае, когда виновный способен непосредственно устранить его указанным путем (ч. 2 ст. 32).

Таким образом, рассматриваемая обязанность может быть реализована судом в двух формах: а) непосредственным устранением вредных имущественных последствий преступления собственными силами осужденного; б) устранением этих же последствий собственными его средствами**.

Уяснение сущности первой из названных форм уголовно-правовой обязанности загладить причиненный вред предполагает прежде всего решение вопроса о том, какой смысл вкладывает законо-

* Ранее действовавшая редакция ст. 38 Основ уголовного законодательства (ст. 44 УК РСФСР) не допускала при условном осуждении назначения дополнительных наказаний, кроме штрафа. Это вызвало критическую реакцию многих представителей науки уголовного права, которые высказывались за предоставление возможности налагать на осужденных при условном осуждении и иных видов дополнительных наказаний, в том числе и обязанности загладить причиненный вред [224, 28; 18, 310; 156, 75; 124, 63; 53, 92].

** Возложение обязанности загладить причиненный вред как мера уголовного наказания включает еще одну форму — возложение на осужденного обязанности публично извиниться перед потерпевшим или членами соответствующего коллектива (ч. 4 ст. 32 УК РСФСР). Она может быть применена в случае посягательства на неприкосновенность или достоинство личности либо нарушения правил социалистического общежития, не причинившего материального ущерба, и является формой заглаживания морального вреда. Мы упускаем эту форму, так как ее исследование выходит за рамки темы настоящей работы.

датель в формулу материального закона „непосредственно устранить причиненный вред своими силами”.

Как отмечалось ранее, одним из конститутивных признаков рассматриваемой меры уголовно-правового воздействия является ее строго личный характер. Общепринятым можно считать положение, что данная форма обязанности заглаживать причиненный вред может быть применена судом лишь в случае, когда виновный имеет реальную возможность устранить причиненный материальный ущерб своими силами: вставить разбитое стекло, починить поломанную вещь, посадить поломанные деревья, вычистить загрязненное чужое имущество и т. п. [120, 102; 121, 299; 53, 48; 109, 74].

Предписываемые осужденному действия он должен осуществить лично, своими силами, без посредства иных лиц. Именно в этом состоит сущность рассматриваемой формы заглаживания вреда и смысл указанной формулировки материального закона*.

Вместе с тем признак непосредственности в рассматриваемой форме заглаживания вреда вряд ли нужно понимать в абсолютном значении — как исключение любого содействия и помощи обязанному лицу в выполнении возложенной на него обязанности. Если, к примеру, осужденный обратится с просьбой к третьим лицам (родственникам, знакомым, специалисту и т. п.) оказать ему содействие в поиске необходимых материалов, инструментов, заготовок и т. д. и последние ему такую помощь окажут, то такое содействие, по нашему мнению, не будет противоречить „непосредственному устранению вреда своими силами”, так как не заменяет стараний обязанного лица и приложения им собственных сил, труда к устранению причиненного вреда, но лишь способствует их реализации.

Не отрицая значительного воспитательно-предупредительного потенциала, которым обладает рассматриваемая форма исполнения обязанности заглаживать причиненный вред, необходимо отметить и ее уязвимое место — малую реальность применения, обусловленную фактическими возможностями осужденного к такого рода предписываемой деятельности, которые суд обязан принять во внимание при ее возложении.

Более удобна для практической реализации вторая форма заглаживания причиненного преступлением имущественного вреда — возмещение его личными средствами осужденного. Сущность ее состоит в том, что на осужденного возлагается обязанность устранить причиненный им материальный ущерб посредством передачи потерпевшему лицу денежной суммы, равной стоимости

* В справочной литературе слово „непосредственный” трактуется как „прямой, непосредственный, не зависящий от посредства... либо помощи, содействия”, „лишенный промежуточных, посредствующих звеньев” [73, т. 2, 529; 195, т. 7, 1071].

уничтоженной или поврежденной вещи, либо понесенных расходов (возмещения убытков) или предоставить ему взамен уничтоженной либо испорченной вещь того же рода и качества (возмещение в натуре).

Однако данная форма устранения причиненного вреда может быть реализована судом лишь при условии, что причиненный преступлением материальный ущерб в стоимостном выражении не превышает 500 руб. (ч. 3 ст. 32 УК РСФСР). В противном случае применение обязанности заглаживать причиненный вред как меры уголовного наказания невозможно. Суд изберет другое наказание, а возмещение причиненного ущерба должно осуществляться на основании норм гражданского (трудового, колхозного) права в том же процессе или в порядке гражданского судопроизводства.

При этом вполне естественен вопрос: чем вызвано ограничение уголовно-правовой обязанности возмещения ущерба названной суммой? По всей видимости, вводя в число видов уголовного наказания названную обязанность, законодатель рассчитывал на ее применение в случаях совершения преступлений, не представляющих значительной общественной опасности. Об этом, собственно, и свидетельствует характер и общественная опасность преступлений, санкции за совершение которых предусматривают возложение названной обязанности. Причинение же более значительного вреда, оцениваемого в стоимостном выражении суммой свыше 500 руб., свидетельствует о большей общественной опасности преступного деяния, исключающего применение наказания в виде возложения обязанности заглаживать причиненный вред.

В уголовно-правовой литературе, а также в судебной практике реализация рассматриваемого уголовного наказания обычно понимается как возложение на осужденного обязанности передать понесшим материальный ущерб лицам денежной суммы, равной причиненному вреду [205, 302; 206, 357; 207, 344; 109, 74], т. е. возмещение убытка. Между тем возмещение вреда „своими средствами” может быть осуществлено как путем предоставления осужденным потерпевшему денежного эквивалента причиненного ущерба, так и передачи взамен испорченной или уничтоженной вещи равноценной того же рода и качества [233, 16].

Избирая натуральный способ возмещения вреда, суд, разумеется, должен принять во внимание размер ущерба в его стоимостном выражении (не более 500 руб.), а также реальные возможности осужденного выполнить возложенную на него обязанность именно таким способом.

Выбор судом формы заглаживания причиненного вреда при назначении им этого наказания определяется конкретными обстоятельствами дела. Вместе с тем нет принципиальных возражений и против одновременного применения обоих рассмотренных форм устранения вреда [223, 17; 87, 83]. Хотя на первый взгляд

союз „или“, употребляемый законодателем при формулировании ч. 1 ст. 32 УК РСФСР („устранением причиненного вреда своими силами или в возмещении материального ущерба своими средствами“), казалось бы, исключает их параллельное применение.

Полагаем, однако, что в данном случае „или“ употреблено законодателем в качестве присоединительного, а не разделительного союза. Не следует упускать из внимания то обстоятельство, что рассматриваемое уголовное наказание, кроме пенальной, выполняет и компенсационную (восстановительную) функцию. И если последняя в каждом конкретном случае может быть реализована посредством одновременного применения обеих форм устранения вреда, нарушения закона в этом не будет. Поэтому когда, к примеру, виновным в совершении преступления одни вещи были уничтожены полностью, а другие лишь повреждены и могут быть восстановлены, то, исходя из конкретных обстоятельств дела и реальных возможностей осужденного, суд вправе возложить на него обязанность восстановить (отремонтировать) поврежденные вещи своими силами, а также возместить за счет своих средств стоимость уничтоженных либо не поддающихся восстановлению вещей.

Следовательно, причиненный преступлением имущественный вред в зависимости от его характера может быть заглажен (устранен) как реализацией одной из форм исполнения рассматриваемого наказания, так и обеих одновременно с тем, однако, условием, что он в стоимостном выражении не превышает обусловленного законом размера (500 руб.).

3. Немалый практический интерес представляет вопрос о пределах заглаживания причиненного преступлением вреда при реализации рассматриваемого уголовного наказания. По этому вопросу в литературе были высказаны различные точки зрения. По мнению Ю. М. Ткачевского, „исходя из принципов гуманизма советского уголовного права, суд может возложить обязанность загладить причиненный материальный вред полностью или частично с учетом виновности лица и его материального и семейного положения“ [223, 16]. Как видим, автор допускает возможность возложения обязанности частично возместить причиненный ущерб. По всей видимости, частичное возмещение ущерба возложением и исполнением названной уголовно-правовой обязанности допускает и М. Д. Шаргородский, утверждая, что „применение этой меры и размеры взыскания (курсив мой. — В. П.) целиком зависят от инициативы суда“ [252, 144].

Иное мнение было высказано З. З. Зинатуллиным, который считает, что при возложении обязанности загладить причиненный вред как меры уголовного наказания „необходимо исходить из требования полного возмещения материального ущерба“ [87, 82].

При решении этого вопроса следует, по нашему мнению, учитывать сущность данного вида наказания, его цели и функции. Вряд

ли можно согласиться с Ю. М. Ткачевским, который решает его, основываясь лишь на принципе гуманизма советского уголовного права. Данный принцип при возложении названной обязанности не может быть принят во внимание по той простой причине, что он уже учтен законодательством введением самой этой меры наказания, которая по степени содержащегося в ней карательного элемента (репрессии) является одним из наиболее мягких и гуманных наказаний.

Сущность рассматриваемой обязанности состоит в *заглаживании (устранении, возмещении)* причиненного ущерба, чего не достигает частичное его возмещение. Вводя эту меру наказания, законодатель имел в виду полное устранение причиненного вреда осужденным в пределах, не превышающих 500 руб. его стоимостного выражения. Следовательно, возмещение ущерба в полном объеме является конститутивным свойством этого наказания, его неотъемлемой чертой.

Косвенным подтверждением того, что законодатель имел в виду полное устранение причиненного ущерба, является то, что рассматриваемая уголовно-правовая мера в Особенной части уголовных кодексов названных союзных республик предусмотрена как альтернативная санкция и реализуется судом факультативно. Это дает возможность суду избрать наказание с учетом степени виновности, личности подсудимого и иных обстоятельств дела. И если с учетом всех обстоятельств суд найдет, что исполнение обязанности возместить вред в полном его объеме является для осужденного непосильным, он вправе не избирать это наказание.

При решении рассматриваемого вопроса нельзя также не учитывать связи уголовно-правовой обязанности заглавить причиненный вред с гражданско-правовой ответственностью, первоочередной функцией которой является восстановление нарушенной имущественной сферы понесших материальный ущерб лиц. Данная ответственность реализуется на основании принципа полного возмещения причиненного вреда (ст. 80 Основ гражданского законодательства). А так как названная уголовно-правовая обязанность, кроме пенальной, выполняет и восстановительную функцию, то в этой части она попадает в сферу действия указанного принципа.

Таким образом, изложенное дает основание заключить, что обязанность заглавить причиненный вред, применяемая в качестве меры уголовного наказания, охватывает материальный ущерб в полном его объеме, не превышающем, однако, установленного уголовным законом предела (500 руб.).

4. Уголовно-правовая обязанность заглавить причиненный вред, как и любая иная мера уголовного наказания, должна возлагаться строго индивидуально. Возможность ее возложения на нескольких осужденных для исполнения в солидарном порядке, хотя бы вред

и явился результатом их совместной деятельности, исключается. Нельзя согласиться с утверждением, что „в случае совершения преступления, повлекшего причинение материального ущерба, несколькими лицами обязанность возместить вред возлагается солидарно на всех участников преступления” [121, 301].

В данном случае имеет место явное смешение рассматриваемой обязанности с ее гражданско-правовым аналогом. Здесь упускается из внимания тот факт, что возложение обязанности загладить причиненный вред — мера уголовного наказания. Как и любое иное наказание, оно должно быть индивидуальным, избранным с учетом степени общественной опасности содеянного и личности обвиняемого, а также иных обстоятельств. Поэтому, если вред причинен совместными действиями нескольких осужденных и суд избрал им всем названную меру наказания, он должен определить и размер возмещения каждого из них в долях (частях), исходя их степени вины в совершении преступления.

Избрание иной меры наказания некоторым из совместных причинителей вреда исключает возложение названной обязанности на других сопричинителей. К последним также должны быть применены иные меры наказания, а возмещение ущерба в таком случае должно осуществляться путем реализации гражданско-правовой ответственности в уголовном или гражданском судопроизводстве.

5. Возложение на осужденного обязанности загладить причиненный вред предполагает определение судом срока, на протяжении которого она должна быть им исполнена. Продолжительность такого срока законом не урегулирована. Полагаем, он должен определяться с таким расчетом, чтобы предоставить реальную возможность осужденному исполнить возложенную на него обязанность, с одной стороны, а с другой — как можно быстрее восстановить нарушенную преступлением имущественную сферу потерпевших лиц.

6. Особенностью рассматриваемой уголовно-правовой обязанности, как уже отмечалось, является то, что она не обеспечивается принудительным исполнением. Ее невозможно привести к принудительному исполнению в порядке исполнительного производства, урегулированного нормами гражданско-процессуального права и иными нормативными актами об исполнительном производстве. Однако это отнюдь не означает, что ее исполнение не обеспечивается никакими принудительными средствами воздействия. Статья 32 УК РСФСР (ст. 30 УК СССР) и ст. 19 Положения о порядке и условиях исполнения в РСФСР уголовных наказаний, не связанных с мерами исправительно-трудового воздействия на осужденных, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 июля 1984 г. [41, 1984, № 29, ст. 991], содержат уголовно-правовую санкцию за уклонение от выполнения возложенной

обязанности. Сущность ее состоит в том, что, если осужденный в установленный приговором срок не выполнит обязанности устранить причиненный вред, суд может заменить это наказание более строгим: исправительными работами на срок до 6 месяцев, или штрафом до 100 руб., или увольнением от должности. Возмещение причиненного ущерба в таком случае осуществляется в порядке гражданского судопроизводства.

Таким образом, угроза понести более суровое уголовное наказание является стимулом, побуждающим осужденного исполнить возложенную на него обязанность.

7. Вопрос о генезисе рассматриваемого уголовного наказания и его развитии в советском законодательстве специально не исследовался. Между тем он представляет значительный интерес не только в плане теории, но и имеет весьма важное значение для определения его перспектив. Методологической предпосылкой для постановки и исследования этого вопроса является известное ленинское положение о том, что „весь дух марксизма, вся его система требует, чтобы каждое положение рассматривать лишь (α) исторически; (β) лишь в связи с другими; (γ) лишь в связи с конкретным опытом истории” [4, 329].

Возложение обязанности устранить причиненный вред как вид уголовного наказания впервые упоминается в принятых 12 декабря 1919 г. Руководящих началах по уголовному праву РСФСР. Среди 15 „примерных видов” наказаний, установленных этим актом, содержалось и „восстановление, а при невозможности его — возмещение причиненного ущерба” (п. „е” ст. 25) [198, 1919, № 66, ст. 590].

Первый Уголовный кодекс РСФСР 1922 г. также включил названную обязанность в число мер уголовного наказания (ст. 22, ст. 45). И хотя затем Основные начала уголовного законодательства СССР и союзных республик 1924 г. такого вида наказания не содержали, большинство принятых на их основе уголовных кодексов союзных республик включили ее в число уголовных наказаний: УК РСФСР 1926 г. (п. „н” ст. 20, ст. 44), УК ГССР 1928 г. (п. „о” ст. 20, ст. 41), УК АзССР 1927 г. (п. „о” ст. 22, ст. 49), УК АрмССР 1927 г. (п. „н” ст. 20, ст. 44) и УК ТаджССР 1935 г. (п. „н” ст. 18, ст. 39). Не предусматривали такого уголовного наказания лишь УК УССР 1927 г., УК БССР 1928 г., УК УзССР 1926 г. и УК ТССР 1927 г. [194, 99—106].

УК РСФСР 1926 г. (и предусмотренное им уголовное наказание в виде возложения обязанности загладить причиненный вред) применялся также на территории таких союзных республик, как Казахская ССР и Киргизская ССР. Его действие здесь было распространено актами высших органов государственной власти этих союзных республик.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 ноября 1940 г. „О временном применении уголовного, гражданского и тру-

дового законодательства РСФСР на территориях Литовской, Латвийской и Эстонской союзных республик" [40, 1940, № 46] действие УК РСФСР также временно было распространено на территории этих республик.

Таким образом, уголовно-правовая обязанность загладить причиненный вред в качестве наказания за совершенное преступление применялась по ранее действовавшему уголовному законодательству на большей части территории СССР.

Согласно ст. 44 УК РСФСР 1926 г. „обязанность загладить вред возлагается на осужденного в случаях, если суд признает целесообразным, чтобы именно сам осужденный устранил последствия совершенного им правонарушения или причиненного потерпевшему ущерба”.

Аналогичным было и содержание соответствующих норм уголовных кодексов других названных союзных республик лишь с незначительными редакционными отличиями (вместо „сам, именно, осужденный” — „лично сам осужденный” или „сам осужденный”).

Из всех принятых в начале 60-х годов новых уголовных кодексов союзных республик рассматриваемую меру наказания сохранили лишь два — УК РСФСР и УК ТаджССР*. Затем ее ввели УК УзССР, КазССР и АрмССР. УК других союзных республик, которые ранее ее предусматривали, не включили названную обязанность в систему мер уголовного наказания. Как было отмечено в юридической литературе, причиной тому было отсутствие „применения в практике судов” [34, 208], а также „недействительность” в условиях конкретной союзной республики” [91, 460].

Своеобразную интерпретацию причин невключения рассматриваемой меры наказания в УК БССР дает М. Н. Меркушев: „Эта мера наказания не включена в УК БССР по тем соображениям, что действия виновного, направленные на то, чтобы загладить вред, могут служить доказательством искреннего раскаяния и стремления устранить причиненный вред лишь в том случае, если виновный совершает эти действия по внутреннему побуждению, без воздействия на него со стороны. Когда виновный сам до рассмотрения его дела в суде пытался загладить вред, то у органов следствия и суда есть основания поставить вопрос об освобождении его от наказания в силу ст. ст. 48, 49 или 50 УК БССР, если же виновный заглаживает вред по принуждению, то нет уверенности в том, что он делает это, сознавая свою вину, а не из страха перед назначением ему более сурового наказания” [137, 166].

Вряд ли можно согласиться с приведенными соображениями. В них автор фактически сместил акцент с причин отказа от испол-

* Неточным является утверждение Н. А. Стручкова о том, что возложение обязанности загладить причиненный вред как мера уголовного наказания „предусмотрена лишь УК РСФСР (ст. 32)” [120, 102].

зования рассматриваемой обязанности в качестве уголовного наказания на заглаживание вреда как основания для освобождения от наказания или его смягчения. Для обоснования нецелесообразности применения названной обязанности как наказания необходимо было бы привести аргументы, обосновывающие, что она вообще или при определенных условиях не способна достичь целей, стоящих перед уголовным наказанием (ст. 20 Основ уголовного законодательства), но не требований, предъявляемых к применению наказания самим автором (осознание преступником вины) и имеющих к целям наказания лишь опосредованное отношение.

Под влиянием каких же обстоятельств рассматриваемая мера уголовного наказания появилась в первых кодифицированных уголовных законах? По мнению М. И. Исаева, она была воспринята ими под влиянием сложившейся практики деятельности органов революционного правосудия. Автор отмечает, что составители проекта первого Уголовного кодекса РСФСР (1922 г.) указывали в объяснительной записке на то, что перечень наказаний, содержащихся в проекте кодифицированного уголовного закона, „воспроизводит в значительной степени принятую в судах практику”. При этом ему также лично были известны случаи, „когда провинциальные суды в качестве наказания возлагали на темных, невежественных обывателей, проявивших неуважение к могилам местных революционеров (уничтожение памятных досок, разбрасывание могильного дерна и т. п.), обязательство привести все в прежнее состояние” [92, 82].

То обстоятельство, что судебная практика оказывает весьма существенное влияние на формирование правовых норм, сомнений не вызывает и является фактом общепризнанным [215, 6; 140, 54; 26, 158]. Поэтому вполне реально, что появление в советском законодательстве рассматриваемой меры уголовного наказания обусловлено в первую очередь правоприменительной практикой, так как в первый период формирования системы наказаний в советском уголовном законодательстве осуществлялось как бы „снизу”, на основе революционного опыта трудящихся масс. Однако такое объяснение генезиса названной уголовно-правовой меры воздействия вряд ли можно признать удовлетворительным, поскольку оно не дает ответа на вопрос о том, под влиянием каких обстоятельств возникла такая практика и какое научное обоснование она получила прежде, чем найти закрепление в норме уголовного закона. А это, в свою очередь, требует выяснения вопроса о том, усматривала ли научно-правовая мысль в устранении вредных имущественных последствий преступления средство уголовной политики.

Если обратиться к истории развития правоведения, то уже в не столь отдаленном прошлом можно обнаружить, что различные пра-

новые школы по-разному подходили к оценке возмещения причиненного преступлением материального ущерба. Если классическая школа уголовного права возмещение ущерба считала частным делом потерпевших лиц и не усматривала в нем средства ресоциализации преступника, то по-иному оно оценивалось представителями позитивистского направления в правоведении. Особенно это относится к итальянским позитивистам антропологической школы, яркими представителями которых были Э. Ферри и Р. Га рофало.

Первый из них писал, что возмещение ущерба, причиненного преступлением потерпевшему, должно рассматриваться как функция государства, осуществляемая непосредственно в интересах потерпевшего и опосредованно, что не менее важно, в интересах общественной безопасности [235, 362].

Названные представители позитивистской школы в правоведении фактически были первыми авторами плана превращения гражданско-правовой обязанности возмещения причиненного преступлением имущественного вреда в институт уголовного права и таким образом включения возмещения вреда в программу борьбы с преступностью*. Реальное воплощение это нашло в составленном комиссией под председательством Э. Ферри проекте Итальянского уголовного кодекса 1921 г., целая глава (VI, ст. ст. 90—96) которого была посвящена возмещению вреда**. И, несмотря на то, что проект впоследствии не стал законом, заложенная в нем идея об использовании возмещения причиненного преступлением имущественного вреда для целей уголовной политики была воспринята рядом буржуазных законодательств, хотя и в довольно умеренных формах.

Преимущественно она нашла свое воплощение в возложении на осужденного обязанности возместить причиненный вред, используемый в качестве пробационного условия при различных формах депенализации.

В связи с изложенным возникает вопрос: не могла ли оказать влияние идея превращения возмещения причиненного преступлением материального ущерба в средство уголовной политики на появление в первых советских уголовных кодексах такого вида наказания, как возложение обязанности загладить причиненный вред?

* Идея использования возмещения вреда в борьбе с преступностью была выдвинута еще в период безраздельного господства классической школы права английским философом И. Бентамом [27, 502—540]. Однако в тот период она не пользовалась успехом и лишь в конце XIX — начале XX века была подхвачена и разработана в деталях представителями позитивизма в праве.

** Характеристику этого проекта см.: [55].

Полагаем, что дать категорически отрицательный ответ на этот вопрос вряд ли возможно. Тот факт, что некоторые идеи позитивизма в праве были распространены и среди определенной части советских криминалистов в первые годы установления Советской власти, сомнений не вызывает. В этой связи М. Д. Шаргородский пишет: „Не вызывает сомнений, что среди некоторых советских криминалистов в двадцатые годы были широко распространены идеи социологического направления (разновидность позитивизма. — В. Н.). Не вызывает также сомнений, что идеи этих криминалистов нашли определенное отражение в тексте уголовных кодексов” [252, 10].

Поэтому вполне вероятно, что идея использования возмещения причиненного преступлением материального ущерба в пенальных целях, выдвинутая позитивистским направлением в правоведении, также оказала свое влияние на появление в первых советских уголовных кодексах рассматриваемого вида наказания.

8. Доктринальная оценка возложения обязанности загладить причиненный вред как меры уголовного наказания никогда не была однозначной. С самого начала ее введения в уголовное законодательство и на всем протяжении своего бытия она имела как своих приверженцев, так и противников.

Так, еще в период действия первого Уголовного кодекса РСФСР 1922 г., ст. 32 которого предусматривала „заглаживание вреда” в качестве уголовного наказания, С. В. Познышев пришел к выводу, что „эта мера весьма неудачна и ввиду полной неопределенности, и ввиду проявляющегося в ней смещения уголовного наказания и гражданско-правовых последствий неправды” [167, 266].

Противоположного мнения в этот период придерживался М. И. Исаяв, склонный полагать, что заглаживание вреда есть основания отнести к числу наказаний и что есть необходимость не только сохранения данного вида уголовных наказаний, но и его существенного расширения, а также более широкого внедрения идеи о публично-правовом значении удовлетворения потерпевшего и в процессуальном (уголовном и гражданском) законодательстве [92, 82]. Оптимистически в отношении действенности этого уголовного наказания и необходимости его сохранения в уголовном законодательстве были настроены и другие авторы [166, 1390].

Однако несколько позже в уголовно-правовой литературе преобладало мнение о нецелесообразности сохранения рассматриваемого уголовного наказания ввиду того, что устранить причиненный вред можно посредством предъявления и разрешения гражданского иска [233, 41; 252, 20, 144].

Принятие в начале 60-х годов ныне действующих уголовных кодексов союзных республик и сохранение в некоторых из них возложения обязанности загладить причиненный вред в качестве

меры уголовного наказания снова возродило дискуссии о ее целесообразности и дальнейшей перспективе.

При этом, если некоторые из представителей науки уголовного и уголовно-процессуального права находят, что по мере дальнейшего развития нашего общества и его законодательства сфера применения рассматриваемой обязанности в качестве уголовного наказания будет расширяться, а следовательно, имеет перспективу [152, 103; 223, 16; 19, 56; 120, 103; 87, 84; 236, 98], то другие, наоборот, считают сохранение ее в уголовном законодательстве нецелесообразным [69, 58; 45, 92; 70, 39; 127, 20; 241, 57; 51, 7; 52, 69].

Точка зрения первого направления в оценке рассматриваемой меры уголовного наказания основывается на следующих соображениях. По мере сужения сферы применения такого вида наказания, как лишение свободы, возрастает роль и значение других, более мягких мер криминального воздействия, к числу которых и принадлежит возложение обязанности загладить причиненный вред, карательный элемент в которой реализуется в минимальных размерах. К тому же применение этой меры наказания в большой мере соответствует и интересам потерпевшего (Ю. М. Ткачевский, З. З. Зинатуллин).

Отмечается также воспитательный эффект исследуемого наказания, состоящий в том, что „это наказание является как бы естественным следствием преступления, в то время как такая логическая связь между преступлением и остальными видами наказания отсутствует. Поскольку связь между характером преступления и наказанием в виде возмещения вреда очевидна, виновному легче осознать справедливость наказания” (И. С. Ной).

Указывается и на такое достоинство рассматриваемого уголовно-правового средства воздействия, а следовательно, и его целесообразность: „оно заставляет виновного почувствовать характер совершенного преступления. В то же время оно не изолирует осужденного от общества и дает ему возможность исправиться в обычных условиях жизни” (Н. А. Стручков).

В свою очередь, оппоненты приведенной точки зрения исходят из того, что возложение обязанности загладить причиненный вред как мера уголовного наказания является несостоятельной как по существу, так и по процессуальным основаниям. В доказательство они приводят следующие аргументы:

а) данная уголовно-правовая мера воздействия носит правосоставительный характер и полностью лишена элементов кары, без чего немыслимо уголовное наказание (П. С. Дагель, В. Г. Даев, И. М. Гальперин, Г. Б. Виттенберг);

б) лицо, причинившее своим преступным деянием материальный ущерб, обязано возместить его независимо от возложенной на него уголовно-правовой обязанности в силу возникшего в момент причинения вреда гражданско-правового отношения между потер-

певшим и причинителем вреда, в содержание которого входит обязанность виновника устранить ущерб (М. Д. Шаргородский, В. Г. Даев, А. Л. Цветинович);

в) уголовное наказание преследует публично-правовую цель. Оно применяется в интересах общества в целом и не имеет цели удовлетворения частного интереса, в то время как рассматриваемая обязанность имеет своей целью удовлетворить именно последний посредством возмещения потерпевшему причиненного преступлением имущественного вреда (М. Д. Шаргородский, П. С. Дагель, В. Г. Даев, А. Л. Цветинович);

г) названная обязанность как мера уголовного наказания потеряла практическое значение. Она крайне редко находит свою реализацию (М. Д. Шаргородский, П. С. Дагель, В. Г. Даев, Г. Б. Виттенберг, И. М. Гальперин);

д) существование такого вида наказания может привести к ошибочному выводу о том, что причиненный преступлением вред возмещается только тогда, когда суд назначит данное наказание. В остальных же случаях возмещение является необязательным (А. Л. Цветинович). Кроме того, возложение обязанности возместить причиненный вред может восприниматься осужденным как освобождение от наказания (П. С. Дагель);

е) приговор суда в части обязанности загладить причиненный вред не обеспечивается принудительной силой государства и зависит от усмотрения осужденного, что надлежащим образом не защищает имущественные интересы потерпевших лиц (П. С. Дагель, В. Г. Даев).

Разделяя в конечном итоге мнение о нецелесообразности сохранения в уголовном законодательстве такой меры уголовного наказания, как возложение обязанности загладить причиненный вред, мы, тем не менее, не можем согласиться со многими из перечисленных аргументов, приведенных названными авторами в доказательство ее несостоятельности.

Кроме того, посредством перечисленных аргументов их авторы обосновывают мысль, что названная мера уголовного наказания несостоятельна по своей сущности, так как является не уголовно-правовым, а гражданско-правовым средством воздействия и, следовательно, ее несостоятельность была уже заложена в момент введения в уголовное законодательство в этом качестве.

Нам же представляется, что эта мера, имея необходимые для уголовно-правового средства воздействия качества, утратила свое практическое значение в новых условиях развития нашего общества вследствие расширения публичного начала в защите нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших лиц в уголовном процессе.

Прежде всего трудно согласиться с тем, что рассматриваемое уголовное наказание по своей сущности лишено элементов кары. Естественно, любое уголовное наказание для достижения стоящих

перед ним целей должно обладать карательными (репрессивными) свойствами, т. е. причинять осужденному определенные страдания, лишения личного или имущественного характера, соразмерные тяжести совершенного им деяния и его личности. В этой связи М. Д. Шаргородский отметил, что „наказание по своему содержанию всегда включает в себе лишение преступника какого-либо блага (жизни, прав, имущества, свободы и т. д.) и, таким образом, наказание, как всякое лишение, связано со страданием преступника. Именно в этом смысле наказание является карой” [252, 18].

Однако из общепризнанного положения о том, что наказание немыслимо без причинения страдания, лишения, испытываемого осужденным, т. е. кары, вовсе не следует, что последняя является целью наказания. Она необходима лишь как средство для исправления и перевоспитания осужденного, а также предупреждения совершения новых преступлений (общая и частная превенция). И если этих целей можно достичь незначительной карой, то применение сурового наказания было бы не только неоправданным, но и незаконным [152, 29].

Вопрос о том, является ли кара одной из целей наказания, относится к наиболее дискуссионным. Большинство советских ученых-криминалистов (С. С. Алексеев, А. А. Герцензон, М. А. Ефимов, Г. А. Левицкий, И. С. Ной, Н. С. Лейкина, А. Л. Ременсон, К. С. Салихов, Н. А. Стручков, М. Д. Шаргородский и др.) отрицательно отвечают на него, полагая, что свойственная уголовному наказанию кара является лишь средством достижения целей наказания.

Ряд ученых-криминалистов (Н. А. Беляев, И. И. Карпец, Д. О. Хан-Магомедов, М. И. Якубович и др.) склонны полагать, что кара является одной из целей наказания. По их мнению, применение наказания и причинение им страданий и лишений преступнику имеет своей целью не только его исправление и перевоспитание, равно как и предупреждение новых преступлений, но и удовлетворение чувства справедливости советских граждан, оскорбленного преступлением.

Возложение обязанности загладить причиненный вред, как и всякое иное уголовное наказание, преследует цель ресоциализации осужденного, т. е. исправление и перевоспитание. Ему так же, как и другим видам уголовного наказания, свойственна своя „степень кары”, которая находит проявление в лишениях личного и имущественного характера, перетерпеваемых осужденным. Последние определяются количественно и качественно и выражаются в затратах личного труда либо личных средств осужденного, произведенных им на устранение вредных имущественных последствий преступления в пределах установленного судом срока. Эти лишения и неудобства составляют объективный критерий „степени кары”, поскольку характеризуются прежде всего объективной значимостью, важностью, социальной ценностью соответствующих благ и интересов членов общества на определенном этапе его развития и определяют место названного наказания в системе (иерархии) мер уголовного наказания.

При этом не следует упускать из внимания также тот факт, что элементы кары содержит не только сама по себе мера уголовно-правового воздействия, но и последствия осуждения. Нельзя сбрасывать со счетов и нравственных страданий, которые испытывает осужденный в связи с привлечением его к уголовной ответственности, применением мер процессуального принуждения, признанием судом виновным в совершении преступления, осуждением (поризанием) его от имени государства, возникновением судимости как неизбежного последствия уголовного наказания.

Отличительными признаками уголовной кары по сравнению с карой, свойственной другим видам правового принуждения, являются: а) осуждение лица, виновного в совершении определенного деяния, от имени государства; б) наибольшая острота репрессии, присущая лишь видам уголовной кары; в) применение этой кары лишь к лицам, виновным в совершении преступления; г) допустимость применения уголовной кары только по приговору суда; д) возникновение судимости как неизбежного последствия уголовной кары [152, 125]. При этом судимость, как отличительный признак применения уголовного наказания (кары) и его неизбежное последствие, является одной из наиболее суровых и жестких форм реализации уголовной ответственности. „Неснитая судимость, — утверждает А. М. Яковлев, — означает, что приговор сохраняет свою силу и после того, как лицо отбыло назначенное ему наказание“ [262, 38]. Последствия судимости весьма ощутимы. Они находят свое проявление в том, что судимость является отягчающим обстоятельством, оказывающим влияние на квалификацию преступлений, на назначение наказания. Она также является обстоятельством, исключающим или ограничивающим освобождение от уголовной ответственности и наказания.

Все это объективно увеличивает „степень кары“, заложенную непосредственно в самой мере уголовного наказания.

Безусловно, содержание и объем кары значительно различаются и в зависимости от субъективных, личных особенностей осужденного, глубины переживания им принудительного, насильственного воздействия на него со стороны государства [52, 53]. Однако это чисто субъективный момент, который может „степень кары“ в понимании осужденного как увеличивать, так и понижать.

Полагаем, что изложенное дает основание усомниться в обоснованности тезиса, что возложение обязанности загладить причиненный вред лишено элементов кары. Данная мера уголовного наказания содержит свою „степень кары“, которая определяется количественными и качественными характеристиками личных неудобств, лишений и страданий, испытываемых осужденным в результате ее возложения и исполнения.

Следует полностью разделить мнение названных авторов о том, что уголовное наказание преследует публично-правовую цель, применяется для защиты интересов общества, а не для удовлетворения личных интересов потерпевших от преступления лиц. Однако вряд ли можно согласиться с тем, что возложение обязанности загладить причиненный вред прежде всего имеет своей целью

удовлетворение частного интереса, на чем, собственно, делают акцент упомянутые авторы. Как и любая иная мера уголовного наказания, она имеет своей целью ресоциализацию преступника и оказание общей и частной превенции, т. е. прежде всего выполняет пенальную функцию. Представляется правильной точка зрения Н. А. Беляева о том, что „возложение обязанности загладить причиненный вред имеет выраженный карательный характер”, а его основная цель — „удовлетворение чувства общественной справедливости, т. е. кара”, но не возмещение материального ущерба, которое должно быть осуществлено в силу предписаний гражданско-правовых законов [25, 61]. Восстановительная (компенсационная) функция — явление второплановое, хотя и свойственное этому уголовному наказанию. В этом нельзя усматривать что-то противоестественное. Как отмечалось ранее, устранение имущественных последствий преступления не безразлично и для уголовного материального права. Оно также ориентировано законодателем на устранение вредных имущественных последствий преступления и с этой целью содержит в себе и специальные средства уголовно-правового воздействия на виновных лиц, применение которых дает возможность непосредственно решить эту задачу, и систему поощрений для стимулирования социально желаемого их поведения, в том числе и возмещения причиненного материального ущерба.

Требуется уточнения приведенный названными авторами аргумент о том, что исполнение приговора суда в части возложения обязанности загладить причиненный вред не обеспечено принудительной силой государства и зависит от усмотрения осужденного. Действительно, возложенная на осужденного обязанность в определенной форме устранить причиненный вред „титulum исполняемости” не обеспечена. Органы, ведающие исполнением приговора, не вправе в принудительном порядке привлечь осужденного к исполнению обязанности устранить вред своими силами либо возместить причиненный ущерб за счет его средств. Однако указанная особенность не является „привилегией” только этого вида уголовного наказания. Аналогичное положение имеет место и в таком наказании, как исправительные работы без лишения свободы (ст. 28 УК РСФСР). К тому же отсутствие „титulum исполняемости” не означает, что в вопросе исполнения названного наказания законодатель положился исключительно на авторитет приговора суда. Он, как известно, обеспечил исполнение уголовно-правовой санкцией, сущность которой состоит в том, что если осужденный в установленный судом срок не выполнит обязанности загладить причиненный вред, то суд вправе заменить это наказание более тяжким, а материальный ущерб взыскать с него в порядке гражданского судопроизводства по иску потерпевших лиц.

Полагаем, что угроза применения этой санкции является довольно веским стимулом осужденного к исполнению рассматриваемой уголовно-правовой обязанности, во всяком случае — способным успешно конкурировать с „титулом исполняемости“.

Не безупречны и иные аргументы, выдвинутые названными выше авторами в обоснование невозможности использования обязанности загладить причиненный вред в качестве уголовного наказания.

Вместе с тем, все это не дает оснований для оптимизма в отношении пенальных возможностей рассматриваемого наказания, а следовательно, и его перспективы. Как свидетельствует правоприменительная практика, она фактически не пользовалась этим уголовно-правовым средством воздействия на осужденного, начиная с первых уголовных законов, ее предусматривающих, и до сегодняшнего дня. Уже в 1926 г. И. М. Исаев [92, 82], а в 1927 г. Б. С. Утевский отмечали, что названное наказание находит применение крайне редко. Последний, в частности, писал: „Едва ли какая-либо статья Уголовного кодекса так редко применяется нашими судами, как ст. 44 (в ред. 1926 г.), говорящая об одной из мер социальной защиты — обязанности загладить вред, причиненный потерпевшему от преступления“ [232, 1083].

Это же обстоятельство явилось главной причиной того, что законодатель большинства союзных республик, в уголовных кодексах которых ранее содержалась рассматриваемая мера воздействия, отказался ввести ее в систему уголовных наказаний при последней кодификации уголовного законодательства.

Действительно, рассматриваемой мере уголовного наказания объективно присущи некоторые „слабости“, обуславливающие ее непрактичность. Это проявляется прежде всего в том, что она выполняет наряду с пенальной и восстановительную (компенсационную) функцию. А поскольку карательные элементы („степень кары“) выражены в ней не очень остро, то при ее применении в психологическом плане акцент смещается на последнюю функцию и возникает иллюзия, что такое наказание не карает, но лишь удовлетворяет частный интерес потерпевших лиц. Далее, ее слабость состоит и в том, что для ее применения необходимо наличие многих обстоятельств (условий), которых для применения других мер наказания не требуется: способность осужденного по своим физическим, профессиональным и иным данным устранить вред своими силами; наличие своих средств; способность осужденного загладить вред в оптимальный для него и потерпевших лиц срок; причинение вреда, не превышающего в стоимостном выражении 500 руб.; непредъявление потерпевшими лицами гражданского иска о возмещении вреда и др. Все это, безусловно, осложняет практическую реализацию рассматриваемого наказания, хотя и не является препятствием для использования в принципе.

Не могло не отразиться на практической значимости исследуемого наказания и неуклонное повышение правовой культуры нашего общества. Упрочение режима социалистической законности, повышение правового сознания его членов, усиление элементов хозрасчета в деятельности юридических лиц, укрепление их правовой службы, повышение ответственности за ведение дел их органов и пр. обусловили возрастание активности потерпевших от преступления лиц в защите своих имущественных прав и интересов, нарушенных противоправными деяниями, что находит свое выражение, как правило, в предъявлении гражданских исков о возмещении причиненного ущерба. А это обстоятельство исключает возможность применения наказания в виде возложения обязанности загладить причиненный вред.

Наконец, и это, по всей видимости, самое главное, практическое значение названного вида наказания окончательно было подорвано введением в действующее уголовно-процессуальное законодательство правила о предоставлении права (в УПК некоторых союзных республик — о возложении обязанности) суду по своей инициативе (*ex officio*) возложить на осужденного гражданско-правовую обязанность возместить причиненный им материальный ущерб в случаях, когда гражданский иск не был предъявлен, а нарушенные преступлением имущественные права и интересы государственных или общественных организаций либо граждан остались без защиты (ч. IV ст. 29 УПК РСФСР). Следовательно, если по ранее действовавшему законодательству возложение обязанности загладить причиненный преступлением имущественный вред (она определялась размером фактически причиненного вреда без каких-либо ограничений) было единственной возможностью суда по своей инициативе возместить потерпевшим лицам причиненный ущерб, то по действующему законодательству такая возможность перестала быть уникальной. Четко выраженный публично-правовой характер указанной уголовно-процессуальной формы защиты нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших фактически обесценил рассматриваемое уголовное наказание.

Таким образом, возложение обязанности загладить причиненный вред как мера уголовного наказания в настоящее время полностью утратила свое практическое значение и в этом качестве, с точки зрения *de lege ferenda*, лишена перспектив. В силу принципа целесообразности содержания наказания, лежащего в основе построения систем уголовных наказаний, ее следует из последней исключить. Объективно присущие ей социально полезные свойства, которые можно с успехом реализовать для целей ресоциализации осужденных, обуславливают возможность более широкого ее использования в ином качестве — как пробационного условия при различных формах депенализации. Об этом свидетель-

ствуется как отечественный, так и зарубежный законодательный и правоприменительный опыт. Полагаем, что обязанность устранить (возместить) причиненный преступлением материальный ущерб должна быть использована отечественным уголовным законодательством в первую очередь в качестве пробационного (испытательного) условия при реализации следующих форм депенализации: а) при прекращении уголовного дела по нереабилитирующим основаниям; б) при различных формах условного осуждения; в) при предоставлении отсрочки исполнения приговора; г) при условно-досрочном освобождении от наказания либо замене его более мягким.

Будучи одним из условий освобождения от уголовной ответственности или наказания, она явится довольно веским стимулом устранения виновниками совершенного преступления его имущественных последствий, а тем самым — эффективным средством защиты нарушенных имущественных прав потерпевших лиц.

Б. Уголовно-правовая обязанность устранить причиненный материальный ущерб как принудительная мера воспитательного характера, применяемая к несовершеннолетним правонарушителям, предусмотрена уголовным законодательством большинства союзных республик. Отсутствует она в числе этих мер уголовно-правового воздействия лишь в УК АзССР, УК КазССР, УК УзССР и УК УССР. Поэтому, исследуя названную обязанность применительно к уголовному законодательству РСФСР, мы имеем в виду и аналогичные нормы уголовных кодексов других союзных республик, предусматривающих ее.

1. В соответствии с ч. 3 ст. 10 Основ уголовного законодательства (чч. 3 и 4 ст. 10 УК РСФСР), если суд найдет, что исправление лица, совершившего в возрасте до 18 лет преступление, не представляющее большой общественной опасности, возможно без применения уголовного наказания, он может применить к такому лицу принудительные меры воспитательного характера. В числе этих мер ст. 63 РСФСР называет также возложение на несовершеннолетнего, достигшего 15-летнего возраста, обязанности возместить причиненный ущерб, если несовершеннолетний имеет самостоятельный заработок и сумма ущерба не превышает 50 руб., или возложение обязанности своим трудом устранить причиненный материальный ущерб, не превышающий 50 руб.

Аналогичную принудительную меру воздействия вправе применить к несовершеннолетнему правонарушителю не только суд, но и комиссия по делам несовершеннолетних при исполнительных комитетах Советов народных депутатов по своей инициативе либо когда суд, прокурор, следователь (с согласия прокурора) передадут ей материалы уголовного дела о преступлении несовершеннолетнего, прекращенного на основании ст. 8 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК иных союзных республик.

Кроме того, комиссия по делам несовершеннолетних вправе применить эту меру воздействия и к родителям несовершеннолет-

него или к лицам, их заменяющим, в случае злостного невыполнения ими обязанности по воспитанию и обучению детей, в результате чего последние совершили правонарушения и причинили материальный ущерб [41, 1967, № 23, ст. 536; 1985, № 40, ст. 1400; 42, 1967, № 34, ст. 242; 1985, № 44, ст. 1055].

До выяснения сущности рассматриваемой уголовно-правовой обязанности необходимо установить правовую природу и сущность принудительных мер воспитательного характера, применяемых к несовершеннолетним правонарушителям.

В уголовно-правовой доктрине принудительными мерами воспитательного характера принято считать меры государственного принуждения, предусмотренные уголовным законом и Положением о комиссиях по делам несовершеннолетних к лицам, не достигшим 18-летнего возраста и совершившим преступления, не представляющие большой общественной опасности, в случаях, когда их исправление и перевоспитание возможны без применения уголовного наказания [120, 324; 121, 486; 178, 14; 16, 18].

Принудительные меры воспитательного характера не являются уголовным наказанием. Они применяются взамен его, не влекут за собой судимости, однако их применение преследует те же цели, которые стоят перед наказанием. По своему содержанию они являются преимущественно воспитательными, в них превалируют средства убеждения, а содержащиеся в них элементы кары незначительны.

Вопрос о том, содержат ли принудительные меры воспитательного характера элементы кары, является дискуссионным. По мнению одних авторов, они вовсе их не содержат и в этом состоит их главное отличие от мер уголовного наказания [33, 86; 191, 10; 152, 144; 98, 129; 172, 81; 120, 324; 250, 38; 244, 38; 208, 378]. Другие правоведы отмечают, что элементы кары, хотя и в меньших размерах, чем в уголовных наказаниях, содержатся также и в принудительных мерах воспитательного характера [121, 490; 244, 135; 16, 16].

Полагаем, что мнение именно этих авторов является предпочтительным. Анализ предусмотренных уголовным законом названных мер свидетельствует о том, что каждой из них свойственна своя „степень кары“, хотя и в значительно меньших размерах, нежели уголовным наказаниям. Собственно воспитательное воздействие и обеспечивается той степенью карательных свойств, которые содержатся как непосредственно в самих мерах, так и в процедуре их применения (принудительном их характере).

И. С. Ней и А. И. Чернышов в обоснование тезиса о том, что принудительные меры воспитательного характера не содержат элементов репрессии, указывают на то, что их применение осуществляется именем суда, а не государства [152, 144; 244, 127]. Однако этот аргумент не может быть принят во внимание по той причине, что уголовно-процессуальные законодательства большинства союзных республик предусматривают реализацию судом этих мер именно в форме приговора, а не определения, что признается более правильным многими авторами [94, 63; 17, 47; 56, 244]. В форме определения (постановления) они реализуются лишь по УПК РСФСР (ст. 402); УПК УССР (ст. 447); УПК КазССР (ст. 312); УПК ТССР (ст. 321). Приговор же суда выносится именем государства.

Возложение обязанности устранить вред своим трудом или возместить его своими средствами как принудительная мера воспитательного характера имеет прежде всего воспитательную цель, а не удовлетворение понесшего материальный ущерб лица. Она, как и аналогичная ей обязанность, используемая в качестве уголовного наказания, является лишь средством, которое в сочетании с принудительным характером возложения этой обязанности в предусмотренной законом процессуальной форме дает соответствующий воспитательно-предупредительный эффект: исправление несовершеннолетнего, ставшего на путь совершения общественно-опасных деяний; воспитание его в духе социалистической нравственности, уважения к правилам социалистического общежития и правопорядку; предупреждение новых правонарушений как со стороны совершивших преступление, так и других неустойчивых несовершеннолетних.

2. В связи с тем что возложение на несовершеннолетнего правонарушителя обязанности устранить причиненный преступлением имущественный вред может быть осуществлено как судом, так и комиссией по делам несовершеннолетних, вполне закономерен вопрос: одинакова ли правовая природа названной воспитательной меры, применяемой названными органами? Данный вопрос (применительно к мерам воспитательного характера вообще) был предметом обсуждения в юридической литературе, однако единства во мнениях не было достигнуто. Ряд авторов, высказавших по этому вопросу свое суждение, полагают, что юридическая природа мер воспитательного характера независимо от того, каким из названных органов они применены, одинакова [152, 146: 231, 103; 244, 104; 178, 16].

По мнению других, принудительные меры воспитательного характера, применяемые судом, существенно отличаются от аналогичных мер, которые реализуются комиссиями по делам несовершеннолетних. Если первые являются *государственно-правовыми* принудительными, то вторые — *общественными* мерами принудительно-воспитательного характера [44, 12: 120, 328; 16, 20]. А поэтому, по замечанию С. Г. Келиной, „различия в органах применяющих к несовершеннолетним преступникам принудительные меры воспитательного характера, неизбежно ведут к различиям в правовой сущности самих мер“ [98, 128].

Нет сомнения в том, что независимо от того, каким из названных органов применяются рассматриваемые меры, по характеру они являются принудительно-воспитательными. Однако их правовая сущность, безусловно, различна. Рассматривая уголовное дело о преступлении несовершеннолетнего и применяя в конечном итоге принудительную меру воспитательного характера, суд осуществляет правосудие. Несовершеннолетний при этом подвергается уголовной ответственности, хотя и освобождается от уголовного наказания.

В науке уголовного права все больше пробивает дорогу мнение о том, что уголовную ответственность нельзя сводить к наказанию. По общему правилу она включает в себя наказание. В свою очередь, применение мер наказания — это следствие уголовной ответственности, но не ее сущность. В некоторых случаях уголовная ответственность не сопровождается наказанием. Разграничение понятий уголовной ответственности и наказания многократно подчеркивалось в литературе [123, 25; 184, 128; 214, 48; 17, 8].

Разграничивает их, по нашему мнению, и законодатель. Так, в ч. 1 ст. 43 Основ уголовного законодательства (чч. 1 и 3 ст. 50 УК РСФСР) говорится об освобождении от уголовной ответственности, а следовательно, и от наказания. В части же второй названной нормы речь идет об освобождении от наказания при реализации уголовной ответственности. Предъявление лицу обвинения в совершении преступления, а затем вынесение судом обвинительного приговора независимо от назначения наказания или освобождения от него означает возложение уголовной ответственности. Согласно уголовно-процессуальному праву (ст. 303 УПК РСФСР) при постановлении приговора суд сначала решает вопрос о наличии в действиях лица состава преступления, виновен ли он в нарушении уголовно-правового запрета, а затем уже вопросы, связанные с назначением наказания (подлежит ли наказанию и какому именно). Следовательно, основанием назначения наказания является признание лица виновным в совершении преступления, т. е. признание его уголовно ответственным. Что касается принудительных мер воспитательного характера, применяемых судами, то мы полностью разделяем мнение В. И. Курляндского и Л. В. Багрия-Шахматова о том, что в данном случае суд признает несовершеннолетнего виновным в совершении преступления и освобождает его от наказания, но не от уголовной ответственности [118, 25; 18, 85].

Принято ли это решение судом в форме приговора или определения, существенного значения не имеет, так как в обоих случаях это решение государственного органа судебной власти, действующего от имени государства и от его же имени возлагающего на виновного несовершеннолетнего принудительно-воспитательную меру *уголовно-правового* характера, предусмотренную уголовным материальным законом. При этом рассмотрение уголовного дела и его разрешение осуществляется судом в *уголовно-процессуальной* форме.

Иное имеет место при возложении на несовершеннолетнего правонарушителя рассматриваемых мер комиссией по делам несовершеннолетних. Данные органы свою работу строят преимущественно на общественных началах. Применяя принудительные меры воспитательного характера, предусмотренные не уголовным законом, а Положением о комиссиях по делам несовершеннолетних, эти органы, как правильно отмечает В. И. Арькова, опираются главным образом на силу общественного авторитета, выступают выразителем общественного мнения, а применяемые ими воспитательные меры имеют характер общественного воздействия [16, 10; 56, 242; 120, 328]. К тому же эти меры применяются комиссией в административно-процессуальной форме.

Различная правовая природа рассматриваемых мер учитывается, по нашему мнению, как действующим законодательством,

так и правоприменительной практикой. Это, в частности, можно усмотреть в том, что законодатель придал самостоятельное значение уголовно-правовым нормам, содержащимся в чч. 3 и 4 ст. 10 УК РСФСР. Он, очевидно, имел в виду, что названные нормы должны применяться к несовершеннолетним, совершившим преступления хотя и небольшой общественной опасности, но все же различной ее степени. Освобождение несовершеннолетнего от уголовного наказания и применение взамен принудительной меры воспитательного характера судом свидетельствует об относительно большей степени общественной опасности совершенного преступления, а следовательно, и о более серьезной форме уголовно-правового воздействия.

Статья 10 УПК РСФСР предоставляет право органам, ведущим уголовный процесс, передать материал о преступлении несовершеннолетнего в комиссию по делам несовершеннолетних. Данная уголовно-процессуальная норма озаглавлена „Направление материалов без возбуждения уголовного дела для применения мер общественного воздействия”. Назвав меры воспитательного характера, применяемые комиссией, „мерами общественного воздействия”, законодатель тем самым высказал свое отношение к правовой природе названных мер.

По-разному также поименованы рассматриваемые меры в уголовном законодательстве и в законодательстве, регламентирующем деятельность комиссий по делам несовершеннолетних. Если первое их именуется „принудительными мерами воспитательного характера” (ст. 63 УК РСФСР), то Положение о комиссиях по делам несовершеннолетних подавляющего большинства союзных республик — „мерами воздействия”, а остальных — „мерами общественного воздействия” (например, ст. 10 Положения ЭССР).

Судебная практика также рассматривает передачу материалов уголовного дела в комиссию по делам несовершеннолетних как одну из форм участия общественности в борьбе с преступностью [186, 576; 84, 157; 187, 268].

Таким образом, применение судом предусмотренной уголовным законом принудительной меры воспитательного характера к совершившему преступление несовершеннолетнему является уголовно-правовым средством воздействия, применяемым с целью его воспитания и исправления. Применение аналогичных мер комиссиями по делам несовершеннолетних является одной из форм государственно-общественного воздействия на них с той же целью.

Поскольку в уголовно-процессуальной форме реализуются лишь уголовно-правовые средства воздействия, в дальнейшем исследовании мы органичимся лишь обязанностью устранить причиненный имущественный вред как мерой принудительно-воспитательного характера, применяемой судом.

3. Возложение обязанности устранить причиненный имущественный вред как принудительной меры воспитательного характера возможно при одновременном наличии следующих взаимосвязанных условий: а) совершение несовершеннолетним преступления, которым причинен материальный ущерб, а не проступка или иного антиобщественного деяния; б) совершение преступления несовершеннолетним в возрасте от 15 до 18 лет; в) совершенное преступление не представляет большой общественной опасности; г) данные о личности несовершеннолетнего свидетельствуют о возможности его исправления без применения уголовного наказания; д) наличие у несовершеннолетнего фактической возможности устранить вред своим трудом или своими средствами; е) причиненный имущественный вред в стоимостном выражении не превышает 50 руб.

Если первые четыре условия являются общими для применения любой из предусмотренных уголовным законом принудительных мер воспитательного характера, то два последних – специфические дополнительные условия, необходимые для применения рассматриваемой меры уголовно-правового воспитательного воздействия. Взятые вместе, они составляют ее необходимое и достаточное основание.

Наличие у несовершеннолетнего фактической возможности устранить вред своим трудом означает, что по своим физическим данным, а также имеющимся у него навыкам он сможет выполнить необходимый для устранения вреда объем работ (например, посадить поломанные деревья, вставить разбитые стекла, починить поломанный забор, поправить испорченные клумбы и т. п.) либо имеет самостоятельный заработок (пенсия, стипендия), за счет которого может возместить причиненный вред. Отсутствие у него таких возможностей является препятствием для применения рассматриваемой обязанности.

Равно причинение вреда на сумму свыше 50 руб. также устраняет возможность ее реализации. Устанавливая этот предел, законодатель, очевидно, исходил из следующих соображений:

а) причинение вреда на большую сумму свидетельствует о значительной степени общественной опасности совершенного преступления, исключающей использование рассматриваемой и требующей применения более строгой меры воспитательного воздействия или даже уголовного наказания;

б) передача потерпевшим лицам суммы денег или равностоимостной вещи того же рода и качества в их максимальном размере (50 руб.) является существенным как моральным, так и материальным обременением для несовершеннолетнего, личный заработок или иной доход (пенсия, стипендия) которого, как правило, значительным быть не может;

в) возлагаемая обязанность должна исполняться несовершеннолетним, по общему правилу, в однократном порядке, а если это

невозможно, то, по крайней мере, на протяжении сравнительно небольшого срока с тем, чтобы достичь наибольшего воспитательно-го эффекта и вместе с тем оперативно обеспечить защиту имущественных прав и интересов потерпевших от преступления лиц.

Следовательно, установленная законодателем сумма в 50 руб. является пределом, ограничивающим возможность применения такой принудительной меры воспитательного характера, как возложение обязанностей возместить своими средствами или устранить трудом причиненный материальный ущерб. Ее возложение недопустимо, если имущественный вред превышает названную сумму. В таком случае суд должен избрать иную воспитательную меру или уголовное наказание, а возмещение ущерба производится в порядке гражданского судопроизводства (п. 4 ст. 63 УК РСФСР).

Недопустимо такое сочетание взыскания части ущерба в обще-исковом порядке с частичным (до 50 руб.) его возмещением посредством применения рассматриваемого уголовно-правового средства воспитательного характера. Имеющееся в юридической литературе на этот счет противоположное мнение [108, 155] лишено правового основания.

4. Возложение судом обязанности устранить причиненный вред в качестве меры воспитательного характера, равно как и применение аналогичной меры уголовного наказания, принудительным исполнением („титulum исполняемости“) не обеспечено.

Рассматриваемая мера, примененная, однако, комиссией по делам несовершеннолетних, принудительным исполнением обеспечена: в соответствии со ст. 22 Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних РСФСР их постановления о возмещении ущерба несовершеннолетними, а также их родителями и заменяющими их лицами (когда такая обязанность согласно ст. 19 Положения возложена на них), подлежат исполнению судебным исполнителем.

Поэтому неточность допускают авторы Комментария к Уголовному кодексу РСФСР [108, 155], когда пишут: „Предполагается, что возложенная судом на несовершеннолетнего обязанность возместить или своим трудом устранить понесенный ущерб будет исполнена добровольно. Это, однако, не исключает принудительность исполнения решения суда в случае, если несовершеннолетний уклоняется или отказывается от его выполнения. Принудительное взыскание ущерба осуществляется через судебных исполнителей, а устранение причиненного вреда собственным трудом — через детскую комнату милиции“. В том-то и дело, что названные органы могут лишь проконтролировать выполнение решения суда по рассматриваемому вопросу, но отнюдь не имеют права в принудительном порядке его исполнить.

Однако если эта мера, примененная как уголовное наказание, обеспечивается уголовно-правовой санкцией — угрозой применения более сурового наказания в случае уклонения от ее исполнения, то исполнение рассматриваемой принудительной меры воспитательного характера такой санкцией не обеспечено. Статья 63 УК РСФСР и соответствующие статьи уголовных кодексов других

союзных республик, предусматривающие эту меру, последствия уклонения несовершеннолетнего от исполнения возложенной обязанности не предусматривают. Такое положение, естественно, нельзя признать нормальным.

В соответствии со ст. 54 Основ уголовного судопроизводства (ст. 358 УПК РСФСР) вступившие в законную силу приговор, определение и постановление суда обязательны для всех государственных организаций, должностных лиц и граждан. „Точное и неуклонное исполнение приговора, — отмечает И. Д. Перлов, — способствует укреплению социалистической законности, воспитанию граждан в духе строгого исполнения законов и уважения правил социалистического общежития” [160, 6]. Поэтому уклонение оужденного или несовершеннолетнего правонарушителя, которому вместо уголовного наказания применена принудительная мера воспитательного характера, от отбывания наказания или исполнения воспитательной меры снижает эффективность уголовно-процессуальной деятельности по раскрытию и расследованию преступлений, подрывает авторитет суда, свидетельствует о недостижении целей уголовной ответственности, наказания или принудительной меры воспитательного характера.

Для предотвращения уклонения осужденных от отбывания наказания советским уголовным законодательством предусмотрены различные формы воздействия на них. В одних случаях такое их поведение составит самостоятельное преступление и осужденные привлекаются к уголовной ответственности (ст. ст. 186, 187, 188, 188¹, 188² УК РСФСР), в других — назначенное судом наказание заменяется другим, более строгим (ст. 28, ч. 3 ст. 30, ч. 5 ст. 32 УК РСФСР).

Что же касается уклонения несовершеннолетнего от исполнения такой примененной к нему принудительной меры воспитательного характера, как возложение обязанности устранить причиненный вред, то последствия такого поведения уголовным законом не урегулированы.

Между тем функции и цели уголовного наказания и принудительных мер воспитательного характера, хотя и различаются качественными и количественными характеристиками, во многом совпадают. Поэтому представляется алогичным положение, когда исполнение уголовного наказания в виде возложения обязанности загладить причиненный вред обеспечено уголовно-правовой санкцией, а исполнение такой же обязанности, примененной лишь в качестве принудительной меры воспитательного характера к несовершеннолетнему преступнику, обеспечено одним лишь авторитетом судебного решения (приговора, определения). По всей видимости, здесь имеется пробел в законодательной регламентации рассматриваемого уголовно-правового средства воздействия, подлежащий устранению законодателем, а не правопримени-

тельной практикой. Мы солидарны с Н. А. Беляевым в том, что „освобождение от уголовной ответственности и наказания с заменой их иными мерами воздействия как исключение из общего правила должно быть строго регламентировано законом. Поскольку же такая строгая регламентация в настоящее время отсутствует, суды выходят за пределы правоприменительной деятельности и практически выполняют функции законодателя” [26, 61].

Было бы целесообразным указать в уголовно-правовой норме, регулирующей возложение обязанности устранить причиненный вред в качестве принудительной меры воспитательного характера (ч. 4 ст. 63 УК РСФСР), также срок, на протяжении которого несовершеннолетний должен выполнить эту обязанность. Отсутствие в действующем уголовном законе указания на такой срок также порождает неопределенность в выполнении и исполнении названной обязанности.

Рассматриваемая воспитательная мера уголовно-правового характера может быть применена судом к несовершеннолетнему как самостоятельно, так и в сочетании с другими мерами этого же рода, связанными с моральным воздействием на него и индивидуальной работой. Исключение составляет лишь помещение несовершеннолетнего в специальное учебно-воспитательное и лечебно-воспитательное учреждение. Последняя мера по своей сущности является наиболее строгой. Она сопряжена с довольно серьезными ограничениями и неудобствами личного характера и поэтому ее коммуляция с другими мерами воспитательного воздействия нецелесообразна сама по себе. К тому же ее применение создает препятствия для исполнения названной обязанности, так как лишает несовершеннолетнего возможности работать и получать заработную плату, за счет которой он мог бы возместить ущерб, а также ограничивает его возможности устранить вред своим трудом.

5. Возложение обязанности устранить причиненный имущественный вред как принудительная мера воспитательного характера предусмотрена большинством уголовных кодексов союзных республик. Насколько же эффективно данное средство уголовно-правового воздействия на несовершеннолетних правонарушителей и есть ли у него перспектива дальнейшего развития в рамках уголовного законодательства?

В уголовно-правовой литературе можно считать общепризнанным тот факт, что институт освобождения от уголовного наказания несовершеннолетних правонарушителей и применение к ним принудительных мер воспитательного характера является одним из действенных и эффективных средств их исправления и предупреждения совершения новых преступлений [189, 282; 121, 487; 205, 343, 348; 178, 15; 139, 59; 171, 132; 56, 244; 207, 395].

По данным выборочного исследования, в СССР в отдельные годы освобождается до 35–40 % общего числа несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности [99, 142].

Однако используется судами указанный институт неоправданно редко.

Об этом свидетельствуют прежде всего опубликованные данные о применении судами принудительных мер воспитательного характера к несовершеннолетним правонарушителям. Так, в первом квартале 1963 г. суды РСФСР применили вместо уголовного наказания меры воспитательного характера в отношении 0,3 % несовершеннолетних, привлеченных к уголовной ответственности [37, 1963, № 11, 12].

По некоторым данным выборочных исследований, суды применяют указанные меры лишь в отношении 0,1 % несовершеннолетних, преданных суду [260, 209].

Проведенное Верховным Судом АрмССР изучение уголовных дел в отношении 426 несовершеннолетних показало, что принудительная мера воспитательного характера была применена лишь к одному из них, хотя основания для этого имелись и по ряду других дел [36, 1983, № 6, 37].

О крайне редком применении судами названных мер свидетельствует и обобщение практики применения законодательства по делам несовершеннолетних, проведенное Верховным Судом СССР (там же).

В своем постановлении от 9 июля 1982 г. „О выполнении судами законодательства и руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР при рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних“ Пленум потребовал от судов при рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних, не представляющих большой общественной опасности, в соответствии со ст. 402 УПК РСФСР и аналогичными статьями УПК других союзных республик обсуждать вопрос о возможности исправления несовершеннолетнего подсудимого без назначения уголовного наказания, путем применения к нему принудительных мер воспитательного характера [36, 1982, № 4, 14]. Однако недооценка судами этих мер все же продолжает иметь место. В обзоре судебной практики применения законодательства и руководящих разъяснений Пленума Верховного Суда СССР при рассмотрении дел о преступлениях несовершеннолетних отмечается, что они применялись только к 0,1 % правонарушителей от числа несовершеннолетних, осужденных к мерам уголовного наказания [36, 1987, № 3, 46].

Основной причиной такого положения, как нам представляется, является то, что при совершении несовершеннолетним преступления, не представляющего большой общественной опасности, суд имеет в своем распоряжении несколько средств, с помощью которых может достичь целей исправления правонарушителя и предупредить его и других от совершения новых преступлений. К их числу, кроме принудительных мер воспитательного характера, относятся предоставление отсрочки исполнения приговора (ст. 39¹ Основ уголовного законодательства), а также условное осуждение (ст. 38 Основ).

Применение каждого из перечисленных уголовно-правовых средств воздействия имеет собственное основание. Однако общим условием для них всех является небольшая степень общественной опасности совершенного преступления, и суды предпочитают при-

бегать к более строгим уголовно-правовым средствам воздействия на несовершеннолетнего правонарушителя (условному осуждению и предоставлению отсрочки исполнения приговора).

Кроме того, ч. 4 ст. 10 УК РСФСР и соответствующие нормы уголовных кодексов других союзных республик предоставляют право суду, прокурору и следователю (с согласия прокурора) прекратить уголовное дело в отношении несовершеннолетнего и, освободив его от уголовной ответственности, направить материалы дела в комиссию по делам несовершеннолетних для рассмотрения вопроса о применении принудительных мер воспитательного характера (ст. 8 УПК РСФСР). Как свидетельствует практика, около половины дел о преступлениях несовершеннолетних прекращается в досудебных стадиях с направлением их, как правило, в указанную комиссию.

Все это может в определенной мере объяснить факт относительно редких случаев использования судами рассматриваемого уголовно-правового средства воздействия, но не оправдывает его игнорирование.

Если применение судами принудительных мер воспитательного характера — вообще довольно редкое явление, то вполне понятно, что практическая реализация такой меры, как возложение на несовершеннолетнего обязанности возместить причиненный ущерб или устранить его своим трудом, — крайне редкий случай. По всей видимости, причиной тому являются те же обстоятельства, которые обуславливают редкое применение аналогичной обязанности, используемой лишь в качестве уголовного наказания. Но в данном случае присовокупляются еще и новые. Так, применение рассматриваемой принудительной меры воспитательного характера возможно лишь при условии, что причиненный ущерб не превышает 50 руб. (до 1982 г. — 20 руб.), суммы незначительного размера*.

Данный ущерб, как правило, возмещается родственниками несовершеннолетнего или лицами, их заменяющими, до рассмотрения уголовного дела в суде с целью смягчить его ответственность. Поэтому в большинстве случаев суд лишен возможности реализовать указанную воспитательную меру по той простой причине, что на момент рассмотрения уголовного дела в суде вредные имущественные последствия преступления уже устранены.

Так, по данным А. Е. Якубова, проводившего выборочное исследование обстоятельств, которые были учтены ведущими уголовный процесс органами

* Судебная практика, как известно, исходит из того, что хищение общественного или государственного имущества на сумму до 50 руб. квалифицируется как мелкое хищение.

при решении вопроса о применении принудительных мер воспитательного характера, возмещение ущерба как смягчающее уголовную ответственность обстоятельство было учтено по 27,4 % постановлений органов предварительного следствия и по 11,5 % определений судов [259, 12].

Следовательно, крайне редкое применение рассматриваемой принудительной меры воспитательного характера на практике объясняется не столько недооценкой ее воспитательно-предупредительных возможностей судами, сколько объективными причинами.

Возможно ли на том основании, что анализируемая мера воспитательного характера применяется в практике судов редко, заключить, что в ней вообще нет нужды и, следовательно, она лишена перспективы с точки зрения *de lege ferenda*? Полагаем, что на этот вопрос необходимо дать отрицательный ответ.

Советская уголовная политика, исходя из правовой реформы, в том числе и уголовного закона, базируется на принципе социалистического гуманизма. Одно из его проявлений — последовательное и неуклонное сужение сферы уголовной репрессии при одновременном расширении институтов, связанных с освобождением виновных в совершении преступлений, не представляющих большой общественной опасности, от наказания; расширении сферы действия таких институтов советского уголовного права, как условное осуждение (ст. 38 Основ уголовного законодательства), условное осуждение к лишению свободы с обязательным привлечением к труду (ст. 23² Основ), отсрочка исполнения приговора (ст. 39¹ Основ) и др. Что же касается несовершеннолетних преступников, то, наряду с перечисленными уголовно-правовыми институтами, гуманизм уголовной политики особенно ярко проявляется в институте освобождения их от уголовной ответственности и наказания и применении к ним принудительных мер воспитательного характера. Преимущество этих мер в сравнении с мерами уголовного наказания проявляется в создании лучших условий для развития положительных качеств личности несовершеннолетнего правонарушителя, предоставлении большего простора для его положительной деятельности.

Возложение обязанности устранить причиненный материальный ущерб средствами несовершеннолетнего или его личным трудом, взятое само по себе либо в сочетании с другими мерами воспитательного характера, кроме морально-психологического воздействия на несовершеннолетнего правонарушителя, способствует наиболее полному осознанию практического значения причиненного ущерба, воспитанию уважения к личным и имущественным правам и интересам сограждан, государственной и общественной собственности.

Тот факт, что эта воспитательная мера редко реализуется в практической деятельности судов, еще не означает, что посредством ее нельзя достичь целей, стоящих перед данным уголовно-

правовым средством воздействия. Каждое совершенное несовершеннолетним преступление, как и он сам, конкретны и индивидуальны. Поэтому суд должен иметь широкий спектр воспитательных мер для обеспечения индивидуального подхода к конкретному несовершеннолетнему правонарушителю.

Принципиальный путь развития советского уголовного права состоит в постоянном отказе от применения уголовных наказаний за малозначительные преступления и замене их иными видами ответственности или воспитательными мерами [96, 41; 26, 61]. С этой точки зрения возложение обязанности устранить причиненный вред в качестве принудительной меры воспитательного характера, имея в себе элементы имущественной санкции, дает возможность достижения и воспитательной и предупредительной цели, что говорит о необходимости ее дальнейшего развития и совершенствования.

Таким образом, во-первых, следует признать целесообразным сохранение в действующем и будущем уголовном законодательстве возложение обязанности возместить причиненный преступлением имущественный вред своими средствами или устранить его личным трудом в качестве принудительной меры воспитательного характера, применяемой к несовершеннолетнему правонарушителю.

Во-вторых, необходимо дальнейшее совершенствование уголовно-правовых норм, предусматривающих данную воспитательную меру. С этой целью представляется целесообразным п. 4 ст. 63 УК РСФСР и соответствующие нормы уголовных кодексов иных союзных республик, ее предусматривающих, дополнить следующим положением: *„Если несовершеннолетний в установленный срок не выполнит возложенную на него обязанность возместить или своим трудом устранить причиненный материальный ущерб, суд может заменить ее более строгой мерой воспитательного характера или уголовным наказанием“*.

В. Уголовно-правовая обязанность устранить причиненный преступлением имущественный вред как испытательное (пробационное) условие при отсрочке исполнения приговора.

Понятие „пробация“ исходит от английского „probation“, сущность его состоит в принятии судом приговора, устанавливающего виновность осужденного, без применения уголовного наказания, налагающего на него специальные обязанности и ставящего под контроль специально назначенного лица (probation-officer). Последнее контролирует его поведение, выполнение возложенных обязанностей и о результатах информирует суд.

Как следует из ст. 39¹ Основ, при отсрочке исполнения приговора устанавливается срок отсрочки (от 1 года до 2 лет), являющийся, по существу, испытательным сроком и предусматривающий возможность возложения на осужденного определенных обязанностей, выполнять которые он также должен в определенный судом срок. Эти два признака (испытательный срок и возложенные обязанности) дают основание отнести отсрочку исполнения

приговора к широко понимаемой системе probation (испытания), используемой в уголовной политике различных правовых систем.

В этом качестве названное уголовно-правовое средство воздействия на осужденного используется советским законодательством сравнительно недавно. Впервые оно было введено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 15 февраля 1977 г. „О дополнении Основ уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик статьей 39¹” [40, 1977, № 8, ст. 137]* вместе с институтом отсрочки исполнения приговора несовершеннолетнему. Жизнь подтвердила эффективность названного института.

Данные судебной статистики свидетельствуют, что институт отсрочки исполнения приговора занял прочное место в системе уголовно-правовых мер борьбы с преступностью несовершеннолетних, на которой он фактически апробировался. За первые пять лет его функционирования отсрочка предоставлялась более 25 % осужденным несовершеннолетним, а осужденным к лишению свободы на срок до 3 лет — почти в 50 % случаев. В некоторых союзных республиках эти показатели еще выше [36, 1982, № 3, 37].

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 июля 1982 г. „О дальнейшем совершенствовании уголовного и исправительно-трудового законодательства” [40, 1982, № 30, ст. 572] он был распространен и на взрослых правонарушителей.

Согласно ст. 39¹ Основ уголовного законодательства (ст. ст. 46¹ УК УССР, 46¹ УК РСФСР) при назначении наказания лицу, впервые осуждаемому к лишению свободы на срок до 3 лет, суд с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного и иных обстоятельств дела, а также возможности его исправления и перевоспитания без изоляции от общества может отсрочить исполнение приговора в отношении такого лица на срок от одного года до двух лет.

При отсрочке исполнения приговора суд может обязать осужденного в определенный срок устранить причиненный вред, а также выполнить другие, предусмотренные этой статьей условия и обязанности. Если на протяжении установленного судом срока осужденный выполнит возложенные на него обязанности и не совершит новых правонарушений, суд освобождает его от наказания. В противном случае он может вынести определение об отмене отсрочки исполнения приговора и о направлении осужденного для отбывания лишения свободы, назначенного приговором.

Следовательно, по своему характеру срок отсрочки исполнения приговора является своеобразным испытательным сроком для осужденного. На его протяжении он поведением и выполнением

* В соответствии с общесоюзным уголовным законодательством Указами Президиумов Верховных Советов союзных республик были внесены соответствующие дополнения и в уголовное законодательство союзных республик [41, 1977, № 12, ст. 255; 42, 1977, 14, ст. 128; 1983, № 4, ст. 50].

возложенных на него обязанностей доказывает свое исправление. Сама же обязанность выступает как испытательное (пробационное) условие, от соблюдения которого зависит освобождение его от наказания или отмена отсрочки.

2. Возложение на осужденного обязанности устранить причиненный им имущественный вред в качестве испытательного условия при отсрочке исполнения приговора имеет своей целью прежде всего оказать исправительно-воспитательное воздействие на осужденного. Вместе с тем оно выполняет и восстановительную функцию, так как в результате исполнения названной обязанности полностью или частично устраняются вредные имущественные последствия преступления.

Характер этой обязанности, в отличие от рассмотренных ранее, позволяет использовать ее параллельно с решением вопроса об имущественных требованиях потерпевших лиц (гражданского иска), если они были предъявлены в уголовном деле. Иными словами, возложение названной обязанности не влияет на возможность домогаться потерпевшим возмещения причиненного имущественного вреда посредством предъявления иска в порядке гражданского или уголовного судопроизводства. Равным образом предъявление и разрешение последнего в любой процессуальной форме не является препятствием для возложения на осужденного рассматриваемой обязанности. Ее применение одновременно (параллельно) с гражданско-правовой ответственностью, реализуемой посредством предъявления и разрешения гражданского иска, следует рассматривать в плоскости целесообразности, но не допустимости.

Применение этих двух разноплановых по своей юридической природе правовых средств не только не нарушает имущественных прав и интересов потерпевших лиц, но, наоборот, эффективнее их защищает. Возмещение причиненного преступлением материального ущерба получает в таком случае двойное обеспечение: с одной стороны, принудительным исполнением приговора в части гражданского иска, а с другой — уголовно-правовыми последствиями неисполнения возложенной обязанности — приведением приговора к реальному исполнению.

Однако не приводит ли одновременное применение рассматриваемой уголовно-правовой обязанности и удовлетворение заявленного гражданского иска к двойному возмещению причиненного ущерба? Эти опасения не имеют под собой реальной основы. В данном случае речь идет об одном и том же вреде, который должно возместить одно и то же лицо — осужденный. Здесь имеет место не удвоение возмещения, а совпадение различных по правовой природе оснований. Следовательно, возмещение вреда во исполнение приговора (решения) в части гражданского иска означает одновременно и исполнение возложенной уголовно-пра-

вовой обязанности. В свою очередь, выполнение осужденным последней освобождает его от исполнения приговора в части гражданского иска. Достижимая при этом коммуляция различных оснований возмещения ущерба не только способствует более успешной защите нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших лиц, но и оказывает более сильное предупредительно-воспитательное воздействие на осужденного.

Вместе с тем полагаем, что при определенных условиях коммуляция гражданско-правовой ответственности и уголовно-правовой обязанности устранить причиненный вред невозможна. Речь идет о случаях, когда имущественную ответственность за вред, причиненный преступлением (равно как и любым иным деликтом), несут не его непосредственные причинители (обвиняемые), а иные физические или юридические лица, т. е. гражданские ответчики. Последние в силу гражданского материального и уголовно-процессуального законов обязаны возместить причиненный преступлением имущественный вред, причем они обладают для этого большими возможностями, нежели признанное виновным в совершении преступления лицо. Последнее может быть привлечено к имущественной ответственности лишь в порядке регресса перед возместившим материальный ущерб гражданским ответчиком — юридическим лицом.

Таким образом, в случаях, когда имущественную ответственность за причиненный преступлением вред в силу закона несет не непосредственный его причинитель (осужденный), но иные лица (гражданские ответчики), коммуляция возложения на осужденного уголовно-правовой обязанности устранить причиненный вред при отсрочке исполнения приговора и удовлетворение требований по заявленному гражданскому иску невозможны. При наличии в деле гражданского иска суд должен принять решение по нему, а от возложения обязанности загладить причиненный вред как испытательного средства — отказаться. Поскольку в рассматриваемой ситуации уголовно-правовая и аналогичная ей по содержанию гражданско-правовая обязанность, вытекающая из удовлетворенного гражданского иска, имеет различных обязанных субъектов, одновременное возложение названных обязанностей может привести к двойному возмещению. К тому же такое решение войдет в коллизии с гражданским материальным законом, регулирующим возмещение ущерба, причиненного деликтом (ст. 41, 442, 456, 457 ГК УССР, 444, 445, 460, 461 ГК РСФСР).

Полагаем, что изложенные соображения должны найти отражение в постановлении Пленума Верховного Суда СССР, разъясняющем применение уголовного закона об отсрочке исполнения приговора (ст. 39¹ Основ). Между тем действующее постановление высшего судебного органа страны от 21 июня 1985 г. „О судебной практике по применению отсрочки исполнения приговора” [186, 575] никаких разъяснений на этот счет не содержит. Такое положе-

ние вряд ли можно считать приемлемым, так как правоприменительная практика в этом вопросе лишена четкого ориентира.

В этой связи считаем необходимым п. 5 Постановления № 8 Пленума Верховного Суда СССР от 21 июня 1985 г. „О судебной практике по применению отсрочки исполнения приговора” изложить в следующей редакции: „Принимая решение об отсрочке исполнения приговора, суд должен обсудить вопрос о возложении на осужденного предусмотренных законом обязанностей, выполнение которых могло бы максимально способствовать исправлению и перевоспитанию, и в необходимых случаях указать в приговоре срок их выполнения. Суд не вправе возлагать на осужденного обязанности, которые не предусмотрены уголовным законодательством, а также выполнение которых законом возложено на иных лиц”.

Кроме того, названное постановление необходимо дополнить пунктом следующего содержания:

„п... При постановлении приговора, исполнение которого отсрочено, суд разрешает заявленный гражданский иск, вопросы, связанные с возмещением причиненного преступлением материального ущерба по своей инициативе, если гражданский иск не был заявлен. Приговор в этой части подлежит исполнению по вступлении в законную силу”.

Полагаем, что принятие предложенных дополнений поможет ориентировать судебную практику на правильное и более эффективное использование уголовно-правовой обязанности устранить причиненный преступлением материальный ущерб, возлагаемой на осужденного в качестве испытательного условия при отсрочке исполнения приговора.

3. Рассматриваемая обязанность в отличие от использования ее в качестве наказания или принудительной меры воспитательного характера не ограничивается размером. Она может быть возложена на осужденного в полном объеме причиненного вреда, каким бы он значительным ни был. Это, однако, не означает, что суд должен во всех случаях ее применения исходить только из полного объема причиненного вреда. В каждом конкретном случае этот вопрос решается им строго индивидуально, исходя из: а) размера причиненного материального ущерба; б) предоставленного срока отсрочки исполнения приговора, в пределах которого определяется и срок исполнения возложенной обязанности; в) материального положения осужденного и наличия у него реальной возможности устранить ущерб в установленных размере и сроке.

С учетом этих обстоятельств суд может возложить обязанность устранить причиненный вред как в полном размере, так и в его части.

Возложение и соответственно исполнение осужденным рассматриваемой обязанности возможно в двух формах: а) возмещения убытков и б) предоставления взамен уничтоженной (испорченной)

вещи равностоимостной того же рода и качества или устранение вреда личным трудом (возмещение в натуре). Этот вопрос, разумеется, должен решаться судом с учетом характера причиненного вреда, а также физических и профессиональных возможностей осужденного устранить вред своим трудом.

Кроме того, если по делу был заявлен и полностью или частично удовлетворен гражданский иск, то форма исполнения обязанности устранить причиненный вред требует согласования с содержанием решения суда в отношении гражданского иска. Невозможно, например, возложить обязанность устранить имущественный вред личным трудом осужденного либо привести поврежденную вещь в прежнее состояние и принять решение об удовлетворении гражданского иска о взыскании определенной денежной суммы (убытков). Такой приговор, естественно, будет признан внутренне противоречивым со всеми вытекающими из этого процессуальными последствиями.

Что касается объема возмещения, присуждаемого одновременно на указанных двух правовых основаниях, то он не обязательно должен совпадать. Объем возложенной в качестве испытательного условия обязанности устранить вред не может превышать действительно причиненного ущерба, а следовательно, и размера удовлетворенного гражданского иска.

УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗЛОЖЕНИЯ ОБЯЗАННОСТИ ЗАГЛАДИТЬ ПРИЧИНЕННЫЙ ВРЕД

1. Уголовно-правовая обязанность устранить (загладить) причиненный вред, применяемая в качестве уголовного наказания или испытательного условия при отсрочке исполнения наказания, может быть возложена на осужденного по действующему уголовно-процессуальному законодательству исключительно в форме обвинительного приговора. И это вполне понятно, так как названная обязанность в обоих случаях связана с уголовным наказанием, которое может быть определено только обвинительным приговором.

Исключение составляет лишь обязанность устранить имущественный вред, используемая уголовными законами большинства союзных республик в качестве принудительной меры воспитательного характера к несовершеннолетним правонарушителям. Одни уголовно-процессуальные кодексы этих республик (например, ст. ст. 307 УПК РСФСР, 321 УПК ТССР) предусматривают возложение на несовершеннолетнего этой обязанности в форме определения (постановления), другие (например, ст. ст. 307 УПК БССР, 306 УПК ЛатвССР, 302 УПК КиргССР) — в форме обвинительного приговора без назначения наказания. Позиция последних, по нашему мнению, предпочтительнее. Очевидно, она основывается на том,

что эта мера применяется судом в результате непосредственного исследования им доказательств в судебном заседании и признания несовершеннолетнего виновным в совершении преступления, хотя и не представляющего большой общественной опасности. Признать же лицо виновным в совершении преступления может только суд. То обстоятельство, что он освобождает несовершеннолетнего от уголовного наказания и заменяет его принудительной мерой воспитательного характера, не должно влиять на общий порядок признания лиц виновными в совершении преступления только приговором суда.

2. Уголовно-правовая обязанность устранить причиненный вред, независимо от того, в каком качестве она применяется, возлагается на осужденных по инициативе суда (*ex officio*) и на факультативных началах. Предоставляя это уголовно-правовое средство воздействия в распоряжение суда, законодатель исходит из того, что в каждом конкретном случае (*in concreto*) суд, исходя из всех обстоятельств дела и личности подсудимого, сам решает, в каких случаях им следует воспользоваться. Именно поэтому обязанность загладить причиненный вред, применяемая в качестве уголовного наказания, составляет альтернативную санкцию как в предусматривающих ее (обязанность) конкретных составах преступлений, так и при применении ее как дополнительного наказания.

Альтернативный характер имеет эта обязанность и в качестве принудительной меры воспитательного характера, применяемой судом к несовершеннолетнему правонарушителю, а также при использовании ее как пробационного (испытательного) средства. Суд избирает ее в числе иных воспитательных мер и испытательных условий по своей инициативе и на основании предоставленного ему права („суд может обязать осужденного“).

Следовательно, рассматриваемое уголовно-правовое средство воздействия на осужденного применяется судом в предусмотренных законом случаях на факультативных началах и по собственной инициативе. Однако могут ли участники уголовно-процессуальной деятельности, и прежде всего потерпевший, оказать влияние на принятие судом решения о возложении названной обязанности? Полагаем, что на этот вопрос следует дать однозначный ответ: потерпевший не лишен такой возможности. Лишение потерпевшего или его представителя возможности высказать свое пожелание в отношении способа исполнения обязанности в случаях, когда существует возможность выбора, могло бы отразиться на его имущественном интересе, а кроме того, вошло бы в противоречие с предоставленным ему уголовно-процессуальным законом правом (ст. ст. 49 УПК УССР, 53 УПК РСФСР) заявлять ходатайства, в том числе, естественно, и о возложении на осужденного обязанности устранить причиненный вред наиболее выгодным для потер-

певшего способом. Поэтому в случаях, когда суд будет считать необходимым возложить на осужденного уголовно-правовую обязанность устранить причиненный вред, он должен предоставить возможность потерпевшим лицам, а также их представителям высказать в судебном заседании свое суждение о способе устранения вреда. Если бы этот вопрос возник перед судом при постановлении приговора, он вправе в соответствии с порядком, указанным уголовно-процессуальным законом (ст. ст. 326 УПК УССР, 308 УПК РСФСР), возобновить судебное следствие и выяснить его в судебном разбирательстве уголовного дела.

Вместе с тем мнение потерпевшего относительно формы (способа) возмещения причиненного вреда для суда не является обязательным. Он им не связан. В данном случае обязанность возместить или иным способом устранить вред используется в первую очередь для целей уголовной ответственности. Поэтому если бы потерпевший высказал пожелание (заявил ходатайство), чтобы суд возложил на осужденного обязанность устранить вред в форме возмещения убытков, а последний признал, что с превентивно-воспитательной точки зрения было бы лучше обязать осужденного устранить вред своим трудом либо предоставить взамен уничтоженной или испорченной вещи того же рода и качества, т. е. устранить вред в натуре, то желание потерпевшего следовало бы подчинить целям уголовной политики. Последняя здесь имеет приоритетное значение.

Иное дело, если конкретный способ устранения вреда с точки зрения этой политики значения не имеет. В такой ситуации игнорирование пожелания (ходатайства) потерпевшего вряд ли можно было бы считать обоснованным.

Принимая во внимание, что обязанность устранить причиненный вред является инструментом уголовной политики, следует признать, что и государственный обвинитель также обладает правом внести предложение суду возложить на осужденного эту обязанность.

В соответствии с принципом равенства всех участников судебного разбирательства (ст. ст. 261 УПК УССР, 245 УПК РСФСР) свою точку зрения по рассматриваемому вопросу вправе также высказать подсудимый и его защитник. При этом их заявление имеет существенное значение как для установления имеющихся в распоряжении подсудимого материальных возможностей устранения имущественного вреда, так и способа его устранения.

Одним из сложных процессуальных вопросов, связанных с реализацией уголовно-правовой обязанности устранить причиненный вред, является вопрос о кассационном обжаловании (опротестовании) и пересмотре приговоров, содержащих решение о возложении на осужденного названной обязанности. В связи с тем что последняя используется в различных качествах, необходимо проанализиро-

вать все возможные правовые ситуации, связанные с ее применением.

Итак, возложение рассматриваемой обязанности в качестве уголовного наказания.

Как и любое иное уголовное наказание, обязанность загладить причиненный вред возлагается на осужденного приговором суда. В силу общего правила, содержащегося в ст. 44 Основ уголовного судопроизводства (ст. ст. 347 УПК УССР, 325 УПК РСФСР), осужденный, его защитник, законный представитель, а также потерпевший вправе обжаловать в кассационном порядке приговор суда, оспаривая законность и обоснованность избрания судом именно этой меры уголовного наказания, правильность установления размера причиненного вреда и способа его устранения.

На этом основании прокурор вправе принести кассационный протест.

Другие участники судебного разбирательства (в частности, гражданский истец и гражданский ответчик) обжаловать приговор о возложении на осужденного обязанности загладить причиненный вред не могут по причине отсутствия в уголовном процессе, так как применение названной обязанности в рассматриваемом качестве возможно лишь при условии незаявления потерпевшими гражданского иска.

Однако даже в случаях, когда возможна коммуляция уголовно-правовой обязанности устранить причиненный вред и разрешение гражданского иска (а это имеет место лишь при применении названной обязанности в качестве испытательного условия при отсрочке исполнения приговора), обжалование последнего в этой части гражданским истцом и гражданским ответчиком также невозможно. Причиной тому является то обстоятельство, что названные участники процесса наделены правом принести кассационную жалобу на приговор лишь в части, касающейся гражданского иска (ст. ст. 44 Основ уголовного судопроизводства, 347 УПК УССР, 325 УПК РСФСР). Поскольку же решение суда о возложении на осужденного рассматриваемой уголовно-правовой обязанности является уголовно-правовым средством воздействия, тесно связанным с наказанием, и не составляет решения в отношении имущественных требований, его обжалование гражданским истцом и гражданским ответчиком вошло бы в коллизию с действующим уголовно-процессуальным законодательством.

При возложении обязанности загладить причиненный вред, используемой в качестве принудительной меры воспитательного характера к несовершеннолетнему, рассматриваемый вопрос в уголовно-процессуальном законодательстве различных союзных республик решается по-разному в зависимости от того, в какую форму облекается принятое судом решение о применении этой меры — в форме приговора или определения (постановления).

Там, где применение названного уголовно-правового средства воздействия на несовершеннолетнего правонарушителя требует вынесения приговора, все участники процесса, за исключением гражданского истца и гражданского ответчика, которые в этом случае участия в деле не принимают, вправе принести кассационную жалобу, а прокурор — кассационный протест на общих основаниях.

В союзных республиках, уголовно-процессуальный закон которых предусматривает реализацию названной воспитательной меры судом первой инстанции в форме определения (постановления), последнее является окончательным и обжалованию и опротестованию не подлежит (п. 3 ст. 331 УПК РСФСР).

Вряд ли можно такое решение вопроса признать удачным, даже если согласиться с тем, что применение принудительных мер воспитательного характера к несовершеннолетнему возможно не только на основании приговора, но и определения (постановления) суда. Применение им этих мер, в том числе и такой, как возложение обязанности устранить причиненный вред за счет личных средств или своим трудом, является уголовно-правовым средством воздействия на несовершеннолетнего правонарушителя. Оно применяется взамен уголовного наказания, когда суд с учетом всех обязательств дела и личности правонарушителя придет к выводу о возможности прекратить уголовное дело и освободить его от наказания. Это решение принимается судом в результате проведения судебного разбирательства по делам несовершеннолетних, исследования всех обстоятельств дела и является решением по существу. Поэтому и в случае, когда принудительные меры воспитательного характера, к числу которых принадлежит и возложение обязанности устранить причиненный вред, при определенных уголовным материальным законом условиях применяются судом в форме определения (постановления), участникам процесса следует предоставить право обжаловать (прокурору — опротестовать) его в кассационном порядке аналогично тому, как это имеет место при применении судом принудительных мер медицинского характера (ст. ст. 424 УПК УССР, 411 УПК РСФСР).

Что касается обязанности устранить причиненный вред, используемой судом в качестве испытательного условия при отсрочке исполнения приговора, то она также может быть предметом кассационной жалобы участников процесса (за исключением лишь гражданского истца и гражданского ответчика) и кассационного протеста прокурора. Последние могут быть принесены как по существу ее применения, так и в отношении объема, срока и способа исполнения.

Исследование вопроса о кассационных основаниях, связанных с возложением на осужденного обязанности устранить причиненный вред в качестве испытательного условия, и полномочиях

кассационной инстанции обнаруживает ряд неясностей, устранение которых имеет немаловажное прикладное значение. Во-первых, следует ли при отсрочке исполнения приговора неприменение судом первой инстанции такого испытательного условия, как возложение обязанности устранить причиненный вред при наличии к тому оснований, рассматривать как нарушение уголовного материального закона? Во-вторых, следует ли суду первой инстанции приводить в приговоре мотивы неприменения названного испытательного условия в случае, если имущественный ущерб на момент вынесения приговора не был возмещен, а гражданский иск не предъявлялся? В-третьих, вправе ли кассационная инстанция возложить на осужденного названную обязанность, если она не была возложена судом первой инстанции при наличии к тому оснований, а также изменить объем, срок и способ ее исполнения?

При ответе на первые два вопроса, очевидно, необходимо исходить прежде всего из того, является ли применение к осужденному рассматриваемого уголовно-правового средства воздействия при наличии к тому оснований правом или обязанностью суда. Как уже было отмечено, возложение обязанности устранить причиненный вред составляет право суда и применяется им на факультативных началах. Однако это не означает, что оно реализуется им по собственному усмотрению, произвольно, без учета обстоятельств дела. Наделяя суд определенными полномочиями по обременению осужденного при отсрочке исполнения приговора указанными в законе обязанностями (а в нашем случае — это полное или частичное устранение вреда), законодатель рассчитывает на то, что предоставленное суду полномочие будет им реализовано в каждом случае, когда будут тому основания. Поэтому невозложение на осужденного рассматриваемой обязанности следует рассматривать как упущение, на которое обратил внимание судов Пленум Верховного Суда СССР в своем постановлении от 21 июня 1985 г. „О судебной практике по применению отсрочки исполнения приговора”, отметив, в частности, что суды все еще недостаточно используют предоставленное им право возложения на осужденных с отсрочкой исполнения приговора предусмотренных законом обязанностей. Он обязал их в каждом случае принятия решения об отсрочке приговора обсуждать вопрос о возложении на осужденных обязанностей, выполнение которых могло бы максимально способствовать их исправлению и перевоспитанию (п. 5) [186, 577].

Свидетельством такого обсуждения и будет приведение в описательно-мотивировочной части приговора мотивов, побудивших суд возложить на осужденного предусмотренные законом обязанности либо воздержаться от их возложения. Поэтому в случае, когда на момент вынесения приговора причиненный преступлением имущественный вред полностью не устранен, а гражданский иск о возмещении ущерба заявлен не был, суд, предоставляя отсрочку

исполнения приговора, должен привести в нем мотивы, на основании которых он воздержался от возложения на осужденного уголовно-правовой обязанности устранить причиненный вред.

Вместе с тем поскольку применение названной обязанности, как и любой иной, предусмотренной законом, составляет все же правомочие суда, а не его правовую обязанность, то немотивированное воздержание от применения им этого уголовно-правового средства воздействия на осужденного вряд ли можно квалифицировать как нарушение уголовного материального закона, влекущего за собой отмену или изменение приговора суда.

Что касается последнего из поставленных вопросов, то его решение зависит от того, следует ли трактовать применение кассационным судом рассматриваемого испытательного условия либо увеличение размера возмещения, а также сокращение срока устранения вреда в сравнении с определенными судом в приговоре как нарушение одного из принципов советской кассации, закрепленного в ст. 46 Основ уголовного судопроизводства (ст. ст. 365 УПК УССР, 340 УПК РСФСР), — недопустимости „поворота к худшему” (*reformatio in peius*). А в том, что в указанных случаях имеет место именно это, вряд ли можно усомниться.

Рассматриваемая обязанность является уголовно-правовым средством воздействия. Ее применение тесно связано с личностью осужденного и составляет для него существенное обременение, поскольку содержит экономические (материальные) лишения, уподобляющие ее уголовному наказанию имущественного характера (штрафом, конфискацией имущества, возложением обязанности загладить причиненный вред), функцию которого она фактически выполняет. Наконец, она обеспечивается уголовно-правовой санкцией. Поэтому возложение названной обязанности, увеличение ее объема или сокращения срока исполнения кассационным судом ухудшило бы положение осужденного в сравнении с тем, что было определено приговором. Такое положение не согласуется с правовой идеей, лежащей в основе деятельности советской кассации, о невозможности „поворота к худшему” и, следовательно, принято быть не может.

Вместе с тем этот вывод нельзя понимать в том плане, что кассационный суд вообще лишен возможности возложить на осужденного уголовно-правовую обязанность устранить причиненный вред как испытательное условие при отсрочке исполнения приговора. Такая возможность у него имеется, и он вправе ею воспользоваться в случае смягчения назначенного судом первой инстанции наказания посредством предоставления осужденному отсрочки исполнения приговора. Изменяя приговор и применяя отсрочку его исполнения, кассационный суд, естественно, может реализовать и названное уголовно-правовое средство воздействия на осужденного — обязать его в определенный срок устранить причиненный вред.

3. Основания применения и содержание приговора, налагающего на осужденного уголовно-правовую обязанность загладить (устранить) причиненный вред в качестве уголовного наказания, а также — принудительной меры воспитательного характера, определены уголовным материальным законом довольно детально, что фактически устраняет трудности при ее реализации. Этого, однако, нельзя сказать в отношении названной обязанности, возлагаемой на осужденного при отсрочке исполнения приговора.

Как уголовный материальный, так и уголовно-процессуальный законы в регулировании последней предельно лаконичны. Статья 39¹ Основ уголовного законодательства (ст. ст. 46¹ УК УССР, 46¹ УК РСФСР) лишь указывает, что „при отсрочке исполнения приговора суд может обязать осужденного в определенный срок устранить причиненный вред“. Еще более краткое и общее предписание содержит на этот счет уголовно-процессуальный закон (ч. 10 ст. 335 УПК УССР, п. 8 ст. 315 УПК РСФСР).

Между тем решение суда о возложении на осужденного рассматриваемой обязанности может быть исполнено последним и окажет на него воспитательно-предупредительное воздействие лишь при условии, что оно будет содержать все необходимые элементы, т. е. а) субъекта, в пользу которого осужденный должен выполнить возложенную на него обязанность; б) объем (размер) возложенной обязанности; в) способ исполнения; г) срок исполнения.

Иными словами, в решении суда о возложении на осужденного обязанности устранить причиненный вред при отсрочке исполнения приговора должен содержаться ответ на следующие вопросы: в пользу кого осужденный должен возместить вред; в каком размере; каким способом и на протяжении какого срока?

Отсутствие хотя бы одного из названных элементов может существенно затруднить реализацию рассматриваемого уголовно-правового средства воздействия на осужденного или сделать ее вообще невозможной. Остановимся более подробно на каждом из них.

А. Субъектом, в пользу которого осужденный должен выполнить возложенную на него обязанность устранить вред, является юридическое лицо или гражданин, понесшие материальный ущерб от преступления, оставшийся невозмещенным на момент вынесения приговора. Причинение вреда юридическому лицу предполагает признание его в уголовном процессе гражданским истцом, если им был заявлен гражданский иск (ст. ст. 50 УПК УССР, 54 УПК РСФСР). Факт причинения имущественного ущерба гражданину дает основание ведущим уголовный процесс органам признать его потерпевшим (ст. ст. 49 УПК УССР, 53 УПК РСФСР), а в случае предъявления им гражданского иска — и гражданским истцом. Поскольку обязанность устранить причиненный вред при отсрочке исполнения приговора может быть возложена на осужденного

параллельно с привлечением его к имущественной ответственности, реализуемой посредством удовлетворения гражданского иска, указанные лица могут принимать участие в уголовном процессе в качестве гражданских истцов. Однако независимо от того, предъявлен ли ими гражданский иск или нет, названная обязанность возлагается на осужденного для исполнения в пользу лиц, понесших имущественный ущерб от преступления. Именно они являются субъектами материально-правового отношения, возникшего в момент причинения вреда между ними и лицом, причинившим материальный ущерб, и в их пользу должна быть присуждена и исполнена названная уголовно-правовая обязанность.

Данное обстоятельство имеет существенное значение, поскольку процессуальные права и обязанности понесших материальный ущерб лиц в уголовном процессе могут осуществлять другие лица — их представители (ст. ст. 52 УПК УССР, 56 УПК РСФСР), не являющиеся субъектами материально-правового отношения, а следовательно, рассматриваемая уголовно-правовая обязанность должна быть возложена в пользу не их, а лиц, которых они в силу закона или договора представляют.

Б. Решение суда о возложении обязанности устранить причиненный вред должно содержать указание на ее объем. Уголовный материальный закон (ст. ст. 39¹ Основ, 46¹ УК УССР, 46¹ УК РСФСР), предоставляя суду право возложить на осужденного названную обязанность, никаких указаний на этот счет не содержит. Не определяет он (как это имеет место при возложении обязанности загладить причиненный вред в качестве уголовного наказания или принудительной меры воспитательного характера) и верхних границ возмещения (соответственно 500 и 50 руб.), а лишь формулирует сущность названной обязанности, состоящей в том, что суд может возложить на осужденного, исполнение приговора в отношении которого отсрочено, обязанность „устранить причиненный вред”.

При этом на первый взгляд создается впечатление, что указанная обязанность должна охватывать весь объем причиненного преступлением и невозмещенного материального ущерба, так как „устранить причиненный вред” можно лишь в случае возмещения в полном объеме. На возмещение вреда в полном объеме нацеливают и нормы гражданского права, регулирующие имущественную ответственность за вред, причиненный деликтом. Согласно ст. 88 Основ гражданского законодательства (ст. ст. 440 ГК УССР, 444 ГК РСФСР) вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также организации, подлежит возмещению в полном объеме лицом, его причинившим, кроме случаев, специально указанных законом.

Однако при решении вопроса об объеме возлагаемой на осужденного обязанности устранить причиненный им вред при отсрочке исполнения приговора необходимо исходить прежде всего из

того, что в данном случае мы имеем дело не с гражданско-правовой ответственностью, а с уголовно-правовым средством воздействия. Оно применяется в первую очередь не для удовлетворения имущественных интересов потерпевших лиц, а для целей уголовной политики и, следовательно, подлежит в каждом конкретном случае индивидуализации в такой же мере, как и уголовное наказание. Это обстоятельство не может не оказать влияния и на определение объема возлагаемой на осужденного указанной обязанности.

Для того чтобы рассматриваемая обязанность могла выполнить предупредительно-воспитательную функцию, она должна быть реальной для выполнения. Это означает, что при ее возложении суд должен принять во внимание общий объем (размер) причиненного вреда, размер еще возмещенного на момент вынесения приговора вреда, предоставленный срок отсрочки исполнения приговора и срок для исполнения обязанности, материальные возможности осужденного. Только с учетом всех этих обстоятельств можно определить, в каком объеме должна быть возложена указанная обязанность — в полном ли объеме возмещенного на момент вынесения приговора вреда или его части и какой именно.

Возложение рассматриваемой обязанности без учета конкретной обстановки и реальных возможностей осужденного по ее исполнению могло бы привести не к активизации его деятельности, направленной на устранение вреда, а, наоборот, под влиянием чувства пессимизма, порожденного нереальностью исполнения, к ее смирению. Именно поэтому Пленум Верховного Суда СССР в названном ранее постановлении от 21 июня 1985 г. отметил, что при рассмотрении представления об отмене отсрочки исполнения приговора и направлении осужденного для отбывания наказания в виде лишения свободы в связи с невыполнением возложенных на него обязанностей суд должен выяснить, имелась ли реальная возможность их выполнения (п. 14) [186, 580]. Понятно, что нереальность исполнения обязанности может не только возникнуть после ее возложения, но и быть „запрограммированной“ большим объемом и кратким сроком исполнения в момент возложения.

Таким образом, при отсрочке исполнения приговора суд может возложить на осужденного обязанность устранить причиненный им вред как в полном его объеме (размере), так и в части.

По изложенным выше соображениям нельзя также при возложении на осужденных названной обязанности использовать принцип солидарной ответственности сопричинителей вреда, который лежит в основе гражданско-правовой ответственности за причинение вреда деликтом. Сущность его, как известно, состоит в том, что потерпевший (кредитор) вправе требовать от каждого из сопричинителей вреда (должников) его возмещения как в полном объеме, так и в части. В свою очередь, удовлетворение кредитора

(потерпевшего) кем-либо из солидарных должников в полном объеме причиненного вреда освобождает остальных должников от обязанности возместить вред.

Использование этого принципа при возложении на осужденных обязанности устранить вред при отсрочке исполнения приговора не согласуется с характером последней и ее ролью пробационного (испытательного) средства. Применение в этом случае указанного принципа сделало бы действие пробы (испытания) зависимым от действия других осужденных соучастников преступления, на которых также была возложена рассматриваемая обязанность, что не может быть принято. Принцип индивидуализации уголовно-правовых средств воздействия требует и в данном случае, чтобы объем (размер) возложенной на каждого из осужденных соучастников преступления обязанности устранить вред был адекватным степени их общественной опасности и ими содеянного, а также их участию в причинении вреда. Именно исходя из этого должна быть определена доля (часть) каждого из сопричинителей в общем размере причиненного ущерба, а объем возлагаемой обязанности — ограничен этой долей (частью).

В. Способы исполнения обязанности устранить причиненный преступлением вред, применяемой при отсрочке исполнения приговора, в отличие от аналогичной обязанности, используемой в качестве уголовного наказания или принудительной меры воспитательного характера к несовершеннолетним правонарушителям, уголовным материальным законом не определены. Однако вряд ли есть основания полагать, что они могут быть иными, нежели те, что предусмотрены для исполнения аналогичных ей уголовно-правовых обязанностей. Хотя уголовно-правовая обязанность по устранению причиненного имущественного вреда (причем независимо от того, в каком качестве она реализуется) и отличается от гражданско-правовой обязанности возмещения ущерба по своей природе, характеру и первоочередным функциям, тем не менее способы их исполнения являются едиными. Причиненный имущественный вред устраняется возвращением в первоначальное состояние (*restitutio ad integrum*) либо возмещением убытков, т. е. уплатой стоимости причиненного вреда деньгами (ст. ст. 453 ГК УССР, 457 ГК РСФСР). Любой из этих способов вправе выбрать суд и при возложении обязанности устранить причиненный вред, применяемой при отсрочке исполнения приговора, так как ее он возлагает на осужденного по своей инициативе (*ex officio*).

Однако некоторые ранее указанные особенности применения рассматриваемой обязанности накладывают отпечаток и на выбор судом конкретного способа ее исполнения осужденным. При отсрочке исполнения приговора она может быть возложена на осужденного наряду с удовлетворением заявленного гражданского иска. Поэтому выбор способа ее исполнения требует прежде всего

согласования со способом исполнения гражданско-правовой обязанности по возмещению ущерба, вытекающей из удовлетворенного гражданского иска. Нельзя допустить, чтобы исполнение уголовно-правовой обязанности было установлено одним способом, а исполнение аналогичной гражданско-правовой обязанности — иным. В противном случае такое положение привело бы к двойному возмещению ущерба.

Если гражданский иск не был заявлен, то при выборе способа устранения вреда необходимо принимать во внимание: а) воспитательно-предупредительные цели названной уголовно-правовой обязанности, достижение которых лучше обеспечивается устранением вреда в натуре (своими силами и предоставлением взамен уничтоженной или испорченной вещи того же рода и качества); б) наличие у осужденного реальных возможностей устранить вред в натуре; в) желание потерпевшего устранить вред тем или иным способом, которое, хотя и не имеет в данном случае доминирующего значения, тем не менее может быть принято судом во внимание.

Только с учетом всех этих обстоятельств может быть обеспечен правильный и наиболее эффективный для достижения целей уголовной политики способ исполнения осужденным обязанности загладить причиненный вред, возлагаемый на него в качестве испытательного условия при отсрочке исполнения приговора.

Г. Необходимым элементом решения о возложении названной обязанности является определение срока исполнения. Его необходимо отличать от срока предоставления отсрочки исполнения приговора. Уголовный материальный закон (ст. ст. 39¹ Основ, 46¹ УК УССР, 46¹ УК РСФСР) предоставляет суду возможность, с учетом характера и степени общественной опасности совершенного преступления, личности виновного и иных обстоятельств дела, а также возможности его исправления и перевоспитания без изоляции от общества, отсрочить исполнение приговора на срок от одного года до двух лет. Срок для исполнения обязанности устранить причиненный вред должен быть избран судом в пределах предоставленного конкретного срока отсрочки исполнения приговора и не может превышать верхней границы последнего. В противном случае возложенная обязанность утратила бы свое испытательное качество. Однако он может быть меньше нижней его границы, т. е. менее одного года.

Как показали обобщение судебной практики, проведенное Верховным Судом СССР, суды в отношении 44,3 % осужденных несовершеннолетних, которым была предоставлена отсрочка исполнения приговора, при возложении на них различных обязанностей не указывали сроки их выполнения [36, 1982, № 3, 38].

Определение срока исполнения обязанности имеет важное практическое значение. Будучи избранным правильно, он стимулирует осужденного к выполнению возложенной обязанности и тем самым повышает ее воспитательно-предупредительное воздействие и отсрочки в целом; существенно облегчает осуществление контроля за поведением осужденного, связанного с исполнением обязанности; оказывает положительное влияние на успешную защиту нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших лиц.

Правильно избранный судом срок исполнения осужденным возложенной на него обязанности — тот, который является реальным для ее исполнения и в то же время оптимальным для оказания ею предупредительно-воспитательного воздействия на осужденного. Он должен определяться с учетом конкретных обстоятельств дела, и в первую очередь в зависимости от объема (размера) возлагаемой обязанности и материальных (физических) возможностей осужденного. Установление как необоснованно кратких (нереальных), так и необоснованно длительных сроков исполнения рассматриваемой обязанности может негативно отразиться на реализации ее воспитательно-предупредительных возможностей. Нереальный срок, как правило, влечет неисполнение возложенной обязанности без умысла на это со стороны осужденного, что фактически обесценивает рассматриваемое уголовно-правовое средство воздействия. Этот правоприменительный дефект был выявлен и правильно отмечен в литературе юристами-практиками [36, 1978, № 5, 36; 1982, № 3, 36; 256, 7; 192, 8].

Однако неприемлем и противоположный подход при определении срока для исполнения обязанности устранить причиненный вред — растягивание исполнения на весь период отсрочки исполнения приговора, в то время как объем (размер) причиненного вреда и материальные возможности осужденного позволяют выполнить ее в более краткие сроки. Необоснованно длительный срок также способен подорвать предупредительно-воспитательные возможности названной обязанности, а кроме того, негативно отразиться на защите нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших лиц.

Таким образом, определенный судом срок должен быть не только реальным для исполнения обязанности устранить причиненный вред, но и оптимальным для реализации заложенных в ней воспитательно-предупредительных возможностей.

После провозглашения приговора, которым на осужденного возлагается обязанность устранить причиненный вред, председательствующий разъясняет осужденному, а если последний несовершеннолетний — также его законным представителям, сущность названной обязанности, сроки и способ исполнения, уголовно-правовые последствия неисполнения. Полагаем, что такое же разъяс-

нение он должен дать и потерпевшим лицам и их представителям, что вытекает из требований уголовно-процессуального закона (ст. ст. 341 УПК УССР, 318 УПК РСФСР) и постановления Пленума Верховного Суда СССР от 21 июня 1985 г. „О судебной практике по применению отсрочки исполнения приговора” (п. 10) [186, 579]. Об этих разъяснениях делается соответствующая запись в протоколе судебного заседания.

Судебная практика, к сожалению, в этом плане далека от совершенства. Как свидетельствует проведенное Верховным Судом СССР обобщение практики применения судами законодательства об отсрочке исполнения приговора несовершеннолетним, в 39,6 % изученных дел запись об указанных выше разъяснениях в протоколе судебного заседания отсутствовала [36, 1982, № 3, 40]. Это, безусловно, может негативно отразиться на эффективности рассматриваемой уголовно-правовой меры воздействия на осужденных.

5. Вступивший в законную силу приговор, которым возложена обязанность устранить причиненный вред, подлежит исполнению в этой части осужденным добровольно. Как было отмечено ранее, названная обязанность принудительным исполнением не обеспечена и суд не вправе выдать исполнительный лист о взыскании с осужденного стоимости причиненного вреда в принудительном порядке по правилам исполнительного производства.

Однако из этого не следует, что исполнение рассматриваемой обязанности остается вне контроля. Его осуществляют различные органы в зависимости от того, в каком качестве указанную обязанность использует суд. Так, согласно ст. 18 Положения о порядке и условиях исполнения уголовных наказаний, не связанных с мерами исправительно-трудового воздействия на осужденных, утвержденного Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 16 июля 1984 г. [41, 1984, № 29, ст. 991], контроль за исполнением обязанности загладить причиненный вред, возложенной на осужденного в качестве основного или дополнительного уголовного наказания, осуществляется судебным исполнителем районного (городского) народного суда по месту жительства, работы или учебы осужденного.

В соответствии со ст. 204 Инструкции об исполнительном производстве, утвержденной приказом министра юстиции СССР № 22 от 15 ноября 1985 г. и вступившей в силу с 1 апреля 1986 г., по вступлении приговора в законную силу судебному исполнителю должна быть передана копия приговора (или выписка из него), на который он заводит исполнительное производство. Последнее заканчивается по истечении срока, указанного в приговоре суда, обязывающем осужденного загладить причиненный вред. Его следует считать законченным, если в нем имеются сведения, подтверждающие исполнение осужденным возложенной на него обязанности: сообщения потерпевших лиц или их представителей об

исполнении обязанности, копии денежных документов о возмещении материального ущерба и т. д.

В настоящее время ни процессуальный закон (уголовный и гражданский) союзных республик, уголовное законодательство которых предусматривает возложение обязанности загладить причиненный вред в качестве уголовного наказания, ни подзаконные акты, регулирующие исполнительное производство, не предусматривают, как должен поступить судебный исполнитель в случае, когда по истечении установленного приговором срока возложенная обязанность осужденным не будет выполнена. По нашему мнению, он должен составить об этом соответствующий акт и немедленно направить его народному суду по месту исполнения приговора для решения вопроса о применении уголовно-правовых санкций к осужденному, т. е. замены назначенного наказания более строгим (ч. 5 ст. 32 УК РСФСР; ст. 19 Положения). Дополнение ст. 205 Инструкции об исполнительном производстве ч. 4, содержащей указанное положение, позволило бы устранить неясность по этому вопросу в исполнительном производстве такого уголовного наказания, предусмотренного уголовным законом некоторых союзных республик, как возложение обязанности загладить причиненный вред.

Контроль за исполнением обязанности устранить причиненный вред, возложенной судом в качестве принудительной меры воспитательного характера на совершившего преступление несовершеннолетнего, должен осуществляться органом внутренних дел (инспекцией по делам несовершеннолетних) и комиссией по делам несовершеннолетних при исполнительных комитетах районных (городских) Советов народных депутатов. Названные органы обязаны проводить с несовершеннолетним правонарушителем воспитательную работу, и они же должны сообщить суду результаты исполнения несовершеннолетним возложенной на него обязанности устранить причиненный вред в пределах до 50 руб.

Как отмечалось выше, последствия неисполнения несовершеннолетним правонарушителем названной обязанности законом не урегулированы. С целью устранения этого пробела в настоящей работе содержатся соответствующие предложения о дополнении действующего законодательства союзных республик. При этом мы не считаем возможным для этих случаев применить по аналогии ст. 22 Положения о комиссиях по делам несовершеннолетних РСФСР, согласно которой постановление комиссии о возмещении несовершеннолетними, а также их родителями и заменяющими их лицами причиненного несовершеннолетними материального ущерба подлежит исполнению судебным исполнителем. Дело в том, что содержащееся в приговоре (определении) решение суда о применении к несовершеннолетнему преступнику названной принудительной меры воспитательного характера является уго-

ловно-правовым средством воздействия, а не административно-правовой или общественной мерой. Оно также не является решением об имущественных требованиях потерпевших и поэтому должно быть обеспечено прежде всего уголовно-правовой санкцией, а не „титолом исполняемости“.

Контроль за исполнением обязанности устранить причиненный преступлением вред, возложенной на осужденного в качестве испытательного условия при отсрочке исполнения приговора, осуществляется в соответствии со ст. 39¹ Основ уголовного судопроизводства (ст. ст. 46¹ УК УССР, 46¹ УК РСФСР) органами внутренних дел, а в отношении несовершеннолетних — также и комиссиями по делам несовершеннолетних. Поэтому как только вступает в законную силу приговор, которым возложена названная обязанность, его копии вместе с распоряжением суда об исполнении обвинительного приговора подлежат немедленному* направлению в названные органы по месту жительства осужденного (ст. ст. 404 УПК УССР, 359 УПК РСФСР).

Если осужденный не проживает на территории деятельности суда, постановившего приговор, то последний копию вступившего в законную силу приговора направляет также в народный суд по месту жительства осужденного. На этот суд также возлагается обязанность выяснить, установлен ли контроль названными органами за его поведением и исполнением возложенных обязанностей.

Народные суды, поставившие приговор и предоставившие отсрочку его исполнения с возложением на осужденных определенных обязанностей, равно как и народные суды, на территории которых они проживают, не должны подменять названных органов в осуществлении контроля за поведением осужденных и выполнением ими возложенных обязанностей. Однако на суд, постановивший приговор, возложена обязанность „следить за тем, чтобы приговор, определения и постановления были приведены в исполнение“ (ч. 3 ст. 359 УПК РСФСР).

По всей видимости, данное указание уголовно-процессуального закона следует понимать не только как осуществление контроля суда за своевременным направлением распоряжения об исполнении приговора названным органам и получением от них

* В УПК большинства союзных республик устанавливается специальный срок, на протяжении которого вступивший в законную силу приговор должен быть обращен к исполнению. Он, как правило, равен трем дням со дня вступления приговора в законную силу или возвращения дела из кассационной инстанции (например, ч. 1 ст. 404 УПК УССР). Согласно ст. 179 Инструкции об исполнительном производстве приговоры суда о возмещении материального ущерба, причиненного преступлением, также обращаются к исполнению не позднее трех суток со дня их вступления в законную силу или возвращения дела из кассационной инстанции.

сообщения о том, что он принят ими к исполнению, но и его право выяснить, как осужденный выполняет возложенные на него обязанности, в том числе и обязанность устранить причиненный вред.

Таким же правом, безусловно, обладает и суд по месту жительства осужденного, так как в соответствии с уголовно-процессуальным законом (чч. 2, 3, ст. 408² УПК УССР, ст. 362³ УПК РСФСР) именно этому суду в дальнейшем предстоит разрешить вопрос об освобождении осужденного от наказания при соблюдении им испытательных условий или об отмене отсрочки и направлении его для отбывания лишения свободы.

Немаловажное практическое значение имеет вопрос о том, вправе ли контролирующий исполнение приговора орган, а также осужденный по соглашению с потерпевшим изменить принятое судом решение об исполнении рассматриваемой обязанности: изменить ее объем, способ, сроки исполнения.

Неясно также, вправе ли сам суд, постановивший приговор, отменить эту обязанность или изменить ее содержание. Отсутствие непосредственного законодательного регулирования в этом вопросе может породить определенные трудности, а также не основанную на законе практику.

Полагаем, что на оба поставленных вопроса следует дать отрицательный ответ. Вступивший в законную силу приговор, определение и постановление суда обязательны для всех государственных и общественных учреждений, предприятий и организаций, должностных лиц и граждан (ст. ст. 54 Основ уголовного судопроизводства, 403 УПК УССР, 358 УПК РСФСР). Исполнение приговора (определения и постановления суда) должно быть осуществлено в точном соответствии с содержащимися в нем решениями, которые не вправе отменить или изменить даже суд, его постановивший. Поэтому всякие решения контролирующих исполнение приговора органов и соглашения осужденного с потерпевшими, направленные на его изменение, в части возложенной обязанности не основаны на законе и противоречат ему.

Вполне естественно, что в процессе исполнения приговора могут возникнуть различные обстоятельства, оказывающие влияние на возможность своевременного и точного исполнения возложенной обязанности устранить причиненный вред: ухудшение имущественного положения осужденного; его тяжелая болезнь; изменения как в жизни осужденного, так и потерпевшего, обусловившие более удобное для них обоих исполнение обязанности иным, нежели определено в приговоре, способом, и др. Однако никакие изменения не могут составить правового основания для соответствующей корректировки содержания приговора в части возложенной обязанности.

Сказанное, безусловно, не означает, что возникновение отмеченных обстоятельств в период срока, отведенного для ис-

полнения обязанности, лишено какого-либо правового значения. Больше того, они могут оказать существенное влияние на оценку судом причин ее неисполнения в установленных объеме и сроке и квалификацию поведения осужденного под углом зрения злостного уклонения его от исполнения названной обязанности со всеми вытекающими для него последствиями. Однако это иная ситуация, которая находит свое разрешение в законе.

Исполнение осужденным возложенной на него обязанности загладить (устранить) причиненный преступлением вред, примененная в качестве уголовного наказания или принудительной меры воспитательного характера к совершившему преступление несовершеннолетнему, исчерпывает воспитательно-предупредительное воздействие названного уголовно-правового средства и не требует какой-либо специальной констатации суда об этом в процессуальном порядке. Иное дело, когда эта обязанность осужденным не выполнена в установленный приговором срок. В таком случае суд может заменить назначенное наказание иным, более строгим: исправительными работами, штрафом или увольнением от должности (ч. 5 ст. 32 УК РСФСР). Данный вопрос подлежит разрешению в судебном заседании в порядке, предусмотренном ст. ст. 368, 369 УПК РСФСР, судом, постановившим приговор, или одноименным судом по месту исполнения приговора по представлению органа, контролирующего исполнение приговора. При этом замена наказания осуществляется не приговором, а определением суда.

По-иному законодатель урегулировал исполнение обязанности устранить причиненный вред, возлагаемой на осужденного при отсрочке исполнения приговора. В данном случае исполнение названной обязанности является лишь одним из элементов положительной оценки исправительно-воспитательного процесса, осуществляемого в пределах испытательного срока (срока отсрочки). Само по себе оно (исполнение) еще не составляет достаточного правового основания для освобождения осужденного от наказания, так как он может не выполнить других испытательных условий: а) не совершать новых преступлений; б) не нарушать общественного порядка или трудовой дисциплины, влекущих применение мер административного взыскания либо мер дисциплинарного или общественного воздействия, либо не выполнить других, кроме рассматриваемой, обязанностей, если они были возложены судом параллельно с ней.

Только выполнение осужденным в период испытания (срока отсрочки) всех этих условий свидетельствует о том, что испытание (проба) прошло успешно, оказало воспитательно-предупредительное и исправительное воздействие, и суд по представлению органа, осуществляющего контроль за исполнением приговора, выносит в предусмотренном уголовно-процессуальным законом

порядке (ст. ст. 408² УПК УССР, 362³ УПК РСФСР) определение об освобождении его от наказания.

Невыполнение осужденным хотя бы одного из названных испытательных условий влечет отмену судом отсрочки исполнения приговора и приведение его к реальному исполнению. При этом нарушение одних из перечисленных условий влечет *обязательную* отмену отсрочки, других — *факультативную*. Совершение в период отсрочки нового преступления влечет обязательную ее отмену и присоединение отсроченного наказания к вновь избранному. При невыполнении осужденным иных условий (в том числе и при неисполнении возложенной обязанности устранить причиненный вред) отмена отсрочки не является столь категоричным и однозначным последствием. К разрешению этой ситуации законодатель подошел более гибко, предоставив суду право альтернативного решения вопроса об отмене отсрочки исполнения приговора с учетом всех обстоятельств дела и личности осужденного, что нашло свое выражение в законодательной формулировке „суд может (курсив мой. — В. Н.) вынести определение об отмене отсрочки исполнения приговора”.

Следовательно, невыполнение осужденным возложенной на него обязанности устранить причиненный вред автоматически не влечет за собой отмену отсрочки исполнения приговора. Естественно, при этом возникает вопрос: в каких же ситуациях неисполнение названной обязанности составит правовое основание для отмены отсрочки, а в каких нет? При решении этого вопроса необходимо, по нашему мнению, исходить из следующих соображений. Негативные для осужденного последствия законодатель связывает не с самим по себе фактом неисполнения названной (равно как и любой иной) обязанности, а с тем, что осужденный, имея реальные возможности для ее исполнения, *уклоняется* от этого, т. е. бездействует виновно.

Если же он таких возможностей в силу различных объективных причин не имел и это будет установлено судом, то естественно, что в такой ситуации неисполнение обязанности само по себе не повлечет за собой отмену отсрочки приговора. При этом не принимаются во внимание и случаи, когда осужденный умышленно создал условия, препятствующие ему исполнить возложенную обязанность.

В этой связи Пленум Верховного Суда СССР в названном ранее постановлении от 21 июня 1985 г. специально подчеркнул (п. 14), что, „рассматривая представление об отмене отсрочки исполнения приговора и направлении осужденного для отбывания лишения свободы в связи с невыполнением возложенных на него обязанностей, суд должен выяснить, *имелась ли реальная возможность их выполнения*. Если они не выполнены по уважительным причинам, в удовлетворении представления об отмене отсрочки

исполнения приговора должно быть отказано" (курсив мой. — В. Н.) [186, 580].

Вряд ли составит правовое основание отмены отсрочки и отступление осужденным от способа и срока исполнения обязанности, если на это им получено согласие потерпевшего. В данном случае, безусловно, имеется отступление от предписаний суда, однако оно не является свидетельством уклонения осужденного от исполнения возложенной обязанности.

Таким образом, неисполнение осужденным возложенной на него обязанности устранить причиненный вред составит правовое основание отмены отсрочки исполнения приговора только в случае, когда суд установит, что осужденный уклоняется от ее выполнения.

Решение вопроса об освобождении осужденного от наказания или отмене отсрочки исполнения приговора в связи с невыполнением возложенных на него обязанностей осуществляется судом в предусмотренном законом процессуальном порядке (ст. ст. 411 УПК УССР, 369 УПК РСФСР). При этом в судебное заседание, как правило, вызывается осужденный. Уголовно-процессуальные кодексы некоторых союзных республик предусматривают также вызов защитника (при наличии ходатайства осужденного) (ст. 411 УПК УССР). Вызов потерпевших от преступления, в пользу которых осужденные должны выполнить возложенную на них обязанность устранить причиненный вред, и их представителей уголовно-процессуальным законом не предусмотрен. Это, естественно, не означает, что суд не вправе вызвать и этих участников процесса в судебное заседание и с их помощью выяснить интересующие его вопросы. Однако указание в процессуальном законе на вызов в судебное заседание при решении вопросов, связанных с исполнением приговора, в числе иных участников процесса и потерпевшего будет способствовать более успешному решению указанных вопросов и создаст дополнительные процессуальные гарантии прав и интересов потерпевших от преступления.

С учетом изложенного считаем целесообразным в уголовно-процессуальную норму, регулирующую порядок разрешения вопросов, связанных с исполнением приговора, внести дополнение о вызове в судебное заседание потерпевшего. В этой связи ч. 2 ст. 411 УПК УССР (ст. 369 УПК РСФСР) и соответствующие нормы УПК других союзных республик предлагаем изложить в следующей редакции: *„В судебное заседание, как правило, вызывается осужденный, по его ходатайству защитник, а также потерпевший. Если вопрос касается исполнения приговора в части гражданского иска, вызываются также гражданский истец и гражданский ответчик. Неявка этих лиц не останавливает рассмотрения дела“*.

УГОЛОВНО-ПРАВОВАЯ ОБЯЗАННОСТЬ ВОЗМЕСТИТЬ
ПРИЧИНЕННЫЙ МАТЕРИАЛЬНЫЙ УЩЕРБ
В ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВЕ ИНЫХ СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН
(СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ)

1. Изучение опыта правового регулирования различных сфер социальной жизни в иных странах, особенно социалистических, способно не только обогатить отечественное правоведение, но и оказать влияние на правотворческую практику решения наиболее актуальных проблем и в сфере уголовной политики.

На XXVII съезде КПСС было отмечено, что „бережное, уважительное отношение к опыту друг друга, применение его на практике — огромный резерв социалистического мира” [5, 72]. Поэтому несомненный интерес как для науки, так и для практики правового регулирования представляет ознакомление с опытом использования возмещения причиненного преступлением материального ущерба в качестве средства уголовной политики в иных социалистических странах. Это тем более необходимо в связи с проводящейся в нашей стране правовой реформой и иной кодификацией уголовного законодательства.

Анализ уголовного законодательства, а также изучение доступной нам юридической литературы европейских социалистических стран показали, что в большинстве из них возмещение виновным в совершении преступления лицом причиненного материального ущерба используется в качестве средства уголовной политики, хотя и в различной степени и в разных формах. Наиболее широко используется это средство в качестве одного из пробационных условий при различных формах депенализации, значительно реже — как мера уголовной ответственности.

2. Наиболее широко урегулирована рассматриваемая проблема в уголовном законодательстве ГДР. Законодатель здесь прежде всего признает возмещение причиненного преступлением имущественного вреда в качестве одной из мер уголовной ответственности. Об этом говорит то, что § 24 Уголовного кодекса ГДР* имеет название „Возмещение ущерба” („Wiedergutmachung des Schadens”) и помещен в главу третью, названную „Меры уголовной ответственности” („Massnahmen der strafrechtlichen Verantwortlichkeit”). В соответствии с ч. 2 § 24, если преступным деянием был причинен материальный ущерб, однако воспитательная цель уголовного процесса может быть достигнута путем присуждения к возмещению ущерба, дело заканчивается указанным образом и наказание не назначается.

* В СССР имеется русский перевод этого кодекса [228]. Новая его редакция, осуществленная в 1974 г., каких-либо изменений в законодательное урегулирование рассматриваемой проблемы не внесла.

О большом значении, придаваемом законодателем ГДР возмещению причиненного преступлением материального ущерба, как одного из средств уголовной политики, свидетельствует также правило, содержащееся в § 25 УК. В соответствии с ним уголовная ответственность не применяется, если виновное лицо своими усилиями устранит причиненный им вред. Разумеется, это правило касается преступлений, не представляющих большой общественной опасности.

Возложение на осужденного обязанности загладить материальный ущерб довольно широко используется в уголовном законодательстве ГДР в качестве средства probation, в частности при условном осуждении, условно-досрочном освобождении от наказания, поручительстве.

Так, в соответствии с ч. 3 § 33 УК ГДР при совершении преступления, которым причинен материальный ущерб, суд, применяя условное осуждение (*Verurteilung auf Bewährung*), может в течение установленного им испытательного срока обязать осужденного возместить причиненный его действиями вред или же с согласия потерпевшего загладить его своим собственным трудом („durch eigene Arbeit“). По имеющимся в юридической литературе ГДР сведениям, денежное возмещение ущерба в судебной практике является правилом. А что касается возмещения вреда в натуре, в том числе и его заглаживания своим собственным трудом, то этот способ может быть использован прежде всего в случае уничтожения либо повреждения вещи, если потерпевший предпочитает эту форму возмещения.

При определении размера возмещения суд руководствуется предписаниями гражданского, а в определенных случаях — и трудового права [267, 459].

Возложение на осужденного уголовно-правовой обязанности возместить причиненный преступлением материальный ущерб здесь выполняет воспитательную функцию. Вместе с тем это предоставляет потерпевшему правовую гарантию того, что причиненный ему имущественный вред будет возмещен без соответствующих требований и домогательства их удовлетворения [278, 16; 268, 85].

Решение уголовного суда о возложении на осужденного обязанности возместить причиненный им ущерб не обладает свойством исполняемости посредством приведения в действие исполнительного производства [278, 17]. Это, однако, не означает, что осужденный может его игнорировать без отрицательных для себя последствий. Эффективность этого средства в защите имущественных прав и интересов потерпевшего обеспечивается его probationным характером. Отрицательные последствия (приведение приговора в исполнение), возникающие для осужденного в слу-

чае уклонения от исполнения отмеченной обязанности, являются достаточно сильным мотивом, побуждающим его к выполнению решения суда. Согласно ч. 4, п. 2 § 35 УК злостное возмещение вреда может привести к реальному исполнению назначенного приговором лишения свободы („die angedrohte Freiheitsstrafe kann vollzogen werden“).

Аналогичные последствия имеют место и при условно-досрочном освобождении от наказания и коллективном или индивидуальном поручительстве. Злостное невыполнение осужденным обязанности возместить причиненный им ущерб, возложенной на него судом в качестве испытательного условия и при этих формах депенализации, может повлечь за собой принятие судом решения о реальном исполнении назначенного наказания (ч. 6, п. 2 § 45 в связи с ч. 3, п. 2 § 45; ч. 4 § 31 УК ГДР).

Возложение обязанности возместить причиненный преступными действиями материальный ущерб, кроме меры уголовной ответственности, испытательного средства при различных формах условного осуждения и условно-досрочного освобождения от наказания, используется по уголовному законодательству ГДР и в качестве воспитательного средства („Erziehungsmassnahme“), имеющегося в распоряжении органов правосудия*.

Согласно § 29 УК ГДР общественные органы правосудия в результате рассмотрения ими дела могут удостоверить обязанность виновного загладить причиненный им вред, обязав его осуществить это своим трудом или же, если невозможно, возместить ущерб в денежной форме с согласия потерпевшего.

В юридической литературе ГДР нет единства во взглядах авторов на характер названной обязанности, используемой органами общественного правосудия в качестве воспитательного средства. Так, E. Buchholz, U. Dähn, H. Weber отмечают: „В воспитательных средствах, применяемых общественными судами (§ 29 УК ГДР), преобладает общественно-моральное воздействие. Для уголовного же наказания, а именно при условном осуждении, характерным является связанное друг с другом и взаимодополняемое государственное и общественное воздействие на преступника“ [268, 85].

По-иному смотрит на этот вопрос M. Benjamin. Он пишет: „Функция возмещения ущерба в рамках мер, применяемых конфликтными комиссиями, не является, таким образом, принципиально иной... чем функция ликвидации задолженности (только в данном случае осуществляется моральная, а не материальная компенсация)“ [266, 147].

Наконец, рассматриваемая обязанность используется уголовным законодательством ГДР и в качестве специального воспитательного средства в отношении несовершеннолетних правонарушителей.

* Согласно ст. 12 УПК ГДР общественными органами правосудия в ГДР являются конфликтные и третейские комиссии. Несмотря на то что это общественные органы, они входят в судебную систему как органы правосудия.

В соответствии с ч. 2 § 70 УК одной из специальных обязанностей, которая может быть самостоятельно или в сочетании с другими возложена на несовершеннолетнего, является обязанность устранить (с согласия потерпевшего) причиненный вред собственными усилиями („durch eigene Leistung“).

Изложенное дает представление о том, насколько широко и в каких формах используется возмещение причиненного преступлением материального ущерба как уголовно-правового средства воздействия на осужденного (лица, совершившего преступление) в уголовном законодательстве ГДР.

3. Идея использования возмещения причиненного преступлением материального ущерба для достижения прежде всего целей уголовной политики широко воспринята законодательством и правоприменительной практикой ПНР. Однако польский законодатель использует это средство уголовно-правового воздействия лишь в качестве пробационного условия при различных формах депенализации.

В соответствии с Уголовным кодексом ПНР 1969 г. обязанность по возмещению ущерба может быть возложена на виновное в совершении преступления лицо в следующих случаях: при условном прекращении производства по уголовному делу (ст. 28 УК); при условной отсрочке исполнения наказания в виде лишения свободы (ст. 75 УК); при условно-досрочном освобождении осужденного от наказания в виде лишения свободы (ст. 94 УК); при назначении осужденному уголовного наказания в виде ограничения свободы (ст. 35 и § 4 ст. 294 УК).

При этом возложение названной обязанности является обязательным в случае условного прекращения производства по уголовному делу о преступлении против собственности (§ 3 ст. 28 УК), а также в случаях, когда применяется условная отсрочка исполнения наказания или условно-досрочное освобождение от него в отношении лиц, совершивших хищения общественного имущества (§ 3 ст. 75, ст. 94 УК), если ущерб на момент решения этих вопросов не был возмещен.

Исполнение обязанности по возмещению вреда, а равно иных возложенных обязанностей составляет элемент положительной оценки прохождения осужденным испытания. В случае наказания осужденного ограничением свободы исполнение этой обязанности дает возможность после отбытия им не менее половины срока освободить его от дальнейшего исполнения наказания с одновременным признанием отбывания наказания полностью.

Обязанность возместить причиненный вред — лишь одно из испытательных условий, используемых польским законодателем в перечисленных случаях. Для успешного прохождения пробы, а равно для освобождения от наказания ограничения свободы осужденный должен выполнять и другие обязанности (условия), если они налагались судом, а также не допустить нарушений правопорядка либо совершения новых преступлений.

Уклонение от обязанности возмещения вреда, возложенной на виновное лицо в связи с условным прекращением уголовного производства, влечет негативные для него последствия в виде обязательной отмены решения об условном прекращении производства по уголовному делу (§ 2 ст. 29 УК).

Последствием уклонения от исполнения рассматриваемой обязанности, возложенной приговором на осужденного к лишению свободы с условной отсрочкой, также является возможность применения уголовно-правовых санкций в виде отмены условной отсрочки наказания и его реальное исполнение. При этом в случае уклонения от названной обязанности при причинении вреда хищением общественного имущества (§ 3 ст. 75 УК) суд обязан привести приговор к реальному исполнению наказания. Если же осужденный уклоняется от исполнения возложенной на него обязанности возместить вред, причиненный иным преступлением, то реальное исполнение приговора составляет право суда, т. е. решается им на факультативных началах (§ 2 ст. 78).

Уклонение от исполнения обязанности возместить причиненный вред, возложенной при условно-досрочном освобождении, является основанием факультативной отмены условного освобождения независимо от того, за какое преступление был осужден виновный (§ 2 ст. 95 УК).

Дифференцированно подошел польский законодатель и к решению вопроса о последствиях неисполнения осужденным возложенной на него названной обязанности при осуждении к ограничению свободы. Он поставил их в зависимость от характера уклонения осужденного от этой обязанности. „Неквалифицированное“ уклонение влечет за собой то негативное для него последствие, что он не может воспользоваться поощрительной мерой, содержащейся в ст. 88 УК (после отбытия хотя бы половины наказания быть освобожденным от дальнейшего отбывания с одновременным признанием исполнения наказания полностью). „Квалифицированное“ (злостное) уклонение от указанной обязанности, состоящее в упорном нежелании ее исполнять, трактуется как уклонение осужденного от отбывания наказания ограничения свободы (§ 1 ст. 122 УИК ПНР) и влечет за собой обязательную замену ограничения свободы штрафом либо лишением свободы (§ 2 ст. 84 УК).

Вопрос об установлении критериев оценки поведения осужденного с точки зрения уклонения от исполнения обязанности возмещения вреда нашел четкое решение как в судебной практике, так и в доктрине. Уклонением считается негативное психическое отношение (виновное) обязанного (осужденного) лица к выполнению возложенной на него обязанности. Не считается уклонением невозможность выполнить ее по уважительным причинам, в силу объективных причин [272, 1267; 274, 207].

В случае принятия судом решения об исполнении условно отсроченного наказания в связи с нарушением условий пробы возло-

женная судом обязанность возмещения вреда считается решением суда в отношении имущественных требований, и оно подлежит исполнению по правилам исполнительного производства (ст. 94 УПК ПНР). Как отмечается в польской юридической литературе, в данном случае польский законодатель отступил от общепринятого положения, что уголовно-правовая обязанность возмещения вреда должна обеспечиваться исключительно уголовно-правовыми санкциями, т. е. отступил от чистой конструкции, применяющейся исключительно в сфере уголовного материального права [271, 27; 274, 176].

Таким образом, польский законодатель дифференцированно подходит к использованию уголовно-правовой обязанности возмещения причиненного преступлением материального ущерба для целей уголовной политики.

4. Возмещение причиненного преступлением материального ущерба в качестве пробационного средства, связанного с институтом условного осуждения, предусматривает также уголовное законодательство ЧССР и СФРЮ.

В соответствии с § 59, ч. 2 УК ЧССР 1961 г. (в редакции 1973 г.) суд, применяя условное осуждение, должен, по общему правилу, возложить на осужденного обязанность возместить причиненный имущественный вред. Однако эта обязанность может быть возложена лишь в пределах возможностей осужденного. Поэтому ее возложению предшествует выяснение судом материального положения осужденного.

В чехословацкой правовой литературе подчеркивается отличие уголовно-правовой обязанности по возмещению ущерба от аналогичной гражданско-правовой обязанности, при этом обращается внимание на воспитательное значение этого средства [280, 235].

Вместе с тем применение возмещения ущерба в качестве испытательного условия в уголовном законодательстве ЧССР имеет ту особенность, что оно соизмеряется с материальными возможностями осужденного.

Как и в других ранее рассмотренных законодательствах, в ЧССР решение суда по уголовному делу, которым возлагается на осужденного обязанность возместить материальный ущерб, не обладает силой принудительного исполнения. В качестве санкции за ее неисполнение выступает возможность отмены судом условного осуждения и реальное исполнение назначенного наказания. Суды на практике нередко применяют эту санкцию. Однако тот факт, что в большинстве случаев условно осужденные успешно проходят испытательный срок, свидетельствует о том, что указанная обязанность по возмещению ущерба ими выполняется [270, 286].

В соответствии с ч. 2 ст. 52 Федерального Уголовного кодекса СФРЮ 1976 г. (в СФРЮ имеются и уголовные кодексы республик

и автономных краев) суд при условном осуждении может постановить, что определенное наказание будет приведено в исполнение, если осужденный в установленный срок (в пределах срока испытания) не возвратит потерпевшему материальную выгоду („inovinjsku korist“), полученную в результате преступления, либо не возместит ущерб, причиненный преступлением („ne nadoknadi štetu što ju je uzrokovao krivičnim djelom“).

Отдельное правило, сформулированное в ст. 56 УК, регулирует последствия уклонения осужденного от исполнения возложенных на него обязательств, в том числе и обязанности по возмещению ущерба. При этом югославский законодатель довольно эластично подошел к урегулированию последствий неисполнения обязанности вернуть полученную от преступления выгоду или возместить причиненный ущерб: исходя из конкретных обстоятельств, суд может определить условно осужденному новый срок исполнения обязанности или даже освободить его от ее исполнения либо заменить другой, если установит, что осужденный не выполнил пробационного условия по уважительным причинам.

5. Возмещение причиненного преступлением материального ущерба в качестве условия применения условной отсрочки исполнения наказания знает также уголовное законодательство СРР, хотя здесь оно имеет определенные особенности. Согласно ст. 81 УК СРР 1968 г. (в редакции 1973 г.) в случае осуждения за преступление, в результате которого был причинен ущерб общественному имуществу, суд может условно отсрочить исполнение наказания осужденному лишь в случае, когда причиненный им вред был полностью возмещен до постановления приговора. Следовательно, возмещение причиненного ущерба используется румынским уголовным законом не в качестве пробационного средства, применяемого судом при условной отсрочке исполнения наказания, а как условие допустимости этого института.

Заслуживает внимания с точки зрения оригинальности решения использование в румынском уголовном праве удовлетворенного гражданского иска в качестве *sui generis* пробационного средства при условной отсрочке исполнения наказания. Как следует из содержания ст. 84 УК СРР, основанием к отмене условной отсрочки может быть невыполнение осужденным приговора в части гражданского иска, т. е. невыполнение возложенной на него судом гражданско-правовой обязанности по возмещению ущерба, причиненного преступлением. Однако данное обстоятельство не может служить достаточным основанием для отмены отсрочки исполнения наказания в случае, когда осужденный лишен был возможности возместить ущерб: При этом бремя доказывания невозможности исполнения решения суда в части гражданского иска уголовный закон (ст. 84) возлагает на осужденного [275, 259].

Своеобразие такого решения состоит в том, что, в отличие от других законодательств, где возмещение материального ущерба

используется в качестве испытательного условия и является уголовно-правовым средством устранения гражданско-правовых (имущественных) последствий преступления, здесь имеет место как бы обратная ситуация. Невыполнение осужденным гражданско-правовой обязанности, возложенной на него судом в результате удовлетворения гражданского иска, влечет за собой последствия в сфере уголовного права.

Румынское уголовное законодательство, равно как и другие законодательства, добровольное возмещение вреда его причинителем считает обстоятельством, смягчающим уголовную ответственность. Оно поощряет его к такому образу действий тем, что считает добровольное возмещение ущерба одним из оснований замены привлечения к уголовной ответственности применением судом санкции административного характера (ст. 94) либо применением средств общественного воздействия, имеющихся в распоряжении соответствующей общественной организации (ст. 95).

6. Возмещения причиненного преступлением материального ущерба как уголовно-правового средства воздействия на преступника не предусматривает уголовное законодательство двух европейских социалистических стран — НРБ и ВНР. Правда, уголовный кодекс НРБ 1968 г. возможность условного освобождения осужденного от ответственности с передачей на общественное поручительство ставит в зависимость от возмещения причиненного ущерба (ч. 3 ст. 75). Такое решение напоминает уже рассмотренное положение ст. 81 УК СРР с тем лишь отличием, что румынский законодатель использует возмещение причиненного вреда в качестве условия для применения условной отсрочки исполнения наказания. Общим же для них является то, что, хотя возмещение ущерба и связывается с институтом пробаши, оно считается не пробашионным средством, применяемым судом, а основанием для условного освобождения от уголовной ответственности.

Что касается уголовного законодательства ВНР (УК 1978 г.), то оно, несмотря на широкое применение пробашионных институтов (условное освобождение от наказания, освобождение под испытание, отсрочка исполнения наказания), не содержит предписаний, касающихся возмещения ущерба, причиненного преступлением.

Таким образом, изложенное дает основание заключить, что устранение вредных имущественных последствий преступления используется уголовным законодательством подавляющего большинства европейских социалистических стран в качестве средства воздействия на преступника для достижения целей уголовной политики, а равно для защиты нарушенных преступлением имущественных прав и интересов потерпевших лиц.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Маркс К. Дебаты по поводу закона о краже леса//Маркс К., Энгельс Ф. Соч. - 2-е изд. - Т. 1. - С. 119-160.
2. Ленин В. И. О задачах Наркомюста в условиях новой экономической политики//Полн. собр. соч. - Т. 44. - С. 396-400.
3. Ленин В. И. Письмо Д. И. Курскому с замечаниями на проект гражданского кодекса, 28 февр. 1922 г.//Там же. - С. 411-412.
4. Ленин В. И. И. Ф. Арманд, 30 нояб. 1916 г.//Там же. - Т. 49. - С. 328-334.
5. Материалы XXVII съезда Коммунистической партии Советского Союза. - М., 1986.
6. Материалы Пленума Центрального Комитета КПСС, 16 июня 1986 г. - М., 1986.
7. О дальнейшем укреплении социалистической законности и правопорядка, усилении охраны прав и законных интересов граждан: Постановление ЦК КПСС: (Изложение)//Правда. - 1986. - 30 нояб.
8. Абрамов С. Н. Советский гражданский процесс. - М., 1956.
9. Адоян Ю. Р. К вопросу о гражданском ответчике в уголовном процессе //Правоведение. - 1966. - № 1. - С. 67-75.
10. Адоян Ю. Р. Гражданский иск в советском уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. - Тарту, 1967.
11. Александров С. А. Правовые гарантии возмещения ущерба в уголовном процессе (досудебные стадии): Учеб. пособие. - Горький, 1976.
12. Александров С. А. Разрешение гражданского иска в уголовном процессе. - Горький, 1978.
13. Алексеев С. С. Проблемы теории права: Курс лекций. - Свердловск, 1972. - Т. 1.
14. Алексеев С. С. Общая теория права. - М., 1981. - Т. 1.
15. Альперт С. А. Защита в советском уголовном процессе прав и законных интересов лиц, понесших имущественный ущерб от преступления: Текст лекций. - Х., 1984.
16. Арькова В. И. Принудительные меры воспитательного характера, применяемые к несовершеннолетним. - Иркутск, 1978.
17. Астемиров З. А. Уголовная ответственность и наказание несовершеннолетних. - М., 1970.
18. Багрий-Шахматов Л. В. Уголовная ответственность и наказание//Тр. ВШ МВД СССР. - 1969. - Вып. 24. - С. 71-87.
19. Багрий-Шахматов Л. В. Система уголовных наказаний и исправительно-трудовое право. - М., 1969.
20. Багрий-Шахматов Л. В. Уголовная ответственность и наказание. - Минск, 1976.
21. Басин Ю. Г. Основы гражданского законодательства о защите субъективных прав//Проблемы применения Основ гражданского законодательства и Основ гражданского судопроизводства Союза ССР и союзных республик. - Саратов, 1971. - С. 32-37.
22. Басков В. И. Прокурорский надзор за исполнением законов при рассмотрении уголовных дел в судах. - М., 1986.

23. *Башкатов Н.* Гражданский иск в уголовном процессе//Сов. юстиция. — 1986, — № 14. — С. 13–14.
24. *Безлекин Б. Т.* Правовые средства возмещения нанесенного преступным путем//Сов. государство и право. — 1984, — № 7. — С. 83–90.
25. *Беляев Н. А.* Цели наказания и средства их достижения в исправительно-трудовых учреждениях. — Л., 1963.
26. *Беляев Н. А.* Уголовно-правовая политика и пути ее реализации. — Л., 1986.
27. *Бентли И.* Основные начала Уголовного кодекса//Избр. соч. — СПб, 1867. — Т. 1.
28. *Белякова А. М.* Возмещение причиненного вреда. — М., 1972.
29. *Белякова А. М.* Гражданско-правовая ответственность за причинение вреда. — М., 1986.
30. *Береговой И. Е.* О расширении полномочий кассационной инстанции//Проблемы укрепления социалистической законности в уголовном судопроизводстве. — Барнаул, 1985. — С. 126–130.
31. *Божьев В.* Применение норм ГПК при рассмотрении гражданского иска в уголовном процессе//Сов. юстиция. — 1971, — № 15. — С. 18–19.
- ✓ 32. *Божьев В. П.* Гражданский иск в уголовном деле и применение гражданского процессуального права//Сов. государство и право. — 1986, — № 8. — С. 72–79.
33. *Болдырев Е. В.* Меры предупреждения правонарушений несовершеннолетних в СССР. — М., 1964.
34. *Булатов С. Я.* Особенности Уголовного кодекса Казахской ССР//Особенности уголовных кодексов союзных республик. — М., 1963. — С. 206–232.
35. *Боннер А. Т.* Маркс о соотношении материального права и процесса//Правоведение. — 1978, — № 4. — С. 23–31.
- 36. Бюллетень Верховного Суда СССР.
37. Бюллетень Верховного Суда РСФСР.
38. Бюллетень нормативных актов министерств и ведомств СССР.
39. *Варкалло В.* Ответственность по гражданскому праву. — М., 1978.
40. Ведомости Верховного Совета СССР.
41. Ведомости Верховного Совета РСФСР.
42. Ведомости Верховного Совета Украинской ССР.
43. *Викут М. А.* Участие финансовых органов в гражданском судопроизводстве//Защита личных и общественных интересов в гражданском судопроизводстве. — Калинин, 1985. — С. 129–138.
44. *Виттенберг Г. Б.* Строго соблюдать законность в деятельности комиссий по делам несовершеннолетних//Сов. юстиция. — 1965, — № 15. — С. 11–12.
45. *Виттенберг Г. Б.* Совершенствовать уголовно-правовые средства борьбы с преступностью//Сов. государство и право. — 1972, — № 7. — С. 88–93.
46. *Владимиров В. А.* Квалификация хищений личного имущества. — М., 1974.
47. *Владимиров В. А., Ляпунов Ю. И.* Ответственность за корыстные посягательства на социалистическую собственность. — М., 1986.
48. *Власенко В. Г.* Вопросы теории и практики возмещения материального ущерба при расследовании хищений государственного и общественного имущества. — Саратов, 1972.
49. *Воробьев М. К.* Право на судебную защиту по гражданским делам//Проблемы правоведения. — Новосибирск, 1967. — С. 88–114.
- ⑤ 50. *Газетдинов Н. И.* Роль обыска в осуществлении реституции при расследовании уголовных дел//Актуальные вопросы советского права. — Казань, 1985, — С. 86–91.
51. *Гальперин И. М.* О видах и системе наказания//Проблемы совершенствования уголовного законодательства и практики его применения. — М., 1981. — С. 60–70.

52. Гальперин И. М. Наказание: социальные функции, практика применения. — М., 1983.
53. Гальперин И. М., Мельникова Ю. Б. Дополнительные наказания. — М., 1981.
54. Гальперин И. М., Мельникова Ю. Б. Дополнительные наказания в современных условиях борьбы с преступностью//Сов. государство и право. — 1978. — № 7. — С. 86—93.
55. Гернет М. И. Предварительный проект Итальянского уголовного кодекса о преступлениях//Право и жизнь. — 1923. — № 1. — С. 41—64.
56. Голубева Л. М. Судебное рассмотрение дел о преступлениях несовершеннолетних. — Фрунзе, 1981.
57. Гражданский процесс. — М., 1968.
58. Гражданский процесс. — М., 1972.
59. Гражданский процесс. — М., 1948.
60. Грибанов В. П. Пределы осуществления и защиты гражданских прав. — М., 1972.
61. Грошевой Ю. М. Процессуальные функции//Советский уголовный процесс. — К., 1978.
62. Грун А. Я. Пересмотр приговоров в порядке судебного надзора. — М., 1969.
63. Гуляев А. П. Следователь в уголовном процессе. — М., 1981.
64. Гурвич М. А. Право на иск. — М.; Л., 1949.
65. Гурвич М. А. Судебное решение: Теорет. пробл. — М., 1976.
66. Гуреев П. П. Гражданский иск в уголовном процессе. — М., 1961.
67. Гуреев П. П. Запрета личных и имущественных прав. — М., 1964.
68. Давлетов А. Д. Гражданский иск — важное средство охраны социалистической и личной собственности. — Нукус, 1969.
69. Давель П. С. Особенности общей части уголовных кодексов союзных республик//Уч. зап. ЛВГУ. — Владивосток, 1965. — Вып. 12. — С. 53—67.
70. Давев В. Г. Современные проблемы гражданского иска в уголовном процессе. — Л., 1972.
71. Давев В. Г. Право на предъявление регрессного иска в уголовном процессе//Сов. юстиция. — 1972. — № 21. — С. 12—15.
72. Давев В. Г. Уголовно-процессуальные функции и принцип состязательности//Правоведение. — 1974. — № 1. — С. 66—73.
73. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. — М., 1981. — Т. 2.
74. Добровольский А. А. Исковая форма защиты права. — М., 1965.
75. Добровольский А. А., Иванова С. А. Основные проблемы исковой формы защиты права. — М., 1979.
76. Добровольский А. А. Теория иска в советском гражданском процессуальном праве//Курс советского гражданского процессуального права. — М., 1981. — Т. 1. — С. 410—457.
77. Донцов С. Е. Гражданско-правовые внедоговорные способы защиты социалистической собственности. — М., 1980.
78. Донцов С. Е., Маршнина М. Я. Имущественная ответственность за вред, причиненный личности. — М., 1986.
79. Дубинский А. Я. Исполнение процессуальных решений следователя: Правовые и орг. проблемы. — М., 1984.
80. Дубинский А. Я. Производство предварительного расследования органами внутренних дел. — К., 1987.
81. Елисейкин П. Ф. Предмет судебной деятельности в советском гражданском процессе (Его понятие, место и значение): Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Л., 1974.
82. Елисейкин П. Ф. Понятие иска как процессуального средства защиты прав и интересов//Проблемы защиты субъективных прав и советское гражданское судопроизводство. — Ярославль, 1976. — С. 77—96.

83. Ершова Н. Деликтные обязательства и семейные отношения//Сов. юстиция. — 1974. — № 17. — С. 8—9.
84. Збірник постанов Пленуму Верховного Суду Української РСР (1962—1984). — К., 1985.
85. Звід Законів Української РСР. — К., 1986. — Т. 8.
86. Зеленецкий В. С. Функциональная структура прокурорской деятельности. — Х., 1978.
87. Зинатуллин З. З. Возмещение материального ущерба в уголовном процессе. — Казань, 1974.
88. Злобин Г. А. О необходимости концептуального подхода к совершенствованию уголовного законодательства//Конституция СССР и дальнейшее укрепление законности и правопорядка. — М., 1979. — С. 75—82.
89. Иванов О. В. Защита гражданских прав как правовой институт и как научная проблема//Вопросы советского государства и права: Тр. Иркут. ун-та. — Иркутск, 1967. — Т. 45. — С. 40—57.
90. Иванов О. В. Право на судебную защиту//Сов. государство и право. — 1970. — № 7. — С. 40—48.
91. Ионнесян К. И. Особенности Уголовного кодекса Армянской ССР //Особенности уголовных кодексов союзных республик. — М., 1963. — С. 457—486.
92. Исаев М. О возложении обязанности загладить вред и о гражданском иске в суде уголовном//Сов. право. — 1926. — № 3. — С. 82—94.
93. Казанцев М. А. Возмещение материального ущерба. — Л., 1976.
94. Каминская В. И., Гуковская Н. И. О совершенствовании судопроизводства по делам несовершеннолетних//Сб. науч. тр. ВНИИСЗ. — М., 1970. — Ч. 2. — С. 59—66.
95. Карпец И. И. Наказание. Социальные, правовые и криминологические проблемы. — М., 1973.
96. Карпец И. И. Конституция СССР и тенденции развития советского уголовного права//Сов. государство и право. — 1977. — № 12. — С. 40—47.
97. Квашин В. Е. Освобождение от наказания в порядке помилования//Соп. законность. — 1966. — № 2. — С. 27—30.
98. Келина С. Г. Теоретические вопросы освобождения от уголовной ответственности. — М., 1974.
99. Келина С. Г. Основания освобождения от уголовной ответственности и замены ее иными мерами воздействия//Современные тенденции развития социалистического уголовного права. — М., 1983. — С. 140—152.
100. Клейнман А. Ф. Новейшие течения в советской науке гражданского процессуального права (Очерки по истории). — М., 1967.
101. Кобликов А. С. Существенные вопросы судебного надзора по уголовным делам//Сов. государство и право. — 1975. — № 3. — С. 131—136.
102. Кожухарь А. Н. К вопросу о понятии защиты гражданских прав и права на судебную защиту//Вопросы развития теории гражданского процессуального права. — М., 1981. — С. 23—33.
103. Козлов Ю., Донцов С. Возмещение средств, затраченных на лечение граждан, потерпевших от преступных действий//Сов. государство и право. — 1976. — № 9. — С. 132—136.
104. Кокорев Л. Д. Потерпевший от преступления. — Воронеж, 1964.
105. Кокорев Л. Д. Участники правосудия по уголовным делам. — Воронеж, 1971.
106. Кокорев Л. Д. Положение личности в советском уголовном судопроизводстве: Автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. — Л., 1975.
107. Комментарий к Гражданскому кодексу РСФСР. — М., 1982.

108. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. — М., 1971.
109. Комментарий к Уголовному кодексу РСФСР. — М., 1984.
110. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. — М., 1981.
111. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу РСФСР. — М., 1985.
112. Красовичков О. А. Возмещение вреда, причиненного источником повышенной опасности. — М., 1966.
113. Кригер Г. А. Квалификация хищений социалистического имущества. — М., 1974.
114. Крылов И. Ф., Быстрыкин А. И. Розыск, дознание, следствие. — Л., 1984.
115. Кудрявцев В. Н. Объективная сторона преступления. — М., 1958.
116. Кузнецова Н. Ф. Значение преступных последствий. — М., 1958.
117. Кузнецова Л. Г., Шевченко Я. Н. Гражданско-правовое положение несовершеннолетних. — М., 1968.
118. Курляндский В. И. Уголовная ответственность и меры общественного воздействия. — М., 1965.
119. Куроедов В. А. Религия и церковь в советском обществе. — М., 1984.
120. Курс советского уголовного права. — М., 1970. — Т. 3.
121. Курс советского уголовного права (Часть общая). — Л., 1970. — Т. 2.
122. Куцова Э. Ф. Гражданский иск в уголовном процессе. — М., 1963.
123. Лейкина Н. С. Личность преступника и уголовная ответственность. — Л., 1968.
124. Ломко В. А. Применение условного осуждения. — Х., 1976.
125. Мазалов А. Г. Гражданский иск в уголовном процессе. — М., 1967.
126. Мазалов А. Возмещаются ли затраты на лечение и содержание потерпевшего в лечебном учреждении? // Сов. юстиция. — 1970. — № 2. — С. 19—20.
127. Мазалов А. Г. Гражданский иск в уголовном процессе. — М., 1977.
128. Мазалов А. Г. Гражданский иск в уголовном процессе // Проблемы кодификации уголовно-процессуального права. — М., 1987. — С. 78—92.
129. Малейн Н. С. Гражданский закон и права личности в СССР. — М., 1981.
130. Малейн Н. С. Охрана личных (неимущественных) прав граждан / Развитие советского гражданского права на современном этапе. — М., 1986. — С. 203—223.
131. Мальцев Г. В. Социалистическое право и свобода личности. — М., 1968.
132. Маргулов И. Л. Амнистия и помилование // Проблемы совершенствования советского законодательства: Тр. ВНИИСЗ. — М., 1984. — Вып. 28. — С. 181—194.
133. Мартынич Е. Г., Радьков В. П., Юрченко В. Е. Охрана прав и законных интересов личности в уголовном судопроизводстве. — Кишинев, 1982.
134. Матвеев Г. К. Основания гражданско-правовой ответственности. — М., 1970.
135. Матшевский П. С. Ответственность за преступления против социалистической собственности. — К., 1983.
136. Махова Т. М. Гражданский иск в уголовном деле // Комментарий судебной практики за 1984 год. — М., 1985. — С. 154—174.
137. Меркушев М. И. Особенности Уголовного кодекса Белорусской ССР // Особенности уголовных кодексов союзных республик. — М., 1963. — С. 164—183.
138. Методические указания к изучению курса советского гражданского процессуального права. — М., 1974.
139. Миньковский Г. М. Об индивидуальном подходе в предупреждении преступлений несовершеннолетних // Соц. законность. — № 8. — С. 56—59.
140. Миренский Б. А. Теоретические основы совершенствования советского законодательства. — Ташкент, 1983.
141. Миронникова Н. И. Защита имущественных прав граждан, нарушенных незаконными служебными действиями должностных лиц // Пробл. защи-

- ты субъективных прав и сов. гражданское судопроизводство. — Ярославль, 1976. — Вып. 1. — С. 49—60.
142. *Михеенко М. М.* Показывание в советском уголовном судопроизводстве. — К., 1984.
143. *Михлин А. С.* Последствия преступления. — М., 1969. — 104 с.
144. *Мотовиловкер Я. О.* Вопросы дальнейшего совершенствования уголовно-процессуального законодательства. — Томск, 1966.
145. *Мотовиловкер Я. О.* Основные уголовно-процессуальные функции. — Ярославль, 1976.
146. *Нажимов В. П.* Об уголовно-процессуальных функциях//Правоведение. — 1973. — № 5. — С. 73—82.
147. Научный комментарий судебной практики по гражданским делам за 1962 год. — М., 1963.
148. *Никифоров Б. С.* Наказание и его цели//Сов. государство и право. — 1981. — № 9. — С. 10—20.
149. *Никулин Е. С.* Возмещение ущерба, причиненного преступлением государственным и общественным организациям. — М., 1974.
150. *Никулин Е. С.* Возмещение ущерба, причиненного правонарушением. — М., 1983.
151. *Новицкий И. Б., Луц Л. А.* Общее учение об обязательстве. — М., 1950.
152. *Ной И. С.* Вопросы теории наказания в советском уголовном праве. — Саратов, 1962.
153. *Нор В. Т.* Проблеми теорії і практики судових доказів. — Львів, 1978.
154. *Патолін В. А.* Государство и личность в СССР. — М., 1974.
155. *Пашкевич П. Ф.* Судебная защита социалистической собственности//Уч. зап. ВНИИСЗ. — М., 1971. — Вып. 25. — С. 125—134.
156. *Пашкевич П. Ф.* Контроль за условно осужденными и условно-досрочно освобожденными//Сов. государство и право. — 1975. — № 10. — С. 74—78.
157. *Пашкевич П. Ф.* Правомочны ли кассационная и надзорная инстанции изменить или принять новое решение по гражданскому иску в уголовном деле?//Сов. юстиция. — 1972. — № 9. — С. 13—14.
158. *Перлов И. Д.* Судебные прения и последнее слово подсудимого в советском уголовном процессе. — М., 1957.
159. *Перлов И. Д.* Приговор в советском уголовном процессе. — М., 1960.
160. *Перлов И. Д.* Исполнение приговора в советском уголовном процессе. — М., 1963.
161. *Перлов И. Д.* Кассационное производство в советском уголовном процессе. — М., 1968.
162. *Петрухин И. Л., Батуров Г. П., Морщакова Т. Г.* Теоретические основы эффективности правосудия. — М., 1979.
163. *Петрухин И. Л.* Вправе ли кассационная инстанция увеличить сумму гражданского иска по уголовному делу?//Сов. государство и право. — 1966. — № 10. — С. 148—151.
164. *Петрухин И. Л.* Гражданский иск и демократические принципы советского правосудия//Сов. государство и право. — 1973. — № 1. — С. 64—69.
165. *Пинаев А. А.* Уголовно-правовая борьба с хищениями. — Х., 1975.
166. *Позан Ю.* Обязанность заглаживать вред//Рабочий суд. — 1927. — № 18(130). — С. 1386—1390.
167. *Познышев С. В.* Очерк основных начал науки уголовного права. — Общая часть. — М., 1923.
168. *Полубинская С. В.* К вопросу о целях наказания//Проблемы совершенствования уголовного закона. — М., 1984. — С. 96—104.
169. *Понарин В. Я.* Производство по гражданскому иску при расследовании уголовного дела. — Воронеж, 1978.

170. *Понарин В. Я.* Процессуальные права и обязанности участников судопроизводства как гарантия общественных и личных интересов в уголовном судопроизводстве. — Воронеж, 1984. — С. 114—132.
171. *Примаченок А. А.* Проблемы борьбы с преступностью несовершеннолетних. — Минск, 1980.
172. *Пронина В. С.* Комментарий к Положению о комиссиях по делам несовершеннолетних. — М., 1968.
173. *Прогченко Б. А.* Гражданский иск в уголовном судопроизводстве//Советский уголовный процесс. — М., 1986. — С. 286—298.
174. *Радвинские право: Наук.-практ. журн.*
175. *Рахунов Р. Д.* Участники уголовно-процессуальной деятельности. — М., 1961.
176. *Розенбаум Ю. А.* Советское государство и церковь. — М., 1985.
177. *Ромовская З. В.* Защита в советском семейном праве. — Львов, 1985.
178. *Саарсоо Х.* О применении принудительных мер воспитательного характера//Уч. зап. Тарт. ун-та. — 1976. — Вып. 391. — С. 14—18.
179. *Сабитов Р. А.* Уголовно-правовое значение посткриминального поведения. — Омск, 1985.
180. *Савицкий В. М.* Государственное обвинение в суде. — М., 1971.
181. *Савицкий В. М.* Гражданский иск в уголовном процессе//Сов. юстиция. — 1971. — № 16. — С. 23—24.
182. *Савицкий В. М.* Гражданский иск в уголовном процессе//Полянский Н. Н., Строгович М. С., Савицкий В. М., Мельников А. А. Проблемы судебного права. — М., 1983. — С. 109—126.
183. *Самощенко И. С., Фарукишин М. Х.* Ответственность по советскому законодательству. — М., 1971.
184. *Санталов А. И.* Об уголовной ответственности и ее процессуальном выражении//Вест. Ленингр. ун-та. — 1972. — Вып. 4, № 23. — С. 125—129.
185. *Саркисянц Г. П.* Законный представитель несовершеннолетнего обвиняемого в суде. — Ташкент, 1985.
186. *Сборник постановлений Пленума Верховного Суда СССР. 1924—1986.* — М., 1987.
187. *Сборник постановлений Пленума Верховного Суда РСФСР. 1961—1983.* — М., 1984.
188. *Свод законов СССР.* — М., 1984. — Т. 2.
189. *Семернева Н. К.* Опыт изучения эффективности применения мер воспитательного характера//Сб. аспирант. работ Свердлов. юрид. ин-та. — Свердловск, 1968. — Вып. 7. — С. 282—286.
190. *Семернева Н. К.* Условия назначения мер воспитательного характера//Сб. аспирант. работ Свердлов. юрид. ин-та. — Свердловск. — Вып. 8. — С. 155—165.
191. *Семернева Н. К.* Освобождение от уголовной ответственности несовершеннолетних с применением мер воспитательного характера: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Свердловск, 1969.
192. *Сидорова В.* Обобщение судебной практики показало//Сов. юстиция. — 1978. — № 10. — С. 7—8.
193. *Сидорова В. М.* Отсрочка исполнения приговора несовершеннолетнему. — М., 1982.
194. *Систематизированный текст общесоюзных уголовных законов и уголовных кодексов союзных республик.* — М., 1948.
195. *Словарь современного русского литературного языка.* — М.; Л, 1958. — Т. 14—16.

196. Смирнов В. Т., Собчак А. А. Общее учение о действительных обязательствах в советском гражданском праве. — Л., 1983.
197. Собрание постановлений правительства Союза ССР.
198. Собрание узаконений РСФСР. — М., 1929. — № 35. — Ст. 353.
199. Советский гражданский процесс. — М., 1964.
200. Советский гражданский процесс. — М., 1967.
201. Советский гражданский процесс. — М., 1975.
202. Советское гражданское право. Субъекты гражданского права. — М., 1984.
203. Советское гражданское процессуальное право. — М., 1964.
204. Советское гражданское процессуальное право. — М., 1965.
205. Советское уголовное право. Общая часть. — М., 1974.
206. Советское уголовное право. Общая часть. — М., 1977.
207. Советское уголовное право. Общая часть. — М., 1981.
208. Советское уголовное право. Часть общая. — М., 1982.
209. Советский уголовный процесс. — К., 1978.
210. Соломко В. Регрессный иск в уголовном судопроизводстве//Сов. юстиция. — 1970. — № 14. — С. 19—20.
211. Социалистическая законность: Теорет. и науч.-практ. журн.
212. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. — М., 1968. — Т. 1.
213. Строгович М. С. Курс советского уголовного процесса. — М., 1970. — Т. 2.
214. Стручков Н. А. Уголовная ответственность и ее реализация в борьбе с преступностью. — Саратов, 1978.
215. Судебная практика в советской правовой системе. — М., 1975.
216. СЭВ — новый этап сотрудничества. — М., 1986.
217. Тальберг Д. Гражданский иск в уголовном суде или соединенный процесс. — К., 1888.
218. Тарханов И. А. Замена наказания по советскому уголовному праву. — Казань, 1982.
219. Тархов В. А. Ответственность по советскому гражданскому праву. — Саратов, 1973.
220. Темушкин О. П. Организационно-правовые формы проверки законности и обоснованности приговоров. — М., 1978.
221. Титов Н. И. Материальная ответственность работников сельскохозяйственных предприятий. — М., 1978.
222. Тихонов В. Ю. Субъективные права советских граждан, их охрана и защита: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1972.
223. Ткачевский Ю. М. Возложение обязанности загладить причиненный вред//Сов. юстиция. — 1965. — № 20. — С. 16—17.
224. Ткачевский Ю. М. Освобождение от отбывания наказания. — М., 1970.
225. Томин В. Т. Взаимодействие органов внутренних дел с населением в борьбе с преступностью. — Омск, 1975.
226. Тыричев И. В. Принципы советского уголовного процесса. — М., 1983.
227. Уголовно-процессуальный кодекс Украинской ССР: Науч.-практ. комент. — К., 1984.
228. Уголовный и Уголовно-процессуальный кодексы Германской Демократической Республики. — М., 1972.
229. Уголовный, Уголовно-процессуальный и Уголовно-исправительный кодексы Польской Народной Республики. — М., 1973.
230. Устинова В. В., Яковлев Е. Т. Некоторые результаты изучения эффективности применения принудительных мер воспитательного характера//Вопр. борьбы с преступностью. — М., 1969. — Вып. 9. — С. 140—151.
231. Устинова В. В. О характере мер воздействия воспитательного характера, применяемых комиссиями по делам несовершеннолетних к правонарушителям и их родителям//Вопр. борьбы с преступностью. — М., 1971. — Вып. 13. — С. 99—114.

232. Утевский Б. Возмещение имущественного вреда как мера социальной защиты//Еженедельник сов. юстиции. — 1927. — № 35. — С. 1081—1088.
233. Утевский Б. С. Система и виды наказаний в уголовном кодексе//Проблемы социалистического права. — М., 1938. — С. 36—46.
234. Фаткуллин Ф. Н. Обвинение и судебный приговор. — Казань, 1965.
235. Ферри Э. Уголовная социология. — СПб, 1910. — Ч. 2.
236. Фефелов П. А. Общественная опасность преступного деяния и совершенствование системы наказаний//Сов. государство и право. — 1987. — № 12. — С. 93—98.
237. Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения. — М., 1951.
238. Фурман И. С. Гражданский иск в уголовном деле в советском процессе. — Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1955.
239. Хандурин М. I. Регрессный позов у кримінальному процесі//Рад право. — 1980. — № 10. — С. 10—20.
240. Хандурин Н. И. Проблемы теории и практики гражданского иска в уголовном процессе: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — К., 1987. — 23 с.
241. Цестиневич А. Л. Дополнительные наказания в советском уголовном праве. — Калининград, 1980.
242. Чельцов М. А. Гражданский иск в уголовном процессе. — М., 1945.
243. Чельцов-Бebutov М. А. Советский уголовный процесс. — М., 1962.
244. Чернышев А. И. Преступность несовершеннолетних и меры борьбы с ней в СССР. — Томск, 1981.
245. Четкина З. В. Имущественная ответственность за вред, причиненный преступлением несовершеннолетних: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1972.
246. Чечина Н. А., Чечот Д. М. Гражданская процессуальная форма, процессуальные нормы и производства//Юридическая процессуальная форма. Теория и практика. — М., 1976. — С. 173—206.
247. Чечот Д. М. Субъективное право и формы его защиты. — Л., 1968.
248. Чистяков Н. Ф. Верховный Суд СССР. — М., 1984.
249. Чичко В. Н. Гражданский истец и гражданский ответчик на предварительном следствии: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — Саратов. — 1971.
250. Чугаев А. П. Индивидуализация ответственности за преступления и ее особенности по делам несовершеннолетних. — Краснодар, 1979.
251. Шаламов М. П. Гражданский иск в уголовном деле. — М., 1948.
252. Шаргородский М. Д. Наказание по уголовному праву. — М., 1958.
253. Шаргородский М. Д. Наказание, его цели и эффективность. — Л., 1973.
254. Шевченко Я. Н. Правовое регулирование ответственности несовершеннолетних. — К., 1976.
255. Шпилев В. Н. Содержание и формы уголовного судопроизводства. — Минск, 1974.
256. Шубин В. Применение отсрочки исполнения приговора несовершеннолетнему судами РСФСР//Сов. юстиция. — 1968. — № 10. — С. 5—7.
257. Юридична відповідальність (Цивілістичні аспекти). — Львів, 1980.
258. Якуб М. Л. О понятии процессуальной функции в советском уголовном судопроизводстве//Правоведение. — 1973. — № 5. — С. 83—89.
259. Якубов А. Е. Освобождение несовершеннолетнего от ответственности и наказания с применением мер воспитательного характера по советскому уголовному праву: Автореф. дис. ... канд. юрид. наук. — М., 1971.
260. Якубов А. Е. Научно-технический прогресс и проблемы уголовного права. — М., 1975.
261. Якубов Р. Сроки хранения вещественных доказательств//Соц. законность. — 1974. — № 11. — С. 52—54.

262. Яковлев А. М. Борьба с рецидивной преступностью. — М., 1964.
263. Ярошенко К. Б. Специальные случаи ответственности за причинение вреда. — М., 1977.
264. Элькинц П. С. Сущность советского уголовно-процессуального права. — Л., 1963.
265. Элькинц П. С. Цели и средства их достижения в советском уголовно-процессуальном праве. — Л., 1976.
266. Benjamin M. Konfliktkommissionen. Strafrecht. Demokratie. Eine theoretische Untersuchung zur Stellung und zu den Aufgaben der Konfliktkommissionen nach den neuen Strafgesetzgebung der DDR. — Berlin, 1968.
267. Buchholz E., Buchholz I., Dahn U., Friebel W. u. a. Strafrecht. Allgemeiner Teil. Lehrbuch. — Berlin, 1978.
268. Buchholz E., Dahn U., Weber H. Strafrechtliche Verantwortlichkeit und Strafe. — Berlin, 1982.
269. Ciślak M., Murzynowski A. Wynagrodzenie szkody osobie pokrzywdzonej przestępstwem — jego znaczenie w sferze prawa karnego // Studia prawnicze. — Warszawa, 1974. — Nr. 2(40). — S. 45—84.
270. Daczkiwicz W. Zasadzenie odczkodowania z urzedu w Polskim procesie karnym. — Warszawa, 1970.
271. Daczkiwicz W. Naprawienie szkody w prawie karnym. — Warszawa, 1972.
272. Daczkiwicz W. Wykonanie zawiezzonej kary z powodu nienaprawienia szkody // Nowe prawo. — 1974. — Nr. 10. — S. 1256—1268.
273. Dziennik ustaw. — 1969. — Nr. 13. — Poz. 96.
274. Gostyński Zb. Karnopravny obowiązek naprawienia szkody. — Katowice, 1984.
275. Kahane S. L'indemnisation des victimes de l'infraction pénale selon la loi Roumaine // Revue Internationale de Droit Penal. — 1973. — Nr. 1—2. — P. 258—262.
276. Kafarski A. Akcja cywilina w procesie karnym. — Warszawa, 1972.
277. Kafarski A. Zasadzenie odczkodowania z urzedu // Przegląd ustawodawstwa gospodarczego. — 1962. — Nr. 12. — S. 67—82.
278. Luther H., Weber H. Die Entschädigung des durch eine Staftat verletzten // Revue Internationale de Droit Penal. — 1973. — Nr. 1—2. — P. 10—19.
279. Rużek A. L'indemnisation des victimes de l'infraction pénale // Revue Internationale de Droit Penal. — 1973. — Nr. 1—2. — P. 274—287.
280. Solnar V. Československé trestní právo. Svazek 1. Obecna část. — Praha, 1964.
281. Ustawa o postępowaniu karnym z dnia 23 Maja 1983 r. — Kraków, 1984.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	3
Глава I. Сущность и средства защиты нарушенных преступлением имущественных прав в советском уголовном процессе.	7
Имущественные последствия преступления и способы их устранения в уголовно-процессуальной форме	7
Вопрос о защите нарушенных преступлением имущественных прав как уголовно-процессуальной функции	18
Глава II. Защита нарушенных преступлением имущественных прав посредством гражданского иска.	25
✓ Понятие гражданского иска в уголовном процессе и его правовая природа.	25
✓ Предмет и основание гражданского иска в уголовном процессе	38
✓ Субъекты гражданского иска в уголовном процессе	59
Актуальные вопросы производства по гражданскому иску	84
Глава III. Возмещение материального ущерба по инициативе суда	103
Сущность, правовая природа и особенности возмещения ущерба по инициативе суда	103
Процессуальные предпосылки возмещения ущерба по собственной инициативе суда	119
Возмещение ущерба по инициативе суда в динамике уголовного про- цесса	130
Специальные случаи возмещения ущерба по инициативе суда	138
Глава IV. Защита имущественных прав посредством реституции	151
Сущность и значение уголовно-правовой реституции	151
Условия реализации уголовно-правовой реституции.	164
Процессуальный порядок реституции объектов (предметов) преступ- ного посягательства.	169
Глава V. Уголовно-правовая обязанность устранения причиненного преступлением имущественного вреда	186
Вводные замечания	186
Сущность и функции уголовно-правовой обязанности устранения имущественного вреда.	191
Содержание уголовно-правовой обязанности устранить причиненный имущественный вред.	200
Уголовно-процессуальные аспекты возложения обязанности за- гладить причиненный вред.	237
Уголовно-правовая обязанность возместить причиненный материаль- ный ущерб в законодательстве иных социалистических стран (срав- нительный анализ)	257
Список использованной литературы.	265

Нор Василий Тимофеевич

**ЗАЩИТА
ИМУЩЕСТВЕННЫХ
ПРАВ
В УГОЛОВНОМ
СУДО-
ПРОИЗВОДСТВЕ**

Художественный редактор *Е. В. Чурий*
Технический редактор *С. Ф. Бархатова*
Корректоры *Н. С. Королева, Е. М. Алексеева*
Оператор *Н. П. Довлежукеева*

ИБ № 12825

Подписано в печать 11.01.89. БФ 03508.
Формат 84 X 108^{1/2}. Бумага офсетная № 2.
Гарнитура Пресс-Роман. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 14,49. Усл. кр.-отт. 14,49. Уч.-изд. л. 18,97.
Тираж 1850 экз. Изд. № 8488. Заказ № 9-23
Цена 4 р.

Головное издательство
издательского объединения «Выща школа»,
252054, Киев-54, ул. Гоголевская, 7

Напечатано с оригинала-макета,
подготовленного в Головном издательстве
издательского объединения «Выща школа»
в Киевской типографии научной книги,
152004, Киев-4, ул. Ретина, 4